

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 3(46)/10

Scientific journal

Philosophy. Sociology Series

Moscow 2010

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 3(46)/10

Научный журнал

Серия «*Философия. Социология*»

Москва 2010

УДК 309
ББК 66.0я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редколлегия серии «Философия. Социология»:

Ж.Т. Тощенко
Н.М. Великая
И.О. Шевченко
Е.А. Колосова

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	11
--------------------	----

История и методология социологии

<i>Н.В. Романовский</i> Социология и история: перспективы взаимодействия	13
---	----

<i>А.В. Стрельникова</i> Вторичные данные как информационный ресурс: специфика и порядок работы	30
---	----

<i>А.А. Голосеева</i> Критика позитивизма в работах Н.К. Михайловского	44
---	----

Политическая социология и идеологический процесс

<i>Н.М. Великая, Б.П. Гуселетов</i> Глобальная социал-демократия в контексте глобализации	59
--	----

<i>Е.А. Китайцева</i> Левая идеология в партийной структуре современной России	74
---	----

<i>В.А. Белов</i> Идеология и социальные вызовы современной национальной политики	82
---	----

Новые явления в общественном сознании и социальной практике

<i>Ж.Т. Тощенко</i> Кентавр-проблема как форма парадоксальности	95
--	----

<i>О.Н. Козлова</i> Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке	113
--	-----

<i>М.В. Вельмакин</i> Толпа как инструмент охлократических устремлений	131
---	-----

<i>Г.В. Тартыгащева</i>	
Демагогия – форма деформации общественно-политической жизни ...	144
<i>А.О. Смирнова</i>	
Социальное одиночество: сущность, типы, причины, методы преодоления	161
<i>У.В. Мызникова</i>	
Эффект ореола в общественном сознании	176
<i>Т.В. Латышева</i>	
Феномен готической субкультуры: содержание, черты и восприятие студенческой молодежью	190
<i>Е.И. Потоцкая</i>	
Феномен хамелеона в современной России	208

Социокультурные проблемы в современной России

<i>С.Н. Майорова-Щеглова</i>	
Молодое поколение и новые средства массовой коммуникации: мифы и реальность	224
<i>И.В. Петрушин</i>	
Мировой экономический кризис и особенности иммиграции в Россию	231
<i>А.Я. Макаров</i>	
Социокультурная адаптации детей мигрантов в сфере образования: европейский опыт и Россия	243
<i>А.А. Смирнов</i>	
Социальный престиж интеллигенции в бюджетной сфере современной России	257
<i>С.Л. Верховский</i>	
Специфика формирования организационной культуры в малом и крупном бизнесе	263
<i>Л.В. Семенова</i>	
Коммунальная сфера в России: взаимодействие власти, бизнеса и гражданского общества	270

Социология семьи

<i>И.О. Шевченко</i>	
Институт отцовства: состояние, тенденции, проблемы	278
<i>В.И. Горбачева</i>	
Реакция матерей на матримониальные устремления взрослых дочерей	287
<i>Е.А. Колосова</i>	
Практики семейного чтения как факторы ранней социализации современных российских детей	296
Abstracts	304
Сведения об авторах	314

CONTENTS

From editor	11
-------------------	----

History and Methodology of Sociology

<i>N.V. Romanovskiy</i> Sociology and history: Prospects of interaction	13
--	----

<i>A.V. Strelnikova</i> Secondary data as information resource: The specificity and working stage	30
---	----

<i>A.A. Goloseyeva</i> Criticism of positivism in the works of N.K. Mikhaylovsky	44
---	----

Political Sociology and Ideological Process

<i>N.M. Velikaya, B.P. Guseletov</i> Global social-democracy in the modern ideological discourse	59
---	----

<i>E.A. Kitaitzeva</i> Left ideology in political system of modern Russia	74
--	----

<i>V.A. Belov</i> Ideology and social challenges of the modern national policy	82
---	----

New Developments in the Public Consciousness and Social Practice

<i>Zh.T. Toshchenko</i> Centaur-problem as the embodiment of paradoxical development of Russian society	95
---	----

<i>O.N. Kozlova</i> Manipulation with consciousness and subject in the XXI century	113
---	-----

<i>M.V. Velmakin</i> Crowd as a tool of ohlocratic aspirations	131
---	-----

<i>G.V. Tartugasheva</i>	
Demagogy as a form of disorganisation of a sociopolitical life	144
<i>A.O. Smirnova</i>	
Social loneliness: nature, types, causes, ways of overcoming	161
<i>U.V. Muznikova</i>	
Halo effect in the public consciousness	176
<i>T.V. Latusheva</i>	
Phenomenon of the gothic subculture: The content, features and perceptions of students	190
<i>E.I. Pototskaya</i>	
Phenomenon of chameleon in modern Russia	208
Social and Cultural Problems of Modern Russia	
<hr/>	
<i>S.N. Maiorova-Sheglova</i>	
Young generation and new types of masmedia communications: Myths and reality	224
<i>I.V. Petryshin</i>	
The world economic crisis and characteristics of immigration in Russia	231
<i>A.Y. Makarov</i>	
European experience of social and cultural adaptation of migrants' children in the sphere of education	243
<i>A.A. Smirnov</i>	
Social prestige of intellectuals of a government-financed organization in modern Russia	257
<i>S.L. Verhovskiy</i>	
The formation of organizational culture in small and large businesses	263
<i>L.V. Semenova</i>	
Utilities in Russia: The interaction of government, business and civil society	270

Sociology of Family

<i>I.O. Shevchenko</i>	
Fatherhood. Actual problems of sociological researches	278
<i>V.I. Gorbacheva</i>	
Mother's reaction on matrimonial aspirations of adult daughters	287
<i>E.A. Kolosova</i>	
Practices of family reading as factors of primary socialization modern Russian children	296
Abstracts	304
General data about the authors	314

От редактора

Очередной номер «Вестника РГГУ» серии «Философия. Социология», подготовленный социологическим факультетом, традиционно охватывает широкий круг проблем. Практически все сферы жизни современного российского общества являются предметом анализа исследователей. Вопросы истории, теории и методологии социологической науки освещены в статьях Н. Романовского, А. Стрельниковой, А. Голосеевой и А. Гуниной.

Специфика политического процесса в Европе и России, тенденции идеологического дискурса в современную эпоху и деятельность отдельных политических партий нашли отражение в статьях Н. Великой, Б. Гуселетова, В. Белова и Е. Китайцевой. Авторы обращают внимание на актуализацию левой идеологии в мировом политическом дискурсе и в России, показывают трансформацию идеологических концептов левых движений, рассматривают новые политические практики в глобализирующемся мире.

В разделе «Социокультурные проблемы в современной России» анализируются миграционные процессы и проблемы адаптации мигрантов в Москве (статьи аспирантов И. Петрушина и А. Макарова), особенности коммуникации в современном обществе и тенденции информационной среды молодежной аудитории (статья проф. С. Щегловой), состояние социокультурной сферы в Российской Федерации и положение бюджетников в социальной структуре общества (А. Смирнов), рассматриваются проблемы современной российской организационной культуры (С. Верховский).

В отдельный раздел включены статьи, посвященные проблемам социологии семьи и детства, написанные В. Горбачевой, И. Шевченко, Е. Колосовой. В них рассматриваются проблемы материнства и отцовства, особенности взаимоотношений между родителями и детьми, между родителями после развода, а также социальные практики чтения, играющие важную роль в социализации членов семьи.

СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Статья посвящена истории взаимодействия социологии с исторической наукой. Показано развитие исторической социологии за рубежом и в России, процесс историзации социологии и «исторический поворот», анализируется комплекс внутренних и внешних по отношению к социологии факторов ее развития в прошлом и настоящем, а также обозначенные в изученной литературе перспективы. Автор рассматривает определения возникающих в этом контексте терминов и понятий, освещает сопутствующие подвижки в социологической науке.

Ключевые слова: историческая социология, историзация социологии, междисциплинарные взаимодействия, новая терминология, исторический поворот, методологическая стратегия, факторы роста социологии.

У Российского государственного гуманитарного университета давние традиции глубоких исследований в области исторических наук. С учетом этого обстоятельства взаимодействие истории с другими социальными и гуманитарными науками могло бы дать кумулятивный эффект повышения качества подготовки как историков, так и социологов. Но годы преподавания в университете не дают оснований для оптимизма: активных взаимодействий социологии с исторической наукой не отмечалось. Ни организаторы учебного процесса, ни студенты не горят желанием осваивать междисциплинарные аспекты профессиональной подготовки. Да и во всей университетской России положение примерно такое же. Публикаций по этой проблематике немного. Историки погружены в свои проблемы, социологи – в свои. А парадокс ситуации в том, что на всем протяжении параллельного существования обе науки продуктивно и активно взаимодействуют. Обзор этих взаимодействий и их перспективы и образуют предмет данной статьи.

Когда О. Конт (1798–1857) продумывал контуры создаваемой науки социологии или социальной физики, социальной физиологии, некоторые аспекты хода его мыслей с современной точки зрения не представляются вполне последовательными. С одной стороны, он не включает историю в свою систему наук. С другой – Конт отзывается о социологии как истории без имен и дат, – оценка истории здесь вполне высокая. Ценность истории для социологии у него предопределена тем, что история хранит комплекс сведений о прошлом человечества, групп, народов и масс; даже история материальной, неживой культуры имеет дело с творениями рук человеческих. Отбрасывая метафизические подходы предшественников-философов, он как бы не обращает внимания на метафизику (своего рода) исторической науки²: прошлое неподвластно человеку, непознаваемо и неисчерпаемо.

Однако несомненно, что взаимоотношения, взаимодействия истории с социологией начались с первых моментов существования социологической науки. В структурных разделах социологического знания, как их формулировал Огюст Конт, в специально разработанной им исследовательской методике историческое знание, исторические данные, знание и понимание генезиса объекта изучения заняли ведущее место. Он исходил из того, что исторический и сравнительно-исторический подходы являются общенаучными. Похоже, он не сомневался в том, что социология имеет возможности черпать из исторических знаний необходимые ей точные, подобные естественно-научным, факты, формулировать на их основе законы человеческого общества.

Со второй половины XIX в. историческая наука стремительно расширяет свои исследовательские горизонты: возникает и растет внимание к проблемам, ранее не находившим места в трудах профессиональных историков, включая социальные проблемы; к началу XX в. складывается новое направление исторической мысли – социальная история. Эта дисциплина исследует практически те же проблемы, которыми занимается социология: общественные классы и группы, общественное сознание и поведение, социальную мобильность, факторы динамики общественного развития, ценности и предпочтения людей и т. д. Показательно, что позже, на протяжении XX в., историки эффективно осваивали исследовательские методы (контент-анализ, построение моделей и др.), выработанные социологией, а также терминологию, понятийный аппарат социологической науки.

Действительно, в ретроспективе взаимодействие истории, социальной истории и социологии выглядит многообещающим. Предшественники социологии в качестве эмпирического мате-

риала пользовались данными современной им истории, сравнениями из истории других стран, народов и времен, собственным жизненным опытом, который в сущности является и осмыслением и пережитого, и опытом истории. Уже в древности в зародышевой форме обозначились критерии достоверности социальной информации. У античных авторов есть комплекс содержательных суждений о надежности воспроизводимых ими сведений. «Отец истории» Геродот всю жизнь накапливал материал для обобщений, лично наблюдал доступное, выявляя отличия, проводил сравнения во времени, пространстве, по этносам и странам. Сравнение (современная компаративистика) в недифференцированном научном знании древних исполняло одновременно и фактологическую, и философскую (эпистемологическую) функции. Сравнение, кажется, Вольтером истории со складом фактов, откуда мыслитель подбирает необходимые данные, наглядно иллюстрирует это свойство исторической науки. Говоря современным языком, историку необходимы формирование баз данных, накопление, сохранение информации как эмпирической базы научной работы. Собранные данные надо было достоверно представлять, излагать так, чтобы им верили. Отсюда требования, например, к жанру мемуаров (письменно фиксированная память, пережитая история), о чем на пороге Нового времени писал герцог де Сен-Симон: «Такой жанр требует щепетильной точности и достоверности каждого сюжета и каждой черты, умения подавлять в себе ненависть и симпатию, отказа от попыток домысливать то, до чего не удалось докопаться, и приписывать действующим лицам вымышленные взгляды, мотивы и характеры»³. Сен-Симон эти стандарты выдержал, о чем говорит использование 300 лет спустя его многотомных мемуаров Н. Элиасом для написания «Придворного общества».

Другую составляющую взаимодействий обсуждаемых дисциплин иллюстрируют поиски регуляторов, образцов, принципов, «законов» (например, законы войн, без преувеличения, выступали как вопрос жизни и смерти), столь же постоянных, как и законы (часто формулировавшиеся в форме религиозных предписаний, что придавало им известную эффективность) окружающего, физического мира. Изначально авторы религиозных текстов, философы и историки реконструировали прошлое, оценивали настоящее и предсказывали грядущее на основе выражавшихся или подразумевавшихся (имплицитных) социальных ценностей и пред-теорий. К примеру, миф (позднее утопия) – прообраз актуального идеального типа – позволял мыслящему этими категориями ориентироваться в социальном пространстве. В античных философских и исторических трудах давались идеальные типы, образцы-модели:

воин, герой, гражданин, император, слуга, друг, жена и т. п. Многие столетия такую роль модели поведения и воспитания государственных мужей, граждан, читавших эти тексты, воспроизводили, например, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха – своего рода опыт формирования галереи идеальных типажей для практики воспитания исторических, государственных деятелей («Что такое хорошо, и что такое плохо?»: не Плутарху ли подражал В.В. Маяковский?).

Одним из оснований, на котором возникала социология, была целеустановка этой науки на выявление «духа» (закона) истории. Аналогии с законами физического мира казались в начале XIX в. особенно убедительными. К этому времени обозначилась неизбежная смерть философской метафизики как внеэмпирической мудрости и предписаний всевышнего творца мира и человека. Новое слово *социология*, обозначая новую науку, символизировало подход к базам данных, к их наполнению и использованию, аналогичному естественным наукам того времени (хотя в момент появления на свет социологии понятия «естественные науки» еще не было). Социология вначале в облике «социальной физики» (очевидная метафора), претендуя на способность дать истинные ответы на вопросы о сущности и целях бытия человека, приравнивала понимание развития общества к законам физики или математики, например, закон трех стадий О. Конта – в сущности метазакон истории, отразивший и питавший веру (включая самого Конта) в принудительный характер таких законов. Триада Конта в этом смысле и вся его социология были и философией истории – объяснением (и пророчеством) обусловленного «законами» развития человечества от прошлого к настоящему и идеальному будущему. Не удивительно, что к концу XIX в. в научном мире широкое употребление приобрело понятие *историческая социология* – в двойном смысле: 1) как практика использования социологами исторических данных, 2) как конструирование «социологии истории», то есть ее законов и закономерностей.

На всем протяжении второй половины XIX в., однако, представления о структуре научного знания стремительно менялись. История и социология в рамках комплекса гуманитарных и общественных наук уже к концу того столетия претерпели принципиальные перемены и приняли современные формы. Однако среди обществоведов – в значительной мере по инерции – представление об исторической социологии как дисциплине, по преимуществу занятой поиском законов истории и общества, сохранялось еще около полувека. Далеко не только истмат грешил в этом смысле. Практически на десятилетия оказалась забытой новаторская исто-

рическая социология Макса Вебера, стремившегося интегрировать исторические данные в социологический анализ острых современных вопросов.

В России к социологии и исторической социологии с энтузиазмом отнеслись В.О. Ключевский и его столь разные ученики, как П.Н. Милоков, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков. Видный социолог, почетный член АН СССР Н.И. Кареев был убежден в возможности создания теории исторического процесса – свидетельство чему его «Историология» 1915–1916 гг. А.С. Лаппо-Данилевский и Н.И. Кареев активно участвовали в развернувшихся в европейской науке на грани столетий дебатах о методе, сыгравших решающую роль в формировании современных представлений об истории и социологии, гуманитарных и общественных науках. В ряду этих ученых стоит П.А. Сорокин. Оказавшись за океаном, он поддерживал в американской социологии традицию использования исторических данных. Однако потерпела неудачу его «Социальная и культурная динамика»; центральный теоретический тезис этого труда – смена трех форм ценностей – возвращал социологию во времена конструирования законов истории⁴.

В случае с исторической социологией в России активный интерес, активная разработка поля «историческая социология» были в основном связаны с представлениями XIX в. об этой социологической субдисциплине, – то есть поиск законов и закономерностей общественно-исторических процессов. Естественно, в этом качестве историческая социология не могла конкурировать с историческим материализмом и его наследием. Более того, обращение российских социологов в начале 1990-х к эмпирическим социологическим исследованиям (этап, пройденный в США в 1930–1950-е годы, а в Западной Европе несколько позднее) и в Российской Федерации привел к приостановке интереса к прошлому. Концентрирование социологии на современности, о котором в начале 1980-х годов писал Норберт Элиас⁵, и в этом случае очевидно.

В советских условиях попытки наделять социологию (историческую социологию) задачей поиска законов развития человеческого общества сыграли вначале (1920–1930-е годы) роковую, а потом (1960–1980-е) сдерживающую роль в интеграции исторического измерения во все разделы социологических знаний и практик. Тем не менее, в процессе возрождения социологии в СССР делались попытки демонстрировать возможности исторической социологии, перспективность взаимодействия обеих наук⁶.

В постсоветское время, время увлечений свободой полевых исследований, взаимодействия истории и социологии, развитие исторической социологии даже несколько замедлилось. Наметившиеся

в советское время направления изучения этой дисциплины не нашли продолжения. За одним важным исключением: была защищена докторская диссертация А.И. Черных по проблемам исторической социологии на материалах о советском обществе времен новой экономической политики⁷. Когда журнал «Социологические исследования» в 1998 г. сделал попытку оживить усилия отечественных социологов в этой области знания (тематическая подборка в № 5 за названный год), первой серьезной неожиданностью⁸ стало отсутствие сколько-нибудь общепринятого, внятного научного толкования термина *историческая социология*. Литература на русском языке практически ничего не давала; в энциклопедиях приводились противоречивые определения⁹. Поиск в оригинальных иностранных источниках не сразу дал сколько-нибудь внятные результаты; обзор примерно за 10 лет журнала «Journal of Historical Sociology» (Оксфорд) выявил веер подходов и эксплицитных пониманий исторической социологии¹⁰: сколько-нибудь общепринятое понимание этой дисциплины отсутствовало. Критически важным представлялось найти приемлемое содержание именно данного термина (результаты поиска опубликованы¹¹), поскольку широко употреблявшиеся понятия, попавшие даже в словари и энциклопедии, были столь разнообразны и несхожи, что затрудняли понимание проблемы.

Эти обстоятельства вынудили вести поиск, что называется, *ad ovo* – с самого начала, то есть анализировать историю исторической социологии более чем за сто лет, не теряя из виду, как сказал бы Э. Гоффман, задний план – развитие самой социологии и т. д. Именно исторический анализ перипетий социологической мысли выявил, что содержание понятия «историческая социология» существенно менялось во времени. Постепенно становилось ясно, что сама панорама современной исторической социологии – это продукт исторического развития социологии в целом, ибо именно этот процесс и породил мешанину терминов, подходов и содержательного наполнения ключевых понятий. Линия раздела проходила между социологией, искавшей законы общества и истории (то есть, условно говоря, социологией XIX в.), и социологией веберовского типа, стремящейся интегрировать в суждения социолога исторические данные. Две мировые войны, обескровившие социологию в Европе, взлет американской эмпирической социологии в 1930–1940-е годы задержали на несколько десятилетий рецепцию и упрочение в среде социологов веберовского подхода к исторической социологии.

Сложные отношения в послевоенные времена исторической социологии и материнской дисциплины – собственно социологии –

отразились в нелепом эпизоде с несколько преждевременной «смертью исторической социологии»¹². Происходившие тогда перемены в социологии окончательно подвели в итоге черту под представлениями, будто историческая социология призвана находить законы общества и истории. Парсоновское теоретизирование, с одной стороны; следовавшая волна критики, в частности отсутствия эволюционной составляющей в его «системе современных обществ», с другой стороны; веберовский ренессанс – с третьей, развивались параллельно с усилиями группы социологов, которые постепенно обретали статус звезд исторической социологии – Б. Мур мл., Ч. Тилли, Т. Скокпол, Ф. Абрамс, Э. Томпсон, Д. Смит¹³ и другие.

Динамичное развитие исторической социологии в 1980–1990-е годы стало главным доказательством жизнеспособности и силы этой социологической дисциплины. Произошла одна из многих пережитых перемен в современной социологии, получивших название поворотов (англ. – *turns*). (В 2008 г. еще один поворот обозначен П. Штомпкой¹⁴.) «Исторический поворот», как и другие повороты в социальных науках конца XX в., оказал сильное влияние не только на социологию. Но если ограничиваться социологией, то исторический поворот по силе воздействия на нее сравним, пожалуй, только с поворотом культурным (начало которого относят к деятельности в Англии Стюарта Холла), – создание *культуральной* социологии Дж. Александера и его единомышленников. Изучение в рамках *cultural* социологии различий, традиций, их конкретных проявлений в прошлом и настоящем отражено в формировании ряда ключевых понятий современной социологии – «агентность», «структурация» и др.

На первый взгляд, социология постсоветской России заметно отстает от наиболее продвинутых в данном отношении национальных социологий. Действительно, ничего похожего на исторический поворот (как и многие другие повороты) или «золотой век исторической социологии» современная социология нашей страны не пережила. Но в смысле положения с отечественной исторической социологией следует учесть ряд обстоятельств: а) такое положение типично для многих, даже для большинства стран; б) Россия имеет выраженную традицию использования истории отечественными социологами в социологических исследованиях; в) ряд классических публикаций по исторической социологии знакомы в той или иной форме социологическому сообществу России; г) отечественные труды по методике и методологии социологических исследований ориентируют на выявление временного, биографического, исторического контекстов; наконец, д) современная социология

в России может продемонстрировать отдельные первоклассные историко-социологические исследования. Назову только книгу В.В. Волкова, который показал, что развитие капитализма изначально сопровождалось не только определенной религиозной этикой (М. Вебер) или поддержанной государством наукой (Р. Мертон), но в равной мере и преступностью, организованной и на частном, и на государственном уровнях¹⁵. Да, действительно, сегодня российская социология сосредоточивает свои силы на эмпирических исследованиях, накапливает базы данных. Такое положение скорее предшествует развитию и углублению интереса к расширенному освоению пространственного и временного измерений исследуемой социальной реальности.

Обзор данных, полученных в результате изучения роли и места исторической социологии во всей социологической науке, позволил сделать определенный шаг вперед в осмысливании процессов, происходящих в ней в настоящее время. Влияние исторической социологии на социологию показало более четко некоторые существенные грани этих процессов. В этом контексте актуализировалась проблема изучения «историзации» социологии.

Сам факт появления в начале тысячелетия термина *историзация социологии* свидетельствовал о заметном явлении в истории современной социологии. Термин *историзация* подразумевает включение, интеграцию исторического / темпорального измерения во все составные части социологических знаний и практик. Более углубленное изучение развития историзации показало, что этот феномен оказал заметное и разностороннее влияние на социологию. Рост литературы историко-социологического содержания происходил параллельно или одновременно с интеграцией в социологию еще одного фундаментального компонента всякого социального знания – пространственного. В течение буквально нескольких лет сложилась специальная социологическая терминология, в настоящее время употребляемая практически повсеместно. Когда Н. Элиас придумал термин «фигурация», мало кто ожидал появления терминов, относящихся специально к проблемному полю исторической социологии. Однако в процессе историзации соответствующие термины множились. Появились неологизмы типа «неисторические социологи». Новыми представляются такие понятия как «деволюция», «безвременность», или «безвременная теория» (timeless theory), то есть теория, не имеющая элемента времени. К этому ряду принадлежат также понятия «неоизм», «прошлость», «темпоральность», «становление» (becoming), «циклы», «последовательности» и «эмерджентность». Все больше употребляются в социологии такие прежде редко встречавшиеся

слова, как «продолжительность», «большая протяженность во времени» (*long durée*), «ритмы», «клиотерапия», «укорененность (*embeddedness*) традиций, образцов» – последнее чаще всего встречается в контексте суждений о социальных науках не только в социологии. По всей вероятности, дальнейшее развитие социологии приведет к развитию терминологического поля исторической социологии.

Историзация сопровождалась разработкой специальных исследовательских методик, лишь частично позаимствованных из рабочего инструментария историков; большинство методов, которые я имею в виду, являются подлинно социологическими и по происхождению, и по своей сущности. Именно историзация создала импульсы для более широкого использования нарративов, биографий, контент-анализа и изучения случаев (*case studies*), возвращая этим методам равноправное – рядом с анкетными опросами и интервью – место в рабочем инструментарии социолога. Новые грани простых и древних сравнений – компаративов – стали большим вкладом в общее развитие социологии, придав поискам социологов поистине глобальный охват. Настойчивые усилия (и заслуженные награды) Н. Смелзера в направлении превращения социологических исследований по возможности во все более сравнительные, международные и междисциплинарные¹⁶ самым непосредственным образом отражают развитие процессов историзации социологии. В компьютерных исследованиях социологи эффективно используют методики событийно-структурного анализа, сетевые модели, отношенческие модели данных (*relational data models*) и др., о чем подробно пишет в своих работах А.А. Давыдов¹⁷.

В свете роста исторической социологии стало очевидно бессмысленным противопоставлять количественные методы качественным – без их интеграции историческая социология была бы невозможной. Масштабы и интенсивность историзации были самым тесным образом связаны со становлением эры компьютеров и Интернета. Исследователи получили технику и технологии, позволившие им охватывать и обрабатывать ранее немислимые объемы информации, относящейся к прошлому и настоящему, к различным странам и регионам мира.

Специального внимания заслуживает тот аспект бурного роста изучения социологами прошлого, который в результате сформировал специфическую форму исследовательской методологии (можно также говорить о понятиях исследовательской стратегии или дизайна исследования истории). В данном контексте выделяется многолетний творческий опыт, накопленный Чарльзом Тилли (1929–2008). Речь идет, например, о четырех целевых поисковых

установках, предлагаемых вниманию всех, не только исторических, социологов: Тилли их называет социальным критицизмом, идентификацией паттернов, расширением масштаба (scope extension) и анализом процессов¹⁸. Сейчас уверенно можно говорить о том, что историзация целенаправленно применяется как методологическая стратегия. Ей, можно утверждать, близки хорошо известные теории этнометодологии, археология и генеалогия М. Фуко. Социологи, обращающиеся к социологическому анализу прошлого, истории, планируют определенные цели и достигают их в первую очередь на основе анализа данных, относящихся к прошлому. Если попытаться сформулировать соответствующее этим практикам определение, *историзация как методологическая стратегия представляет собой направление и содержательную сторону исследования, реализуемого посредством социологического использования соответствующих данных, почерпнутых из прошлого.*

Крупные социологические теории также оказались под воздействием данного феномена, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссионные публикации в социологических журналах, тематических сборниках. Назову самые важные аспекты воздействия историзации на качественное углубление социологического теоретизирования: 1) в эпистемологии социальной реальности признанной нормой стало требование охвата исследованием времени (и пространства); 2) дебаты по проблемам исторической социологии углубили представления об онтологии ушедших в прошлое социальных фактов, которые исследователь по определению не может наблюдать; 3) общепризнан факт обретения методом сравнения (компаратива) нового качества; 4) много новых аспектов выявлено в объяснении прошлого; 5) историзация в немалой мере содействовала интеграции микро- и макроуровней в социологическом теоретизировании, а также 6) появлению в арсенале социологов ряда конкретных теорий, примером чего служит «социология процессов», разработанная Н. Элиасом.

В теоретической социологии стали нормой историко-социологические исследовательские процедуры: формирование научных представлений об истории исследуемой проблемы, столкновений, взаимодействий классиков социологии по проблематике исследуемого объекта, жизненного пути интервьюируемого лица и т. п. Первостепенное значение приобрело овладение данными истории социологии – классической и современной. Стандартом научного труда социолога-теоретика стало освоение базовых социологических парадигм, наследия опыта предшествующих исследователей, научной литературы и эмпирической информации по изучаемой тематике, демонстрация и интерпретация генезиса предлагае-

мого научного подхода, теории. Выдвижение новых идей, теорий, новаторство социолога предполагают достоверность в анализе применявшихся предшественниками теоретических положений и концепций.

Широкое использование исторических данных позволило социологам поднять уровень научного прогнозирования. Отсутствие эффективных прогнозов развернувшегося в последние годы финансового и экономического кризиса привлекло всеобщее внимание к потенциалу социологии. В частности, сейчас серьезно относятся к предсказанному в 1970-х годах И. Валлерстайном исчерпанию возможностей извлекать капитал из недооплачиваемого труда работников, из безудержной эксплуатации природы и мигрантов из «мировой деревни».

Конечно, процесс историзации социологии двигали вперед живые, конкретные ученые. Большинство крупных современных социологов, включая признанных классиков, активно участвовали в судьбах исторической социологии тем или иным образом. Роберт Мертон написал книгу «На плечах гигантов» о значении для социолога знания истории своей дисциплины. Э. Гидденс и П. Бурдьё, как и многие другие, интегрировали в социологическое теоретизирование идеи К. Маркса. Социологическая традиция такой страны, как Германия, основана на идеях историзма. М. Фуко приобрел известность «археологией» и «генеалогией» знаний, общественных тенденций. Р. Коллинз пытается охватить взором всю мировую философию, создавая свою «социологию философии», и т. д.

Выше отмечалось, что сущность исторической социологии становится понятной как часть преобразований в самой социологии. И еще одним из итогов изысканий в области историзации социологического знания стала обозначившаяся возможность лучшего понимания развития самой социологической науки, объяснение динамики развития социологии в целом, ее современных тенденций и общих моделей развития. Историзация оказалась лишь одним из примеров роста социологии. Интеграция исторических, темпоральных измерений социетальных тенденций в ряд разделов социологического знания по необходимости неизбежно сопровождалась активным обогащением социологии. Так возникла возможность анализа детерминантов современного развития мировой и отечественной социологии.

Заинтересовавший автора данной статьи поворот в этом направлении был результатом аналитической и преподавательской практик. Работы по истории социологии практически всех известных отечественных и зарубежных авторов содержат определенные

белые пятна, что может непреднамеренно порождать неверные представления о развитии социологического знания и профессии. Большинство учебников по истории социологии обсуждают лишь ограниченный набор факторов, реально действовавших в социологии. Как правило, в этих учебниках акцентируются социологические теории, способы теоретизирования, формирующие эти теории влияния, биографические данные о классиках социологии. Поэтому первой проблемой, которую представлялось нужным разрешить, была идентификация всей суммы факторов, которые вместе взятые создают «рост» социологии.

Я не касаюсь здесь вопроса о том, какое понятие наиболее адекватно отражает искомый предмет: рост, эволюция (деволюция – эволюция со знаком минус) или развитие социологии. Действительно, растет ли наука социология, развивается или просто эволюционирует? Эти три термина – возможно, их больше – подразумевают оттенки смыслов, исключительно важные для живой практики, какой она представляется автору из повседневных дел в среде социологов России и знакомства с разнообразными проявлениями социологических практик во всем мире.

По крайней мере, по этой логике студенты и аспиранты, зная «механизмы» роста социологии, лучше поймут возможные точки приложения собственных усилий, наиболее эффективных с точки зрения знания социологии и с точки зрения своего личного, материального благополучия. Дальнейший анализ механизмов и последствий историзации как реальная история социологии прошлого и настоящего выявил взаимосвязанный комплекс факторов,двигающих вперед современную социологию и социальную науку. Уже в первом приближении история социологии предстает не как стихийный рост (эволюция), а как развитие, приводимое в движение не всегда осознанными мотивами действий агентов в поле социологии. Отдельные ученые, международные организации социологов предпринимают в той или иной степени энергичные и эффективные попытки двигать социологию вперед, ускорять ее движение и т. п. Помимо научного знания как такового, развитие социологии обеспечивают повседневные практики социологов, зависящие от индивидуального понимания происходящего, ресурсов, возможностей и способностей, институциональных влияний, взаимодействий с обществом и всем полем научного знания и т. д. Другое дело, что эти практики реализуются в определенных рамочных условиях, составляющих в каждом конкретном случае предмет научного анализа. Этот вопрос в ограниченном объеме (только для России и только для развития теоретической социологии) рассматривался автором данной статьи¹⁹.

Дальнейший анализ развития социологии за время ее существования позволяет выявить и представить некую структуру факторов, которые практически воздействуют (позитивно, негативно или нейтрально) на динамику роста нашей дисциплины, то есть на ее движение вперед (иногда в сторону, редко – назад). Последовали вопросы (и возможность ответов на них): каковы эти факторы, как они соотносятся друг с другом, есть ли возможность измерить силу каждого из них? Ниже предлагаются предварительные ответы.

По содержанию факторы (или влияния) развития социологии можно разделить, как минимум, на две группы. Одна из них складывается из процессов развития собственно социологии, другая – под влиянием сил вне ее. Пока неясно, образуют ли влияния на социологию из других сфер человеческого научного знания особую группу факторов или могут быть отнесены к одной из названных двух. Тем не менее первая группа включает:

1) личные усилия социологов, выраженные в публикациях, теориях, подходах к анализу социальной реальности и т. п. Концентрация литературы по истории социологии на личностях в этом смысле оправданна. Другое дело, на чем концентрировать внимание студентов и аспирантов, изучая творчество классиков социологии;

2) достижения коллективов социологов, социологических школ. Попытки сегодня заявлять о бесчисленных школах там-то и там-то создают «инфляцию». История мировой социологии знает две-три школы, заслуживающие этого определения: Чикагская (до середины 1930-х годов), школа «Анналов» во Франции и школа Франкфуртская в Германии (две последние не чисто социологические);

3) рост популярности социологии. Его создают социологи, их книги, поражающие воображение современников. Одной из первых в их ряду стоит «Самоубийство» Э. Дюркгейма;

4) успехи эмпирической социологии. Данными подобного рода и сейчас интересуются СМИ. Но наиболее эффектны в этом плане прогноз Гэллапом победы Ф. Рузвельта на президентских выборах 1936 г., Хоторнский эксперимент, толчок идее «человеческих отношений» в менеджменте, и др.;

5) новые методы исследований. Упомяну технику выборки, принесшую славу Дж. Гэллапу. В наши дни П. Штомпка свою «третью социологию» связывает с визуальными методами, с фотографированием²⁰;

6) новые социологические теории. В конечном итоге славу и социологии, и конкретным социологам проносили и приносят созда-

ваемые ими теории, выступающие в глазах общества и властей гарантом эффективности науки;

7) соперничество теорий и социологов. Это сфера «повседневности» науки, стимул движения вперед, поиска новых решений и открытий;

8) роль национальных социологических институций – университетов, исследовательских центров, изданий, конференций и конгрессов, профессиональных национальных и международных сообществ – коллегиальные механизмы и «аудиторы» воспроизводства социологов и уровня социологической науки;

9) роль институтов международных; здесь комментарии излишни;

10) достижения других отраслей науки и техники, среди которых физика, которой подражал Конт, компьютер и Интернет, давшие социологам возможность обрабатывать прежде немислимые объемы информации.

Вторая группа, полагаю, могла бы включать:

1) наличие ресурсной базы. Спенсер не написал бы томов своих книг без полученного наследия, а Чикагская школа не расцвела бы без – не в последнюю очередь – миллионных пожертвований Фонда Рокфеллера;

2) социетальные требования. Потребности конкретного общества в первую очередь привлекают интерес ученых, общественности, СМИ, финансируются, попадают в планы научных работ и т. п.;

3) уровни демократического развития конкретных стран. Иллюстрация – запрет социологии в СССР и маоистском Китае;

4) воздействие форс-мажорных обстоятельств – революции, войны, социальные перевороты, диктатуры и т. п. Две мировые войны, например, повернули вспять успешное развитие социологии в странах Европы, включая Россию (здесь вполне развитую к концу XIX в. социологию спустя полстолетия пришлось возрождать заново), создав базу для рывка вперед социологии в США.

Обозначенные выше две группы факторов, можно полагать, близки к тем, которые в истории социологии констатируются с момента ее появления на свет²¹. История социологии, таким образом, – действительно база данных, простирающаяся от Конта, Великой французской революции до современного финансового и экономического кризиса в мире. Эта база данных, на мой взгляд, показывает, что в учебниках социологии недостаточно привлекается внимание студентов к факторам, внешним по отношению к социологии и вообще науке. Динамика развития современной социологии, по всей вероятности, – это конкретное проявление взаимодействий социологии (и как институционального явления, и как суммы

акторов) с процессами в окружающем нас мире. Я имею в виду, прежде всего, феномены, описываемые терминами «глобализация», «кризис», «терроризм», «модерн-постмодерн» и т. п., если упоминать только глобальные тенденции, абстрагируясь от бесчисленных событий в странах и иных тенденций, реально влияющих на социологию конкретных стран.

Перед социологом, естественно, встает вопрос о возможности измерения силы, и названных групп факторов, и каждого отдельного фактора влияния на развитие социологии в прошлом и настоящем. Попытки такого рода проверочных измерений делались мною на протяжении ряда лет с участием студентов 2-го и 4-го курсов РГГУ, изучавших историю зарубежной социологии и историческую социологию. В известном смысле полученные ответы, однако, отражают тройное, по меньшей мере, конструирование представлений студентов по предложенной к измерению проблеме. Во-первых, их знания отражают тот факт, что курс конструировался определенным образом преподавателем, выставляющим студентам сформулированные требования. Во-вторых, ответы студентов строились на остаточных к моменту опроса знаниях по курсу, по поставленным в задании вопросам. В-третьих, определенное влияние на ответы оказали изучавшиеся студентами учебные тексты, литература, в которых, как уже отмечалось, есть определенные перекосы и пробелы.

Первое наблюдение над итогами этих измерений показывает, сколь важны для подобных замеров и вообще обобщений, абстракций такого рода конкретное время и конкретное место. В каждой стране в разное время каждый из названных факторов имел свой конкретный вес и силу, не повторявшиеся и не похожие в ситуациях других стран. Это было реальным камнем преткновения для отвечавших на вопросы анкеты студентов, на которых я тестировал инструмент перед более широким использованием. У студентов обнаружили трудности с соотношением широко известных данных по всеобщей истории с их воздействием на процессы развития социологии. Студенты фокусируют внимание при изучении истории социологии, что отмечалось выше, на теориях и личностях. Между тем, расширение круга проблем, изучаемых в курсе истории социологии, позволяет преподавателю работать на более высоком творческом уровне.

По сравнению с историей наука социология относительно молода; обозначенные выше проблемы носят скорее характер преодолемых «детских болезней». Но что ждет ее впереди? В изученной литературе по историзации социологии обозначен ряд прогнозов ее развития. Так, «ликвидаторские» сомнения в научности

социологии, попытки приравнивать социологию к художественной литературе, основанные на известных уклонах к релятивизму и дискурсивности ряда современных социологов, едва ли перспективны. Более серьезный характер носят прогнозы движения в гуманитарных и социальных науках к единой социальной науке – идея близкая «исторической социальной науке», о которой писал в свое время М. Вебер. Активны сторонники развития различных «трансдисциплинарных исследований» в сферах культуры, СМИ и др. Звучат призывы к обществоведам расстаться со стандартным делением поля научных дисциплин об обществе и человеке. Против такого подхода выдвигается соображение, что при переделе сфер влияния может, как говорится, победить сильнейший, и это не обязательно будет социология. Утверждения, что верх одержит «королева социальных наук» – социология, заклеены как «социологический империализм». Не прекращаются попытки создать метатеории, преодолеть мультипарадигмальности. Разнообразие взглядов на будущее социологии вполне можно считать признаком потенциала этой относительно молодой науки.

Таким образом, историческое и социологическое прочтение развития дисциплины *социология* проясняет и уточняет некоторые ее сущностные проблемы. Обозначаются возможности наращивания исследовательских и аналитических усилий, преподавания социологических дисциплин студентам и аспирантам. Современное социологическое знание органично включило в себя знание о социальной реальности прошлого – от жизненного пути индивидов до глобальных трендов и прогнозов. Владение данными о прошлом существенно обогатило возможности социологов. Взаимодействие социологии с исторической наукой, несомненно, дает кумулятивный эффект.

Примечания

- 1 Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 09-03-00109а.
- 2 Впрочем, он историю к наукам и не относил.
- 3 *Сен-Симон*. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. Кн. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 47.
- 4 Подробнее см.: *Романовский Н.В.* Историческая социология. М.: Канон+, 2009. Гл. 4.
- 5 *Elias N.* Über den Rückzug der Soziologen auf die Gegenwart // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 1983. Jg. 35. No. 1. S. 29–40.
- 6 См., напр.: *Громько М.М.* О некоторых задачах исторической социологии // *Известия Сибирского отд. АН СССР. Серия обществ. наук*. 1967. Вып. 3. № 1;

- Лашук Л.П.* Введение в историческую социологию. М., 1977. Вып. 1–2; *Дробижева Л.М.* История и социология. М., 1971; *Миронов Б.Н.* Историк и социология. М., 1981; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; и др.
- 7 См. монографию: *Черных А.И.* Становление России советской. 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998.
 - 8 Вторая – узкий круг авторов, готовых выступать с публикациями по проблемам исторической социологии.
 - 9 Речь идет, в частности, о статье: *Кудинов В.В.* Социология историческая // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 718 (перепечатывалась в последующих переизданиях словаря).
 - 10 *Романовский Н.В.* Визитная карточка исторической социологии // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 106.
 - 11 *Он же.* Социология историческая // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 527–529.
 - 12 *Barnes H.E.* Historical sociology // Contemporary Sociology / Ed by J. Roucek. L., 1958. P. 266.
 - 13 Подробнее о творчестве авторов этого поколения специалистов по исторической социологии см.: *Миронов Б.Н.* Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 55–63; *Черных А.И.* История и социология – проблемы взаимодействия // Социологические исследования. 2001. № 10.
 - 14 *Sztompka P.* The focus on everyday life: a new turn in sociology // European Review. 2008. Vol. 16. No. 1. P. 23–37.
 - 15 *Волков В.В.* Силовое предпринимательство. М.: Летний сад, 2002. См. также: *Он же.* Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования 1999. № 1; *Volkov V.V.* Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism. Ithaca: Cornell University Press, 2002.
 - 16 *Смелзер Н.* О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 3–13.
 - 17 *Давыдов А.А.* Компьютационная теория социальных систем // Социологические исследования. 2005. № 6; *Он же.* Компьютерные технологии – для социологии (обзор зарубежного опыта) // Социологические исследования. 2005. № 1; и др.
 - 18 *Tilly Ch.* Historical sociology // International encyclopedia of behavioral and social sciences. Amsterdam: Elsevier, 2000. Перевод опубликован в журнале «Социологические исследования» (2009. № 5).
 - 19 *Романовский Н.В.* Теоретическая социология в России – рамочные условия // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 6–12.
 - 20 *Barnes H.E.* Op cit. P. 266.
 - 21 *Подвойский Д.Г.* О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социологические исследования. 2004. № 11.

А.В. Стрельникова

ВТОРИЧНЫЕ ДАННЫЕ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС: СПЕЦИФИКА И ПОРЯДОК РАБОТЫ

В статье проанализированы достоинства и недостатки основных источников вторичных данных: государственной статистики, результатов предшественников и документов (текстов). Сделан вывод о том, что тексты являются наиболее перспективным источником данных с точки зрения вторичного анализа, так как текстовая информация дает уникальную возможность многократного обращения к ней. Также в статье описываются этапы подготовки к вторичному анализу, приводятся примеры стратегий работы с вторичными данными.

Ключевые слова: социологические данные, анализ данных, вторичный анализ данных, методология анализа данных.

Информационный ресурс эмпирического исследования в социологии может быть представлен первичными и вторичными источниками данных. При этом выбор тех или иных методов анализа обычно определяется, исходя из характера данных (количественные базы данных, транскрипты и т. д.) и предполагаемой формы конечного «продукта» исследовательской работы (отчета, научной статьи и т. д.).

Говоря о социологических эмпирических данных, обычно выделяют следующие их разновидности:

- 1) совокупность чисел, характеризующих те или иные объекты;
- 2) множество индикаторов определенных отношений между рассматриваемыми объектами;
- 3) результаты попарных сравнений респондентами каких-либо объектов;
- 4) совокупность определенных высказываний;
- 5) тексты документов;

© Стрельникова А.В., 2010

б) так или иначе зафиксированные результаты наблюдения за невербальным поведением и т. п.¹

Все перечисленные разновидности информационного ресурса эмпирического исследования могут выступать в роли вторичных данных. Сгруппируем их по потенциальным источникам. Это государственная статистика, результаты массовых опросов (данные предшественников) и документы (тексты). Рассмотрим по порядку их достоинства и недостатки.

1. Источники вторичных данных

Государственная статистика. Государственная статистика аккумулирует обобщенные социальные показатели по регионам, отраслям, социальным группам. Полученные данные издаются в виде справочников, аналитических записок, отчетов.

Основным достоинством государственной статистики как вторичного источника является *регулярность предоставления данных* и их широкая *доступность*, а также *длительный опыт накопления материалов*, что позволяет сравнивать разные исторические периоды. Статистические показатели в большинстве случаев уже сгруппированы, нормированы и поэтому достаточно наглядны. Соответственно, их анализ не представляет серьезных трудностей.

Однако у государственной статистики имеется и ряд недостатков. Так, из советского времени идет представление о государственной статистике, как о малодоступном и малонадежном источнике информации. Например, В. Воронков утверждает, что в СССР статистические данные были непригодны для использования из-за повсеместных искажений, в особенности по сельскому хозяйству и вооруженным силам².

Оценивая достоверность как доступной, так и секретной статистики советского времени как крайне низкую, текущее состояние дел считают еще более плачевным. Пессимизм обусловлен тем, что рыночные преобразования разрушили саму систему организации статистики, систему обязательного предоставления отчетности. В результате мы имеем многочисленные свидетельства о приписках и подлогах даже при проведении Всероссийской переписи населения³. Поэтому неудивительно, что исследователи, так или иначе посвященные в практику сбора статистических сведений, называют статистику «главным поставщиком артефактов для политизированной дискуссии о российском обществе»⁴.

Многие исследователи отмечают, что полезность статистических данных является сомнительной, потому что они попросту многое не учитывают. Действительно, на базе статистических трендов

невозможно объяснить серьезные социокультурные трансформации последнего столетия. По мнению З. Баумана, «статистика не схватывает размаха возможностей и беспомощна в отношении динамики их саморазвития и столкновения... все крупные, действительно существенные перемены в нашем столетии произошли неожиданно, ни один из них нельзя было предвидеть и дедуцировать заранее из статистических трендов...». Помимо этого, одним из минусов использования данного информационного ресурса является существенное запаздывание по срокам: в ряде случаев с момента сбора данных и до их обнародования проходит не меньше года. Поэтому такие данные не пригодны, например, для аналитических обзоров текущей общественно-политической ситуации в стране.

Исходя из вышеизложенного, статистические данные в качестве вторичных источников можно применять ограниченно. Их следует дополнять перекрестными данными из массовых или экспертных опросов, соответствующих документов и т. д.

Результаты массовых опросов (данные предшественников).

К этой группе источников мы относим всевозможные результаты социологических обследований, независимо от того, кто их проводил (исследовательская фирма, академический институт, коммерческая организация). Г.Г. Татарова⁵ предлагает более дробную структуру, разделяя данные предшественников на три группы: данные, полученные с помощью вопросников сложной структуры; данные, полученные с помощью вопросников простой структуры; данные бюджетов времени. При этом под вопросниками простой структуры она подразумевает массовые анкеты по изучению общественного мнения (маркетинговые опросы, различные мониторинги и т. д.). В отличие от них, вопросники сложной структуры содержат многоуровневые блоки вопросов (например, по выявлению установок, ценностных ориентаций) и применяются в исследованиях аналитического характера. Для нас основной критерий отнесения в эту группу – наличие данных, выраженных в цифровой форме (собственно баз данных, линейных распределений, мер средней тенденции для групп), поэтому подгруппы по типам вопросников мы не рассматриваем.

Как вторичный источник данные предшественников предпочтительны в тех случаях, когда требуются регулярные описания динамики социально-экономических, социально-политических и других показателей, которые на протяжении длительного времени интерпретируются и переводятся на операциональный уровень по одним и тем же типичным схемам⁶ у большинства исследователей. Удобны они и для использования в учебных целях, например в курсах по анализу данных с применением программного пакета SPSS.

Рассмотрим отрицательные стороны этого источника вторичных данных, которые заставляют более сдержанно относиться к его использованию. Это, в первую очередь, *рассогласованность* выборочной и генеральной совокупностей, проявляющаяся в смещении группобразующих критериев. Так, большинство массовых опросов по-прежнему опираются на традиционные социально-демографические критерии отбора респондентов, в то время как в современном российском обществе одни из них потеряли актуальность, а другие пришли на смену старым. Исследователи-прикладники отмечают, что внутригрупповые различия в стилях жизни и ценностные установки часто более существенны, нежели межгрупповые⁷. Второе возражение связано с таким свойством массовых опросов, как *нивелирование* индивидуальных различий и субъективных характеристик исследуемых людей и групп. Наконец, третье возражение связано с сомнением в *достоверности* данных массовых опросов. Считается, что в последнее десятилетие опросы становятся не столько выражением реального мнения общества, сколько пропагандистской подготовкой к результатам выборов. Отметим, что особые нарекания вызывают политические прикладные исследования, в которых социологические опросы и их интерпретация стали «эффективным, не только оборонительным, но и наступательным, оружием»⁸. Однако выявленные недостатки не являются препятствием для использования результатов массовых опросов в качестве вторичного источника. Было бы неразумно исключать из рассмотрения такой большой и постоянно пополняющийся сегмент исследовательских материалов, как результаты предшествующих исследований. Поэтому перечислением недостатков мы указываем, прежде всего, на необходимость проверки и сопоставления подобных данных перед использованием.

Документы (тексты). К данной группе вторичных источников мы относим документы и тексты (в широком смысле)⁹. Основными характеристиками текстов является их *знаковая природа* (принадлежность к специфической знаковой системе) и наличие определенной *информации*, которая передается посредством данного текста в явной или скрытой форме¹⁰. По типу данных это могут быть печатные и рукописные документы (отчеты, стенограммы, письма, записки, дневники); аудио-, фото- и видеодокументы (кассеты с записью интервью, фотографии); вещественные свидетельства (личные вещи). По содержанию это могут быть биографические данные (личные документы, интервью), дневники наблюдений, ответы на открытые анкетные вопросы, экспертные заключения. Как следует из приведенных примеров, огромные массивы текстовых данных представляют собой опосредованное отражение действительности

и могут аккумулироваться преимущественно с помощью «мягких» (качественных) методов.

Тексты могут создаваться как независимо от исследователя, так и по его инициативе. В первом случае исследователь не может влиять на содержание и качество текстовой информации (эта информация предоставляется независимым от исследователя источником данных), во втором случае текст является непосредственным продуктом взаимодействия с объектом исследования (например, стенограмма глубинного интервью). Существует и третий тип текстов, которые полностью создаются исследователем (дневник наблюдений, этнографическое исследование). Каждый из этих видов текстов характеризуется собственными познавательными и аналитическими возможностями.

Многообразие документов и текстов как потенциальных вторичных данных является одновременно и достоинством, и недостатком. Достоинство заключается в *богатстве смыслов*, которое можно почерпнуть в этом многообразии. Недостаток заключается в необходимости работы с огромным потоком *неструктурированной информации*. Поэтому перед использованием текстовых данных следует обязательно продумать процедуры кодирования (объединения единиц анализа текста в обобщенную категорию или класс с приписыванием кодового значения) и упорядочить этот поток.

Поскольку кодирование служит цели определения места данных в общей картине изучаемой реальности, следует соотносить каждый этап группировки и присвоения кодов с исследовательскими задачами. Как справедливо замечено Ю.Н. Толстой, никакой «поток сознания» не позволит нам говорить о научных выводах, если мы в этом «потоке» не выделили некоторые «жесткие» логические конструкции¹¹. Соответственно, анализ такой информации – дело настолько же увлекательное, насколько и сложное. В большинстве случаев, все сводится к интерпретации текстов. Например, В.В. Семенова вслед за К. Гирцем¹² предлагает использовать тактику *плотного* (или насыщенного) *описания*, в которой кроме фиксации самого события или отношения могут быть выделены: а) его контекст; б) субъективная значимость происходящего для участников действия; в) каким образом происходил процесс¹³. С. Квале говорит о последовательности самопонимания, критического понимания с позиций здравого смысла, и теоретического понимания¹⁴.

В интерпретации текстов полезными оказываются не только творческая интуиция и приемы аналитического раскрытия субъективных смыслов, но и обращение к соответствующим теориям текстовой интерпретации, в особенности к герменевтическому направлению.

Трактовка предмета гуманитарного познания как текста стала оформляться в философии языка В. Гумбольдта и Ф. Шлейермахера. Для нашего исследования принципиально важным является тот факт, что родоначальники этого направления (в особенности Ф. Шлейермахер) уделяли большое внимание тем текстам, которые отделены от исследователя историческими, культурными, языковыми барьерами (так называемые тексты-памятники), тем самым указывая на приоритетность *социально-исторического направления* в интерпретации текстов. Ф. Шлейермахером (и позднее В. Дильтеем) была определена проблематика универсальной герменевтики – направления, стремившегося представить все формы человеческой деятельности как символические тексты, порождаемые в контексте данной культуры и имеющие бесконечное множество прочтений и интерпретаций. Смысл этих текстов чаще всего скрыт от субъекта познания, и его надо распознать, дешифровать, усвоить, проинтерпретировать. При этом обращается внимание на исторический и социокультурный контекст: «Если слово есть принцип культуры, то принципы анализа слова должны быть последовательно распространены на анализ культуры»¹⁵.

Принципы универсальной герменевтики последовательно развивались А. Уайтхедом, Г. Гадамером, П. Рикером. А. Уайтхед и Г. Гадамер обозначили особенности логики понимания (понимание как *присвоение* смысла, полученного в результате объяснения). П. Рикер заострил внимание на проблеме диалектики объяснения и понимания в контексте реконструкции текста как целого. Он подчеркнул посредническую роль текста (диалог между интерпретатором и создателем текста), из которой, в частности, следует, что при интерпретации текста имеет большое значение правильная методика формулировки вопросов по отношению к нему. Поскольку объяснение опирается на гипотезы, реконструирующие смысл текста как целого, возможности для его интерпретаций понимаются как ограниченные только позицией интерпретатора¹⁶.

А. Страус и ряд других исследователей предлагают использовать многоступенчатую процедуру кодирования текстовой информации: *открытое, осевое и выборочное кодирование*, которые соответствуют нескольким этапам прочтения текста¹⁷. Смысл такого многоступенчатого кодирования заключается в постепенном сужении поля анализа: от предельно открытого поиска смысловых единиц текста до узконаправленного, наиболее соответствующего замыслу исследователя. Так, на этапе *открытого кодирования* выделяются тематические категории, которые вытекают из общих исследовательских вопросов и находятся на очень низком уровне абстракции. Затем исследователь должен составить общий список

выявленных тем (они могут и расширять исходные исследовательские задачи) и продолжать работу по их конкретизации. *Осевое кодирование* подразумевает поиск контекстуальных связей между выделенными категориями (устанавливаются причинно-следственные связи, условия появления ключевых категорий и т. д.). *Выборочное кодирование* подразумевает последнее прочтение текста уже с учетом выстроенных категорий и служит для поиска наиболее ярких эпизодов для сравнения частей анализируемого текста.

Мы считаем, что документы и тексты являются наиболее перспективным источником данных с точки зрения вторичного анализа. Текстовая информация дает уникальную возможность многократного обращения к ней и поэтапного решения тех или иных задач. Богатый интерпретативный ресурс документов и текстов особенно эффективен, когда в фокусе исследования «история» одного социального объекта, отдельной личности или малой группы, мотивы, поступки и приписываемые этим поступкам смыслы, когда особую важность имеет исторический контекст социальных действий.

2. Подготовка к работе с вторичными данными

Вторичным анализом называют анализ с использованием вторичных данных, который предоставляет «интерпретации, выводы или знание, дополнительное или отличное от предоставленного в первом отчете по исследованию в целом и его основным результатам»¹⁸. Иными словами, это решение новых задач на базе старых (вторичных) данных. Основная цель вторичного анализа принципиально не отличается от целей любого другого анализа. Это поиск закономерностей, связей между переменными или, в более общем смысле, уменьшение размерности данных, их уплотнение в соответствии с определенными критериями.

С помощью вторичного анализа возможно решение как методических, так и содержательных задач. Это в первую очередь сравнение результатов нескольких исследований; обобщение данных (что называют также метаанализом); изучение временной и территориальной динамики социальных процессов; сравнение различных методик сбора и анализа данных. Например, в исследовании Н.М. Хазеевой «Рейтинг 100 ведущих политиков России: методическая экспертиза» помимо выявления латентных факторов оценки влияния российских политиков проведена детальная оценка качества измерительных процедур, а также даны рекомендации для повышения надежности исследований с примене-

нием рейтинговых методик и экспертных оценок. В исследовании М.М. Малышевой «Профессиональная работа женщин и демографическое поведение: опыт вторичного анализа международных сравнительных исследований» изучается динамика положения женщин на рынке труда в межстрановой и временной перспективе¹⁹. В работах по электоральной социологии И.В. Задорина («Экспертный сценарно-прогностический мониторинг: методологические основания и организационная схема»), Г.М. Орлова и В.Г. Шуметова («Модель электоральных предпочтений: методология построения»), О.Е. Трущенко («Использование вторичного анализа выборочных опросов в социально-проектных исследованиях») предлагаются методические рекомендации к использованию данных социально-политических опросов и экспертных оценок, описываются основные приемы моделирования в политических исследованиях²⁰. Таким образом, помимо экономии ресурсов (что также является немаловажным преимуществом) использование вторичных данных позволяет решать серьезные научные задачи. Более того, уровень обоснованности научных выводов при вовлечении в исследование вторичных данных становится на порядок выше, так как статистическая база в нем может многократно возрасти по сравнению со «срезовым» эмпирическим исследованием и появляется возможность сопоставления согласованных или противоречащих научных результатов, обеспечиваются условия для более корректного использования математико-статистических процедур.

При проведении исследования на основе вторичного анализа предлагается придерживаться следующей схемы:

- 1) четко определиться со спецификой проблемы исследования;
- 2) подготовить предварительный план исследования;
- 3) отобрать подходящие данные в соответствии с проблемой исследования;
- 4) провести первичный анализ (например, закодировать данные, если они находились в архиве в исходном состоянии). Грамотная кодировка и инвентаризация материалов особенно актуальна, если данные являются разнородными (письма, интервью, числовые данные и т. д.) и собирались для других целей;
- 5) осуществить необходимые преобразования данных;
- 6) оценить полноту данных и при необходимости провести дополнительный поиск или сбор данных²¹.

Эффективное использование вторичных данных в социологическом исследовании подразумевает тщательное изучение выбранных массивов с целью оценки их релевантности, полноты, надежности. Исследователю необходимо составить подробное описание исход-

Различие в этапах исследования при использовании первичных и вторичных данных

ных данных и процедур, которые были использованы для приведения данных в соответствие с текущими целями исследования.

Существуют некоторые общие критерии для отбора вторичных данных. Так, Г.И. Саганенко предлагает оценивать пригодность вторичных данных по критерию доступности и надежности. В исследованиях, которые ориентированы на прогноз, критерий надежности исходной информации должен соблюдаться особенно строго²². Что касается доступности данных, то выделение этого критерия, на наш взгляд, является особенно важным в российском контексте: доступность напрямую связана не только с наличием соответствующих источников, но и с умением грамотно их искать. Надежность количественных данных проверяется посредством соответствующих статистических процедур и выявлением воз-

можных источников смещений. Что касается надежности данных «качественного» исследования, то она обеспечивается следующими действиями исследователя: соотношением вторичных данных с реальными событиями, с аналогичными обстоятельствами в жизни других людей, с другими источниками информации и выявлением противоречий.

Для повышения надежности результатов при исследовательской интерпретации данных применяется метод *триангуляции* – перекрестной интерпретации некоторого фрагмента а) разными исследователями, б) при помощи разных методов, в) посредством сопоставления данной ситуации с аналогичными результатами предшественников, г) посредством повторения результатов на том же объекте через определенный промежуток времени²³. Однако противоречия, обнаруженные в ходе такой проверки, не всегда свидетельствуют о непригодности рассматриваемых данных. Например, если респонденты в исходном исследовании по каким-либо причинам давали недостоверную информацию, то анализ этой недостоверности может привести к интересным и содержательным выводам. С. Квале приводит один из таких примеров: жительницы трущоб красочно рассказывали в интервью о грубом унижительном поведении социальных работников, которые их обслуживали, однако эта информация не подтверждалась при проверках. Исследователь решил разобраться и пришел к заключению, что таким экспрессивным способом депривированные члены общества пытаются как-то поддержать свое самоуважение, компенсировать свою зависимость. Этот вывод послужил уточнению гипотез и изменил направленность исследования²⁴.

Для корректного использования вторичных данных важно иметь как можно более полное представление об исходном исследовании (об особенностях выборки, о методах сбора данных, о квалификации исследовательской организации и т. д.). Это помогает выявить возможные ошибки предшественников на той или иной стадии сбора данных, что позволит их оценить и по возможности скорректировать.

На текущий момент наиболее развит анализ вторичных данных в социально-исторических (историческая социология, традиция «устной истории») и социально-демографических исследованиях. Как показывает практика, изменения во времени подвержены и отдельные показатели, и взаимоотношения между переменными. Поэтому введение в исследование исторического контекста связано с признанием ограниченного применения «срезовых» опросов, особенно если дело касается прогнозных целей, изучения причинных связей.

Потребность анализировать данные во временной перспективе породила появление особой – лонгитюдной – исследовательской стратегии, в соответствии с которой данные получаются многократно, в разные моменты времени и часто агрегируются с родственными массивами данных. Разновидности этой стратегии – трендовые, панельные и когортные обследования. При трендовом обследовании проводятся регулярные замеры на выборках, которые строятся из одной и той же генеральной совокупности. При панельном обследовании, введенном в социологическую практику еще К. Лазарсфельдом, проводятся регулярные замеры на одной и той же выборке, «панели». При исследовании когорт отбор респондентов производится из одной специфической группы (например, люди одного и того же года рождения; люди, в определенный год окончившие школу, и т. д.). Измерения («волны») в разные периоды жизненного цикла выделенной когорты позволяют обнаружить перемены в установках, стилях жизни, а в панельных исследованиях, помимо этого, еще и проверить сложные причинные гипотезы с высокой степенью надежности.

3. Data mining: работа с большими массивами вторичных данных

Появление новых направлений в развитии средств и методов обработки и хранения данных обусловлено общим увеличением совокупного массива информационных ресурсов, усложнением их структуры, потребностью в более эффективных аналитических решениях.

Термин data mining можно перевести как «извлечение информации» или «добыча данных». Проблематика data mining, от круга приоритетных исследовательских задач до особенностей практического применения, нашла детальное отражение в работах таких зарубежных авторов, как Р. Блэкхаус, М. Лавелл, Т. Мейер, С. Перес, К. Хувер. Быстрое развитие данного направления в зарубежной исследовательской практике обусловлено высокой актуальностью задач, для решения которых оно предназначено: в определенный момент накопленные информационные ресурсы (как научной, так и коммерческой информации) стали слишком большими для реализации традиционных методов анализа. На больших объемах неоднородных данных (массивы лонгитюдных и кросс-культурных исследований, временные ряды и т. д.) обычные статистические процедуры не всегда эффективны. Проблемы работы с большими массивами встают особенно остро, когда они содержат в себе данные разной степени структуризации: изображения, тексты

интервью, преобразованные числовые данные и т. д., а также когда накопление данных происходило в разные временные периоды (это особенно актуально в условиях стремительного развития информационных технологий и появления альтернативных / конкурирующих программных продуктов и методов обработки данных). Цель data mining состоит в проработке методологии по обращению с подобными данными и в ее практическом применении, то есть в выявлении скрытых правил и закономерностей в наборах таких данных.

Процедуры извлечения данных в самом общем виде повторяют те же шаги, которые проходит исследователь при традиционном анализе данных. Работа начинается с поиска релевантного массива данных и проверки его на полноту, достоверность, надежность. Далее происходит при необходимости вычищение, преобразование имеющихся данных в соответствии с задачами исследователя. После этого задается поиск корреляционных структур, оценка зависимостей между параметрами при условии изменения некоторых модельных параметров. Эти процессы задаются специальными алгоритмами, позволяющими искать закономерности в нескольких структурах данных одновременно, причем возможности специализированных программных пакетов по data mining таковы, что позволяют обрабатывать около миллиона входных переменных с целью определения предикторов для регрессии или классификации²⁵.

Благодаря процедурам data mining становится возможным использование нескольких массивов со сложной структурой в качестве проверки теоретической модели. Специфика задач при работе с огромными массивами заключается в том, что объем и разнородность данных не дают возможности сформировать рабочие гипотезы. Поэтому распространенной задачей извлечения данных является поиск каких-либо элементов структуры, шаблонов данных, согласованных сгруппированных значений.

Таким образом, использование вторичных данных позволяет не только экономить материальные и временные ресурсы, но и решать серьезные научные задачи. Введение в оборот вторичных данных дает возможность сопоставления научных результатов, позволяет обеспечить условия для более корректного использования математико-статистических процедур. Водораздел между использованием первичных и вторичных данных пролегает между отбором и инвентаризацией релевантных данных. Если в первичном исследовании полевые данные заведомо являются «подходящими», то для вторичного анализа необходимо не только осуществить отбор релевантных массивов, но и провести серьезную работу с этими массивами.

вами. Использование вторичных данных является логичным и закономерным при проведении многоцелевых, междисциплинарных исследований.

Примечания

- 1 *Татарова Г.Г.* От постулатов эмпирической социологии к методологии анализа данных // Социология: 4М. 1999. № 11. С. 51–71.
- 2 *Воронков В.* За пределами публичного пространства (рефлексия социолога) // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 84–94.
- 3 *Калимуллин Т.Р.* Как проходила перепись населения в 2002 г.: наблюдения участников // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 1. С. 147–157.
- 4 *Воронков В.* Указ. соч. С. 84–94.
- 5 *Татарова Г.Г.* Методология анализа данных в социологии: (Введение). 2-е изд., испр. М.: Nota Bene, 1999.
- 6 Например, *удовлетворенность работой* традиционно разбивают на такие эмпирические индикаторы, как удовлетворенность заработной платой, удовлетворенность отношениями с коллегами, удовлетворенность отношениями с начальством, удовлетворенность оборудованием рабочего места и т. д. Однако далеко не все социальные показатели могут интерпретироваться столь однозначно.
- 7 *Задорин И.В.* Экспертный сценарно-прогностический мониторинг: методологические основания и организационная схема // Вопросы социологии. 1994. Вып. 5. С. 27–49.
- 8 *Воронков В.* Указ. соч. С. 84–94.
- 9 В. Кузнецов, известный специалист в области философии языка, определяет тексты как знаково-символические информационные системы разнообразного происхождения и предназначения, которые «являются результатом познавательно-созидающей, творческой и производственной деятельности живых существ». См.: *Кузнецов В.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления // Логос. 1999. № 10. С. 44.
- 10 Там же. С. 43–89.
- 11 *Толстова Ю.Н.* Принципы анализа данных // Социология: 4М. 1991. № 1. С. 51–61.
- 12 К. Гирц подразделяет описания на «тонкие» (простая фиксация наблюдаемых фактов) и «плотные», которые подразумевают вхождение в систему смыслов исследуемых людей (носителей культуры) и их интерпретации. Особенность антропологического знания, по Гирцу, состоит в том, что теоретические выкладки должны быть связаны с интерпретациями культурных явлений; при отрыве от них теория становится слишком абстрактной.
- 13 *Семенова В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

- 14 *Квале С.* Исследовательское интервью / Пер. с англ. М.Р. Мироновой. М.: Смысл, 2003.
- 15 *Кузнецов В.* Указ. соч.
- 16 *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
- 17 *Квале С.* Указ. соч.
- 18 *Сычева В.С.* Метод вторичного анализа // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 46.
- 19 *Мальшева М.М.* Профессиональная работа женщин и демографическое поведение: опыт вторичного анализа международных сравнительных исследований // Социологические исследования. 1984. № 2. С. 65–71.
- 20 *Задорин И.В.* Указ. соч.; *Трущенко О.Е.* Использование вторичного анализа выборочных опросов в социально-проектных исследованиях // Вопросы социального проектирования. М., 1990. С. 24–37.
- 21 *Methods of life course research: Qualitative and quantitative approaches* / Ed. by J.Z. Giele, G.H. Elder. L.: Sage Publications, 1998.
- 22 *Саганенко Г.И.* Компоненты надежности социологического исследования и проблема сравнимости // Сравнительный анализ и качество социологических данных. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- 23 *Семенова В.В.* Указ. соч.
- 24 *Квале С.* Указ. соч. С. 219–220.
- 25 *Spanos A.* Revisiting data mining: “hunting” with or without a license // *Journal of Economic Methodology*. 2000. No. 7. Vol. 2. P. 231–264.

А.А. Голосеева

КРИТИКА ПОЗИТИВИЗМА В РАБОТАХ Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО

Статья посвящена оценке творческого наследия одного из представителей первых русских социологов и основоположника этико-субъективного направления в русской социологии – Н.К. Михайловского.

Рассматривается вопрос об идейной связи русских субъективистов с позитивизмом. Дается анализ критики Н.К. Михайловским учений Г. Спенсера и О. Конта. Делается вывод о том, что ряд программных положений субъективной школы, такие как невозможность объективности научных исследований, необходимость этической составляющей в общественных науках, были выведены из критики позитивизма. Русская субъективная школа воплотила в себе антропологизм, гуманитарную направленность, которые всегда была характерны для русских исследователей и отличали их от западных.

Ключевые слова: история социологии, русская этико-субъективная школа, Н.К. Михайловский.

С зарождением во второй половине XIX в. русской социологии возникла оригинальная школа, получившая название русской субъективной школы в социологии. Одним из самых ярких ее представителей был Н.К. Михайловский.

Надо признать, что судьба научного наследия Николая Константиновича Михайловского довольно трагична. В свое время этот человек был властителем умов, кумиром молодежи, популярность его в дореволюционной России в конце XIX – начале XX в. была огромна. Книги Михайловского имели постоянный спрос, по распродаже одного их издания тотчас предпринималось другое. Дореволюционная критическая литература о нем обширна.

Совсем другая картина сложилась в советские годы. Издание собрания сочинений было прекращено на первом же томе. Затем последовали долгие паузы, совпавшие с периодами сталинского и брежневского правления; даты выхода книг Михайловского говорят сами за себя: 1921, 1957, 1989 гг. Для исследователей тема народничества и его теоретиков также не считалась удачным выбором. Со сталинских времен народники были заклеены как идеологии кулачества, кроме того представители субъективной школы остро полемизировали с марксистами, которые, в свою очередь, оставили о них ряд крайне резких отзывов, ставших каноническими для советских авторов¹. Во времена оттепели обстановка несколько изменилась, утвердилось мнение о близости Михайловского к революционному подполью, о его боевом демократизме. Однако даже после этого, по свидетельству В.Г. Хороса, историк Э.С. Виленская, автор одной из лучших обобщающих монографий о Н.К. Михайловском², с великим трудом «пробивала свою книжку ... безуспешно вела переговоры об издании его работ»³.

После того как марксистская идеология перестала быть в нашей стране единственно возможной, в общественных науках наступило время «собирать камни». Появился обостренный интерес к наследию дореволюционных мыслителей. Небывалый интерес у наших современников вызвала русская религиозная философия, представленная именами П.Я. Чаадаева, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, С.Л. Франка и др. Второе рождение пережила в 1990-е годы теория культурно-исторических типов, разработанная Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым, ставшая одной из основ современного цивилизационного подхода в исторической науке. При этом такие мыслители, как В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, стали «новыми изгоями» как раз в силу того, что их произведения провозглашались предтечами марксизма-ленинизма. В этот же список попал и Н.К. Михайловский – идеолог народников (определенное время имена таких деятелей революционного движения, как Вера Засулич, вызывали чуть ли не насмешку).

Только в начале XXI в. постепенно возрождается здравый исследовательский интерес к Михайловскому, оценки его творчества стали более взвешенными. О Михайловском пишут историки, философы, культурологи, но практически ничего не пишут социологи⁴. А ведь именно Лавров и Михайловский по праву могут считаться первыми русскими социологами.

Социологическая литература в России появилась в последней трети XIX столетия. «Только в конце шестидесятых годов прошлого века стала у нас распространяться идея о необходимости новой

науки, которая должна изучать общественные явления с целью открытия естественных законов этих явлений, по образцу наук, изучающих природу, и вошло в употребление и новое имя этой науки – “социология”, данное ей ее инициатором Огюстом Контом», – писал Н.И. Кареев, сам стоявший у истоков этого движения⁵.

Русская социологическая литература изначально возникла в среде передовой журналистики, и только в следующем десятилетии у социологии появились сторонники среди университетских ученых, также занявшихся пропагандой новой общественной науки. Социологические статьи стали появляться в таких журналах, как «Отечественные записки», «Дело», «Знание», «Критическое обозрение».

Именно в «Отечественных записках» помещалось большинство статей Лаврова и Михайловского. «Первыми русскими писателями по социологии были П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и С.Н. Южаков... Начав действовать в одни и те же годы (1868–1872), они принялись за разрешение, в сущности, одной и той же проблемы, причем работа их получила критический характер по отношению и к Конту, и к Спенсеру, и к дарвинизму в социологии, и по отношению друг к другу ... но это не помешало их выступлениям получить характер некоторой однородности, что дало одному из них, именно Южакову, возражавшему против выражения “субъективный метод”, обозначить все это направление как этико-социологическое», – вспоминал Кареев⁶.

Надо отметить, что социологические работы появляются у Михайловского даже несколько раньше, чем это отмечал Кареев, – в самом начале его литературной деятельности. В 1864 г. он опубликовал в различных журналах цикл статей, посвященных женскому вопросу и проблеме проституции⁷. Особое внимание вызывает статья «К женскому вопросу». Это прекрасная социологическая работа в полном смысле слова. Молодой Михайловский использовал разнообразный эмпирический материал и очень грамотно анализировал его. Там же он высказал свою точку зрения на необходимость использования методов прикладной социологии и особое отношение к этому в России: «Статистика наука молодая, но, несмотря на свою молодость и неразработанность, она успела уже уяснить нам многое, что без нее осталось бы непонятным еще долгое, долгое время... У нас на Руси статистика как наука положительно не существует. Одна из многих причин этого отсутствия состоит в том, что мы не любим выходить из области красноречивой болтовни и вдаваться в сухую материю вроде статистических данных, возле которых неуместны ни восклицательные знаки, ни многозначительные многоточия... Эти данные говорят сами за себя,

а нам самим хочется *поразглагольствовать литературно*, мы любим погорячиться, себя показать, любим, наконец, попереливать из пустого в порожнее... А между тем сравнительно статистический метод ... приводит к результатам в высшей степени интересным»⁸. Поразительно современно звучат эти рассуждения молодого Н.К. Михайловского!

Итак, в чем же причина того, что социологическая концепция Михайловского до сих пор мало изучена, в основном лишь кратко упоминается в учебных пособиях по истории социологии?

Собственные изыскания Михайловский проводил обычно на основе критического анализа современных ему социологических построений. Практически все его программные работы построены по принципу «от противного»: он начинает с критики какой-нибудь работы, а лишь затем выстраивает собственные умозаключения («Что такое прогресс?» посвящена критике Г. Спенсера, «Теория Дарвина и общественная наука», «Аналогический метод в общественной науке. История и метод. Сочинения Александра Стронина» и т. д.). Работа, которая объединяла бы собственную теорию Михайловского, так и не была написана.

Это дает повод некоторым исследователям, например В.В. Козловскому, замечать, что «...социологическое наследие Михайловского обширно, но ... не имеет четкой демаркации между публицистикой, популяризацией идей других ученых и строго научным изложением собственных идей»⁹.

Проблему эту отмечал и В.М. Чернов, чуткий и основательный критик Михайловского, считавший себя его учеником и последователем, чья социологическая деятельность практически полностью и совершенно незаслуженно забыта: «Нелегко сразу ответить на вопросы, каковы основные вехи его (Михайловского. – А. Г.) этического мышления. Нельзя указать ни одной статьи, в которой бы Михайловский не то что систематически развил свою моральную систему, но хотя бы показал ее основной логический скелет. Этическими элементами пропитано все мирозерцание Михайловского, вся его социология, вся его публицистика и литературная критика»¹⁰.

Эту проблему осознал и сам Михайловский. По свидетельству Кареева, он сетовал на то, что приходится бросать многое начатое без уверенности, что к этому опять вернешься, и даже говорил, что мечтал переработать свои издания в одно цельное сочинение, но так и не сделал этого, поскольку, литературный багаж из года в год возрастал, а свободного времени становилось все меньше¹¹. «Между тем ... отсутствие внешнего единства в его социологии мешает правильному пониманию его социологических взглядов

и верной оценке их научного значения не только со стороны читающей публики, но и со стороны критиков», – справедливо замечал Кареев¹².

Действительно, субъективная школа в социологии – яркое и самобытное течение – редко становится предметом самостоятельного изучения: ее обычно воспринимают либо как теоретическое обоснование идеологии народничества, либо как своеобразную интерпретацию позитивизма.

Основные составляющие теории Н.К. Михайловского: этико-субъективный метод в общественных науках, простая и сложная кооперация, теория героя и толпы – составляют оригинальную и цельную социологическую концепцию.

На наш взгляд, одна из методологических проблем, мешающих осмыслению русской субъективной школы как самостоятельного и оригинального течения в социологической мысли, – упорная ассоциация ее с позитивизмом и трактовка как направления русского позитивизма или, в крайнем случае, творческого переосмысления позитивизма. Дискуссия по этому поводу началась еще в конце XIX в. и воспроизводилась в более поздних работах. Если в дореволюционной критике широко обсуждались влияния Канта, Руссо, анархизма Прудона и Бакунина (которые были не менее значимы, чем влияние позитивизма и дарвинизма), то в советской и постсоветской критике они часто игнорируются или лишь изредка упоминаются.

Мы отнюдь не утверждаем, что позитивизм не оказал никакого влияния на русских субъективистов, однако переоценивать данное влияние также не следует. Самое ценное и оригинальное в идеях Михайловского, Лаврова и других представителей этого течения лежит как раз в русле *критики позитивизма*.

Итак, рассмотрим проблему связи русских субъективистов с позитивной социологией более детально.

Типична в этом отношении позиция А.А. Галактионова и П.Ф. Никандрова утверждавших, что «в философии и Михайловский и Лавров были одинаково близки к позитивизму, а в социологии представляли одну школу, получившую название “субъективной”»¹³. Соответственно, между субъективизмом и позитивизмом фактически ставится знак равенства. Кроме того, не совсем понятно, отчего позитивизму отказано в том, чтобы считаться социологическим направлением, а не только философским?

А.И. Юдин также неоднократно подчеркивает, что «позитивизм оказал существенное влияние на Лаврова и Михайловского. Позитивизм, позитивистская социология есть путь расхождения Лаврова с марксизмом, которое у Михайловского стало более явствен-

ным, что привело к открытой полемике с марксистами»¹⁴. «Существенное влияние позитивизм оказал на Лаврова своей *антиметафизической направленностью*»¹⁵. «Михайловский, испытав на себе сильное влияние идей Лаврова, также включил в свой теоретический арсенал идеи позитивистской философии. Причем необходимо отметить, что на Михайловского позитивизм оказал более сильное влияние»¹⁶.

Прежде всего, нам представляется неверным утверждение о «позитивистском» влиянии Лаврова. Еще Э.С. Виленская отмечала, что нередко в советской литературе высказывалось мнение, что в разработке философско-социологических проблем, в том числе позитивной философии О. Конта, Михайловский следовал за Лавровым, поскольку его статья о прогрессе печаталась после позитивистских статей последнего, и в работе «Что такое прогресс?» он цитирует Лаврова. Однако некоторые рецензии и статьи Михайловского в «Книжном вестнике» и других изданиях (до перехода в «Отечественные записки») показывают полную самостоятельность его размышлений над контизмом, их независимость от хода мыслей Лаврова. Кстати, имя Конта и термин «позитивная философия» встречаются у Михайловского даже несколько раньше, чем у Лаврова, – в декабре 1865 г. Исследовательница полагает, что близость воззрений Лаврова и Михайловского в этом вопросе была обусловлена демократической позицией обоих и общим теоретическим источником, переосмысливавшимся применительно к задачам российской демократии¹⁷.

Кстати, расхождения самого Лаврова с позитивизмом, так же как и у Михайловского, были принципиальными. Главным недостатком теории Конта, углубленным его последователями, Лавров считал то, что Конт прилагал к науке об обществе – социологии – тот же и без изменений метод, что и ко всем «низшим» наукам. «Социология в позитивизме, – констатировал Лавров, – есть тоже не иное что, как классификация фактов и явлений в их рациональной зависимости и в их генезисе»¹⁸.

Антиметафизичность, действительно, была характерна для субъективистов, однако, на наш взгляд, не совсем верно относить это на счет одного лишь влияния позитивизма, как утверждает И.А. Юдин.

Действительно, Михайловский неоднократно приветствовал позитивизм как философскую школу, которая «отреклась от метафизики» и основывается на объективном ходе исторического развития¹⁹. Конт, по мнению Михайловского, преодолел умственную анархию, царившую в обществе, поставил философию на почву конкретной науки, тем самым приблизив ее к действительности.

Поэтому «Конт предпринял и совершил дело, поистине гигантское», делал вывод Михайловский²⁰.

С конца 50-х годов XIX в. в России начался период обновления и взлета свободной мысли. Этот процесс захватил и Михайловского. Буквально рядом с ним творили Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Писарев. Вся самая прогрессивная русская мысль была пронизана антиметафизичностью.

Михайловский с большим уважением относился к учению Конта. Однако всегда довольно отстраненно писал о нем, никогда себя с ним не идентифицируя. В одной из декабрьских рецензий в «Книжном вестнике» за 1865 г. Михайловский замечал, что «конттовская теория градации наук, завершающаяся историей и не существующей еще социологией, начинает заявлять свои права»²¹.

В статье «Суздальцы и суздальская критика» Михайловский уже прямо писал о расхождении с основоположником позитивизма. «Когда я познакомился с великими произведениями Конта, – говорилось в этой статье, – я имел на этот счет свои собственные, достаточно уже установившиеся взгляды; я полагал именно и полагаю, что законов прогресса следует искать в развитии самой общности, то есть в развитии и последовательной смене различных форм кооперации. Знакомство с Контом меня в этом не разубедило»²².

Самое главное, что российские социологи XIX в. восприняли у Конта, – необходимость создания новой науки, изучающей общественные процессы.

Все пионеры русской социологии, выступавшие на этом поприще в конце 1860 – начале 1870-х годов (В. Лесевич, А. Стронин, Е. Де-Роберти, П. Лавров, Н. Михайловский, С. Южаков, П. Лиленфельд, Л. Оболенский), каждый, кто для квалификации своих знаний использовал термин «социология», не забывал о том, что они обязаны этим Конту²³.

Критика Н.К. Михайловского в адрес другого позитивиста – Герберта Спенсера – была намного острее.

Н.И. Кареев в своих воспоминаниях описывает такой курьезный случай: «Один студент стал горько мне жаловаться на Михайловского. “Я просто возненавидел его”, – сказал он мне. – “За что?” – “Да как же! Он все бранил Спенсера, так что я не стал его читать, а теперь оказалось из статьи Слонимского²⁴, что сам Михайловский ничего не стоит. А я ему верил, не стал читать Спенсера” и т. д. Пришлось разъяснить ему, что на веру ничего принимать не следует, и что виноват здесь он сам, а не Михайловский»²⁵.

Случай действительно показательный, так как по отношению к Спенсеру Михайловский был настроен крайне критически.

Разумеется, Николай Константинович справедливо иронизировал, когда Спенсер проводил прямые, недвусмысленные и даже просто курьезные параллели между органами живого организма, с одной стороны, и социальными делениями и созданными человечеством учреждениями – с другой. Так, слизистым слоям, питающим организм, он уподоблял управляемых, серозным – правящие классы, кровеносным сосудам – купцов, доставляющих пищу от слизистых слоев к серозным, мозгу – парламент и т. п. Но именно на основе критики Спенсера Михайловский делает собственные оригинальные выводы.

Свою программную работу «Что такое прогресс?» он начал с анализа статьи Спенсера «Полезьа и красота», где среди прочего последний поднимает проблему предвзятого мнения исследователя. Спенсера интересует вопрос, как добиться максимальной объективности исследования. В результате он делает заключение, что как присутствие, так и отсутствие *ложного предвзятого мнения* невыгодно влияет на точность наблюдения: в первом случае наблюдатель невольно поддается своей затаенной мысли и видит вещи не такими, каковы они действительно, а во втором – упускает из виду многое, существенно важное в наблюдаемом явлении. «Все наблюдения, исключая тех, которые производятся под влиянием уже *установленных истинных теорий*, рискуют оказаться извращенными и неполными»²⁶. Михайловский считает, что точка зрения Спенсера однобока; он утверждает, что «человек всегда приступает к исследованию с предвзятым мнением и, смотря по качеству последнего, доходит то до гениального открытия, то до невообразимой нелепости...»²⁷. Его вывод однозначен – *полной объективности в научном исследовании добиться невозможно*. Никакой исследователь не в состоянии избежать субъективной оценки. Отказаться от предвзятого мнения – значит отказаться от всего своего умственного и нравственного капитала, что и невозможно, и было бы невыгодно, если даже допустить возможность такого самоотречения. Особенно очевидным это представлялось Михайловскому на примере того же Спенсера, который подавал как объективную научную истину совсем уж спорные и бездоказательные положения. Речь идет, например, об утверждении, что живопись должна быть исключительно исторической, да и все искусство должно только передавать жизнь прошлого.

Претензия на объективность может помешать именно потому, что полная объективность недостижима. Малейшее разногласие между истинными чувствами, лежащими у социолога в глубине души, его нравственным идеалом и обсуждаемыми им фактами действительности поведет все-таки к открытому применению

субъективного метода, но применению неосознанному и поэтому неудовлетворительному.

Именно так, по мнению Михайловского, и случается со Спенсером, когда он вдруг, «ни с того ни с сего, единственно по внушению безотчетного чувства, отступает от своих приемов и от добытой ими истины»²⁸.

Михайловский замечает, что бессилие объективного метода в социологии, когда на первый план выступают личные симпатии позитивистов, мы можем наблюдать и у Конта. «Конт недаром предостерегал своих учеников, чтобы они не вмешивались в политическое движение, “которое должно для них, главным образом, служить предметом наблюдения” (IV. 165); что не мешало ему тут же громить политический индифферентизм современных представителей науки, “поистине чудовищный” (IV. 158)»²⁹. «Мы, к счастью или к несчастью, не доросли до объективного отношения к фактам общественной жизни, – писал Михайловский, – и субъективная точка зрения сквозит в каждой строке как наших собственных политических писателей, так и большей части тех иностранных авторов, с которыми мы до сих пор знакомы»³⁰. Звучит крайне современно, как и многие другие утверждения исследователя.

В современном политическом дискурсе мы сплошь и рядом наблюдаем, как одни и те же события трактуются и оцениваются совершенно по-разному заинтересованными сторонами. Эксперты высказывают абсолютно различные мнения по одним и тем же проблемам, это касается как текущих, так и исторических событий. Остро стоит проблема «переписывания истории».

Из десятилетий в десятилетия ученые обществоведы приходят к диаметрально противоположным выводам по одним и тем же вопросам, при этом каждый претендует на объективность. В методах любой диссертации непременно вписан принцип объективности. Однако где критерий истинности, как достичь этой объективности, до сих пор неведомо. Проблему эту мало обсуждают, это сложная, неоднозначная проблема. В 90-е годы XX в. историки было взялись обсуждать проблему верификации в истории, но потом бросили, так как пришли к выводу, что никакая достоверность в исторических исследованиях не возможна, и они не имеют смысла. С другой стороны, если ответ не очевиден, не значит, что надо продолжать искать. Иммануил Валлерстайн в ответ на нападки оппонентов, что у него нет детальных и точных ответов на все им же поставленные вопросы любил рассказывать анекдот о пьянице, ищущем что-то под фонарем, Ищет пьяница ключ, хотя потерял его он в другом месте. Но под фонарем-то искать светлее... Так вот, искать надо, говорил Валлерстайн, не только под фонарем.

150 лет назад Н.К. Михайловский впервые почувствовал и озвучил проблему объективности научных исследований.

В свое время Михайловский был многими не понят. Принцип объективности в науке считался для многих незыблемым. По мнению С.П. Ранского, этическая, нравственная оценка – не дело социологии и науки вообще. Михайловский, по его мнению, сводил задачи социологии к задачам религии, а «следует только заметить, что наука никогда ничего не скажет по вопросу о практических “целях”, об идеалах. Она может только открыть законы явлений и дать нам средства к достижению наших целей»³¹.

Не менее категорично высказывался и Н.А. Бердяев: «Он (Михайловский. – А. Г.) вкладывает свое субъективное отношение к общественным явлениям в исследование общественных явлений, которое может быть только объективным»³².

Как же сам Н.К. Михайловский предлагал преодолевать предвзятость подхода ученых?

«Предвзятое мнение, – писал он, – обуславливается двумя элементами: во-первых, запасом предыдущего бессознательно или сознательно приобретенного опыта и, во-вторых, высотой *нравственного уровня исследователя*»³³. Важнейшим для Михайловского кажется второй выделенный им элемент предвзятого мнения – нравственный уровень. «Не столь очевидный в естествознании, он дает себя особенно чувствовать в социологии»³⁴. Здесь мы видим, как он посягнул на другого «кита», который еще долгие годы будет цитом социолога, – безоценочность.

Кроме истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнение социолога должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности, и, смотря по высоте этого идеала, он более или менее приблизится к пониманию смысла общественных явлений. Это суть его *этической концепции*, которую он сам именовал субъективным методом в социологии.

Михайловский восставал против натурализма в социологии. Социальное у мыслителя было тождественно нравственному. Человек не только биологическое, но и нравственное существо, что позволяло по-иному посмотреть на общество и общественное развитие.

Жесткими критиками этической концепции субъективистов выступали представители религиозно-идеалистического направления. Иванов-Разумник, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский всегда подчеркивали, что персонализм и этицизм Михайловского опирался именно на методологию позитивизма.

По мнению В.В. Зеньковского, «Михайловский так и не смог выйти за пределы позитивизма, чтобы метафизически обосновать

моральные искания человека, и оттого построения Михайловского являются таким же выражением “полупозитивизма”, как и воззрения Лаврова»³⁵. (В.В. Зеньковский в своей «Истории русской философии так и озаглавил раздел, посвященный Лаврову и Михайловскому – «Полупозитивизм».) Более того, он полагал, что «Михайловский был, действительно, послушным последователем Конта, Милля и Спенсера»³⁶. Так же, как пламенный персонализм соединялся у Михайловского с бедной, даже убогой антропологией, так же и его страстный этицизм соединялся с достаточно убогим пониманием этической сферы.

Подобная точка зрения, объяснялась тем, что Зеньковский, сам принадлежавший к объективно-идеалистическому, религиозному направлению русской общественной мысли, не мог принять этицизм Михайловского без опоры на христианскую идею. По его мнению, этическая концепция Михайловского – признак внутреннего кризиса его мировоззрения, так как он, будучи человеком глубоко религиозным, пытался в своих научных исследованиях искусственно обойти христианскую этику, но вынужден был искать ей замену.

Данную точку зрения выразил П.Ф. Кузнецов, говоривший, что «русский философ может быть атеистом, позитивистом, материалистом, но он, как правило, невозможен вне соотношения, вне диалога с православной традицией»³⁷.

Религиозным философам было сложно принять глубокую человечность воззрений Михайловского, его подлинный гуманизм в науке, который он действительно не смешивал с религией.

Ярко выраженная гуманитарная составляющая, антропоцентризм – основное расхождение Михайловского с позитивистами. Спенсер гуманитарную составляющую пытался преодолеть: понятие «прогресс», как оно понималось ранее, по его мнению, очень неопределенное, так как «все явления рассматриваются с точки зрения человеческого счастья; только те изменения считаются прогрессом, которые прямо или косвенно стремятся упрочить счастье человека, и считаются они прогрессом только потому, что способствуют этому счастью»³⁸. И потому «наша задача состоит в том, чтобы проанализировать различные классы изменений, обыкновенно называемых прогрессом, а вместе с тем и другие классы, которые сходны с ними, но прогрессом не считаются; при этом мы хотим рассмотреть, в чем состоит их существенная природа, независимо от отношения к нашему благоденствию»³⁹.

Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Спенсер обращается прежде всего к частному случаю – развитию органическому, так как «закон органического развития, есть закон всякого развития». Это и не принимает Михайловский. Для него во всех выводах

Спенсера «все идет как по маслу вплоть до очерка развития социального»⁴⁰.

Для Михайловского прогресс общества немыслим и невозможен без личного развития человека, причем каждого, а не избранных. «Прогресс индивидуальный и развитие общества (по типу органического развития) взаимно исключаются»⁴¹.

Субъективную школу не зря называли «русской субъективной школой». Она воплотила антропологизм, гуманитарную направленность, которые всегда была характерны для русских исследователей и отличали их от западных.

В.В. Зеньковский писал: «Если уж нужно давать какие-либо общие характеристики русской философии ... то я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий. ...Она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории»⁴².

Подобный подход (попытка комплексно подойти к человеку как носителю духовной и физической составляющей без выделения одной из них в качестве ведущей) действительно, был очень характерен для совершенно различных течений русской общественной мысли. В качестве примера можно привести теорию общественного развития Бакунина – один из теоретических источников анархизма. Он также подходил к вопросу общественного развития с позиций антропологического материализма. Общественное развитие Бакунин рассматривал в рамках преодоления «животности» при помощи «мысли и бунта». «Человек – материя, и не может безнаказанно презирать материю. Он – животное, и не может уничтожить свою животность; но он может и должен ее переработать и очеловечить через свободу, то есть посредством комбинированного действия справедливости и разума»⁴³. «Только благодаря общению умов и коллективному труду, мог человек выйти из дикого и животного состояния, составляющего его первоначальную природу или же исходный пункт его развития»⁴⁴. Преодоление «животности» и утверждение «человечности», утверждение разума, свободы и справедливости – такова, согласно логике Бакунина, направленность исторического процесса.

Антропологизм – доминирующий мотив творчества и Н.К. Михайловского, стержень мировоззрения, тот ракурс, сквозь который мыслитель критиковал и оценивал иные направления общественной мысли, в том числе и дарвинизм и позитивизм.

Исследователь полагал, что нравственные и политические науки должны отражать в себе практическую жизнь с ее шероховатостями. Социология никогда не состоится как наука, если не обратится к исследованию и преодолению социальных различий

в обществе. Поэтому первая общая задача современной общественной науки, по его мнению, состоит в определении значения общественных дифференцирований – задача, к которой инстинктивно и потому неопределенно стремились все лучшие люди всех времен.

Опять же вспоминаются слова критика Михайловского, В.В. Зеньковского, который говорил: «В антропоцентризме мысли есть один очень глубокий мотив – невозможность “разделять” теоретическую и практическую сферу. Очень удачно выразил это упомянутый выше Н.К. Михайловский, когда обратил внимание на своеобразие русского слова “*правда*”: “Всякий раз, когда мне приходит в голову слово “*правда*”, – писал он, – я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой... Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. Правда – в этом огромном смысле слова – всегда составляла цель моих исканий”...»⁴⁵.

Подводя итоги наших размышлений о социологических взглядах Н.К. Михайловского, считаем необходимым заметить, что изучение субъективного направления в русской социологии кажется нам крайне актуальным. И поколению современных социологов предстоит отвечать на вопросы, поставленные Н.К. Михайловским.

Примечания

- 1 Г.В. Плеханов посвятил критике субъективной школы целую монографию: *Бельтов Н.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и Ко. СПб., 1906. В.И. Ленин настоятельно проводил мысль, что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономической формации «в корень подрывает» «ребячью мораль» субъективистов, претендующую называться социологией. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 1. С. 134.
- 2 *Виленская Э.С.* Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979.
- 3 *Петрова М.Г., Хорос В.Г.* Диалог о Михайловском // Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995.
- 4 За последнее время по данной тематике защищены следующие диссертации на соискание степени доктора наук: *Блохин В.В.* Становление доктрины «либерального социализма» Михайловского: Дис. ... докт. ист. наук. М.: РУДН, 2006; *Леонтьева О.Б.* «Субъективная школа» в общественной мысли России последней трети XIX – начала XX в.: проблемы теории и методологии истории:

- Дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2005; Юдин А.И. Социальная философия П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского (историко-сравнительный анализ): Дис. ... докт. философ. наук. М.: МГУ, 2000.
- 5 Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб, 1996. С. 27–28.
 - 6 Там же. С. 38–39.
 - 7 Михайловский Н.К. Мужской вопрос или женский? // Русь: Еженедельная газета. 1864. № 18; Он же. К женскому вопросу // Якорь: Еженедельная газета. 1864. № 46, 47; Он же. О мерах к противодействию проституции // Отечественные записки. 1869. № 7.
 - 8 Он же. К женскому вопросу // Полн. собр. соч. СПб., 1913. Стб. 389.
 - 9 Козловский В.В. Социологическое наследие Н. Михайловского // Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии: В 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. XI.
 - 10 Чернов В.М. Михайловский как этический мыслитель // Заветы. 1914. № 1. С. 2.
 - 11 См.: Кареев Н.К. Памяти Н.К. Михайловского // Михайловский Н.К. Герои и толпа. Т. 2. С. 391.
 - 12 Там же.
 - 13 Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX–XIX вв. Л., 1989. С. 669.
 - 14 Юдин А.И. Указ. соч. С. 7.
 - 15 Там же. С. 97.
 - 16 Там же. С. 104.
 - 17 Виленская Э.С. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С. 84.
 - 18 Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения: В 2 т. М., 1965. Т. I. С. 602–603.
 - 19 Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб., 1897. Т. X. Стб. 656.
 - 20 Там же. Т. IV. Стб. 93.
 - 21 Там же. Т. X. Стб. 656.
 - 22 Там же. Т. IV. Стб. 100.
 - 23 См.: Голосенко И.А. Исторические судьбы идей Огюста Конта: трансформация позитивизма в русской социологии XIX–XX веков // Социологические исследования. 1982. № 4. С. 146–152.
 - 24 Слонимский Леонид (Людви́г) Зиновьевич (1850–1918), публицист, с конца 1882 г. стал постоянным сотрудником «Вестника Европы», где печатал статьи по экономическим и общественно-политическим вопросам. Неоднократно выступал с полемическими статьями против представителей субъективной школы: Слонимский Л.З. О теориях прогресса // Вестник Европы. 1889. № 3. С. 266–297; № 4. С. 750–773; Он же. Законы истории и социальный прогресс (по поводу сочинения Н.И. Кареева «Основные вопросы философии истории»). Т. 1–2. М., 1883 // Вестник Европы. 1883. XI. С. 253–282; Он же. Еще раз об «Основных вопросах философии истории» г. Кареева // Вестник Европы. 1884. I.

А.А. Голосева

- 25 *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 197.
- 26 См.: *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? // Михайловский Н.К. Герои и толпа. Т. 1. С. 11.
- 27 Там же. С. 12.
- 28 Там же. С. 133.
- 29 Там же. С. 71.
- 30 Там же. С. 15.
- 31 *Ранский С.П.* Социология Н.К. Михайловского. СПб., 1901. С. 117.
- 32 *Бердяев А.Н.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1901. С. 217.
- 33 *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? С. 12.
- 34 Там же. С. 13.
- 35 *Зеньковский В.В.* История русской философии: В 4 т. М., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 171.
- 36 Там же. С. 181.
- 37 *Кузнецов П.Ф.* История русской философии: состояние и перспектива. Л., 1988; *Он же.* Русская философия как целое // *Философские науки.* 1989. № 8. С. 87.
- 38 *Спенсер Г.* Основные начала. СПб., 1897. С. 159.
- 39 Там же.
- 40 *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? С. 37.
- 41 Там же. С. 38.
- 42 *Зеньковский В.В.* История русской философии. Париж: Умса-press, 1905. С. 18.
- 43 *Бакунин М.* Избранные сочинения. Пг.; М., 1919. Т. 2. С. 86.
- 44 Там же. С. 261.
- 45 *Зеньковский В.В.* История русской философии. С. 19.

Политическая социология и идеологический процесс

Н.М. Великая, Б.П. Гуселетов

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются трансформации социалистической идеологии и факторы, вызывающие актуализацию социалистических ценностей в современной политике. Авторы анализируют процесс эволюции социалистических норм и ценностей в контексте глобализации, деятельность наиболее важных политических субъектов мирового социалистического движения, их программные установки и электоральные успехи в последние десятилетия. Сделан вывод о появившейся возможности для социалистов стать ведущим актором, противостоящим глобализму в мировой политике.

Ключевые слова: социал-демократия, социализм, политические партии и движения, идеология, глобализация.

После недолгого затишья на фронте политической идей идеологический дискурс вновь становится актуальным и востребованным. Глобальный характер текущего финансово-экономического кризиса, его масштабы и последствия, с одной стороны, показали слабость либеральной модели экономики, основанной на незыблемости ценностей свободного рынка и полном невмешательстве государства, а с другой – вызвали интерес к социалистическим идеям. Осмысление результатов и последствий нео-либеральных реформ на фоне разразившегося финансового кризиса все чаще приобретает форму дихотомии социализм–либерализм.

Заметим, что в начале XX в. именно левые выступили с проектами социального переустройства, которые сформировали новую реальность и в социалистическом, и в капиталистическом лагерях. Социализм и социалистические ценности так вписались в политическую практику западной цивилизации, что можно не только

вслед за Р. Дарендорфом назвать XX в. веком социал-демократии, но и веком реализованных социальных утопий.

Крах СССР, разрушение мировой социалистической системы, включение постсоциалистических стран в третью волну демократизации, с одной стороны, а также успехи и эволюция государства всеобщего благосостояния, синтезировавшего принципы либерализма и социал-демократии – с другой, дали основание говорить о снижении роли идеологий в политическом процессе и об уходе идеологии из публичного дискурса. Эта точка зрения не нова и ранее в той или иной интерпретации была озвучена еще Д. Беллом¹ и Х. Арндт². Первый связывал этот процесс с деидеологизацией массовой культуры, которая становится главным инструментом формирования образа жизни, норм, ценностей, а Арндт делала акцент на том, что в плюралистическом обществе, в отличие от тоталитарного, идеология не может стать доминирующей и довлеющей. Квинтэссенция этих идей наша отражение в работе Ф. Фукуямы «Конец истории?»³, где постулировалась мысль о гибели идеологии коммунизма и о переходе к обществу свободной конкуренции разных видов культуры.

Политические тенденции второй половины XX в., связанные с идеологическим сближением консерватизма и либерализма, а затем и либерализма и социализма завершились формированием в Европе государства всеобщего благоденствия. В ходе реформ 1970–1980-х годов, на подъеме рейгономики и тетчеризма, социал-демократия во многом пересмотрела свои традиционные идейные принципы и программные положения. Классическим образцом компромисса между правыми и левыми стал Манифест Блейера–Шредера, принятый в 1999 г. Социал-демократы, пытаясь найти «золотую середину» между интересами общества в целом и отдельных его слоев, провозгласили: «Мы за рынок, но против рыночного общества».

В конце XX в. многие исследователи констатировали серьезный кризис, в котором оказались политические партии, ориентирующиеся на классические идеологические доктрины. Этот кризис выражался в снижении уровня доверия к политическим партиям, в сокращении их численности, в девальвации идеологических ценностей и постулатов. Политическая конкуренция проявлялась не столько как борьба идей и программ, сколько как соперничество имиджей. В этих условиях «партии большинства» стали смещаться к центру политического спектра, пытаясь стать так называемой «catch-all party», а сторонники крайних, радикальных идей постепенно маргинализировались. При этом программы системных партий-оппонентов все меньше отличались друг от друга.

Либералы активно включали в свои программы социальную составляющую, а социалистические и социал-демократические партии Европы фактически отказались использовать даже понятие «социализм». Показательны в этой связи результаты выборов, когда главные конкуренты раз за разом приходят к финишу почти с одинаковым результатом. Такую ситуацию мы наблюдали в США в 2000 и 2004 гг., в Германии в 2005-м, в Италии, Швеции и Мексике в 2006-м, во Франции в 2007 г.

Левые партии, традиционно являющиеся массовыми, тяжелее других партий переживали потерю своего электората и кризис, связанный с поражением на выборах. И хотя социалисты и социал-демократы активно сдвигались от классового подхода во второй половине XX в., пытаясь расширить свой электорат за счет других социальных групп, социалистическая риторика зачастую оставалась невостребованной. Отчасти потому, что в большинстве западноевропейских стран был достигнут сравнительно высокий уровень социальных гарантий и прав, а также из-за того, что на повестку дня выдвигались проблемы регулирования притока иностранной рабочей силы и места страны в новой международной политической и экономической системе, вызванные глобализационными процессами. А эти вопросы были артикулированы главным образом консервативными и правыми партиями.

При этом социал-демократы вынуждены были в том или ином объеме проводить реформы, связанные с менеджеризацией государственного управления, охватившей большинство стран Запада и по сути основанные на неолиберальных ценностях. Здесь можно вспомнить амбициозную программу реформ Agenda 2010, которую выдвигал Г. Шредер. Как известно, эта программа предусматривала отказ государства от многих социальных обязательств в целях экономии бюджетных средств и была по сути продолжением и развитием небезызвестного Манифеста Блейера–Шредера.

Таким образом, можно констатировать, что, добившись реализации своих основных идеологических принципов на национальном уровне, социалисты и социал-демократы оказались не готовы к соперничеству на глобальном уровне. Но к счастью, социалисты и социал-демократы были единственным политическим течением, имеющим собственную влиятельную международную организацию – Социалистический интернационал. Она сформировалась в нынешнем виде в 1951 г. и объединяет сегодня более чем 170 социал-демократических, социалистических и рабочих партий из 131 страны мира. Заметим, что в Социнтерн входят и правящие, и оппозиционные, и внепарламентские партии. И как раз в конце XX в. в руководстве этой организацией пришли такие масштабные

и влиятельные политики, как Вилли Бранд и Пьер Морюа, осознавшие необходимость включения Социнтерна и входящих в него партий в поиск путей и методов решения глобальных социально-экономических проблем с социал-демократических позиций.

Не случайно в конце XX в. во многих ведущих западноевропейских странах к власти пришли социалисты, возглавляемые влиятельными политиками: лейбористская партия Т. Блейера в Великобритании, французские социалисты Ф. Миттерана, немецкие социал-демократы Г. Шредера, шведские социал-демократы Г. Перссона, испанские социалисты Х. Сапатерро и др.

О большом международном авторитете и влиятельности этой организации свидетельствует и то, что многие левые партии пост-социалистического пространства активно включились в сотрудничество с Социнтерном и приложили массу усилий, чтобы стать его полноправными членами. Учитывая, что в конце XX в. социалистическое движение в ряде стран Восточной Европы находилось на этапе становления, в ряде случаев оно носит маргинальный характер, особенно на постсоветском пространстве, что связано с неустойчивостью партийной системы, а также с неспособностью и нежеланием партий и их лидеров консолидировать свои усилия. В результате, хотя в ряде стран действовало даже несколько социалистических и социал-демократических партий, далеко не все эти партии получили статус члена Социнтерна (табл. 1). А вот социалистическое движение в большинстве стран Восточной Европы, несмотря на негативный опыт коммунистической эпохи, смогло институционализироваться, выработать собственную определенную позицию, приобрести электоральный опыт и закрепиться в политической системе в качестве ведущих парламентских партий. Более того, в ряде стран Восточной Европы – в Венгрии, Словакии, Словении, Сербии – социалисты на сегодняшний момент являются правящими партиями.

В то же время в Западной Европе в последние годы социал-демократы и социалисты потерпели ряд существенных поражений на национальных парламентских выборах. Можно вспомнить, что в 2001 г. большинство в парламенте потеряли социалисты Дании, которые удерживали правящие позиции с 1924 г. (очередные выборы 2005 г. не исправили ситуацию). В 2006 г. шведские социал-демократы после десяти лет нахождения у власти потеряли преимущество с перевесом всего лишь 2%. Более того, за последние 70 лет Социал-демократическая партия Швеции не находилась у власти лишь девять лет. Продолжают терять свои позиции в XXI в. и финские социал-демократы, еще недавно твердо удерживавшие ведущие позиции у себя в стране.

Таблица 1

Социалистические партии постсоциалистических стран
в Социнтерне по данным на 2009 г.

Страны	Партии, представленные в СИ	Статус в СИ	Наличие фракции в национальном парламенте
Армения	1	Full member	парламентская
Украина	2	Full member	
Молдова	2	Consultive 1 Observer 1	парламентская
Азербайджан	1	consultative	
Белоруссия	1	consultative	
Россия	1	observer	парламентская
Киргизстан	1	observer	
Литва	1	Full member	парламентская
Латвия	1	Full member	парламентская
Эстония	1	Full member	парламентская
Польша	1		парламентская
Болгария	3	Full members (2) Observer 1	парламентская правлящая в коалиции
Чехия	1	Full member	парламентская
Словакия	1	Full member	парламентская, правлящая
Венгрия	2	Full member	парламентская, правлящая
Румыния	1	Full member	парламентская
Сербия	2	Full member	парламентская, правлящая в коалиции
Черногория	2	Full member, Observer	парламентская
Словения	1	Full member	парламентская
Босния и Герцеговина	2	Full member	парламентская
Хорватия	1	Full member	парламентская
Македония	1	Full member	парламентская

В 2005 г. чуть более 1% уступила своим традиционным конкурентам и Социал-демократическая партия Германии, также находившаяся у власти 10 лет. На выборах в марте 2007 г. она получила лишь 21,4% голосов и 45 мест в парламенте. Серьезное поражение на последних президентских и парламентских выборах 2008 г. потерпели французские социалисты. В 2009 г. внеочередные парламентские выборы проиграли левые в Италии.

Прошедшие в июне 2009 г. выборы депутатов Европейского парламента показали, что практически все общеевропейские партии, кроме Союза за Европу наций (ЕН), потеряли поддержку избирателей. Причем в процентном отношении наибольшие потери понесли социалисты. Если в предыдущем созыве фракция социалистов имела 27,3% мест, то в нынешнем – 21,6% (табл. 2).

Таблица 2

Предварительные итоги выборов в Европарламент 2009 года

Депутатская группа	Общеевропейская партия	Мест в %, 2004	Мест в %, 2009
Всего мест		788	736
ЕНП-ЕД (Европейская народная партия – Европейские демократы)	Европейская народная партия – Европейские демократы	288 (36,6%)	267 (36,3%)
Группа социалистов	ПЕС (Партия европейских социалистов)	218 (27,3%)	159 (21,6%)
АЛДЕ (Альянс либералов и демократов Европе)	Европейская либерально-демократическая и реформистская партия и Европейская демократическая партия	99 (12,02%)	81 (11%)
ЕН (Союз за Европу наций)	Альянс народов Европы и Евродемократы	41 (3,69%)	35 (6,9%)
ЕА-ЭКО (Зеленые – Европейский свободный альянс)	Европейские зеленые и Европейский свободный альянс	40 (5,73%)	51 (4,8%)
ЕКЛЕ (Европейские коммунисты – Европейские левые и зеленые Северной Европы)	Европейские левые, другие левые партии и Северные левые экологисты	36 (5,6%)	33 (4,5%)
НД (Независимость и демократия)	Альянс независимых демократов Европы и Евродемократы	21 (5,05%)	20 (2,7%)
Другие, в том числе независимые		45 (5,71%)	90 (12,2%)

Как полагают, голоса, прежде принадлежавшие социалистам, ныне перераспределились между правыми радикалами, националистами и евроскептиками. Следует отметить, что на итоговые показатели повлиял тот факт, что демократическая партия Италии (*Partito Democratico*), возникшая в результате объединения демократических левых (вошедших в ПЕС) и партии «Маргарита» и получившая 22 места в Европарламенте, сначала не вошла ни в одну фракцию. Однако позже в ходе переговоров Партии европейских социалистов с итальянскими и рядом других независимых депутатов было создано новое объединение – Прогрессивный альянс социалистов и демократов (*Progressive Alliance of Socialists and Democrats – PASD*), куда вошло 184 депутата. С учетом итальянских демократов результат ПЕС составляет 24,6%.

Вопреки прогнозам, слабые результаты показали лейбористы Великобритании, социалисты Венгрии, партия труда Голландии, социалисты Испании, Португалии и Франции. Любопытно, что все эти партии, за исключением французской и голландской, находятся у власти (табл. 3).

Вместе с тем неплохих результатов добились оппозиционные левые партии из Греции (ПАСОК), Дании (СДПД) и Швеции (СДПШ), которые по итогам этих выборов опередили своих основных конкурентов из правого лагеря, также находящихся у власти. Из правящих левых партий успеха добились румынские социал-демократы (СДПР), набравшие 30,8%, что вывело их на первое место, и словацкая партия СМЕРШ, занявшая также первое место с результатом 32,02%, что почти в два раза больше, чем у их оппонентов из Христианско-демократического союза (16,99%). Можно также отметить социал-демократов Чехии (СДПЧ) и Литвы (СДПЛ), которые, хотя и проиграли своим основным конкурентам, тем не менее получили на этих выборах больше мест, чем на прошлых.

В целом европейские выборы существенно не изменили расклад сил в Европейском парламенте, где ведущими фракциями по-прежнему остаются правоконсервативная группа народников и группа социалистов. После окончательного закрепления по политическим группам расклад сил в Европарламенте выглядит следующим образом. Европейская народная партия (EPP) сформировала самое крупное объединение, состоящее из 265 депутатов, в Прогрессивный альянс социалистов и демократов (S&D) вошли 184 человека, Альянс либералов и демократов – Европе (ALDE) объединяет 84 депутата. 4 другие группы не столь многочисленны: Зеленые–Европейский свободный альянс (Greens–EFA) – 55 человек, европейские консерваторы и реформисты (ECR) – 54 человека, Европейские левые и Северные зеленые левые (EUL–NGL) –

Таблица 3

Представительство социалистических левых партий
в Группе социалистов по итогам выборов 2009 г.

№	Страна	Партия	Мест в 2004 г.	Мест в 2009 г.
1	Австрия	Социал-демократическая партия	7	5
2	Бельгия	Соцпартия Валлонии Соцпартия Фландрии	7	5 (2+3)
3	Болгария	Социалистическая партия	5	4
4	Великобритания	Лейбористская партия	19	15
5	Венгрия	Социалистическая партия	9	4
6	Германия	Социал-демократическая партия	23	23
7	Голландия	Партия труда	7	3
8	Греция	ПАСОК	8	9
9	Дания	Социал-демократическая партия	5	3
10	Ирландия	Лейбористская партия	1	2
11	Испания	Социалистическая рабочая партия	24	21
13	Кипр	Социал-демократы	0	1
14	Литва	Социал-демократическая партия	2	3
15	Люксембург	Соцпартия	1	1
16	Мальта	Лейбористская партия	3	3
17	Польша	Союз левых демократов	9	6
18	Португалия	Социалистическая партия	12	7
19	Румыния	Социал-демократическая партия	10	11
20	Словакия	Социал-демократическая партия	3	5
21	Словения	Социал-демократическая партия	1	2
22	Франция	Социалистическая партия	31	14
23	Финляндия	Социал-демократическая партия	3	2
24	Чехия	Социал-демократическая партия	2	7
25	Швеция	Социал-демократическая партия	5	5
26	Эстония	Социал-демократическая партия	3	1
ИТОГО:			218 (788)	159 (736)

35 человек, Европа свободы и демократии (EFD) – 32 человека плюс 27 независимых депутатов.

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на рост протестных движений, связанных с проявлениями кризиса в Европе (рост безработицы, сокращение социальных расходов, снижение доходов и т. д.), социалисты не смогли закрепить свои позиции и увеличить свой политический капитал.

Совершенно иначе складывается ситуация в странах Латинской Америки, которые сегодня становятся центром левого движения. Регион, превращенный после 80-х годов XX столетия в ла-

бораторию неолиберальных реформ, отказывается от модели «капиталистического рая» и все больше смещается в сторону демократизации общественной жизни, кейнсианской экономической системы, обеспечения защиты национальных интересов в глобализирующемся мире.

Растущая популярность президента Венесуэлы Уго Чавеса напрямую связана с проводимой им политикой, направленной на защиту интересов большинства венесуэльцев, что при все растущей его поддержке вызывает настоящее бешенство среди местной экономической элиты и ее североамериканских партнеров. В 2006 г. в самой индейской стране мира Боливии, впервые в истории континента президентом становится индеец Эво Моралес, который также начинает структурные реформы в интересах рядовых граждан. Ровно через год, в январе 2007 г., в другой латиноамериканской стране – Эквадоре – на волне массовых социальных и индейских движений, консолидирующих граждан против неолиберальной политики, становится президентом мало кому известный тогда молодой экономист Рафаэль Корреа. После принесения президентской присяги он объявляет о начале гражданской революции в стране, следует примеру Венесуэлы и Боливии в созыве Конституционной ассамблеи – начального механизма для участия широких слоев населения в управлении страной – и начинает экономические реформы. В январе 2007 г. в Никарагуа к власти возвращаются левые во главе с Даниэлем Ортега – историческим лидером сандинистов, правивших страной с 1979 по 1990 г. В Сальвадоре, являющемся самым густонаселенным и промышленно развитым государством Центральной Америки, на президентских выборах 2009 г. побеждает журналист Маурисио Фунес – кандидат Фронта национального освобождения им. Фарабундо Марти.

В Гватемале социал-демократический президент Альваро Колом предпринимает умеренные попытки достичь хоть немного большего социального равенства в стране, раздираемой контрастом между вопиющей нищетой большинства и оскорбительной на этом фоне роскошью немногих. Он пытается укрепить роль профсоюзов, создать механизмы гражданского контроля над властью и, самое рискованное, – расследовать преступления ультраправых «эскадронов смерти», похитивших и уничтоживших тысячи гватемальских граждан в ходе многолетней гражданской войны между правительством, поддерживавшимся США, и левыми повстанцами.

Конечно, «новому социализму» в латиноамериканском варианте еще очень далеко до системного и рафинированного социал-демократизма европейских левых, однако тенденция в политике и экономике все более очевидна.

Что касается радикальных левых и коммунистических партий, то они очень серьезно пострадали после распада Советского Союза и перехода стран социалистического лагеря на путь рыночных реформ, либерализации экономики и политики. Тем не менее в ряде стран, как, скажем, в Греции, Болгарии, Чехии, Германии коммунистические и крайне левые партии традиционно сохраняют свою часть избирателей и продолжают активно участвовать в политической борьбе, имея представительство и в парламенте, и в муниципалитетах. Выборы в Европейский парламент, где сегодня еврокоммунисты и зеленые имеют 41 место, также показывают, что у радикальных левых есть шанс работать в рамках парламентских институтов. Другое дело, что не все радикальные левые движения готовы и хотят работать в условиях парламентской демократии. Позиционируя себя как антикапиталистические левые, они заявляют о необходимости разрушения современного капитализма и о возможности установления «нового порядка». Антикапиталистические радикальные левые движения близки антиглобалистам и некоторым радикальным группам зеленых. Можно сказать, что манифестом радикальных левых и антиглобалистов стала работа Негри и Хардта «Империя». С их точки зрения, политика глобализма (Новая имперская власть), включая самые разные элементы в общий «плавильный котел» нового мирового порядка, воспроизводит неравенство и дискриминацию, обеспечивает бюрократическое управление системой, пронизывающей все уровни и все границы. Однако этот процесс имеет и другую сторону – создается армия детерриториализованной, мигрирующей рабочей силы, которую Негри и Хардт называют новым пролетариатом, «контримперией», который может и должен стремиться к мировой республике⁴. Этот новый пролетариат, включенный в новые формы протестных движений, может стать одной из сил, дестабилизирующих современную западную социальную систему. На эти силы и делают ставку радикальные левые по всему миру.

Вместе с тем левые радикалы в Европе неоднородны, движение мозаично и часто не имеет организационного оформления, что, однако, не мешает им активно участвовать в уличных протестных акциях, мобилизуя значительное количество радикально настроенной молодежи. Отсутствие идеологического единства часто ведет к расколам внутри движений, как это, например, произошло недавно в Италии с *Rifondazione*, от которых отделились так называемые *Critical left* с намерением революционизировать политику. Главный акцент в их программе сделан на классовом подходе, исключаящем правительственные коалиции и участие в выборах. Таким образом, эти группы левых не рассматривают участие

в выборах как необходимый и эффективный инструмент политики. Радикальные антикапиталистические левые, однако, гораздо более терпимы, чем «революционные левые», и в сущности имеют определенные политические перспективы. Более того, по мнению ряда экспертов, они являются реальной альтернативой социалистам. В качестве аргумента можно привести успех Оливера Бесонсена – лидера Революционной коммунистической лиги (LCR) на последних президентских выборах во Франции, который получил более 4% голосов избирателей.

Такие глубокие расхождения между радикальными левыми позволяют некоторым аналитикам выделять на крайнем левом фланге два течения и делать различия между радикальными левыми и революционными левыми. Термин «radical left» отсылает к тем силам, которые идентифицируются с сопротивлением неолиберализму и которые пытаются сформировать альтернативу социал-либерализму социалистических и социал-демократических партий, включая многие коммунистические партии. Революционные левые, напротив, ассоциируются с организациями, которые преданы делу социалистической революции. Революционные левые представлены организациями, входящими в IV Интернационал (троцкистский).

Глобальный экономический кризис во многом способствует успеху радикальных левых движений, а вот социалисты ищут альтернативу философии малых дел, исповадавшей социал-демократии и зелеными в конце XX в., и пытаются со своей стороны предложить программу в контексте новых процессов глобализации.

Глобализация, в том числе с точки зрения социалистов, характеризуется возрастающим влиянием международных организаций на социально-экономическое, хозяйственное, культурное развитие мирового сообщества, что ограничивает роль национальных правительств в регулировании многих аспектов жизни на находящих под их властью территориях. В этом смысле процессы глобализации вступают в конфликт с таким ключевым компонентом либеральной демократии, как подотчетность гражданам избранных ими органов власти, возможность граждан влиять на процесс принятия политических решений. Невысокий интерес к выборам в Европарламент и низкая явка на эти выборы – лишь один из симптомов наметившегося явления.

И хотя национальные правительства не теряют своей традиционной роли, как ожидалось в конце XX в., и многие авторы по-прежнему рассматривают национальное государство как важный актор современности⁵, все же на фоне утраты национального суверенитета формируется новый тип суверенитета – так называемого

суверенитета империи (по Негри) без территории и центра, но по-прежнему удерживающего право принятия решения о применении насилия в исключительной ситуации⁶.

Протестное движение в мире приобретает новые формы, имеет иную социальную базу, распространяется в разных уголках земного шара⁷.

Для социалистического движения основной принцип борьбы с глобализацией, а точнее, с политикой – социальная справедливость, принцип, который разработан и реализован в проектах социалистических и социал-демократических партий. Учитывая их роль как парламентских и правящих партий, можно говорить о возможностях социалистов предложить новую архитектуру международных отношений (вплоть до реформы ООН⁸), где активными акторами становятся не только существующие субъекты международного права, но и институты глобального гражданского общества.

Новые отношения в глобальной экономике и глобальной политике особенно актуализировались в публичном дискурсе в связи с кризисом, который стал центральной темой ряда важнейших политических встреч и мероприятий социалистического движения мира и Европы.

В Мадриде 1 декабря 2008 г. на заседании Совета ПЕС в преддверии июньских выборов в Европарламент был принят «Манифест партии европейских социалистов»⁹, основной темой которого стал анализ причин кризиса и выработка предложений по выходу из него. В «Манифесте» красной нитью проходит тема дихотомии консервативной и прогрессивной Европы. «Консерваторы верят в рыночное общество и дают возможность богатым стать еще богаче в ущерб остальным. Мы верим в социальную рыночную экономику, которая позволит каждому члену общества максимально использовать возможности глобализации. Мы верим в солидарность между поколениями, а не в индивидуализм правого толка».

Социалисты рассматривают Евросоюз как важнейший механизм сплочения в эпоху глобализации, дающий странам Европы большие преимущества в решении глобальных проблем, последствия которых сказываются на локальном уровне.

Однако акценты по сравнению с последними десятилетиями смещаются, само название «Манифеста» говорит за себя – «Сначала люди. Новый путь для Европы». В центр экономической политики ставится человек и его благополучие, а справедливое общество, которое намерены строить евросоциалисты, – *это общество, ориентированное в первую очередь на людей*. «Новый социализм в Европе – это справедливое соблюдение прав граждан, независимо от их положения и места рождения. Мы можем решить проблему

неравенства, делая в европейском сотрудничестве акцент на улучшении жизни людей»¹⁰.

Дискредитация старых неolibеральных догм вызвала к жизни новую версию кейнсианства и в политике, и в науке. Эта модель кейнсианства предполагает выработку нового типа партнерства, основанного на концепции устойчивого развития, индустриальной политике, экономическом росте и высоких зарплатах, справедливом распределении ресурсов.

Учитывая системность и включенность социалистического движения в мировую политику, становится понятным возникновение предположения о новом консенсусе западных элит, который может состояться в форме гибрида европейской социал-демократии и социального либерализма «нового курса», который Уолден Белло назвал «глобальной социал-демократией»¹¹.

Концепция глобальной социал-демократии в известном смысле является оппозицией, а точнее альтернативой, неolibеральной глобализации. Она не отрицает глобализации, исходит из ее благотворности в целом и говорит о необходимости изменения политики неolibералов, в первую очередь, на основе более справедливого распределения ресурсов, когда социальная политика интеграции должна быть связана с интеграцией рынков и финансов.

Среди основных принципов, которых придерживаются сторонники глобальной социал-демократии, можно выделить следующие:

- экономическое развитие и справедливость могут вступать в конфликт, и в этом случае приоритет необходимо отдать справедливости;
- свободная торговля в долгосрочной перспективе может быть не такой уж благотворной и оставлять большинство в бедности, поэтому важно, чтобы торговые соглашения были подчинены социальным и экологическим условиям;
- необходима реформа международных финансовых институтов и торговых соглашений;
- глобальная социальная интеграция должны сопутствовать глобальной рыночной интеграции;
- военные акции для решения проблем должны уступить место дипломатии и «мягкой силе», хотя и следует предпринимать гуманитарные военные вмешательства в ситуациях, когда имеет место геноцид;
- необходимо преодолевать нищету в беднейших регионах мира прежде всего путем осуществления так называемой «второй зеленой революции».

Отдельная тема глобальной социал-демократии – это проблема устойчивого развития и экологической безопасности. Эта пробле-

матика активно изучается как в Социнтерне, где была создана специальная комиссия по устойчивому развитию мирового сообщества, так и в многочисленных аффилированных и дружеских организациях Социнтерна, а также в рамках деятельности Глобального прогрессивного форума. Возникло течение и политика «зеленого кейнсианства» («Green Keynesianism»), или «зеленого капитализма» («Green Capitalism»).

Проблема решается не только на глобальном уровне, но и в региональных организациях социалистов и социал-демократов. Так, например, проблемы устойчивого развития Балтийского региона и стран Балтии являются предметом пристального внимания организации SAMAK, объединяющей партии и профсоюзы социалистической ориентации стран Балтии.

Социалисты признают тот факт, что бедность и разрушение окружающей среды становятся одними из важнейших проблем мирового сообщества. И ответственность развитых индустриальных стран должна быть выше, чем развивающихся. При этом в рамках «Целей развития тысячелетия» Север должен запустить масштабную программу помощи, или «План Маршалла» для Юга, обеспечить значительные инвестиции в то, чтобы направить глобальную экономику по пути большего благоприятствования экологии. Важно, что решение этих проблем видится в контексте реализации принципа справедливости и взаимной ответственности, когда основную нагрузку по сокращению загрязнений, парниковых газов должны брать на себя развитые страны.

Глобальный характер кризиса, его масштабы и последствия, с одной стороны, показали слабость либеральной модели экономики, основанной на незыблемости ценностей свободного рынка и полном невмешательстве государства, с другой – вызвали интерес к социалистическим идеям и переоценке либеральной модели экономики, вызвавшей кризис, по оценкам многих экспертов. Эпоха бурного роста глобального капитализма «вширь» (за счет включения ресурсов СССР + Восточной Европы и превращения Китая в «мастерскую мирового ширпотреба») и «вглубь» (так называемая «новая виртуальная экономика») сменилась очевидным кризисом финансово-экономической мировой системы.

Международное социалистическое движение сегодня становится одним из системных политических движений, претендующим на серьезную роль в национальных и международных общественно-политических структурах. Можно сказать, что оно становится важнейшим институтом глобального гражданского общества, оказывающим противодействие антигуманной политике глобализма и деятельности ряда международных организаций.

Социалистические партии, организации и движения все больше претендуют сегодня на роль главного «субъективного фактора» создания более прогрессивного посткапиталистического общества. И хотя политический маятник качнулся влево, сегодня эти идеи ложатся, скорее, в русло капиталистической, или социал-либеральной модели.

Примечания

- 1 *Bell D.* The end of ideology. Glenon, 1964.
- 2 *Arendt H.* The origins of Totalitarianism. Harcourt, 1973.
- 3 *Fukuyama F.* The end of the History? // The National Interest. 1989. Summer.
- 4 *Hardt M., Negri A.* Empire. Cambridge; Massachusetts; L.; England: Harvard University Press, 2002.
- 5 Globalization / Ed. by A. Appadurai. Durham, 2001; *Appadurai A.* Fear of Small Numbers. Durham, 2006.
- 6 *Hardt M., Negri A.* Op. cit.
- 7 *Della Porta D. (ed.).* The Global Justice Movement: Cross-national and Transnational Perspectives / Boulder C. Paradigm, 2007.
- 8 Reforming the united nations for a new global agenda. Paper was prepared by the Socialist International High-level Group on United Nations Reform. 2005.
- 9 PES Manifesto. [Belgium, 2009]. URL: http://www.pes.org/files/u1/ManifestoBook_EN_Online.pdf (дата обращения: 07.08.2009).
- 10 Ibid.
- 11 *Bello W.* The coming Capitalist consensus / Foreign police in focus. [2008. December 24]. URL: <http://www.fpif.org/fpiftxt/5765> (дата обращения: 06.08.2009).

Е.А. Китайцева

ЛЕВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПАРТИЙНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются идеологические программы основных политических партий современной России, особое внимание уделяется трансформации и эволюции левой идеологии и ее месту в общественном сознании российских граждан. Автор показывает, что сегодня в общественном сознании усиливается запрос на социально ориентированную политику и актуализируются идеи социальной справедливости, которые пока не приобрели комплексного идеологического оформления.

Ключевые слова: идеологии, политические партии, ценности, социализм.

Многие исследователи отмечают, что конец XX в. ознаменовался началом нового этапа в истории партий и партийных идеологий. Для него характерно снижение накала идеологической борьбы, снижение роли идеологий в общественно-политической и партийной деятельности, а также наличие сразу нескольких систем ценностей, оказывающих примерно одинаковое влияние на общественное сознание. Данный этап Б.А. Исаев называет плюралистическим¹. Среди наиболее влиятельных, образующих своеобразное идеологическое ядро, современных политических систем европейского типа можно назвать такие течения, как либерализм, социализм и консерватизм. Параллельно с ними существуют также другие более радикальные и менее значимые идеологемы.

В науке существует множество различных подходов к определению понятия «идеология», акцентирующих внимание на сущности, структуре, функциях и роли в общественной жизни данного феномена. Мы разделяем позицию, в соответствии с которой наиболее полным является определение идеологии как совокупности

теорий, идей, взглядов, образов и представлений, выражающих интересы социальных групп, классов, всего общества и служащих основой для общественно-политической активности².

Особенности идеологического процесса в России во многом связаны с переходным состоянием политической системы, с фактической сменой идеологических вех, переоценкой идеологических ценностей и адаптацией новых идеологических систем к потребностям и реалиям развития страны. Этот процесс не был однозначным: отказ от коммунистической идеологии, отрицание позитивного опыта прошлого, пропаганда либеральных ценностей, сопровождающаяся формированием олигархического капитализма, привели к попытке критически осмыслить опыт нелиберальных реформ и по-новому взглянуть как на советские годы, так и на постсоветский период.

Можно сказать, что в современном обществе происходит постепенный процесс синтеза коммунистических ценностей с элементами демократического социализма, либерализма и консерватизма³.

Обращаясь к анализу таких важных в массовом сознании таких ценностей, как «справедливость», «порядок», «свобода», остановимся на исследовании ВЦИОМ, проведенном в марте 2007 г., в ходе которого выяснилось, что за последнее время ценность «справедливости», которая традиционно ассоциируется с левыми убеждениями, в нашем обществе стала более значима. Количество приверженных ей увеличилось до 42%. Во многом это связано с тем, что люди считают сегодняшнюю жизнь чрезвычайно несправедливой. Рассуждая на тему «Что такое справедливое общество?», большинство респондентов считают, что это общество, где реализован принцип равенства всех людей перед законом (17%), где достигнут высокий уровень жизни, обеспечены высокие зарплаты и пенсии⁴, то есть все то, что подразумевается под достойным существованием (16%).

Немаловажный признак справедливого общества – забота о людях, социальная помощь конкретным группам населения: детям, инвалидам, пенсионерам, малоимущим (6%). Многие респонденты традиционно связали понятие «справедливое общество» с отсутствием социального расслоения – вплоть до имущественного равенства (6%)⁵.

В целом данные не подтверждают популярной в среде публицистов и некоторых ученых точки зрения, что россияне под справедливостью понимают прежде всего равенство (особенно имущественное). Напротив, люди хотят, чтобы их персональный вклад в общественное благосостояние был адекватно оценен, чтобы доходы от природных ресурсов распределялись хотя бы в соответствии с законом.

Абсолютное большинство респондентов (68%) полагают, что современное общество в целом устроено несправедливо. Чаще других придерживаются такой точки зрения респонденты, не доверяющие В. Путину (84%), из их числа – жители Москвы (79%) и россияне с высшим образованием (73%)⁶. Сравнивая же современное российское общество с советским (1970–1980-х годов), половина опрошенных заявляет, что сегодняшнее общество устроено менее справедливо, чем вчерашнее. Чаще других так думают россияне в возрасте от 54 лет и старше (66%), граждане с самыми низкими – до 2500 руб. на человека – доходами (60%)⁷. Думается, не стоит объяснять этот факт только ностальгией. Сегодня приходится признать, что возможности социальной вертикальной мобильности, уровень социальных гарантий в советское время был более высок.

Современное российское общество демонстрирует прагматизм и здравый смысл при оценке советской действительности. Так, имеет место процесс поэтапного вытеснения коммунистических ценностей, в первую очередь таких однозначных, как «диктатура пролетариата», «всемирная коммунистическая революция» и др.

Деятельность современных политических партий, их программы во многом являются отражением тех процессов, которые происходят в общественном сознании.

В связи с этим обратимся подробнее к анализу идеологий центристских и левоконсервативных партий. В целом исследователи отмечают, что центристские партии (не только в России, но и в Европе) применяют в своих программах только часть консервативных идеологических ценностей, а также заимствуют идеологические ценности из программ левых и правых политических партий, вследствие чего образуется некий «центристский консенсус». Важной чертой, характерной для центристов, является «перехватывание лозунгов у оппозиции». Центристские партии обычно акцентируют внимание на текущем состоянии общества, на проблемах, характерных для настоящего момента общественного развития, связанных с государственным строительством, с решением экономических, социальных, национальных задач. Поэтому центризм может иметь разные направления и не располагаться в определенной области идеологического поля.

Если опираться на самоидентификацию и самопрезентацию политических партий, то центристскую нишу в России прочно занимает политическая партия «Единая Россия». Многие исследователи справедливо отмечают, что «Единая Россия» не является идеологической партией, она является в большей степени так называемой универсальной, или народной, партией («catch-all party»). Данная партия не ищет и не придерживается какой-либо конкрет-

ной идеологии, она смешивает разнообразные идеологические ценности в своей программе и включает их в политическую повестку по мере необходимости. В сущности такой партии важнее создание платформы для определенных выборов с целью привлечения максимального числа голосов избирателей без обращения к идеологии. «Единая Россия» – это партия не ценностей, а дел. Это партия не идеологии, а цели. Здесь идеологией является та система ценностей, которая в данное время более всего сплачивает нацию. ...Таким образом, коммунизм плюс империализм плюс либерализм равняется современный русский центризм»⁸. Основной целью данной партии является победа на выборах и удержание власти. Вместе с тем заметим, что программа партии является скорее правоцентристской, а некоторых случаях вполне либеральной. И существование трех клубов для так называемых политических дебатов и дискуссий никого в заблуждение не вводит. Пока «Единая Россия» остается скорее партией власти, чем партией идеологии.

В связи с тем что потребность населения в социальной справедливости, хотя она пока не до конца оформлена идеологически в жестких политических требованиях, существует и нарастает, в массовом сознании происходит переосмысление советского опыта и, как результат, актуализируются левые идеологии.

Расширение левой составляющей в политическом секторе современной России обусловлено следующими факторами: нерешенность социально-экономических проблем, остатки консервативного советского мышления, исторически сложившейся коллективистский характер российского общества, проблемы в становлении гражданского общества, отчужденность граждан от власти, увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными⁹. Основными выразителями идей социалистической направленности являются левоконсервативные партии, которые выступают за возврат к советской системе ценностей, и так называемые актуальные левые, которые ориентируются, скорее, на западную социал-демократию.

Представители первого направления, понимая, что восстановить советскую систему в прежнем виде невозможно, готовы отказаться от некоторых ценностей, «таких, как отрицание религии и атеизм, необходимость насилия при построении коммунизма и диктатура пролетариата, всеобщее равенство и полное “морально-политическое единство” общества, отмирание государства и политических партий и замена их общественными организациями»¹⁰. Приверженцы левой консервативной идеологии, стремящиеся воссоздать социализм, выступают прежде всего за следующие ценности: наличие определенной, поддерживаемой всем обществом цели, преобладание общественной собственности, принадлежащей

государству, государственное планирование экономики и социальной сферы, бесплатное жилье, образование и здравоохранение, сохранение всех льгот, социальное равенство, воссоздание на базе этих ценностей советского государства, а также противостояние идеологическим противникам, не признающим этих ценностей. Если КПРФ занимает левоконсервативную позицию и считает себя наследником КПСС, то другая парламентская партия, «Справедливая Россия», позиционирует себя как партия социалистическая и предлагает «новый социализм», основанный на справедливом перераспределении национального дохода, активном регулировании экономики, развитии частном секторе и эффективной социальной политике.

Многие исследователи отмечают, что в современной России в силу массовой распространенности социалистических идей актуальным остается рассмотрение идеологических лево-правых подходов. В целом же левые политические идеи являются одними из самых укорененных в массовом политическом сознании, что, однако, не мешает большинству наших граждан голосовать за «партию власти». «Хотя в левом букете России существуют и коммунистически фундаменталистские, и социал-демократические, и религиозные, и национальные, и иные формы социалистических идеологий, все они по преимуществу опираются на совершенно определенное эмоционально-чувственное содержание массового сознания»¹¹.

В современном массовом общественном сознании социалистические настроения находят свое отражение в следующих двух аспектах: 1) смысловая нагруженность перераспределительных механизмов общественных ресурсов, выраженная в снижении значения индивидуального вклада в производство продукта, и минимизирующая роль труда как особого типа деятельности; 2) эмоциональное восприятие идеи общественного протеста против несправедливого распределения собственности и статусов. Отметим, что часто формирование данных культурных ориентиров происходит в отрыве от реальной политики.

Большую роль в формировании этих представлений играют мифы, присутствующие в общественном сознании, а также собственные переживания индивидов относительно социальной несправедливости.

В этой ситуации отметим тенденцию нарастания в массовой политической культуре и в психологии левых идей, которые определенным образом становятся источником политической активации населения. Сейчас в российском политическом пространстве левоориентированной части населения можно отметить настроения, которые в значительной степени выражают общественный протест.

Более того, содержание данной волны, проецирующей протест, пытаются использовать различные партии в борьбе за власть. Исследователи отмечают, что данную тенденцию удастся использовать пока в основном «Справедливой России».

Отметим, что выборы 2007 г. определенным образом сформировали фундамент новой партийной системы России. Появление «Справедливой России» на политической арене и занявшей место в «большой тройке» парламентских партий ознаменовало возвращение реальной политической конкуренции и наполнение публичной политики новым содержанием. Сейчас данная партия, можно сказать, завершила процесс становления, сформировала свою идеологию и политическую программу. Ее лидер Сергей Миронов заявляет об однозначно левой, социалистической идейной платформе партии.

Можно согласиться, что «...появление новых партий, знаменующих “левый поворот” в обществе и новое “прочтение” левых идей говорят о серьезном переосмыслении пройденного Россией пути»¹².

Левые движения и партии в исторической перспективе должны выполнять две функции – защиту прав и интересов социально уязвимых групп населения, сопротивление наступлению на исконные права трудящихся, развитие цивилизованной, работающей системы трипартизма; и вторую функцию, которая обычно актуализируется в условиях кризиса, – способность менять политическую ситуацию в пользу интересов трудящихся, людей, чье благосостояние складывается на основе деловой инициативы и труда; способность отстаивать те принципы и условия, которые позволяют реализовать преобразования общества на основе идеалов справедливости, равенства и солидарности.

В современной политической ситуации, в условиях сложившегося глобального экономического кризиса данные функции пытаются брать на себя как КПРФ, так и «Справедливая Россия». Обе партии предложили антикризисные программы, обе партии активно критиковали антикризисные планы правительства, однако в публичном пространстве активнее проявила себя «Справедливая Россия», эксперты и депутаты которой участвовали во многих теледебатах с представителями партии власти.

Отметим, что последствия глобального экономического кризиса и персональное положение индивида являются факторами, оказывающими ключевое влияние на формирование позитивного отношения к той или иной идеологии. Результаты проведенного в январе 2009 г. исследования ВЦИОМ показывают, что при ответе на вопрос о приверженности одной из обозначенных идеологий, ответы распределились следующим образом (табл.)¹³.

Таблица

Если выделить три основных идейно-политических течения в российском обществе, то какое из них Вам наиболее близко? (закрытый вопрос, один ответ, в %).

	Ноябрь 2008	Январь 2009
Сторонники левых, социалистических идей, социальной справедливости, равенства, защиты интересов людей труда, антиглобализма	24	18
Сторонники правых, либеральных идей, экономической свободы, прав человека, политической демократии, сближения с Западом	14	13
Сторонники традиционных русских ценностей, независимости и самостоятельности, укрепления державы, защиты интересов русских	33	31
Ни одна из них меня не привлекает	17	22
Затрудняюсь ответить	12	17

Из таблицы видно, что выросло число респондентов, которых не привлекает ни одна из предложенных идеологий, и доля респондентов, затруднившихся с ответом. Именно этот электоральный потенциал, пока не определившийся со своими политическими предпочтениями, может сыграть решающую роль в изменении существующей политической ситуации, а также в следующих парламентских выборах.

Примечания

- 1 *Исаев Б.А.* Зарождение и функционирование партийной системы России (1987–2008). СПб., 2008. С. 159.
- 2 *Беленький В.Х.* К вопросу об идеологии рабочего класса // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 72.
- 3 *Исаев Б.А.* Указ. соч. С. 159.
- 4 Исследование «Что такое справедливое общество». Опрос населения [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. [2007]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/val_/d074523 (дата обращения: 14.06.2009).
- 5 *Магун В.С., Дондурей Д.Б., Медведев С.А.* Общество взаимного попустительства. Почему в России справедливость важнее свободы? // Искусство кино. 2007. С. 5.

- 6 Исследование «Что такое справедливое общество».
- 7 Там же.
- 8 *Исаев Б.А.* Указ. соч. С. 169.
- 9 *Баранов Н.А.* Соотношение либерального и социального в идеологических предпочтениях «актуальных левых» // «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте: Сб. ст. / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 75.
- 10 *Исаев Б.А.* Указ. соч. С. 162.
- 11 *Соловьев И.А.* «Актуальные левые» в российской политике: гонка по «вертикали» // «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте. С. 20.
- 12 *Никовская Л.* Почему появилась «Справедливая Россия?» [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Новая политика». [2007]. URL: www.povopol.ru.
- 13 Исследование «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. [2009]. URL: <http://wciom.ru/index/php?id=1273> (дата обращения: 15.06.2009).

В.А. Белов

ИДЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье с критических позиций анализируются постмодернистские концепции и неолиберальный подход при формировании современной национальной политики в Российской Федерации. Автор отдает предпочтение марксистскому анализу при изучении социальных процессов в России и показывает, что на этнонациональную политику огромное влияние оказывают доктрины, которые порождаются идеологами, теоретиками и лидерами национального движения. Рассматривая роль федерального центра и регионов в формировании национальной политики, ее эффективность, социальные последствия, автор делает вывод о необходимости принятия иной модели государственной национальной политики.

Ключевые слова: этнос, этничность, национальная политика, идеология, власть.

Проблемы этнонационального строительства являются частью социально-экономической политики государства и не могут рассматриваться вне этого контекста. В то же время этнонациональная проблематика несводима к общим вопросам социально-экономического регулирования, имеет свою яркую специфику. В свое время Ю. Бромлей достаточно точно подметил наличие «этнического парадокса»¹, когда люди начинают жить все более сходной жизнью, но не чувствуют единства интернациональных интересов. Этничность остается одним из основных маркеров в современной политике. Правда, этничность – даже в теоретическом плане – остается вещью в себе. Представители академического сообщества, влияющие на принятие решений в области национальной политики, так и не смогли достичь теоретического консенсуса и выработать инструментарий, четкие критерии для ключевого понятия «этнос».

© Белов В.А., 2010

Показательным в этом смысле стали острые дискуссии, связанные с переписью 2002 г., суть которых сводилась к тому, как понимать этничность – как объективную данность или как феномен сознания – идентичность.

Этот вопрос на практике был решен в пользу понимания этноса как объективно существующего явления. Такой подход вызвал недовольство главного адепта этнонационального конструктивизма, директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова: «В России опять переписывались “народы”, а не “идентичности” в рамках одного российского народа. Тем самым российская перепись не выполнила свою основную миссию – создать народ для государства»². Вот, оказывается, как создаются народы. Нужно отдать должное В.А. Тишкову – он является последовательным представителем неолиберальных концепций в этнологии и не стесняется доводить свою точку зрения до абсурда.

Другой достаточно курьезный пример – симптоматичная и крайне тенденциозная статья В.А. Тишкова «О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений», в которой само существование термина «нация» объявлено результатом «грандиозной и долговременной мистификации». Заметив, что многие современные авторы «не смогли избежать разграничительного употребления слов “нация” и “народ” применительно к этническим и территориально-политическим сообществам», Тишков не нашел ничего лучшего, чем потребовать исключить термин «нация» из научного лексикона³. Вульгарно понятый дискурсивный подход, желание быть актуальным заставили исследователя занять столь радикальную позицию.

Политологическая терминология не только оформляет развитие научных представлений об обществе, но серьезным образом влияет и на практическую политику. Путаница в терминологии приводит к непоследовательности политики, непониманию между участниками политических процессов.

Наиболее яркий пример в этом отношении – положение Российской Конституции о «многонациональном народе». Авторитет Основного закона становится аргументом в иных научных дискуссиях, когда забывается авторство этого документа и условия его принятия. «Материальная сила» наукоподобных терминов проявляется в том, что Российскую Федерацию продолжают считать «многонациональным» государством, т. е. включающим в свой состав этнические общности и территории, имеющие основания бороться за собственную государственность. Между тем по европейским стандартам Российская Федерация является не только государством со сложившейся нацией, но и моноэтническим государством.

Ведь по данным переписи населения 2002 г. в Российской Федерации проживало 80% русских, а миграционные процессы последних лет этот процент заметно увеличили. Эта цифра тщательно обходится поборниками «межнационального согласия», поскольку разоблачает их претензии на подмену термина «национальные меньшинства» термином «коренное население» (русским отказывают в праве быть коренными на всей территории России).

Но национальная политика – это не только теоретические дискуссии, сами по себе очень важные, но еще и ответы на практические вопросы, конкретные политические решения и действия.

Одним из основных вопросов, определяющих вектор политических действий, является вопрос о том, когда и при каких условиях этнос готов делегировать свои полномочия надэтническим структурам, будь то нация, государство, экономика, религия или идеология, и насколько, в каких пропорциях эти структуры готовы акцептировать этничность? В этом вопросе и заключается идеология любой политики в сфере национальных взаимоотношений. Собственно речь здесь идет о символическом обмене власти на этничность и наоборот. Власть в поликультурном обществе, ставящая перед собой целью лояльность этнических анклавов, желающая удержать разные группы в поле своего политического влияния, должна решить три основных задачи:

- обеспечить представительство в федеральных структурах, включая высшие органы власти;
- создать условия для воспроизводства структур национальной культуры;
- обеспечить поддержку развития национального языка через преподавание в школе и использование в массмедиа.

Но решение этих задач обеспечивает достижение лишь краткосрочных стратегических целей, ведь в принципе они успешно решаются в рамках национальной самостоятельности, когда необходимость участия в федеральных структурах власти отпадает сама собой. Без интеграционного проекта, предполагающего долговременную и интенсивную политическую игру, постоянный политический потлач, такая стратегия чревата сецессией.

Помимо перечисленных задач, обеспечивающих стабильность, федеральная власть должна предложить интеграционный проект, который позволял бы добиваться уже долгосрочного развития. Это предполагает следующее:

- сформулировать внятную политическую идеологию;
- создать систему политического трансферта – систему управления политической и культурной элитой на местах через создание политической сети, доходящей до каждого человека;

- обеспечить свободное перемещение трудовых ресурсов, дать человеку возможность экономического и культурного выбора;
- обеспечить равный доступ к достижениям мировой культуры и цивилизации, прежде всего через создание бесплатного и качественного общенационального высшего образования.

На мой взгляд, в сложившейся политической системе пока с трудом обеспечивается достижение даже краткосрочных целей, что без перехода к реализации научно обоснованной долгосрочной стратегии приведет к размораживанию национальных конфликтов и к угрозе территориальной целостности страны.

Весьма показательной в этом отношении является позиция правящей партии «Единая Россия». В программных документах единороссов раздела, посвященного национальной политике, вовсе нет. В Программном заявлении партии можно найти несколько расплывчатых фраз типа: «Это – страна, которая стала общей родиной для всех россиян, где полноценно развиваются национальные культуры и языки, уважаются национальные и религиозные чувства». Есть в названном документе, пожалуй, только один тезис, который с натяжкой можно отнести к национальной политике: «Укрепление нашей Федерации на основе внутреннего потенциала каждого региона, сближения уровней социально-экономического развития субъектов Федерации»⁴. Хотя фраза лукавая (на основе внутреннего потенциала сближения уровней развития не произойдет, наоборот, усилится дифференциация), тем не менее кое-что из нее можно извлечь. А именно: «Единая Россия», судя по всему, намерена смягчать межнациональные противоречия дотированием остальных национальных регионов из федерального бюджета. Так и происходило до конца 2008 г., когда финансовый кризис стал реальностью, а нужного количества денег на покупку лояльности уже не стало.

Формирование новой этнополитической парадигмы становится для Российской Федерации все более актуальной проблемой. Многочисленные межэтнические конфликты и столкновения не только на всем постсоветском пространстве, но прежде всего в России красноречиво свидетельствуют о реальной концептуальной слабости государственной этнонациональной политики.

Национальная политика в России после реставрации капиталистических отношений стала носить декларативный характер. Но содержание этой декларации существенно менялось на протяжении всего периода современной истории.

Отказ от социалистического проекта и интернационализма как его ключевой ценности в области национального строительства стал одним из механизмов смены политической элиты в России

в 1990-е годы. Борьба за власть – политические, экономические и информационные ресурсы – происходила под лозунгами всеобщего освобождения, в том числе национального освобождения.

Феномен так называемого «национального возрождения» в 90-е годы – всего лишь форма буржуазной идеологии, обеспечившей легитимацию национальной элиты, не более того. Никакого взлета национальных культур это время не дало, более того, стало началом необратимой социальной сегрегации, когда политическая и экономическая элита живет в высокотехнологическом современном обществе, а свой народ обрекает на вынужденное воспроизводство архаизированных форм быта и культурную деградацию. Здесь мне хотелось бы вернуться к «парадоксу Бромлея». Если в условиях советской власти этническое самосознание обеспечивало культурное многообразие при возможности доступа ко всем достижениям современной культуры, то сегодня этничность превращается в способ социальной консервации и архаизации, когда культурная деградация объясняется возвращением к исконным традициям предков. При этом сама национальная элита становится все более космополитической и воспринимает свою собственную культуру как забавную экзотику. С этим в том числе связана и потеря общественного статуса национальной интеллигенции.

В этот период на развитие этнонациональной политики огромное влияние оказывают доктрины, которые порождаются идеологами, теоретиками и лидерами национального движения. Раскол политических сил российского общества относительно становления демократии породил сумятицу на всех этажах политической системы, что рано или поздно должно было вызвать реакцию правящей национальной номенклатуры в так называемых национально-государственных образованиях. Этнократия, выросшая благодаря политике этнизации властного аппарата, сделала сначала ставку на организацию «народных» движений («народных фронтов», «движений за независимость» и т. д.), структура и динамика которых полностью определялась национальной легитимностью и принципом построения массовой базы – этнической сплоченностью против предполагаемой социально-экономической и культурной угрозы со стороны.

Доктрина, массовая база, организация и лидерство являются ресурсами этнополитики; их характер диктует внутреннюю логику развития и тем самым ее «судьбу», ее закономерные переходы от одних форм существования к другим. Популярные и претенциозные доктрины нынешних этнополитических сил нацелены на постоянную поддержку в массовом сознании синдромов этнической солидарности и лояльности. Негативное изображение «инород-

цев» и положительная самопрезентация являются частью демагогических усилий националистических сил, скрывающих несовпадение стратегических интересов различных групп господствующего класса и борьбу за власть между ними.

Манипуляции альтернативой – «национальное государство или империя» – вторая отличительная черта этих доктрин, которые успешно реализуются на ранних стадиях развития национальной суверенизации благодаря отчасти ситуационным, отчасти психологическим факторам (к первой группе следует отнести резкое падение легитимности и эффективности «постимперского центра» и его институтов; ко второй – массовую политическую фрустрацию и национальный психоз).

Практический иррационализм этнократии, подстегиваемый инстинктом самосохранения, толкал ее к обострению политической борьбы и нарастающему применению авторитарных методов для решения государственных проблем. Наспех сколоченный парламентаризм, выполнив свою задачу укрепления власти этнократии, неизбежно будет заменен режимом националистического толка, являющимся желаемым (или нежелаемым) результатом так называемого национального самоопределения.

Сложные идеологические конструкции и запутанный политологический анализ, как правило, прикрывают простые политические мотивации и решения. Вот как о способе принятия решений в начале 1990-х пишет в своих воспоминаниях Е.М. Примаков: «В 1991 году отыскали генерала Советской армии Джохара Дудаева – чеченца по национальности – и привезли его в Грозный на смену “неприемлемой” старой советской верхушке. Сделали это люди из окружения Ельцина. Те, кто правил балом в то время, не заботились о нормальной обстановке, которую хоть и не в полной мере, но все-таки с трудом удавалось удержать руководству Чечено-Ингушской республики. Главное для приближенных людей было показать силу новой власти»⁵.

Известный тезис, произнесенный Ельциным в Татарстане, – «Берите столько суверенитета, сколько сможете унести» – стал основной идеологемой в области этнонациональной политики этого времени. Именно в этот период полураспада страны стала складываться асимметричная конфигурация устройства России, сочетающего федеративные и конфедеративные взаимоотношения центра с разными республиками. Попыткой управлять этой сложной политической реальностью стало подписание Федеративного договора 1992 г. с включением его значительной части в Конституцию РФ 1993 и его принятие 1996 г. Все эти документы еще зримее высветили полное расхождение юридического содержания с реаль-

ной политической ситуацией. В Конституции декларируется равноправие субъектов, в реальности не существующее, и ничего не говорится об этнической основе 22 республик. Непонятны цели политики в сфере регулирования межнациональных отношений, которые декларируются в «Концепции государственной национальной политики», эта концепция по сути просто закрепляет статус-кво: «Оптимизация федеративных отношений не преследует цель “губернизации” республик или, наоборот, “республиканизации” краев и областей. Своеобразие российского федерализма состоит в сочетании территориального и национального начала», когда за определенными этносами закрепляется определенная территория. А высшей ценностью в области национального строительства почему-то признается соблюдение прав и свобод человека и гражданина, что и так закреплено Конституцией РФ и в дополнительном упоминании не нуждается. В этой «Концепции», разработанной Министерством по делам национальностей, есть все что угодно, кроме ответа на главный вопрос: что является приоритетом для власти – формирование гражданской общности или дальнейшее огосударствление этносов?

Ответом на этот вопрос пришлось заниматься уже другим людям, по сути, в совершенно другой стране. Политическим фоном начала правления Путина стала вторая Чеченская война, вторжение Шамиля Басаева в Дагестан в июле 1999 г., взрывы домов в Москве. Именно этот контекст сделал возможными простые ответы на сложные вопросы. В области государственного строительства был взят курс на построение вертикали власти, сближение государства и церкви, в сфере межнациональных отношений – на почти полную поддержку русского национализма.

На деле это означало упрощение всех форм государственного управления и идеологии. Вся стратегия периода Путина основана на желании привести ситуацию к некоторому однообразию, получившему название «вертикаль власти». Поэтому в течение всего этого времени сворачивался политический процесс и общественная дискуссия, сегментировались социальные и этнические конфликты. Надо признать, что такая политика в условиях высоких цен на углеводороды принесла свои краткосрочные результаты: социально-политическая система России в 2000–2008 гг. находилась в стабильном состоянии, была существенно снижена протестная активность населения. Погашены открытые этнические конфликты, и если не считать отдельные вспышки агрессии, то может показаться, что политический класс в этот период справился с большинством социальных проблем, в том числе заморозил многочисленные проблемы в сфере этнонациональной политики.

В последнее десятилетие особую значимость приобрела задача преодоления сложившихся противоречий в развитии федерализма и национальной политики. Произошли заметные и закономерные сдвиги в сторону унитаризации. Они были характерны для управленческой (назначение губернаторов), образовательной (введение ЕГЭ), судебной (принятие Закона о судебной системе), налоговой (увеличение федеральной доли налогов, укрепление налоговой дисциплины) систем и др. Не менее важную объединяющую роль сыграла устойчивость финансовой системы страны.

На неравномерность конфигурации и развития федеративных отношений влияют различия между регионами и субъектами Федерации в размерах территории, обеспеченности ресурсами, степени дотационности бюджетов и др. Но во многом эта неравномерность обусловлена также традициями, сложившейся практикой, личностными факторами. Например, Татарстан с его особой налоговой системой, собственными судами, гражданством и конституцией строил отношения с Центром на фактически конфедеративной основе. Положение других, прежде всего большинства автономных округов, мало отличалось от регионов в составе унитарного государства. В то же время подавляющая часть областей и краев взаимодействовала с Центром в рамках федеративной системы.

Многообразие внутриполитического устройства субъектов Федерации создало весьма мозаичную картину, усложняющую процесс укрепления государственности. Крупнейшие и экономически сильные регионы и федеральные города формально равны таким же субъектам Федерации, как, к примеру, малонаселенная Эвенкия. Президентские республики со стабильно удерживающими власть лидерами и весьма замкнутой структурой существенно отличаются от областей, где в ходе выборов чаще складывается реальная конкуренция и происходит смена руководства.

Логика реформ и социально-экономической трансформации общества требует адекватного видоизменения действующей модели Федерации. К этому подталкивают и перемены в системе взаимодействия элит разного уровня в ходе структурной перестройки российской экономики, а также реформирование социально-политической системы.

Процесс выравнивания начался с реформирования Совета Федерации – на тот момент вполне самостоятельного органа, выполнявшего функции представительства этнических элит, а затем привел к отмене выборности губернаторов, созданию федеральных округов и попытке ликвидации автономий. Правда, почти все это оказалось некоторой фикцией – создание округов и ликвидация автономий в реальности стали скорее бюрократическими

процедурами (имеется в виду объединение Коми-Пермяцкого АО – 130 тыс. чел. с Пермской областью и Агинской Бурятской АО – 75 тыс. чел. сельского населения с Читинской областью.) Попытались по этому же принципу объединить Адыгею с Краснодарским краем и встретили очень жесткое сопротивление со стороны местных элит и местного населения. Судя по всему, прорывов в дальнейшей объединительной работе, по крайней мере на Кавказе, ожидать не приходится.

Показательным является и достаточно удачный с политико-правовой точки зрения Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Он принят в развитие положений Федерального закона «Об общественных объединениях»⁶.

В рамках реализации созданной законодательной основы на начало 2003 г. зарегистрировано 15 федеральных, более 300 региональных и местных национально-культурных автономий, а также более тысячи других национальных общественных организаций.

На мой взгляд, национально-культурная автономия – один из эффективных инструментов управления национальными процессами, важное средство выявления и удовлетворения этнокультурных запросов граждан, достижения межнациональной стабильности, предупреждения конфликтов на национальной почве. Будучи экстерриториальным общественным формированием, национально-культурная автономия, не ущемляя конституционных прав субъектов Российской Федерации, расширяет возможности в осуществлении государственной национальной политики на региональном уровне. К сожалению, этот закон так и остался на бумаге, а деятельность национально-культурных автономий носила имитационный характер.

Сохраняются предубеждения и в общественном сознании в отношении института национально-культурной автономии. ФЗ «О национально-культурной автономии» нередко трактуется неоднозначно, не всегда в соответствии с его действительным смыслом⁷. Искусственно усложняется вопрос о том, кто является этническим меньшинством, несмотря на то что в 1998 г. Российская Федерация ратифицировала Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств. Поэтому в уточняющемся варианте Концепции актуально, по всей видимости, не столько толкование действующего федерального законодательства, сколько совершенствование его воплощения в практику.

На практике же в период 2000–2009 гг. политическая дискуссия по вопросам национального строительства свелась к разным формам русского национализма – от откровенного фашизма, представленного ДПНИ, умеренного национал-социализма, носителем

которого являлась «Родина», народного – КПРФ и государственного русского патриотизма, носителем которого является «Единая Россия». Таким образом, если основным содержанием национальной политики в 90-е годы был парад суверенитетов, то при Путине уже на государственном уровне стала активно муссироваться идея о русском народе как государствообразующем, густо замешанная на православии.

В 2007–2008 гг. по инициативе КПРФ, контролирующей Комитет по делам национальностей в Государственной думе, активно лоббировалось принятие федерального закона, определяющего основы правового положения русского народа в Российской Федерации. Смысл его сводился к констатации того, что именно русский народ сыграл исторически главную, объединяющую роль в создании единого, многонационального Российского государства. Более того, составляя преобладающее большинство населения страны, он и сегодня является его основой и опорой, не имея иной формы государственности, кроме общероссийской.

В Государственной думе прошло даже два парламентских слушания с обсуждением проекта такого закона. В конечном итоге этот закон не был принят.

Политико-правовая бессмысленность такого законодательного акта вполне очевидна. Непонятно, кому напоминают законодатели о роли русских в создании государственности? Самим себе? Русским, забывшим о своей роли в истории? Национальным меньшинствам, претендующим на создание собственной государственности, руководству национальных республик?

Ключевая опасность в переходе от гражданского дискурса к этническому в обсуждении «русского вопроса» заключается в низведении нации, пока еще являющейся частью мировой культуры, до уровня провинциального этноса, борющегося за свои права.

К сожалению, отказ от марксистской методологии анализа социальных процессов, рассмотрения структуры общества как классовой ведет к разрушению системного подхода в решении всех социально-экономических проблем в стране, в том числе полной потере критериев в управлении межнациональными процессами.

Ярким и несколько комичным примером последнего может служить запрет на постановку в Сыктывкаре «Сказки о попе и работнике его Балде» в 2006 г.:

«Профессор Московской духовной академии диакон Андрей Кураев расценил недавнее требование Сыктывкарской и Воркутинской епархии подвергнуть цензуре оперу «Сказка о попе и работнике его

Балде” как естественную реакцию православных на попытки скрытой пропаганды язычества.

Реакция Сыктывкарского епархиального управления может быть обоснована. “Быть может, это реакция не на Пушкина, а на национализм местной коми-интеллигенции, которая пробует свой народ вернуть к язычеству”, – заявил о. Андрей»⁸.

К сожалению, приходится констатировать, что этнонациональная политика в последние годы носила исключительно бюрократический характер. С той или иной степенью активности обсуждались различные аспекты этнонационального регулирования (федеративное устройство страны, национально-культурная автономия, «русский вопрос», проблема миграции и т. д.), но на практике все сводилось не к последовательной стратегии в области национального регулирования, а к управлению элитами и ситуативным реагированием.

Национальная политика не формируется сама по себе, она должна отражать реальную ситуацию с положением и взаимодействием национальных групп в государстве. Для выработки адекватной национальной политики необходима оценка трансформаций в социальной структуре и взаимодействиях национальных групп, происшедших за последние двадцать лет.

С окончанием модернистского (а более широко – просветительского) проекта, создавшего индустриальное общество и его структуры, где основания жизнедеятельности строились на сциентистском мировоззрении, научном планировании и реальном секторе экономики, изменилась социальная структура и принципы распределения материальных благ и статусов в целом. Для индустриального общества основным критерием получения статуса были образовательные и профессиональные навыки, вклад личности в создание общественного богатства, для неолиберальной социальной системы с ее мировоззренческим релятивизмом, виртуальной экономикой, атомизированной структурой общества все это перестало играть какую-нибудь существенную роль. Преодоление этничности в обществе модерна осуществлялось через образовательный и профессиональный статусы, в неолиберальном обществе – через доступ к ресурсам и степенью встроенности в клиентелу. Мобилизация этничности становится механизмом получения власти в интересах узких политико-экономических групп, а не в интересах развития этноса.

В этом смысле вопрос о территориальных автономиях в современных обществах представляется неоднозначным. При современном господстве монополий всегда будет сохраняться опасность,

когда автономия будет работать в интересах транснационального капитала, против собственного государства и даже своей субъектности.

Размышляя о возможных сценариях развития мировых экономических и политических процессов, нельзя забывать, что в рамках нынешней системы у многих стран и народов нет будущего. Они либо перестанут являться субъектами исторического процесса, либо вовсе утратят национальную и культурную идентичность.

Времена относительно мирной глобализации кончились вместе с резким обострением глобального экономического кризиса.

Изменить эту ситуацию можно только, предложив обществу новый проект развития, который позволил бы выйти из затяжного морального и экономического пике.

Примечания

- 1 *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981. С. 23.
- 2 *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения. М., 2003. С. 38.
- 3 *Он же.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. 1989. № 5.
- 4 VII съезд принял Программное заявление партии «Единая Россия» [электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Единая Россия». [М., 2008]. URL: <http://www.edinros.ru/rubr.shtml?110100> (дата обращения: 03.06.2009).
- 5 *Примаков Е.М.* Минное поле политики. М., 2007. С. 257.
- 6 См.: СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
- 7 *Хабриева Т.А.* Правовые и организационные основы национально-культурной автономии в РФ. // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 32.
- 8 Независимая газета. 2006. 20 сент.

Ведущая научная школа «Новые явления в общественном сознании и социальной практике» (рук. Ж.Т. Тощенко)

В данном разделе публикуются статьи, подготовленные группой преподавателей, аспирантов и выпускников социологического факультета по тематике научной школы «Новые явления в общественном сознании и социальной практике» (грант Президента РФ НШ-883.2008,6) и проекта РГНФ № 07-03-207а «Охлократия: история и современность» (рук. Ж.Т. Тощенко). Они затрагивают широкий круг проблем. Во-первых, это общие проблемы, связанные с парадоксами в жизни общества, его специфическими проявлениями, такие как кентавр-проблемы, манипуляция общественным сознанием, демагогия, социальное одиночество, плутократия; во-вторых, это деформации социальной практики, такие как плутократия, ксенофобия, эффект ореола, и в-третьих, фантомные процессы (возникновение и формирование молодежной субкультуры готов, феномен хамелеона, снобизм), которые являются специфическими проявлениями современной жизни России.

Анализ исследуемых процессов обогащает представления об общественном сознании, открывает новые его грани и лакуны, позволяет увидеть новые социальные практики или назревающие тенденции в развитии общества. Этот анализ имеет и огромное прикладное значение, ибо использование этого знания повышает эффективность управления, обучения и всех действий, направленных на совершенствование взаимодействия в происходящих общественных процессах.

Ж.Т. Тощенко

КЕНТАВР-ПРОБЛЕМА КАК ФОРМА ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ

Кентавр-проблема была выявлена в процессе исследования парадоксов как специфическая категория общественного сознания, поведения и социальной практики. Их исследование позволяет изучить менее известные, дискуссионные вопросы природы познания и преобразовательной деятельности, выявить специфику отношения знания и реальности, условий ее истинности и достоверности.

Кентавр как реальность не существует – он является продуктом размышлений и воображения. Он предстает в человеческом сознании как *соединение несоединимого*. Более подробный анализ показывает, что исследование мира во всех его проявлениях ведет нас к открытию таких проявлений кентавр-проблемы, как кентавр-явления, кентавр-процессы, кентавр-образы, кентавр-идеи.

Ключевые слова: общественное сознание, парадоксы, кентавр-проблема, познание, социальная практика.

Познание современной российской действительности привело к тому, что наука и практика столкнулись с необходимостью интерпретировать не просто определенные противоречия, а их специфические проявления, особые формы их реального существования, по своей сути обозначающие трудноразрешимую, а иногда и непреодолимую проблему, возникающую в результате сопоставления данных наблюдения (опыта, исследования) и их мысленного анализа.

Среди нового видения проблем общественного развития следует особо остановиться на феномене кентавр-проблем, которые заняли значительное место как в официальной политике, так и в реальной жизни современного российского общества.

Прежде чем перейти к данной теме, для более обстоятельного анализа этого феномена сначала совершим небольшой истори-

ческий экскурс в прошлое. Напомним один из мифов древней Греции: в фессалийских горах жило племя, мужчины которого никогда не спешивались. Они отличались воинственностью, буйным нравом и невоздержанностью. Воины этого племени постоянно нападали на греческие полисы, грабили их, убивали всех непокорных и так же быстро исчезали, как и появлялись. Именно этот образ и породил представления о кентаврах, в которых сочеталась возможность *объединения двух взаимоисключающих начал – человека и лошади*.

Если ограничиться одним вышеприведенным примером, то данное порождение человеческого разума можно отнести к разряду своеобразных временных протуберанцев сознания. Но такое видение окружающего людей мира – отнюдь не исключительное явление. Можно вспомнить о египетских *сфинксах*, представление о которых было впоследствии воплощено в древней Элладе в виде крылатой полудевы-полульвицы, обитавшей в скалистой пещере возле Фив. В древней мифологии мы встречаем и такое уникальное явление, как *химеры*, которые были еще причудливее кентавров и сфинксов: голова льва, на спине вторая голова – козы, а хвост то ли змеи, то ли дракона.

Такие порождения человеческого разума присущи практически каждому народу. У славян есть *русалки* – полудевы-полурыбы, которые достаточно широко представлены не только в сказаниях, былинах, но имеют хождение и в рамках повседневного примитивного сознания. Подобные перечисления можно продолжать: в мифологическом сознании русских, украинцев, белорусов живут представления о *леших* (хозяин леса, одетый в шкуру со звериными атрибутами – рогами, копытами), *домовых* (образ старика, покрытого белой шерстью, превращающегося в кошку, собаку, иногда змею, крысу или лягушку), *водяных* (облик мужчины с отдельными чертами животного – лапы вместо рук, рога на голове), *кикиморах* (злой дух, женщина-невидимка) и других чудищах, которыми полны народные сказания.

В рамках религиозной мифологии мы встречаемся с *ангелами* – человекоподобными существами с крыльями, которые несут людям добро, благие вести, успокаивают и поддерживают в трудную минуту. Средневековая история сохранила и такое представление о некоторых образах и особенностях людей, которые оборачивались для их носителей многочисленными бедами, – так называемых *колдунах*, *ведьмах*, воплощавших в себе человеческие и нечеловеческие начала и с которыми самым жестоким образом расправлялись: убивали, сжигали на кострах, изгоняли.

Анализируя данное проявление человеческого разума, можно возразить, что все эти примеры совмещения несовместимого, сочетания несочетаемого существуют в воображении людей, в мифологии, в сказках как виде народного творчества, когда человек не научился выделять себя из окружающей его природы, когда он и все вокруг него сливалось в единый образ неразрывного, неделимого мира. Конечно, с точки зрения научного познания, естественно-научной картины мира – это абракадабра. Любой биолог скажет, что человек и конь (змея, лев, коза и т. д.) – существа разнородные, что у них разный набор хромосом и потому у них видовая генетическая несовместимость.

Если разобраться по сути, то нужно в этой канве рассуждений не забыть одно принципиальное положение: этих кентавристических проявлений как реальных объектов никогда не существовало – они были порождением своеобразных, фантастических представлений о неких мыслимых образах, явлениях и процессах. Образ кентавра отражал парадоксальное состояние сознания, порождающего уникальный феномен, которого не было в окружающем реальном мире. Своеобразное осознание (представление) воображаемого мира воплощалось в некоем образе, означавшем возможность совмещения несовместимого. Иначе говоря, *кентавр – воплощенная несовместимость разных начал, взаимоисключающих друг друга, но каким-то образом преодоленная, что можно представить и как метафору сочетания несочетаемого.*

Значит ли это, что кентавры существуют только в фантазии и никакого отношения к реальному миру не имеют?

В XX в. наука столкнулась с необходимостью познания реальных кентавр-проблем. Приведем один наглядный, характерный пример, нашедший яркое воплощение в существовании элементарных частиц атома – электронов, позитронов, которые можно назвать микрокентаврами. И в самом деле, эти элементарные частицы по своей сути одновременно олицетворяют, воплощают в себе свойства и частицы, и волны, что противоречит не только классической физике, но и нашему здравому смыслу, отвергающему такую двойственность как физическую бессмыслицу. А сколько драм произошло на пути к этому выводу, ибо ум ученых и проводимые ими экспериментальные проверки долгое время находились в состоянии парадоксальности: такие великие мыслители, как Макс Борн, Альберт Эйнштейн, Эрнст Резерфорд, много лет не могли осмыслить противоречивость открытых ими явлений. Лишь Луи де Бройль, а затем Нильс Бор рискнули соединить несоединимое, согласно которому атом предстал кентавром. Луи де Бройль доказал, что электрону присуща способность пребывать в двух

ипостасях – частицы и волны. Это была своеобразная революция, положившая начало новейшему физическому мировоззрению¹.

В XX в. кентавристики подходы к объяснению и трактовке тех или иных процессов или явлений стали характерны и для других наук. Были выявлены удивительные, парадоксальные процессы, которые были обнаружены как естественными, так и социальными, гуманитарными науками. Они (эти явления и процессы) назывались (определялись) различными терминами (понятиями), и поэтому долгое время казалось, что речь идет о разной их природе, об их несопоставимости и специфичности. Однако со временем стало выясняться, что, несмотря на кажущуюся несравнимость, они удивительным образом обнаруживали некое единство, что позволяло говорить об уникальном феномене, имеющем одну общую, хотя и парадоксальную, природу и основу. Представители разных наук называли их различными терминами: физики – волной–частицей и пространством–временем; биологи – фенотипом–генотипом; психологи – сознательным–бессознательным; лингвисты – синхронией–диахронией; математики – бинарной системой исчисления; историки – подвижной–неподвижной историей; философы – феноменологией–структурализмом; юристы – авторским правом – свободой слова; писатели – потоком сознания, новым романом; художники – коллажами, инсталляциями, ассамбляжами; музыканты – классической–легкой музыкой; искусствоведы – ренессансом барокко и иконологией–иконографией².

В попытке осмыслить эти разнообразные определения открытых или открываемых явлений наука возвращается к одному забытому термину, который ранее употреблялся в основном в мифологии и в литературе, ее описывающей и ее осмысливавшей. Речь идет о таком уникальном термине, как *кентавр-проблема*, который позволяет объединить (охватить) единым понятием разнообразный класс процессов и явлений, встречающийся как в познавательной, так и в преобразующей деятельности человека.

Иначе говоря, были выявлены такие явления, которые нельзя было объяснить только противоречиями в процессе познания. Наука столкнулась с реальными казусами, которые опровергали ранее существовавшее знание и которые в отличие от представлений о лешем или ведьме никуда не исчезали и не устранялись.

Что касается современной российской действительности, то она во многом характеризуется процессами и явлениями, которые несут в себе взаимоисключающие начала и характеризуются парадоксальными, несочетаемыми признаками, что позволяет обозначить их как кентавр-проблемы.

Прежде чем начать их анализ, хотелось бы подчеркнуть принципиальное различие между понятиями «антиномия» и «кентавр-проблема». Если первое связано с утверждением И. Канта о двух противоположных умозаключениях, которые в одинаковой степени и истинны и ложны, в одинаковой степени доказуемы и недоказуемы, то в кентавр-проблеме сосуществуют взаимоисключающие положения, которые только на первый взгляд выглядят как нечто единое целое. Но облик такого единого целого не может скрыть несовместимость существования взаимоисключающих положений, идей, утверждений, что в конечном счете ведет к уничтожению (исчезновению) таких феноменов или появлению новой качественно иной определенности (неопределенности).

Если внимательно проанализировать окружающую нас действительность, то мы вынуждены будем признать, что с кентаврами мы встречаемся постоянно. Они рождаются, функционируют, окружают нас повсеместно. Причем, *в условиях неопределенности политического и экономического курса они имеют тенденцию расти, увеличиваться, множиться, образуя все большую противоречивость происходящих общественных процессов*. Такая ситуация ведет к тому, что в реальности рождаются такие образования, которые пытаются совместить прямо противоположные сущности, происходит парадоксальное (механическое, иногда чудовищное) их совмещение, что при обстоятельном научном анализе показывает их нежизнеспособность, их ограниченность, а порожденные различные квази-, псевдо- и эрзацпроцессы и явления неминуемо ведут к деформации общественной жизни, ограничивают принятие действенных мер по решению назревших вопросов.

А так как кентавр-проблемы проявляют себя в самом разнообразном обличье, то есть назревшая необходимость рассмотреть их в *виде кентавр-идей, кентавр-явлений, кентавр-процессов, кентавр-образов, кентавр-личностей*.

Начнем с *кентавр-идей*. По одной из идей либерализма постсоветская Россия должна быть создана как демократическое государство. Но реально получился вполне земной авторитарно-демократический кентавр: демократия для элиты (политического класса) и демократически припудренный авторитаризм – для остальных. Прав был В. Третьяков, утверждая, что «Конституция 1993 года явно не соответствует реальностям жизни России и ее политической практике... Это инструкция по управлению другим механизмом, другой страной – не Россией». Именно этот вывод заставил политолога еще в 2004 г. утверждать, что кентавризм Конституции обязательно приведет к тому, что политическая власть «неизбежно выйдет за пределы Конституции»³. И 2008 г. стал

первой ласточкой в реализации этого предвидения. В Конституцию были внесены существенные коррективы, все больше подвигающие страну к авторитаризму, но припушенному демократическим пеплом: президент и парламент получают власть на более значительный отрезок времени (президент до 12 лет, а Дума до 10) при некотором символическом увеличении роли партий (победившая партия в регионах получает право предлагать своего кандидата) и некоей воображаемой ответственности членов Совета Федерации (ими могут стать только депутаты любого уровня в представляемом ими регионе, при мастерстве манипуляторов прекрасно можно обойти этот закон, проведя даже в поселковый совет любого банкира или лоббиста).

При объяснении сущности демократии мы встречаемся с самыми различными умозаключениями. Для одних – это самодовлеющая ценность, ради которой можно пожертвовать всем. Для других демократия – это возможность ущемить тех, кто стоит на их пути, ради этого можно обозвать своих противников какими угодно терминами – коммунистами, националистами, «дерьмократами» и даже патриотами, под которыми они понимают негодяев. Для третьих – эта возможность, при которой никто не будет мешать захватить куски чужой собственности, применять любые («демократические») пути сохранения своей власти. Для четвертых – это соединение своих преступных капиталов с получением власти, стремление обелиться, перейти в иное состояние (для этого сорта людей характерны ссылка на то, что многие капиталы в США были изначально преступными, но их наследники стали вполне достойными и добропорядочными гражданами). А в реальности в России образовалась чудовищная смесь самых различных принципов и установок, совместное существование которых можно рассматривать только как исключение, годное на определенный промежуток времени.

В результате что мы имеем? Любой желающий может привести доказательства того, что мы имеем демократическую страну. И будут приведены соответствующие доводы, которые на самом деле существуют. Не менее убедительны будут и доводы, что мы имеем дело с авторитарным государством. А попытки объяснить сущность созданного политического строя при помощи «управляемой», а затем «суверенной» демократии ничуть не проясняют того, что все же собой представляет современная Россия. И в этой ситуации можно прибегнуть только к термину «кентавр», и тогда вполне объяснимо соединение и сосуществование в этом феномене взаимоисключающих начал. А может, это реализация слов А. Солженицына, произнесенных им на общем собрании Российской

академии наук, посвященном 275-летию со дня ее основания: мы живем «в условиях уникального в человеческой истории пиратского государства под демократическим флагом»⁴.

Что касается *кентавр-явлений*, то в современной России мы имеем такое огромное их количество, что даже трудно перечислить. Но суть их также остается достаточно ясной – сосуществование взаимоисключающих характеристик в реальной жизни, которые оправдываются только воображаемой (виртуальной) действительностью, но не самой логикой общественного развития. Что, например, представляют собой современная трактовка свободы слова и ее реальная реализация в политической жизни страны? Практически она находится в распоряжении тех, кто имеет деньги и власть. То есть эта свобода в реальности существует для очень ограниченного количества людей, а всей остальной массе она доступна только в гипотетическом плане. Люди (в своей массе) могут высказать свое мнение только в своем непосредственном окружении (а значит, результативность и эффективность этой возможности фактически нулевая). Но довести свое мнение до сведения большой аудитории через телевидение, радио или газеты (а в последнее время и через массовые мероприятия) невозможно – доступ ограничен и практически закрыт, ибо в стратегии воздействия на общественное сознание оперируют те, кто обладает политическим влиянием или возможностью экономического давления. Однако постоянное провозглашение свободы слова создает эффект присутствия, и поэтому по мнению 40% россиян они имеют возможность использовать свободу слова⁵ (В.Э. Бойков, 2004), хотя эта с возможность часто ограничивается пределами ближайшего окружения или собственной кухни. И это при том, что доверяют СМИ, то есть тем каналам, которые реализуют свободу слова, не более 10–15% людей. Создается кентавр-ситуация – «свобода слова в обществе, в котором большинство фактически лишены этой свободы» и «существование свободных СМИ, которым большинство населения не доверяет». Но зато торжествует видимость: можно говорить, что душе угодно. Только где и кому? И кто будет тебя слушать, если у тебя нет административного, политического или экономического ресурса? Показательны в этом плане данные Левада-центра: при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, Вы можете повлиять на политические процессы в России?» только 1% ответил «определенно, да», 7% – «скорее, да», при 87% отрицающих эту возможность (причем 51% эту возможность полностью отрицают)⁶.

А что такое современные российские профсоюзы? Это соединение двух основных групп – работодателей и работников, интересы

которых разноплановы, разнонаправленны и имеют прямо противоположную ориентацию. Если в советское время эти интересы не так остро противостояли друг другу, то в условиях рыночной (псевдорыночной) экономики все попытки их примирить или соединить в одно органическое целое ни к чему не приводят (или дают кратковременный эффект). Именно противоположность их интересов объясняет то, что профсоюзы в этом кентавристском взаимодействии ничего собой не представляют. Или они занимают соглашательскую политику и, соответственно, не могут защитить интересы большинства. Или отражают точку зрения предпринимателей, которые подмяли под себя профсоюзы. Попытки построить независимые профсоюзы в реальной жизни не получили распространения, и в настоящее время по сути они не отличаются от традиционных объединений. И таковыми они будут до тех пор, пока не будут разделены на соответствующие социальные объединения (союзы), которые будут отражать коренные интересы однородных групп, а не игнорировать, мимикрировать или подминать под себя интересы другой стороны, которые также имеют право на существование. В этом смысле исследовательские программы призваны исходить не из того, как примирить интересы или соединить их в неразрешимом противоречии, а признать их принципиальные различия, их несовместимость и соответственно по-иному выстраивать взаимодействия между ними⁷.

Это перечисление явлений-событий и явлений-фактов можно продолжить. Так, возьмем, к примеру, образование новых акционерных и частных предприятий. Они были созданы по такому принципу: бывшие нефтяники создавали свои нефтяные компании, бывшие машиностроители – свои заводы, бывшие банкиры – свои частные банки после ухода из государственных банков. Более того, многие руководители, топ-менеджеры, работая на государственных предприятиях, создавали параллельный бизнес. Такие кентавр-объединения, будучи построены на взаимоисключающих началах, завершали свое существование одним и тем же: оттянув на себя заказчиков, финансы, доводили «чужое предприятие» до краха, после чего оно прекращало свое существование, да еще и оставалось должно вновь выкормленному «упырю»⁸.

Показательна в этом смысле также реформа по монетаризации льгот, которая, реализуя принципы крайнего либерализма, в конечном счете пыталась навязать народу представление о тех благах, которые он получит, если согласится на это «облагодетельствование». И авторы этой реформы не только не поняли, но и обиделись на «быдло» (народ), которое-де не понимает своего счастья, бастует, протестует и выказывает самые разные признаки недо-

вольства. Это соединение взаимоисключающих начал – интересов либерально мыслящей политической бюрократии с интересами населения (в данном случае пенсионеров) – четко обозначило кентавристскую установку такой политики, показав (в виде акций протеста, отрицания его значимости и полезности для людей) несовместимость этих двух противоположных ориентаций.

Что характерно для кентавр-явлений?

Во-первых, они предстают перед нами как *факт*, который произошёл и соединил в себе взаимоисключающие начала. Эти начала имеют принципиальное значение и чаще всего выступают в виде несовместимости интересов вовлеченных в его достижение людей, социальных групп, преследующих взаимоисключающие социальные цели.

Во-вторых, кентавр-явления предстают как *события*, в которых произошло совмещение несовместимых по своей природе начал. Так, история (в том числе и современная) знает, когда для осуществления тех или иных акций, особенно в борьбе за власть, объединялись взаимоисключающие по своим установкам и целям политические партии, организации.

В-третьих, кентавр-явления выражаются через несовместимые с привычным представлением *акты поведения людей*, которые имеют внешне большой привлекательный эффект. Например, такие действия, как поход Ельцина в районную поликлинику в период борьбы за власть и против советских привилегий, был по сути и по форме абсурдом. По сути – он был рассчитан на внешний эффект, ибо никогда ни до этого, ни после этот акт не стал нормой образа жизни этого человека и примкнувших к нему людей. По форме это действие сопровождалось огромной армией журналистов, фоторепортеров, что лишний раз подчеркивало неестественность и даже абсурдность происходящего, но имело внешний, формальный, а не сущностный аспект.

И, наконец, кентавр-явление помогало скрывать сущность происходящего, *камуфлируя содержание*, то, что составляет основы того или иного события, процесса. Показательна в этом смысле реформа по обеспечению лекарствами и льготами части населения, которая, реализовывая принципы крайнего либерализма, пыталась навязать народу представление о его благе. Закономерным итогом такой «заботы» стал массовый отказ от этой услуги, обозначив печальный конец этого кентавристического начинания.

Третью группу кентавр-проблем образуют *кентавр-процессы*, которые характеризуют последовательность протекания тех или иных актов, действий.

Одна из священных коров либерализма – незыблемость прав собственности. Но что творится в этой сфере – трудно подвергается описанию, а тем более анализу. Не претендуя на всестороннее рассмотрение этого кентавр-процесса, остановимся на некоторых его аспектах. Так, любимой темой упреков в адрес социалистических идей и особенно их воплощений в первые годы Советской власти стало обвинение в том, что в полной мере реализовывался принцип «грабь награбленное». Мол, под этим лозунгом всякая шпана, так называемые бедные (они же и бездарные, и никчемные) грабили и российских капиталистов, и оставшихся помещиков, и вообще богатых (но подразумевается – достойных) людей. Причем «забывают», что шла экспроприация собственности под лозунгом национализации как официальной политической программы. И если тем, кто «грабил», лично в лучшем случае достались стулья и прочая мебель, одежда и различная утварь, то сами здания, сооружения, станки, оборудование, земля и другие объекты недвижимости становились государственной (или другое выражение – общенародной) либо коллективной собственностью. Иначе говоря, шел процесс национализации, хотя он и сопровождался различными эксцессами.

Прошли годы. Статья 8 Конституции РФ декларировала соблюдение прав собственности (причем в ней говорилось не только о частной, но и государственной, муниципальной и прочих видах собственности). Однако она стала трактоваться многими политиками и рядом наших коллег только как исключительное право частной собственности и при полном игнорировании других прав собственности – прав государства, прав общественных организаций, прав коллективов. А что получилось на самом деле? Говорили «о священной собственности», а началось то, что уже проходили, – «грабь награбленное». Но при этом о воровстве уже не говорили. Подразумевалось, что здесь все в порядке, что все происходит так, как надо, – частная собственность набирает силу за счет неэффективной государственной, общественной и кооперативной собственности. В результате под этим флагом к концу 1990-х годов 22 олигарха владели 40% богатств страны. А те, кто ухватил более мелкие куски государственной или общественной собственности, тоже считали нормальным свое приобретение, хотя и выражали недовольство, что им мало досталось. А если разобраться по сути, то это был тот же грабеж, то же «грабь награбленное», но так его не называли. Наоборот, захваченное стали объявлять «священной» собственностью, которую никто не смеет затрагивать.

В 2000-е годы произошел следующий виток «грабежа награбленного». Особенно это коснулось средней и мелкой собственности.

Ее владельцы не могли уповать на «священность» своего приобретения. Начался расцвет рейдерских захватов, число которых к 2008 г. достигло 70 тыс.⁹ Оказалось, что «священное право собственности» можно трактовать и перелицовывать по праву сильного, ловкого, нахального, если лакомый кусок желателен для претендента. Но об этом никто не заявляет открыто, хотя, по сути дела, нарушения прав собственности налицо, и не в единичных случаях, а в массовом масштабе. И при этом твердят о «священном праве собственности».

В результате идея неприкосновенности собственности в реальном воплощении стала своеобразным кентавром: она соединяет в себе политическую декларацию и одновременно реальное массовое ее нарушение. Причем последнее проводится в интересах малой группы людей при полном отстранении народа от этой собственности. И о том, что была нарушена мера, произошла абсолютизация одной формы собственности в ущерб другой, говорят и нынешние события, связанные с финансовым и экономическим кризисом: частная собственность не стала гарантией безопасного и устойчивого развития, и потребовались гарантии государства, которые фактически во многом выливаются в процесс ренационализации.

К кентавр-процессам можно отнести и проблемы, связанные с реформой нашего образования, с теми действиями, которые сопровождают включение страны в так называемый Болонский процесс, под которым подразумевается двухуровневая структура получения высшего образования – подготовка бакалавра (3–4 года) и магистра (1–2 года). Но это не просто разделение на два этапа подготовки – низшую и высшую. Это принципиально иная структура, когда, образно говоря, на уровне бакалавриата учат всему и вся (отходя от сложившегося в нашей стране предметного образования) и лишь потом приступают к обучению по той профессии, по которой будет или собирается работать человек. «Дело в том, – говорит бывший ректор РГГУ Ю. Афанасьев, – что болонская модель ... предполагает две базовые вещи: модульный подход и кредиты. Модульная система означает отказ от предметного преподавания и введение целенаправленно расширенных образовательных программ, в которых междисциплинарные границы расширены и рассматриваются совсем иначе, чем в архаичных традиционных формах»¹⁰.

Результат такой политики – *создание мозаичной культуры*, в которой соединены вещи, исключая использование исторически оправданного университетского (высшего) образования в России. Это осознается многими, протесты довольно значительны,

начиная с ректора МГУ В.А. Садовниченко. И при свирепом нажиме Минобрнауки РФ создается некий кентавр, который пытается «соответствовать» западным требованиям и в то же время сохранять определенные достижения российского высшего образования, накопленные почти за трехсотлетнюю историю его существования. А на деле это означает разрушение интеллектуального потенциала, кардинальное изменение общеобразовательной и довузовской подготовки, коренная перестройка кадровой и социальной политики по отношению к преподавателям и сотрудникам вузов¹¹.

Итак, какими чертами характеризуются кентавр-процессы?

Во-первых, кентавр-процессы имеют свои особенности и специфику в зависимости от того, в какой сфере общественной жизни они рождаются – в сфере экономики, политики, социальной или духовной жизни. Особенно это характерно для экономики и политики. Так, нельзя не обратить внимания на то, что в современной России появились уникальные хозяйственные структуры (бывшие колхозы и совхозы, некоторые предприятия, организации), которые образуют фантазмагорическую картину соединения социалистических и капиталистических начал, противоречивых приемов обеспечения социальной защиты и социальных гарантий, достижения эффективности производства, новых методов управления. Причем, как показывает практика, такие кентавры-предприятия оказываются более устойчивыми, чем их аналоги, придерживающиеся принципов только либеральной экономики. Хотя, как ни печально это признавать, возможность их существования в основном опирается в умелого руководителя (кстати, на этом же самом держались в советское время многие передовые предприятия, колхозы и совхозы)¹².

Во-вторых, кентавр-процессы можно разделить по стадиям их зарождения, развития и затухания (прекращения действия) или дальнейшего развития. В этом смысле важно рассмотреть концепцию конвергенции, которая долгое время отвергалась по принципу, что она пытается совместить в себе несовместимое. Сравнивая развитие двух систем – капитализма и социализма – многие ученые пришли к выводу, что можно говорить не о той или иной системе в отдельности, а об их взаимопроникновении, взаимообогащении, сближении. В СССР эту проблему в ее общественно-политическом обличье во всей ее планетарной значимости поставил академик А.Д. Сахаров. Между тем реальная практика существования ряда западноевропейских стран наглядно показала, что многие из них в определенной степени реализовали как социалистические, так и капиталистические принципы хозяйствования, организации общественной жизни. Более того, выросло поколение людей, в том

числе и в нашей стране, которые глубоко убеждены в возможности сочетания внешне несочетаемых социалистических и либеральных начал. Их сознание, как показывают социологические исследования, акцентировано на тех моментах, которые являются общими для этих двух мировоззрений, – признание инициативы, поиска, понимание необходимости социальной защиты, вера в технический прогресс и ряд других общих характеристик. В этой ситуации люди видят нечто, объединяющее эти две взаимоисключающие позиции, и дополняют тем, что они считают рациональным, значимым, важным из этих двух разных подходов. Вот на этой основе и получается кентавр-процесс, хотя в таком случае мы уже можем объяснить его существование и его распространенность, а не просто исключительность и парадоксальность. Следовательно, кентавризм в сознании и поведении людей может быть преодолен через поиск некоторых общих (и значимых) характеристик, которые можно рассматривать с точки зрения теории конвергенции как начало в преодолении сочетания несочетаемого.

Четвертую группу кентавр-проблем образуют *кентавр-образы*, которые призваны наглядно олицетворять кардинальные характеристики или черты всего российского общества или отдельных его частей, призванные убедить, вдохновить и направить усилия людей на общее или групповое благо. Возьмем, к примеру, существующий Гимн России. Сохранив величественную музыку А. Александрова, С. Михалков в третий раз модифицировал слова, в результате чего наряду с некоторыми отголосками социалистических идей был усилен патриотический (националистический?) аспект с примесью бога (и это в светском государстве?!). Чем не кентавр? Гимн должен отражать сущность государства, его основы, его нацеленность на решение исторических задач, а на деле является причудливой смесью взаимоисключающих идей (начал).

А если перейти в более широком плане к образу жизни людей в российском обществе, то можно задать вопрос: есть ли некий образ, ориентир, по которому можно строить работу с населением, особенно подрастающим поколением? Анализ реальности позволяет сделать неутешительный вывод. С одной стороны, миллионы людей заняты своей работой – на заводе, в институте, в лаборатории, в фирме и т. д. – и ведут такую жизнь, которая состоит из обычных человеческих ценностей. Но с другой стороны, обществу посредством СМИ навязывают другой стандарт ее организации – или богемный, или девиантный. Программы телевидения, радиопередачи, страницы газет и журналов полны или восторженных рассказов о жизни киноактеров, спортсменов, банкиров, в целом удачливых людей, и в то же время очерками из жизни преступников,

проститутки, бандитов. А где рассказы о жизни тех, кто растит хлеб, строит дома, делает машины, стоит у кульмана, проводит научные эксперименты, учит детей? Эти кентавр-образы создаются и рекламными роликами финансовых пирамид, пропагандирующими не напряженный, творческий труд, а возможность словчить, урвать, понадеяться на неведомую удачу, которая достанется просто так. И что мы имеем в результате? У людей, особенно у подрастающего поколения, формируется искаженное представление о реальности, складывается желание вести такую жизнь, которая совмещает несовместимое, что, в конечном счете, приводит к массовым трагедиям, отклонениям, преступлениям. А иначе и быть не может, ибо пропаганда «халявного» образа жизни (выиграю миллион, достанется неизвестно откуда взявшееся наследство, обману, убью, ухвачу) или жизни, которую можно провести в духе лжеромантики (продавать душу или тело, но иметь деньги и успех), стала практически единственной установкой, исключительной ценностной ориентацией. Почему экраны телевизоров, страницы газет и журналов заполнили сообщения о конкурсах песни среди заключенных, уголовников и нет никаких сообщений о той же самодеятельности среди людей, которые ежедневно, постоянно ведут свою трудовую жизнь, растят детей, создают материальные и духовные блага и услуги? Я ни в коем случае не против такого рода воспитательного воздействия среди уголовников, но если ради них забываются нормальные люди, то не удивительно, что увеличивается число людей, в которых растут кентавристикие намерения и желания.

Какие черты характерны для данного типа фантомов?

Они *иррациональны* по своей сути, ибо являются соединением не просто взаимоисключающих, а враждебных друг другу начал, взаимно убивающих друг друга. Ведь выход из преступного мира, из наркомании, из проституции так же редок и необычен, как и возвращение новых русских к нормальной жизни работающего простого человека. В отношении первых мы можем на пальцах перечислить такие примеры, а в отношении вторых можно привести народную мудрость: «Вышедшие из народа возвращаются в него только по приговору суда» (и то далеко не всегда).

Кентавр-образы создаются *под впечатлением эмоциональной компоненты*, когда в сознании людей провоцируется зависть, жажда богатства без должной работы, стремление выделиться из окружения любым способом, болезненной реакцией на неоправдавшиеся усилия. СМИ и особенно глянцевого журналы порождают у небольшой части молодежи желание быть такими же, как изображаемые на их страницах люди. Причем способы достижения все хороши,

важна цель – быть богатым, быть предметом поклонения, быть потребителем всевозможных благ, которым обладают только избранные. И в то же время СМИ не пишут о тысячах загубленных жизней, цель которых была связана с завышенными и просто авантюристскими ожиданиями.

Кентавр-образы *имеют значительный виртуальный потенциал*. Это в одинаковой степени относится как к богатым (дворцы, в которых они живут, курорты, на которых они отдыхают, одежда, которую они носят и т. д.), так и к девиантным группам (особый стиль поведения, татуировки, песенный набор и т. п.). Именно этот зрительный ряд создает соответствующие типы организации своей жизни, когда в ней огромную роль играют внешние эффекты, а не рациональное восприятие действительности.

И в заключение остановимся на характеристике кентавр-личностей, которые воплощают в себе несовместимые, на первый взгляд, черты.

Быть кентавр-личностями – удел многих россиян, ставших современниками смены общественно-экономических и политических основ общества в России. Исходной базой такого вывода является то, что, по мнению академика Б. Раушенбаха, «всякий нормальный человек рождается с задатками кентавра»¹³.

Личностный кентавризм был выявлен в процессе социологических исследований парадоксов, которые стали весьма характерной чертой современной общественной жизни. Суть данного феномена заключается в том, что в условиях рыночных экспериментов массовым стало уникальное явление, когда одни и те же люди одновременно придерживаются взаимоисключающих социальных и политических суждений, ориентаций, одновременно исповедуют противоположные, противоречащие друг другу установки¹⁴. Причем это явление не является чем-то умышленным, нарочитым или фальсифицирующим состояние индивидуального, группового или общественного сознания – люди искренне верят взаимоисключающим установкам, не замечая их вопиющего противоречия. Один и тот же человек может быть одновременно и социалистом и либералом, монархистом и республиканцем. Так, человек может быть интернационалистом и шовинистом одновременно потому, что в одном случае выясняется его отношение к одной или двум проблемам и фиксируется, к примеру, позиция, тяготеющая к интернационалистским убеждениям, и одновременно демонстрирующая националистические, а иногда даже шовинистические убеждения, которые он считает истинными для себя, ибо он искренне убежден в их достоверности («я уважаю права каждого народа на свою культуру и язык» и тут же «я буду убивать армян (азербайджанцев, осетин,

ингушей)»). Иначе говоря, значительное количество людей являются своеобразными кентаврами, совмещающими взаимоисключающие взгляды и утверждения.

Такая ситуация фиксируется многими исследователями. Массовые (всероссийские) опросы позволили выявить кентавристики ориентации значительного количества населения. Они убедительно продемонстрировали тот факт, что часть тех, кто высказывается за реформы, одновременно поддерживает плановое ведение хозяйства, а те, кто против реформ, выступает за рыночную экономику¹⁵.

Социологические исследования позволили выявить это уникальное состояние, охарактеризовать его не как каприз и даже не как исключение, а, скорее всего, как своеобразную, нетипичную, но распространенную норму, которая весьма характерна для сознания и поведения людей в период кардинальных общественных изменений.

А может, следует предположить, что в условиях кардинальных перемен люди становятся кентаврами, а их сознание и убеждения представляют собой яркий образец сочетания несочетаемого, но с позиций того понимания действительности, которое преобладало в то время и которое продолжает доминировать во многом и до сих пор. Ведь до сих пор многие не могут представить, как могли уместиться в одном человеке разные стили мышления, взаимоисключающие ценности и ориентации, парадоксальные поступки.

Подобные примеры, когда человек живет в одном измерении, а проповедует идеи, отрицающие его происхождение, образ жизни окружающей среды, слишком часто проявляют себя в реальности, чтобы на них не обращать внимание, закрывать на них глаза. Так как обычное, «нормальное», мышление отказывается признавать возможность такого сочетания несочетаемого, то носителей этого сознания подозревают во всех смертных грехах: в симуляции (той или другой стороной), в сознательной фальсификации, в выполнении заданий (например, «сберечь деньги партии»), в желании подстраховаться на случай возможного прихода к власти других политических сил и т. д., и т. п.

И несмотря на эти взаимоисключающие позиции, человек и его общественное сознание едины, выступают целостным образованием, которое можно расчленивать в процессе нашего познания, но чего нельзя сделать субъекту, носителю этого сознания. Таким образом, признавая существование взаимоисключающего восприятия социальной действительности, все же надо отметить, что только при учете противоположных позиций достигается более полная и всесторонняя характеристика изучаемого процесса, явления, образа, личности. Такой подход позволяет более полно, системно

и всесторонне представить то или иное явление или процесс как обладающее уже другими характеристиками, чем составляющие его элементы.

В связи с этим следует подвергнуть сомнению многочисленные попытки как политиков, так и обслуживающих их политологических и социологических центров делить население (людей) на сторонников социализма или либерализма, монархистов или республиканцев, патриотов или интернационалистов. Реальность такова, что многие люди являются по сути кентаврами, воплощая в своем сознании и поведении взаимоисключающие взгляды и явления.

Что является результатом кентавристичности состояния общества?

Во-первых, мы имеем *расколотое общественное сознание*, которое характеризуется высокой степенью манипулируемости и поэтому находится в неустойчивом состоянии, подверженном самым различным стихийным акциям вплоть до социального взрыва.

Во-вторых, в обществе формируются *деструктивные силы*, которые преследуют взаимоисключающие цели, руководствуются групповыми (корпоративными) эгоистическими интересами, когда цели всего общества меркнут перед ними по своей значимости и актуальности, что рождает разрушительные тенденции в развитии страны.

В-третьих, незнание или игнорирование кентавр-проблемных ситуаций в обществе обрекает политиков и обслуживающие их научные центры на *ложные выводы*, создает условия для провала их решений и действий, особенно тогда, когда они продолжают мыслить по принципу линейности развития, не видя не только противоречий, но и парадоксальности многих сложившихся ситуаций.

Примечания

- 1 См.: Трофимов Д. Век Нобеля: люди и проекты // НГ-Наука. 2000. № 11 (20 дек.).
- 2 Чушин-Русов А.Е. Возвращение кентавров // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 164.
- 3 См.: Третьяков В. Нужно ли спасать демократию? // Комсомольская правда. 04.11.2004.
- 4 Цит. по: НГ-Наука. 22.10.2008.
- 5 См.: Бойков В.Э. Социология власти. М., 2005. С. 56.
- 6 См.: Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 6. С. 64.

Ж.Т. Тощенко

- 7 Проблемы профсоюзного движения описаны и проанализированы научным коллективом, возглавляемым Э.В. Клоповым и Л.А. Гордоном. См., напр.: Социологический калейдоскоп. Памяти Л.А. Гордона. М., 2003; и др. работы.
- 8 См. подробнее: *Дубровинский А.* Техасская дуэль и русская рулетка // Новая газета. 2005. № 10.
- 9 См.: Ведомости. 30.11.2008.
- 10 *Афанасьев Ю.* Болонский аршин: русский университет vs европейский. О российских перспективах в Болонском процессе // Русский журнал. 07.04.2003.
- 11 *Григорьев С.И.* Экспертные оценки отношения россиян к реформе высшей школы // Социологические исследования. 2008. № 11.
- 12 См.: *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2000.
- 13 *Раушенбах Б.* Кентавр и не кентавр // Вестник РГГУ. М., 1996. Вып. 1: Кентавристика: опыт сочетания несочетаемого. С. 73.
- 14 Подробнее см.: *Тощенко Ж.Т.* Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. 2004. № 12.
- 15 См. подробнее: *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2008; *Беляева Л.А.* Стратегии выживания, адаптации, преуспеяния // Социологические исследования. 2001. № 6.

О.Н. Козлова

МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ И СУБЪЕКТНОСТЬ В XXI веке

Статья посвящена феномену манипуляции сознанием, который все шире распространяется и одновременно существенно изменяется в современном мире. Автор предпринял попытку исследовать влияние феноменов манипуляции сознанием и манипулируемого (поддающегося манипуляции) сознания на организацию (и, вероятно, дезорганизацию) социокультурного процесса в целом, делая вывод об утрате субъектности в эпоху модерна.

Ключевые слова: манипуляция, общественное сознание, модерн, субъектность, личность.

В XX в. манипуляция общественным сознанием рассматривалась главным образом как проблема организации внутрисполитической жизни, связанная с воспроизводством прежде всего (хотя и не только) тоталитарных режимов.

Слова «манипуляция», «манипулирование» (от фр. *le main* – рука) используются в самых разнообразных контекстах для обозначения действий, ведущих к созданию *иллюзии*. Классический манипулятор (лат. *manipulare* – руководить с помощью рук) – кукловод, человек, управляющий марионетками, как бы создающий иллюзию их жизни. Результатом манипуляции *сознанием* людей являются иллюзии, которые служат руководством к действию и, таким образом, как бы тоже превращают людей в марионеток.

Однако для описания иллюзий, во множестве возникавших в общественном сознании в догражданском социуме, понятие «манипуляция» трудно, вероятно, просто нельзя использовать. Манипуляция общественным (или массовым) сознанием определяется как скрытое управление и обработка¹. Попытка представить управ-

ленца в традиционном обществе как намеренно обрабатывающего массовое сознание была бы слишком большой натяжкой. В догражданском или даже переходном к гражданскому обществу управленец отнюдь не беспокоился о сокрытии от массы, толпы, народа – в большинстве еще безграмотного даже в XIX в. – своих мотивов и целей. Что еще важнее, в определяемом и наполненном традицией общественном сознании нет места конструированию², технологизации – явлениям, непосредственно и глубоко связанным с манипуляцией массовым сознанием.

Именно XX век – век реального распространения грамотности во всех слоях общества, превращения неграмотности в аномалию – стал временем расцвета манипуляции общественным сознанием. Она конструируется как *технология преодоления критической рефлексии индивидов*, внушения им заданных манипулятором представлений, целей и ценностей как основы воспроизводства социальных практик. Эта технология всегда опирается на использование современных средств коммуникации – газет, кино, радио, затем телевидения и т. д. Важнейшей характеристикой манипуляции является *подтекст*, множественное кодирование, скрывающее направленность ее на подавление сознания людей, их воли признавать, на программирование поведения людей.

Макс Вебер уже в самом начале XX в. писал о нарастании в общественной жизни тенденций индивидуализации и рационализации. Манипуляции подвергается сознание не наивных, отчужденных от анализа общественной жизни индивидов, но именно сознание субъектов, уже основательно индивидуализированных и рационально мыслящих. Можно сказать, что именно распространение *субъектности* (то есть самостоятельности участия личности в воспроизводстве социокультурных практик) спровоцировало оформление технологии манипуляции как специфической формы управления общественным сознанием в современном обществе, направленной на сокрытие от людей несамостоятельности, заданности осуществляемого ими выбора.

Возможность *выбора* рассматривается в современном обществе как основа и главная гарантия свободы социального субъекта; соответственно, отсутствие такой возможности – как бесспорное свидетельство несвободы, ограничения субъектности. Конечно, выбор президента – не то же самое, что выбор художественного стиля или марки кроссовок. Однако, как показывают события конца XX в., отсутствие возможности выбора не только политического лидера (политической программы) или эстетической установки, но также и кроссовок или сорта сыра воспринимается и отражается в массовом сознании как несвобода.

Одновременно оригинальность выбора, осуществляемого социальными субъектами постоянно во всех сферах общественной жизни, не может не создавать трудностей в управлении, в воспроизводстве порядка и обеспечении эффективности. Манипуляция сознанием людей позволяет эти трудности преодолевать, поскольку основана на «подсказывании правильного выбора». Она ведет прямо и непосредственно к повышению эффективности действия – как в сфере политики, так и в сфере экономики и в культуре за счет сворачивания субъектности, самостоятельной критической рефлексии в духовной жизни индивидов.

Пути реализации манипуляции сознанием людей, методы манипуляции обстоятельно описаны и раскритикованы в период противостояния в мировых системах альтернативных форм развития, обозначаемых внутри одной системы как капитализм и социализм, а внутри другой – как демократия и тоталитаризм. Сохранение, воспроизводство разности этой «типизации» в общественном сознании в XXI в. являются важным феноменом, который характеризует не только устойчивость культурных форм, но также и их непроизвольность. То есть манипуляция не всемогуща, иллюзия возникает и существует в сознании только при условии подготовленности сознания к принятию этой, а не иной иллюзии. И, с другой стороны, в иллюзии как продукте манипуляции эти «объективные предпосылки» неизбежно упрощаются. При этом как несущественное, частное отмечается то, что не уместается в «простой образ». И в настойчиво воспроизводимом на Западе образе социализма как тоталитаризма, и в образе капитализма как развращенного, большого потребительства гниющего общества не нашли отражения, были забыты несущественные детали жизни людей в реальных обществах. При этом как ни действенна была манипуляция общественным сознанием, в обществе всегда возникала оппозиция, которая критиковала манипуляторов, развенчивала иллюзию в академических текстах или песнях бардов, молодежных, студенческих или рабочих движениях. Однако это не вело к полному устранению эффектов манипуляции, отказу от манипуляции. Напротив, в ответ на расширение субъектности (противления манипуляции) манипулятивная деятельность адаптировалась к новым стилистическим влияниям и расширялась.

В начале XXI в. эволюция средств манипуляции стала предметом обстоятельного анализа, например в книге С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием»³; среди методов манипуляции сознанием рассматриваются такие, как: внушение; использование частного факта как характеризующего систему в целом; замалчивание одних фактов и выпячивание других; метод фрагментации; много-

кратные повторы, или «метод Геббельса»; использование неясности – слухов, домыслов; мистификация, создание лжесобытий; метод под названием «нужны трупы»; метод «страшилок» и пр. Во всех этих способах можно увидеть два базовых элемента манипуляции сознанием, два ее атрибута:

1) целенаправленное (цель оформляется в сознании манипулятора и определяется его интересом) деформирование структуры информации;

2) намеренное психологическое воздействие, направленное на преодоление внутренних барьеров, препятствующих принятию субъектом деформированной информации, на преодоление его способности критически отнестись к этой информации. Если отсутствует хотя бы один из них, вероятно, нельзя говорить о манипуляции.

Внушение и внушаемость

Здесь возникает необходимость вспомнить о классическом анализе суггестии (лат. *suggestio* – внушение, внушаемость) и контрсуггестии (противостояние внушению, самозащита «непониманием» от повелений) как свойств, сочетание которых определило становление человека в качестве социального существа и, соответственно, развитие общественной жизни в целом. Этот анализ был осуществлен Б.Ф. Поршневым в книге «О начале человеческой истории»⁴. Поршневым исследуется внушаемость и невнушаемость, психологическую и социально-психологическую сущность этих феноменов на самых ранних этапах становления социальных отношений. Продолжая разработку идей Поршнева, Е.Н. Волков пишет: «Понятно, что суггестия как феномен и как механизм взаимовлияния людей друг на друга не растворилась без остатка в позднейших интерактивных процессах, связывающих людей, а осталась, хотя и в модифицированных формах, одним из главных “игроков” человеческой коммуникации»⁵. А потому анализ суггестии является условием для понимания технологии манипуляции, ее второго атрибута, то есть намеренного психологического воздействия.

Суггестия, как показал Поршневым, более властна над группой людей, чем над одиночкой, а также в тех случаях, если она исходит от человека, представляющего группу, общество или от непосредственных словесных воздействий группы людей (возгласы толпы, хор и т. п.) При этом, разумеется, ни толпа (олицетворение социальной неупорядоченности и деструкции или «конца социального», что так ярко описал Жан Бодрийяр⁶), ни хор (символ и олицетворение порядка как в античном, так и в современном мире, как

это показал в своем знаменитом эссе «Хор» Г.К. Честертон) не являются манипуляторами. Не в них формулируется цель и осуществляется в соответствии с нею целенаправленная деформация информации (первый атрибут манипуляции). Но способность, например, толпы оказывать внушающее воздействие может использоваться и используется в манипуляции, манипулятором.

Манипуляция общественным сознанием осуществляется не только в сфере политики, но также и в сфере экономики, культуры, в повседневности. Примеры манипуляции на бытовом уровне особенно ярко описаны в художественной литературе. Тартюф или Фома Опискин целенаправленно используют лживую патетику для внушения к себе уважения и даже любви хозяев дома, а в конечном счете – для получения материальной выгоды. Как у Мольера, так и у Ф.М. Достоевского манипуляторы терпят фиаско. Однако даже то облегчение, которое испытывает зритель, читатель от неуспеха манипуляторов, не стирает тяжелого изумления, вызванного готовностью поддаться внушению, утратить свободу сознания. Особенно у обитателей села Степанчиково. Ведь тут речь идет о податливости даже не лести. Манипуляция владельцем Степанчиково, добрым, неглупым человеком, гусарским полковником в отставке осуществляется путем эксплуатации не его эгоизма, но альтруизма. Результатом этой эксплуатации оказывается деформирование образа действительности в сознании объекта манипуляции и, как следствие, его действий.

Эта податливость внушению людей с относительно развитой субъектностью, вовсе не стремящихся, казалось бы, к отказу от свободы, – главный секрет живучести манипуляции. Схематически можно выделить два основных «идеальных» типа сознания, отличающихся отношением к манипуляции: контрсуггестивное (не поддающееся манипуляции) сознание и суггестивное (манипулируемое) сознание.

Носитель контрсуггестивного сознания бдительно охраняет свободу своей внутренней духовной жизни, свободу в определении содержания и форм самореализации в общественной жизни, путей поиска информации, ее критического анализа, переработки ее в знание. Здесь отношение к внешнему воздействию – критическое, аналитическое, настойчиво стремящееся исключить конъюнктурность. Правда, этот идеал субъектности в реальном социокультурном процессе оказывался пока в одной из двух позиций: или стабильно пребывал на периферии общественной жизни, в так или иначе моделируемом отшельничестве, в пространстве маргинальности; или находился в эпицентре социальных практик, навязывая свою позицию другим, манипулируя другими, –

и в результате неизбежно оказывался в обратной зависимости от манипулируемых.

Второй идеальный тип – сознание субъектно-неустойчивое, готовое поддаться манипуляции. Характер открытости внешнему воздействию в этом случае можно определить как неровный, сегментарный, то есть такой, для которого свойственно некритическое восприятие информации (воздействия) одного рода в сочетании с категорическим неприятием информации (воздействия) другого рода, исходящей из иных источников. Этот тип сознания, опять таки схематически, разделяется на неосознанно-внушаемое – донаучное, или наивное сознание; и «осознанно»-внушаемое сознание, чья податливость манипуляции основана на внутреннем (подсознательно или даже сознательно аргументированном) отказе от контрсуггестии. Разумеется, в реальности наивный и расчетливый конформизм, до-рефлексивная и «после»-рефлексивная ангажированность не разделяются жестко, могут переплетаться, смешиваться. Тем интереснее и важнее выделить и проанализировать явление внутренней (по отношению к самому себе) неискренности субъекта, который как бы по инерции, а фактически следуя собственному специфически понятому интересу, выбирает одну «правду» или версию событий и отказывает другим интерпретациям в праве на истинность.

Социокультурные основания расширения субъектности и манипуляции в ситуации модернизации (XX в.)

Ситуация модернизации, стиль модерн, или модернисти, непосредственно предворяют и исторически определяют современное состояние общественного сознания, его организации и самоорганизации. Поэтому для понимания современности необходимо определить причины и сущность модернизации, то есть специфической трансформации организации общественного сознания в XX в.

Индивидуализация, обособление человека в обществе, с одной стороны, и расширение коллективной общественной способности изменять (модернизировать) действительность – с другой, ведет в XX в. к возникновению в социокультурном процессе парадоксального гибрида субъектности и тотальности. За счет воспроизводства этого гибрида в условиях модерна складывается ситуация *как бы* преодоления социальной аномии на основе конструирования социальной реальности с помощью создания гипер-проектов социокультурного развития и разработки сложных технологий их реализации. Индивид определяется со своей индивидуальностью в той или иной нише, внутри все более энергично создаваемых

проектов новой действительности, экспериментов по созданию новых миров – справедливого общества, мира высшей расы или общества массового потребления. В индивидуальном сознании выстраивается внутренняя логика выбора «правильного» мира. Эта логика позволяет обосновать непротивление личности по отношению к неизбежным – как определяет для себя субъект – частным не правильным по отношению к нему явлениям (ведь эксперимент не завершен, поэтому становящаяся действительность еще не совершенна).

Для личности в XX в. чаще всего очевидно, что она не может состояться, если будет постоянно оппозиционна, не включится в тот или иной эксперимент. Чтобы быть активной, реализовать свою субъектность, она должна частично преодолеть контрсуггестию. В результате в обществе все шире распространяется «осознанно»-внушаемое сознание. В общественном сознании растет вера в неограниченность возможностей общества, в его могущество. Знание как продукт интеллектуальной деятельности и воля к его использованию в сочетании дают ощущение всемогущества, все основательнее модифицируют восприятие социальной действительности и ее саму. Так, например, уже 300 лет назад был создан огромным интеллектуально-волевым усилием и «на зло шведам» фантастический и несмотря на это реализованный проект – Санкт-Петербург, который Достоевский назвал «самым умышленным городом», а научный руководитель Центра стратегических разработок «Северо-Запад» Юрий Перелыгин городом, созданным «вопреки всему. Это город искусственной воли»⁷.

Развитие «искусственной воли», вера в силу сознания, в ее способность пересилить все внешние обстоятельства достигает своего апогея в ситуации модерна как эстетического, экономического, социально-политического торжества «умысла», конструирующего реальность. «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям», – сформулировал У. Томас. А мыслятся как реальные или способные превратиться в реальность прежде мыслимые как невероятные, совершенно иллюзорные конструкции. Решение «сказку сделать былью» принимается индивидами, группами, народами. В предисловии к повести «Котлован» И.А. Бродский пишет: «Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впадшем от него в грамматическую зависимость»⁸.

«Фиктивные», «умышленные», иллюзорные миры вырастают из интеллектуальных конструкций, оформившихся в «расколдованном» интеллектуальном пространстве. Возникнув, оформившись как системы символов, такие миры подчиняют себе сознание

людей, обществ, попадающих в зависимость от них – от их «грамматики», то есть оснований их системной организации. Возникновение таких миров в XX в. связано не только с «формационным подходом» к анализу общественного развития, логически неизбежную вершину которого К. Маркс увидел как формацию коммунистическую, или с использованием идеи Ф. Ницше о сверхчеловеке как цели развития жизни. Проектирование и реализация проектов в огромных социальных экспериментах пронизали социокультурный процесс на всем пространстве распространения модерна. И одновременно – на уровне индивидуального сознания – эта настойчивая активность, направленная вовне, ведет к ослаблению самоконтроля, того, что Ницше же называл «совестью разума». Увлеченный деятельностью субъект принимает, даже сознательно аргументирует свой отказ от контрсуггестии как неизбежность; не считает уже зазорным поддаться воздействию манипуляции. А на следующем этапе реализации проекта та система ориентиров, которая нашла поддержку в общественном сознании, расширенно себя воспроизводит, создает режим политической самозащиты, гарантирующий исключение контрсуггестии из общественного сознания. На этом этапе человек поддается манипуляции, сдерживает внутреннюю критическую рефлексия уже и под воздействием страха.

В результате процесс, начавшийся с индивидуализации, расширения субъектности, приводит к разрастанию, укреплению систем манипуляции общественным сознанием, внутри которых осуществляется отбор.

Стремление очиститься, приводящее к повторяющимся выброскам, «чисткам» общества, определяется стилистической сущностью модерна и одновременно является элементом технологии манипуляции сознанием. Об этом пишет Билл Хьюз: «Модерну свойственно стремление к чистоте, стерильности... Психическая и физическая необычность определяется фактически, метафорически и исторически как угроза структуре существования»⁹. «Модерн (модернити) является совершенствованием техник коррекции и самокоррекции». Даже медицина восприняла и транслирует бюргерские стандартизированные ценности, которыми руководствуется на практике¹⁰.

В радикально меняющихся социокультурных пространствах в условиях модерна коррекция «под стандарт» подвергается индивид вместе с обществом в целом. Так, по Зигмунду Бауману, Холокост – один из самых чудовищных проектов, реализованных с помощью манипуляции общественным сознанием немецкой нации, – был не просто историческим заблуждением, но крайним

проявлением модернистского процесса рационализации. Бауман настойчиво утверждает, что Холокост явился характерным феноменом модерна и не может быть понят вне учета тенденций развития культуры и технических достижений модерна¹¹. Здесь с использованием большинства методов манипуляции сознанием была реализована технология убеждения в правильности, основательности *предрассудков*, предубеждений в отношении к евреям. Фактор инертности сознания был использован как инструмент манипуляции сознанием, как элемент системы экспериментирования с массовым сознанием.

Рационализация и стандартизация в ситуации разрастания самоуверенности социальных субъектов вели к расширенному распространению технологии выбора, отбора уже отнюдь не естественного, конструируемого как основы развития субъектности и манипуляции одновременно.

XX век вновь обострил, таким образом, сложнейшую проблему выбора – сознательного и подсознательного – и его связи со свободой сознания, с субъектностью индивида.

Сложная природа выбора как интеллектуальной операции, а главное – противоречивость последствий его реализации уже описывалась¹². Выбор обеспечивает рост эффективности деятельности. Но выбор же и сокращает спектр ее возможностей, что так ясно показано в синергетике. Выбранное оказывается иерархически выше того, что осталось невыбранным, а порой определяет даже антагонистическое отношение к невыбранному. Выбор, сделанный Аристотелем, «Платон мне друг, но истина дороже» – выбор в пользу *своей истины* фактически обозначил отказ от диалога как стиля рефлексии, основанного на *совмещении*. Далее субъектность развивается именно через повторение и развитие *технологии выбора*, на основе которой развивается конкуренция и одновременно порядок. Это ведет к росту эффективности участия индивидов в общественной жизни и к ускорению развития социальной системы и стимулирует развитие категоричности и нетерпимости в индивидуальном и общественном сознании.

Культ обновления, модернизации стимулирует готовность людей поддаться воздействию возникающих систем манипулирующего воздействия или идеологической обработки отнюдь не только тоталитарных режимов.

Как такой «обработанный» мир описал общество потребления в «Одномерном человеке» Г. Маркузе. В этом обществе нет героев, все жертвы и все зомбированы, развращены, никто не действует по собственной воле – всеми манипулируют. Маркузе описывает неототалитарную систему, существующую за счет гипноза через

средства массовой информации, которые внедряют в каждое индивидуальное сознание ложные потребности и культ потребления¹³.

Полная независимость ото всего естественно оборачивается «зависимостью от пирамиды Маслоу». Манипуляция сознанием одновременно превращается в бизнес, опирается на разрабатываемый учеными и практиками маркетинг (конструирование действий потребителей) и двойную бухгалтерию (манипуляция контролем).

Манипуляция и субъектность в условиях постмодерна

Пройдя сквозь свойственное традиционному сознанию спонтанное принятие разнообразия, «радостное отрицание единообразия и похожести» в культуре карнавала (М.М. Бахтин), а затем через радикализм сознания модернистского, очищающегося от «чужого», «отличного», общественное сознание оказалось в состоянии постмодернистском. И здесь состояние пострадикализма обернулось безразличием, утратой сначала желания, а потом и способности различать. Здесь независимое от какой-либо системы сознание именно вследствие своей независимости утрачивает способность отличить чистоту от нечистот, правильное от неправильного. Развивающаяся субъектность неизбежно оказывается на позиции «герменевтического универсализма» или тотальной интерпретации. Для этой позиции, как показывает Р. Шустерман, характерно отрицание «таких фундаментальных идей, как “прозрачный” факт, абсолютная, однозначная истина, независимая от сознания реальность»¹⁴.

XX век стал временем конструирования реальности, а его конец и начало XXI века прошли под знаком деконструкции. Созданное Жаком Деррида понятие получило широкое распространение именно потому, что отразило трансформацию субъектности. Деконструкция мыслилась автором идеи как научение открытости будущему (и в этом смысле она является продолжением конструирования). Однако субъект конструирования действует сообща с другими, согласует свои действия с системой принятых координат. Субъект же деконструкции осуществляет движение «от апофатического к апокалиптическому и от него – к мессианизму», полагаясь при этом исключительно на самого себя, выступая в качестве собственного предельного основания¹⁵. Это движение определяет изменение в структуре воспроизводства сознания – переход от борьбы за субъектность к абсолютизации субъектности, от поисков способов проявления субъектности (одновременно с поисками средств подавления чужой субъектности, манипуляции сознанием

других социальных субъектов) к апологии субъективности, в которой субъектность растворяется, сама себя «снимает». В современном обществе все уникальны, *unique is universal*, всё становится знакомым, но при этом не имеет значения, всё одинаково и безразлично.

Соппротивление манипуляции, стремление «освободиться от вранья» приводит к отказу от выбора одной единственной правды и, следовательно, к принятию многих правд, следуя которым, социальный субъект реализует себя. Культура стимулирует процессы социальной дифференциации и одновременно ни на чем не настаивает, чтобы не лгать (внутренняя установка, выстраданная культурой в XX в., когда она вынуждена была проявлять огромное количество ложного энтузиазма, вовлеченная в системы воспроизводства политических режимов). В результате в России сохраняется ситуация, возникшая при распаде сложной системы взаимодействия пропагандистской машины советского общества и в разной форме противостоявшей ей субъектности, например диссидентства. Когда не стало первой, в полной растерянности оказались вторые. Выяснилось, что именно противостояние внешнему воздействию придавало деятелям культуры значение и волю к самостоятельному поиску смысла. Без этого противостояния отечественные кино, литература, музыка в одночасье превзошли мировые стандарты по уровню «размыленности».

На уровне социально-экономических и политических практик в современном мире расширяется интеграция, что ведет к глобализации. Однако параллельно усугубляется раздельность, внутренняя обособленность социальных субъектов – и индивидуальных, и групповых. Переполненный информацией, коммуникацией, консумпцией социальный мир все острее переживает и обсуждает собственную онтологическую неопределенность, несостоятельность собственных гносеологических конструкций, аксиологическую невыразительность. Социальная аномия, о которой «забывает» общество в условиях традиционной манипуляции общественным сознанием, воспроизводится теперь в чудовищных масштабах. *На ее основе возникает «неоманипуляция».*

В этой ситуации утрачивается возможность отделения манипуляции от не-манипуляции; не работают никакие критерии. В результате парадоксальность охватывает не только человека – феномен, описанный Ж.Т. Тощенко в монографии «Парадоксальный человек»¹⁶, но и социальные группы, национальные сообщества, человечество в целом. О последнем явно свидетельствует экологический кризис. Характер развития социокультурного процесса осознается и воспроизводится как движение в условиях пата, тупика.

Структура информации в современном обществе деформируется в стольких местах столькими субъектами (каждый заинтересован в чем-то своем), что практически полностью исключается возможность привести ее в недеформированное состояние. Все это не мешает, но, напротив, способствует росту эффективности – в сфере практик и в сфере знания, так близко связанного сегодня с практиками. Необыкновенная эффективность обеспечивается за счет все более высоких технологий решения частных, узких, индивидуальных проблем. И именно вследствие своей гиперэффективности эти технологии ведут к утрате личностью способности к свободному, независимому действию, превращают человека в раба эффективности, невольника собственных безграничных возможностей.

Дальнейшее расширение эффективности все чаще осознается как угроза. Например, математики пишут о «непостижимой эффективности» своей области знаний: «Математика теперь порождает “чудовищ”, которые человечество не способно оценить», – пишет академик Людвиг Фаддеев¹⁷.

Конструирование и технологизация процесса влияния на общественное сознание ведет к становлению сетей практик по реализации PR-технологий, созданию имиджа, развитию рекламы, все жестче определяющих «правильный выбор» людей. Безгранично расширяется «проектное мышление» – наследие модерна. Однако если прежде были грандиозные общественные проекты, то теперь все чаще индивидуальные. Вместо прежних развернутых систем манипуляции возникают теперь манипуляторы локальные, но в огромном количестве. Это особенно характерно для современной российской действительности. Озвученная около 20 лет назад задача «выйти на уровень мировых стандартов» решается интенсивно и радикально – что так характерно для России – и вводит общество в состояние, описанное уже Маркузе, экономически, потребительно детерминированной одномерности. В этом состоянии гуманизм, человечность измеряется через благосостояние; философия человеческой активности, субъектности сводится к экономической активности, организуемой в соответствии с аксиомой «лучше иметь больше, чем меньше». Субъектность все чаще девальвируется до уровня решимости рисковать ради того, чтобы «иметь больше». Гедонизм, эгоизм утверждается как господствующая основа существования, договор превращается в инструмент манипуляции. «Моральный закон внутри нас» прячется все глубже внутрь, а индивидуальные практики освобождаются от него и подстраиваются под экономический принцип «меньше затрат, больше прибыли».

Однако пирамиды не могут расти бесконечно. А кроме того, даже оснащенный по последнему слову науки и техники манипулятор не способен преодолеть особенности российской ментальности – отнюдь не стандартной, радикально, хотя и не непосредственно, а порой и непоследовательно, противостоящей расщеплению общества на эгоистически ориентированные индивидуальности.

Восстановление субъектности

Осознание бесконечно размножающегося Реального как «пустыни» (С. Жижек), пространства макдональдизации, или «ничего» (Дж. Ритцер), столь характерное для современной рефлексии, можно рассматривать как оформление – в текстах – вызова. Ответом на него является выработка позиции, доксы, которая позволит социальному субъекту не мерцать в интеллектуальном пространстве иронией необязательности или в пространстве экономическом эквивалентами «теневых» достоинств, а состояться, обеспечить свое не-алиби в бытии, не впадая при этом в соблазн манипулирования сознанием других субъектов. Необходимой предпосылкой для этого являются новые разделения, работа над определением границ.

Проблематизация границ, восприятие их как явления сугубо относительного – важная основа как постмодернистского сознания, так и постмодернистских практик. В начале XXI в. границы тают у нас на глазах; их преодоление обусловливается ростом эффективности техники, влияющей на экономику, политику и культуру. Новые технологии создают неограниченные возможности силового, физического воздействия и воздействия на психику – безграничные возможности манипуляции. Параллельно и возможности субъекта как бы утрачивают свои границы – пространственные и временные. Для «человека активного», использующего новые технологии, пространство «сжимается», а время «растягивается» – вмещает в себя все больше и больше событий-дел. Стремясь к победе над хронотопом, субъект оказывается в состоянии полной неопределенности. Ответом на эту ситуацию является разворачивание процесса восстановления роли границ. В социокультурном процессе возрождается «тяга к гравитации», в субъекте – к восстановлению идентичности.

Сила субъектности проявляется все в большей мере не в отстаивании свободы выбора как такового, которое *de facto* оборачивалось свободой выбора того, как быть манипулируемым, но в самоограничении, буквально позволяющем субъекту быть собой. Все более настойчиво ведется поиск ценностей и практик неманипулируемых, восстановление пространства, внутри которого жизнь,

активность имеют безусловный смысл, а не являются инструментом в чьей-то игре. И все яснее становится, что таким пространством может быть только пространство собственной национальной культуры.

В качестве примера проявления именно такого рода активности можно привести борьбу за «новые границы» социокультурного пространства Юргена Хабермаса. В статье «Как спасти независимую прессу?» он пишет: «Когда дело касается газа, электричества и воды, государство не сомневается в том, что оно обязано гарантировать поставку этих “энергетических ресурсов”. Не должно ли оно взять на себя аналогичные обязательства и в вопросе об “энергии” другого типа, поставка которой может в ближайшее время прекратиться, – при том, что отсутствие такой энергии приведет к диспропорциям, которые могут нанести государству непоправимый вред? Нельзя считать “системной ошибкой” попытку государства защитить такой общественный ресурс, как качественная пресса. Оно обязано это сделать. Реальный вопрос состоит в том, как сделать это наилучшим образом»¹⁸.

Технология защиты от собственной силы воздействия на внешний мир остается все еще невыработанной. Но начало ее оформлению закладывает уже уверенность – от противного, что главный вред, который наносит современная плюрализованная манипуляция общественным сознанием, – это пустая, фактически антигуманная растрата человеческих сил. Ведь характерной чертой социокультурного процесса в XXI в. является то, что успех – экономический или политический – явление сугубо временное, никто никого победить не может. Монологическое, своемерное сознание, эгоистически ориентированная целеустремленность теряют силу воздействия на других. В подобном сознании самопрезентация сводится к описанию своего мира как «империи добра» (за исключением, быть может, некоторых второстепенных мелочей), а «другие», конструирующие другое видение, определяются как «империя зла».

Восстановление субъектности – главное условие противостояния манипуляции общественным сознанием в современном российском обществе. Это восстановление осуществляется в ситуации, которую философы определяют как «смерть субъекта». Однако у философов же находится и подсказка-выход. Современный человек субъектен постольку, поскольку преодолевает сосредоточенность на себе, собственной уникальной индивидуальности. Именно эта сосредоточенность, как показал XX век, ведет на уровне общественных отношений к расширению манипуляции общественным сознанием, именно сосредоточенной на себе вороной лиса

легко манипулирует. Восстановление субъектности предполагает сосредоточение на Другом (от другого человека до всей действительности), на границах собственного «я» как зоне ответственности¹⁹. Именно здесь – на границах субъектов – осуществляется «дальнейшее развитие субстанционального смысла»²⁰ или идет пробуксовка социокультурного процесса, воспроизводящего бессмыслицу «старой» эффективности как результата движения по оси, ставшей предрассудком, ведущей в «дурную бесконечность» эффективности.

Для каждого социального субъекта – личности, национального общества, человеческого сообщества – актуализируется проблема креативности, выработки неспекулятивного преодоления зависимости от стереотипа, от «симметричной реакции», ориентированного на «долгое» будущее «гранд-дизайна» (Н. Злобин).

Важнейшим условием осуществления такой работы является восстановление знания, его прежде сознательно деформированной структуры. Пока это восстановление осуществляется спорадически и окказионально. Так, обсуждение военных действий на Кавказе в сентябре 2008 г. еще раз продемонстрировало критический уровень бесструктурности общественного сознания. Из текстов, возникших при обсуждении этой ситуации, обратим внимание на следующий: «И война, и “Мимино” разбередили память по навсегда утраченному – по советской гуманистической культуре. Слово убито многолетней иронией на корню, да и в советской культуре были разные составляющие, включая самые неприятные... Империя зла и все такое, но достаточно глянуть на сегодняшнюю киноафишу, монопольно формируемую нынешней империей добра, где новый “Мимино” не появится по определению. Другая культура, другой художественный язык, наконец – другой подход к отрасли»²¹.

Данный текст представляет характерный пример «парадоксальной» работы сознания, оперирующего неструктурированным, не «уложенным» в целостную систему знанием, которое, таким образом, не освободилось внутренне от влияния манипуляции. Непосредственно от категорической критики иронии (как убийцы слова) автор переходит к ее использованию («нынешняя империя добра»), касается (так легко, что не ясно, было ли касание) проблем «империи зла» и «разных составляющих» советской культуры. «Самые неприятные» ее составляющие выглядят здесь невинно, почти мило – ведь они не помешали советской культуре быть гуманистической. Таким образом, в новом веке продолжается фактическое воспроизводство выбора: или любовь к тому доброму и прекрасному, что было создано в советской культуре, или память

о воспроизводимой в ней системе манипуляции сознанием людей. Память о неизменном элементе этой системы, которым была иногда более, иногда чуть менее настойчивая травля людей, в том числе ученых, художников, писателей, музыкантов, решавшихся на отстаивание собственного видения, определившая характер судьбы тысяч и тысяч – от П.А. Сорокина, Н.Д. Кондратьева, О.Э. Мандельштама до Э. Неизвестного, А.А. Тарковского, И.А. Бродского, вместе с памятью о безвестных жертвах режима, или отказ от этой памяти, хуже того – ирония по ее поводу.

Но выбор в современной действительности невозможен. Ответственное перед будущим отношение к прошлому предполагает упорную работу над восстановлением систематизированного, комплексного знания о нем; выработку знания, отражающего все стороны явления, и языка для отражения этого знания. В настоящее время неприемлемым становится например, восприятие, «Кубанских казаков» – фильма о радостной и изобильной послевоенной колхозной жизни как явления культуры только гуманистической (хотя оно было и остается таковым, поскольку помогало людям удерживать оптимизм, порожденный победой, и пережить «в сказке» времена тяжелейшего послевоенного быта); или как явление культуры только антигуманной (хотя оно было таким, поскольку фильм этот, разумеется, оказывал манипулирующее воздействие на массовое сознание, служил каналом распространения одобренного политическим режимом и насаждаемого через пропаганду канонического отношения граждан к окружающей действительности, своего рода указанием «всем плясать!»). Человек, включенный в эту систему, подчинивший себя ей, мог быть актером внутри строго заданных границ. Человек, не согласный с системой, должен был быть исключен – и исключался. И сегодня перед нами стоит не задача определения, что было главным, чего было больше – гуманизма по отношению к «своим» для системы или антигуманизма по отношению к «чужим», но, скорее, задача выработки ясного видения одновременного присутствия того и другого.

Условием достойного движения в будущее, преодоления манипуляции и восстановления субъектности является не выбор (что кому удобнее помнить), но совмещение в общем образе знания о сложном, противоречивом прошлом как собственном, так и своего общества, человеческого сообщества в целом. На уровне индивида эта задача совмещения прошлого в единый образ решается индивидуально. Человек живет относительно недолго, становится свидетелем ухода близких и идеализирует их образ в своей памяти. На уровне общества такая идеализация и необходима, и опасна одновременно. «Любовь к родному пепелищу, любовь

к отеческим гробам» – важнейшая энергия, связывающая общественное сознание в единое целое. Одновременно гордость за свое общество, затмевающая в общественном сознании представление об абсолютной ценности иных обществ, способна «породить чудовищ», является самым страшным сном разума, как показал XX век.

Для общественного сознания в России проблема соотношения «самоотстаивания» и способности слышать других сегодня чрезвычайно актуальна. Россия сама чрезвычайно внушительна, ее внушению практически не возможно противостоять. С этим связаны проблемы состояния общественного сознания в современной России, неполнота анализа собственной идентичности, ее исторических корней и перспектив развития (в то время как европейское сознание с головой ушло в поиск идентичности, этой проблематике посвящается все больше научных конференций, публикаций). Огромность нашего Отечества является потенциалом и залогом огромного влияния на мир. Соответственно, огромна и ответственность ее граждан за характер использования данного потенциала. Пока же в общественном сознании недостаточно проявленной остается связность, целостность процессов развития России и мира. Претензии к миру, не понимающему Россию (часто имеющие реальные основания), разрастаются и порождают нежелание понять «Другого» – в данном случае мир, что заводит глобальную ситуацию в тупик.

В этих условиях растет роль академического сообщества, которое всегда брало на себя ответственность за духовную независимость, его не-алиби в поиске, оформлении, конструировании неманипулируемого, не допускающего манипуляцию сознанием, включающего ее социального пространства.

Ключом к выполнению данной роли является развитие в этом сообществе эстетической чуткости, работа над «повышением стиля», преодоление опрощения в отражении действительности, или, иначе, неизменно почтительное отношение к действительности, а также отказ от участия в решении нерешаемых проблем – до момента, пока не найдется их решение, для чего необходимо сконструировать, разработать путем диалога другую систему координат.

Примечания

- 1 См.: *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2004.
- 2 Хотя, конечно, некие предформы «конструирования реальности» можно найти и там.
- 3 *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч.

О.Н. Козлова

- 4 *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
- 5 *Волков Е.Н.* Вначале было не слово – началом была суггестия. Забытые прозрения Б.Ф. Поршнева и некоторые межконцептуальные психологические и социологические параллели [Электронный ресурс] // Официальный сайт Е. Волкова. [М., 1996]. URL: <http://evolkov.net/PorshnevBF/Volkov.E.In.the.beginning.there.was.suggestion> (дата обращения: 27.07.2009).
- 6 *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
- 7 *Перельгин Ю.* Город искусственной воли [Электронный ресурс] // Официальный сайт сетевого издания «Стратег.Ру». [М., 2003]. URL: <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/946/print> (дата обращения: 25.07.2009).
- 8 Цит. по: *Платонов А.П.* Повести. Рассказы. М.: Дрофа, 2003. С. 316.
- 9 *Hughes B.* Bauman's Strangers: impairment and the invalidation of disabled people in modern and post-modern cultures // *Disability & Society*. 2002. Vol. 17. No. 5. P. 573–574.
- 10 *Ibid.* P. 575.
- 11 *Bauman Z.* Modernity and the Holocaust. Oxford: Polity, 1989.
- 12 См., напр.: *Козлова О.Н.* Запад и Восток в культуре Европы: проблема диалога // *Интеллигенция в диалоге культур*. М.: РГГУ, 2007. С. 54–57.
- 13 *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М: АСТ, 2002.
- 14 *Шустерман Р.* Ниже уровня интерпретации // *Вопросы философии*. 2008. № 7. С. 145.
- 15 *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити, 2008.
- 16 Там же.
- 17 *Механик А.* Уравнение злого духа [Электронный ресурс] // Эксперт Online. № 29 (570). [М., 2007]. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/29/interview_faddeev/ (дата обращения: 20.07.2009).
- 18 *Хабермас Ю.* Как спасти независимую прессу? [Электронный ресурс] // Официальный сайт Политиздата. [М., 2008]. URL: <http://www.politizdat.ru/article/116/> (дата обращения: 24.07.2009).
- 19 См.: *Хоружий С.С.* Очерки синергийной антропологии. М.: Ин-т философии, теологии истории св. Фомы, 2005. С. 15.
- 20 *Гегель Г.В.* Эстетика: В 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 2. С. 212.
- 21 *Соколов М.* Памяти имперской культуры [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Известия». [М., 2008]. URL: <http://www.izvestia.ru/sokolov/article3119858/> (дата обращения: 19.07.2009).

М.В. Вельмакин

ТОЛПА КАК ИНСТРУМЕНТ ОХЛОКРАТИЧЕСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ

В статье рассматривается толпа как инструмент охлократических устремлений, инструмент политической борьбы и общественных преобразований. Автор анализирует данный феномен, основываясь на теориях Г. Лебона о коллективном бессознательном, которое движет и управляет толпой. Приводятся исторические примеры из различных эпох, разных стран, в том числе и стран постсоветского пространства. Автор рассматривает толпу как важный инструмент для манипуляции массовым сознанием, в том числе и дистанционно, используя современные каналы коммуникации.

Ключевые слова: толпа, охлократия, манипулирование общественным сознанием, коллективное бессознательное.

В последнее время в различных странах постсоветского пространства, а также в странах Восточной Европы происходят различные массовые акции протеста, в том числе и виде «оранжевых революций». Во всех случаях присутствует неотъемлемый элемент подобных событий, а именно толпа, или «массы». Толпы во все времена представляли опасность для правителей и власти. Именно толпы устраивали бунты, перевороты, а в современном мире массовые акции протеста. Такие действия толпы иногда приводили к тому, что ее вожаки приходили к управлению страной, что выражалось в появлении охлократии, или выдвигали требования, с которыми власть не могла не считаться. «Толпа – качественно новая *система*, а не конгломерат несвязанных единиц. В ней нет ни суммы, ни среднего входящих в ее состав элементов, но существует комбинация этих элементов и образование новых свойств»¹.

Термин «толпа» появляется в контексте аристократической критики социальных перемен XVII–XIX вв. Впервые англичанин Э. Берк и француз Ж. де Местр назвали пугающую тогдашних аристократов силу толпой, или массой. Л.Г. Бональд выступал против разрушения средневековых социальных групп и корпораций, что превращало, на его взгляд, общество в «массу изолированных индивидов». Поначалу это были образные, описательные и оценочные идеологические выражения. Однако со временем они превратились в научные понятия. Толпа, в отличие от массы, представляет собой конкретную социальную общность. Люди в толпе, вступая в тесный контакт друг с другом, вынуждены особым образом взаимодействовать.

Первым признанным теоретиком толпы в конце XIX в. стал Г. Лебон, который рассматривал толпу как феномен, возникающий при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от их социального положения, национальности, профессии и даже повода, вызвавшего ее образование. В результате образуется социально-психологическое («духовное») единство – «душа толпы». Толпа проникается определенными общими чувствами, взаимодействие дает ей значительное приращение энергетики, в ней глушится, исчезает сознательная личность. «Божественное право масс должно заменить божественное право королей. Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливается теперь судьбы наций», – таким предсказывал Г. Лебон XXI век². События Парижской коммуны, когда Г. Лебон был еще ребенком, стали для него движущей силой в дальнейшей работе и катализатором для открытия феномена толпы³.

Многие исследователи, говоря о Парижской коммуне, характеризуют ее термином, введенным Аристотелем, – «охлократия» – особая форма демократии, основанная на меняющихся прихотях толпы, постоянно попадающей под влияние демагогов⁴.

Если рассматривать события 1871 г., то несомненно, что такие отдельные действия, как расстрел генералов Леконта и Тома, были актом воли неорганизованной толпы. С большим основанием можно назвать охлократией государственное устройство Франции в некоторые моменты Великой революции и в первые дни после революции 1848 г., когда неорганизованная толпа выбирала всех важнейших должностных лиц. Обеспокоенный реальным положением дел во Франции в этот период, Г. Лебон ищет противоядия беспорядкам, производимым толпами. И он находит его не в истории, не в экономике, а в психологии. Он обосновывает мысль о существовании «души толпы», состоящей из элементарных импульсов, объединенных сильной верой и мало восприимчивых к опыту

и разуму. Совершенно так же, как «душа индивида» подвержена внушающим влияниям гипнотизера, погружающего человека в сон, «душа толпы» подчиняется внушениям «вождя» (демагога), который навязывает ей свою волю. В таком состоянии транса она выполнит то, что в нормальном состоянии люди не могут и не желают делать. Замещая реальность воскрешенными в сознании образами и отдавая приказание, вождь овладевает этой душой. Она отдается на его милость, как пациент, загипнотизированный врачом. Таким образом, основополагающая идея проста. Причиной всех катастроф прошлого и сложностей настоящего признается нашествие масс, которые трактуются как толпы. Господствующие классы совершили ошибки, они не распознали причин и проигнорировали законы образования и функционирования толп. По мнению Лебона, достаточно признать ошибку и понять эти законы, чтобы исцелить недуг и поправить ущербную ситуацию.

Эта идея, изложенная непосредственным и живым языком, подкрепленная научным содержанием, объясняет успех его книг, «такой, что ни один иной теоретик общественной мысли не смог бы с ним соперничать»⁵. «Изучая эти психологические проблемы, – как отмечает Московичи, – Гюстав Лебон был прямо-таки поражен феноменом толп – особенно народных движений и терроризма, – беспокоившим его современников. На самом деле несколько книг по этой теме уже появилось, в частности в Италии. В них акцент делался на страхе, вызванном повсюду возвратом к варварству или к тому, что некоторые считали таковым. Лебон искусно подхватил тему, которая обсуждалась, впрочем, преимущественно в общих и чисто юридических терминах. А он воздвиг на ее основе вполне правдоподобную, если не сказать, внутренне связную теорию»⁶. То, что только страх реально способен остановить такие массы, доказал еще Юлий Цезарь. Как известно, он активно использовал на практике децимацию – казнь каждого десятого из обратившегося в бегство легиона.

Впоследствии остальные ученые, изучавшие толпу, действовали в рамках его теорий, развивая идеи Г. Лебона, что психика отдельного человека не адекватна психике человека толпы. Толпа – это не большое количество разобщенных людей, это единое целое. И что важно, единственным источником влияния на толпу является лидер, который имеет возможность управлять ею различными способами. «Все властители мира, все основатели религий или государств, апостолы всех верований, выдающиеся государственные люди, простые вожди маленьких человеческих общин всегда были бессознательными психологами, инстинктивно понимающими душу толпы»⁷. Открытие коллективного бессознательного, которое

составляет душу толпы, позволяет сделать вывод о духовном единстве толпы. Сознательная личность при определенном состоянии толпы исчезает, а мысли и чувства людей принимают одно и то же направление. Человек в толпе приходит в состояние, когда утрачивается воля, ее место в регуляции поведения тут же занимают инстинкты. Человек, имеющий сильную волю, сохранивший ее в толпе, понявший инстинкты толпы, может стать ее лидером. «Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой»⁸.

Московичи в своей книге «Век толп» отмечает: «Стихийный или сознательный вождь (вожак) превращает внушаемую толпу в коллективное движение, сплоченное одной верой, направляемое одной целью. Он – художник общественной жизни, и его искусство – это правление, как столярное мастерство – искусство столяра, а ваяние – искусство скульптора. Именно он формирует массу, готовит ее к идее, которая наполняет эту массу плотью и кровью. В чем секрет искусства вождя? В глазах массы он воплощает идею, а по отношению к идее – массу, и в этом обе искры его власти. Он осуществляет власть, опираясь не на насилие, имеющее вспомогательное значение, а на верования, которые составляют главное. Иначе говоря, для толпы вера является тем, чем атомная энергия – для материи: наиболее значительной и едва ли не самой ужасающей силой, которой мог бы располагать человек. Вера активно действует. И тот, кто ей владеет, обладает возможностью превратить множество скептически настроенных людей в массу убежденных индивидов, легко поддающихся мобилизации и еще более легко управляемых»⁹.

По нашему мнению, одной из главных причин слабости белорусской оппозиции был единый кандидат в президенты от оппозиционных сил А. Милинкевич, который имеет слабый характер и не способен вести за собой людей. По моим личным наблюдениям можно отметить, что после разгона митинга в Беларуси 25 марта 2006 г. и ареста другого кандидата в президенты, А. Козулина, на следующий день в центре города стали формироваться кучки людей, готовые оформиться в толпу для продолжения серий протестов. Все ждали лидера, А. Милинкевича, который должен был бы стать объединяющим фактором для формирования разрозненных лиц в толпу, но он так и не появился ввиду неизвестных причин, хотя о готовности людей и назначения времени для продолжения протестов он знал. Слабость лидера в этом примере является одной

из причин постоянных провалов проведения «бархатной» революции в Беларуси.

Противоположное поведение было продемонстрировано М. Саакашвили во время проведения грузинской «революции роз», когда лидер действительно вел за собой толпу, управлял ею и демонстрировал по-настоящему лидерские качества, что помогло ему стать президентом.

Можно отметить, что В. Ющенко не обладает таким характером, какой описывают Лебон и Московичи, но «оранжевая» революция состоялась. В данном случае необходимо отметить, что в момент революции эти функции взяла на себя Ю. Тимошенко. Именно ее слушал «майdan», когда она призывала к действиям, хотя толпа скандировала «Ющенко, Ющенко».

Г. Лебон много места уделяет *изменчивости* толпы – ее удивительной способности моментально, «все разом» реагировать на импульсы, получаемые от вожаков. Это показывает, что человек в толпе действительно обладает новым качеством, становится элементом новой системы. Он не обдумывает свои действия, а мгновенно подчиняется полученному определенным образом сигналу¹⁰. На мой взгляд, если выделить самое опасное свойство толпы, то это ее изменчивость: если толпа образовалась, она способна сравнительно легко превратиться из одного вида в другой.

Превращения толпы могут происходить спонтанно, то есть без чьего-либо сознательного намерения, но могут быть спровоцированы умышленно. На использовании свойства изменяться и строиться по большей части приемы манипуляции толпой с теми или иными целями. Для того чтобы понять, почему можно управлять толпой, необходимо понять, что происходит с человеком, который оказался ее участником. «Индивид в толпе приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе»¹¹.

Человек в толпе теряет чувство ответственности за происходящее, то, что он делает, делает толпа и наоборот. В толпе «человек опускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации»¹² и становится доступен для элементарных манипулятивных воздействий. Поведение толпы или циркулирующий слух кажутся процессами, лишенными закономерностей и нерегулируемыми постольку, поскольку большинство привыкли иметь дело с организованными группами, где уместны рациональные доводы, согласо-

ние мнений или хотя бы формальный приказ. В толпе «сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты... Индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин – неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта»¹³.

Человек в толпе обладает удивительно высокой *восприимчивостью к внушению*: «В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы... Прежде чем он потеряет всякую независимость, в его идеях и чувствах должно произойти изменение, и притом настолько глубокое, что оно может превратить скупого в расточительного, скептика – в верующего, честного человека – в преступника, труса – в героя... Толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям. Так всегда бывает с верованиями, которые установились путем внушения, а не путем рассуждения... Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение... Сила чувств в толпе еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной»¹⁴.

В стихийном массовом поведении реализуются более примитивные механизмы и закономерности. Кто знает о них и обладает необходимыми навыками, способен лучше прогнозировать и управлять событиями. Цели, которые он при этом преследует, достаточно часто оказываются деструктивными. Но, как всякое оружие, политические технологии амбивалентны, и владение приемами регуляции стихийных процессов конструктивно необходимо сегодня во многих профессиях.

Именно то самое бессознательное, о котором говорил Лебон, в умелых руках технологов способно превратить эту самую единую и неделимую часть народа в инструмент для различных манипуляций, в том числе и для смены власти. Происходить это может разными путями, но обязательно необходимо организационно оформленное воздействие на массовое сознание.

Зарождение власти организованных толп поначалу происходит через пропагандирование определенных идей, насаждаемых в сознание, потом через постепенное объединение людей, реализующее цели, до той поры теоретические. Объединение позволяет толпам сформировать если и не вполне справедливые, то во всяком случае достаточно определенные идеи, интересы и осознать свою силу.

Управление толпой возможно только при помощи воздействия на массовое сознание, которое всегда эмоционально, заразительно, мозаично, подвижно и изменчиво. Оно всегда конкретно. Как правило, оно неоднородно, аморфно, противоречиво, лабильно и размыто. Когда единичный субъект, как полагал Х. Ортега-и-Гассет, становится частью массы, он неизменно подпадает под власть определенных, а именно инстинктивных, иррациональных страстей, темных импульсных реакций. Интеллекту, разуму, логической аргументации вовсе нет места в массовой психологии. З. Фрейд утверждал: «Масса импульсивна, изменчива и возбуждима. Ею почти исключительно руководит бессознательное»¹⁵.

Исследователь манипуляции сознанием С. Кара-Мурза пишет: «Фашисты пришли к власти, сумев на время превратить рассудительный немецкий народ в толпу, – и она ринулась в безумный поход, забыв о совести и не думая о последствиях. В отношении молодежи фашизм сознательно разрушал традиционные отношения. Шло снятие естественных для подростков культурных норм, запретов, подчинения и уважения к старшим. Идеологи фашистов поставили задачу: создать особый стиль – так, чтобы “молодежи стало скучно в лагере коммунистов”. Была выработана целая философия под названием “а мне что за дело”, или стиль “бродяги и фанфарона” – говоря попросту, хулигана. Наставники молодых фашистов поощряли уличное насилие, ножи и кастеты. Сам фюрер заявил: “Да, мы варвары и хотим ими быть. Это почетное звание. Мы омолодим мир”. Конечно, “*учиться, учиться и учиться*” – гораздо скучнее, чем быть молодым варваром и ходить толпой, помахивая кастетами»¹⁶.

Эффективность воздействия на толпу обусловлена несколькими причинами. Представляя собой в целом несистематизированное, неструктурированное, как бы мозаичное образование, она испытывает своеобразную потребность в упорядочивании извне. Еще З. Фрейд писал: «Масса легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию, она не критична, неправдоподобного для нее не существует. Она думает образами, порождающими друг друга ассоциативно, – как это бывает у отдельного человека, когда он свободно фантазирует, – не выверяющимися разумом на соответствие с действительностью. Чувства массы всегда весьма просты и весьма

гиперболичны... Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно апатии – в дикую ненависть»¹⁷. Все это и является поводом для превращения большого количества людей всего лишь в инструмент политической деятельности или борьбы.

Соответственно указанным причинам выстраиваются и механизмы воздействия на массу: «Склонную ко всем крайностям массу и возбуждают тоже лишь чрезмерные раздражения. Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое. Так как масса в истинности или ложности чего-либо не сомневается и при этом сознает свою громадную силу, она столь же нетерпима, как и подвластна авторитету. Она уважает силу... От своего героя она требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина. Будучи в основе своей вполне консервативной, у нее глубокое отвращение ко всем излишествам и прогрессу и безграничное благоговение перед традицией»¹⁸.

Таким образом, толпа может превратиться в инструмент для осуществления различных акций. В умелых руках политтехнологов, которые изучают данный феномен, психологию толпы и ее поведение, она может превратиться именно в инструмент, который необходим манипуляторам.

Если мы посмотрим пример «оранжевой революции» в Украине, можно понять, что «майдан» не выступал на стороне Ющенко, а был третьей силой, которая хотела только победы. Это проявилось в момент переговоров Ющенко с Януковичем, когда с «майдана» были озвучены требования не идти ни на какие уступки, а только брать власть в свои руки. Когда Ющенко в какой-то момент не озвучивал промежуточные итоги переговоров, часть «майдана» начала осаду его дома, показывая, что решение зависит не столько от него, сколько от протестующей толпы. На этом примере хорошо видно, что не всегда лидер может повести ее именно туда, куда необходимо ему. Но для такого действия толпы необходима огромная работа технологов, которые могут достигнуть цели с помощью манипуляции толпой, используя самые различные средства: листовки, газеты, неформальные коммуникации, выступления лидеров мнений, находящихся внутри толпы. В связи с этим А. Назаретян отмечает: «Различают приемы воздействия на толпу извне и изнутри. Чтобы в них разобраться, полезно обратить внимание на еще один специфический феномен, который называют *географией толпы*.

Толпа как таковая не обладает позиционно-ролевой структурой, и в процессе эмоционального напряжения она гомогенизируется. Вместе с тем в толпе часто образуется свой параметр пространственной и эмоциональной неоднородности, связанный с неравномерной интенсивностью циркулярной реакции. География толпы определяется различием между более плотным *ядром* и разреженной *периферией*. В ядре аккумулируется эффект эмоционального напряжения, и оказавшийся там сильнее испытывает его влияние. Поэтому психологическое воздействие на толпу *извне* обычно нацеливают на периферию, внимание которой легче переключается. Для воздействия же *изнутри* агентам чаще рекомендуется проникнуть в ядро, где гипертрофированы внушаемость и реактивность»¹⁹.

Еще одним приемом воздействия становится использование ритма. Действующая толпа аритмична, громкий ритмический звук способствует превращению толпы из действующей в экспрессивную. Если мы посмотрим на все произошедшие в последние время «бархатные» революции, то можно увидеть обязательное использование шумовых средств, таких как свистки, барабаны, гудки, с помощью которых можно отбивать или вербализировать определенные ритмы, которые подхватывала толпа, например при выкрикивании лозунгов.

В различные исторические периоды толпа была опасна для власти, так как именно она проводила, свергала режимы, поднимала бунты. Исследование поведения российской толпы провел в 1917 г. П.А. Сорокин, который обнаружил следующие особенности поведения людей в революционный период: вседозволенность; резко возросшая социальная активность; безвозмездная взаимопомощь; энтузиазм, создание кратких и емких лозунгов; отсутствие подчинения и дисциплины; неуравновешенность эмоциональных состояний, проявление чувств ненависти, жестокости, презрения к человеческой жизни и страданиям людей; возникновение паники, проявлявшееся часто стихийно; погромы; беспорядок во всех сферах общественной жизни²⁰.

На мой взгляд, именно эти особенности поведения, помогают манипулировать людьми, превращая их в толпу. Часто выделяются сильные лидеры, которые готовы подтолкнуть людей к любым необходимым действиям: выкрикиванию лозунгов, захвату зданий, принятию резолюций, выдвижению ультиматумов власти. В дальнейшем такие действия могут привести к различным преобразованиям внутри страны, вплоть до реализации революции. Даже если толпа будет разогнана, в случае ее массовости она все равно представляет большую силу, с которой невозможно не считаться.

Примером могут служить недавние протестные движения в Грузии: несмотря на то что толпа была разогнана силами спецназа, протестующие смогли добиться назначения досрочных выборов президента Грузии, а также референдума о назначении даты досрочных парламентских выборов, то есть несмотря на физическое поражение толпа смогла добиться некоторых результатов для себя.

Можно привести пример «Красного мая» 1968 г. во Франции. Протестное движение зародилось среди студентов, впоследствии к нему присоединились профсоюзы и практически все трудоспособное население Франции. Толпа смогла организовать, показывая, что протестующие не просто группа варваров, которая хочет разрушить общественный строй, а организованная сила, способная взять управление на себя. Это демонстрировалось практически во всем – от организации кружков, забастовок, выпуска газет, строительства баррикад, массовых стычек с полицией до управления дорожным движением и повседневной жизнью граждан, которые не участвовали в протестном движении. Толпой были порождены некоторые охлократические акции. По требованию анархистов, борющихся с «угрозой бюрократического перерождения», состав управляющего акциями комитета каждый день полностью обновлялся, в результате чего он ничего всерьез сделать не успевал.

В книге «Социология революций»²¹ П.А. Сорокин отмечал, что каждый революционный период отмечен ростом убийств, садизма, жестокости, зверств и пыток, то есть участием толпы в осуществлении насильственных акций, что в той или иной мере присуще всем революциям, в том числе так называемым бархатным.

Таким образом, власть толпы существовала в разные времена и в разных формах. Конечно, происходит эволюция процессов, связанных с феноменом толпы. Ее цели могут быть деструктивными, а последующая оценка действий в решающей мере определяется идеологическими установками. Например, погромы усадеб, разрушение церквей, убийство попов, а затем и кулаков-мироедов, грабеж имущества – все это суть пробуждение революционного правосознания угнетенных классов, действия которых похоже на поведение толпы. А с другой стороны, кто знает, сколько бы еще продержалось крепостное право в России, если бы в 50-х годах XIX в. по стране не загуляли крестьянские бунты с «красными петухами» (поджогами дворянских домов) и прочими безобразиями²². В данном случае можно сказать, что вне зависимости от того, какой характер носит действие толпы, итог их действия никогда не остается без внимания и всегда способствует изменениям. Толпа после своего образования превращается из большого количества людей в новую форму власти, которая в любом случае доносит свои

взгляды до тех, на кого направлен протест. Даже если толпа терпит поражение, власть делает выводы и производит определенные преобразования внутри страны. Чаще всего эти преобразования выгодны бывшим участникам толпы, бывает и обратное, но они происходят при любом исходе, несмотря на реакцию власти. 7 июля 1968 г. после событий «Красного мая» в телевизионном обращении де Голль дал разумную, хотя и поверхностную, квалификацию произошедших событий: «Этот взрыв был вызван определенными группами лиц, бунтующими против современного общества, общества потребления, механического общества – как восточного, так и западного – капиталистического типа. Людями, не знающими, чем бы они хотели заменить прежние общества, и обожающими негативность, разрушение, насилие, анархию; выступающими под черными знаменами»²³. Но даже несмотря на резкую критику, преобразования все же произошли.

Если рассматривать толпообразования, то все чаще можно наблюдать использование технологий манипуляций сознанием для достижения политических целей. Постоянно проходят митинги, протесты, тенденцией становятся новые технологии проведения «бархатных» революций. Конечно, для этого необходима некая социальная база, которая может быть основой для проведения массовых протестов и образования толпы. Нельзя говорить о том, что все протесты, которые происходят в мире, это только работа политтехнологов и манипуляторов массовым сознанием. Примером могут служить стихийные протесты против монетизации льгот, которые прокатились по России в начале 2005 г. Эти акции были организованы именно недовольными гражданами, в первую очередь пенсионерами, и только потом к ним присоединились различные политические силы. Но несмотря на это толпа все чаще превращается в инструмент борьбы для достижения определенных целей, причем данное образование может быть настолько искусственно созданным, что лидеры внутри ядра на самом деле являются лишь помощниками технологов для достижения поставленных целей.

Важную и одну из самых главных ролей в настоящее время играют каналы коммуникации и в первую очередь СМИ. С помощью телевидения почти каждый день в различных точках земного шара мы можем наблюдать различные массовые акции, которые затрагивают также и международное сообщество и являются причинами преобразований. Г. Лебон выдвигает одно важное положение, которое опережало его время и, наверное, вызывало у современников удивление. Но сегодня с развитием радио и телевидения оно стало очень актуальным. Суть его состоит в том, что для образования толпы не является необходимым физический контакт

между ее частицами. Он пишет: «Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы... Целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова»²⁴. Именно это мы и наблюдаем в последние десятилетия: население развитых стран Запада, подверженное постоянному воздействию массовой культуры и телевидения, превращается в огромную виртуальную толпу. Она не на площади, а в уютных квартирах у телевизоров, но вся она не структурирована и слушает одних и тех же лидеров и пророков, не вступая с ними в диалог.

В отличие от прошлого «толпам настоящего», на мой взгляд, сильно помогают функции массовой коммуникации. Конечно, это не новый метод, но с появлением телевидения и Интернета данный ресурс вышел на совершенно другой качественный уровень: помимо того, что СМИ выполняют информационную функцию, они могут выполнять и функцию манипуляций. Действительно, в отличие от наших предков, которые не имели телевидения и не могли на экранах наблюдать события 1789 г. во Франции, сейчас, находясь дома, мы можем видеть прямой эфир с украинского майдана или какой-либо другой акции протеста и оценивать события и даже переживать их, не находясь непосредственно в толпе. И эта коммуникация также используется манипуляторами сознания. Очень часто цифры, изложенные в репортажах о количестве пришедших на митинг, не соответствуют действительности. При хорошей операторской работе тридцать человек можно выдать за сто, а сто за тысячу. Таким образом, происходит не просто манипуляция массовым сознанием, происходит манипуляция теми людьми, которые не вовлечены в действия толпы. Человек бессознательно начинает переживать событие, которое ему выдается за действительное, хотя не совсем может являться правдоподобным или совсем неправдоподобным. Таким образом, толпа превращается не просто в инструмент в руках политтехнологов, который может добиваться преобразования и побуждать к действиям власти. Этот инструмент может воздействовать и на людей, которые становятся участниками событий бессознательно, сидя перед экранами телевизора или находясь в сети Интернет. Несмотря на то что происходит эволюция в развитии толп и толпообразовании, появляются новые технологии для управления ими, неизменными остаются сами участники, которыми по-прежнему двигает коллективное бессознательное, впервые обозначенное Г. Лебоном.

- 1 *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2004. С. 288.
- 2 *Лебон Г.* Психология толп. М., 1998.
- 3 *Слуцкий А.Г.* Парижская коммуна 1871 года. М., 1971. С. 107–109.
- 4 Служба тематических толковых словарей // Официальный сайт «Глоссарий.RU». [2009]. URL: <http://www.glossary.ru/> (дата обращения: 04.05.2009).
- 5 *Московичи С.* Век толп. М., 1996.
- 6 Там же.
- 7 *Лебон Г.* Указ. соч.
- 8 *Кара-Мурза С.* Указ. соч. С. 290.
- 9 *Московичи С.* Указ. соч.
- 10 Там же.
- 11 *Кара-Мурза С.* Указ. соч. С. 288.
- 12 *Лебон Г.* Указ. соч.
- 13 *Кара-Мурза С.* Указ. соч. С. 290.
- 14 Там же. С. 293.
- 15 *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я». Самара, 1998.
- 16 *Кара-Мурза С.* Указ. соч. С. 291.
- 17 *Фрейд З.* Указ. соч.
- 18 Там же.
- 19 *Назаретян А.П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. СПб., 2004. С. 47–48.
- 20 *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- 21 Там же.
- 22 *Назаретян А.П.* Указ. соч. С. 48.
- 23 *Кара-Мурза С.* Революции на экспорт. М., 2006. С. 12.
- 24 *Слуцкий А.Г.* Указ. соч. М., 1971. С. 107–109.

Г.В. Тартыгашева

ДЕМАГОГИЯ – ФОРМА ДЕФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

В статье анализируются современные подходы к определению понятия «демагогия», выделяются основные характеристики демагогии, отличающей ее от родственных понятий, приводится классификация демагогий разного толка, рассматривается роль демагогии в дезорганизационных процессах в обществе, методы защиты от демагогии на примере событий в современной истории России.

В дезорганизационных процессах демагогия используется как инструмент и поддержания, и разрушения социального порядка. Если демагогия правящих групп есть некоторый необходимый каркас социального порядка, обеспечивающий легитимность существующей власти, то демагогия разрушения старого социального порядка направлена на внедрение в массовое сознание новых установок, на создание и поддержание новых социальных иллюзий.

Ключевые слова: демагогия, дезорганизация, виды демагогии, манипулирование общественным сознанием, социальный порядок, социальные иллюзии.

Во времена социально-экономических, политических, социокультурных трансформаций любое общество оказывается подверженным дезорганизации. Дезорганизация, или нарушение порядка, охватывает все сферы человеческой деятельности, и ее основная опасность состоит в том, что она несет возможность конфликта и даже разрушения.

В таком обществе одной из основных проблем становится резкое возрастание и широкое распространение социальной неудовлетворенности населения. Среди народных масс растут недовольство существующим политическим режимом, представления о торжестве

социальной несправедливости, неудовлетворенность распределением материальных и духовных благ, властных полномочий, льгот и привилегий и т. д.

Зреющее недовольство и озлобленность, утрата привычных ценностей и ориентиров у населения приводят к формированию и росту различных форм деформированного сознания, среди которых видное место начинают приобретать демагогии различного толка.

Мастера пылкой риторики, впадая в демагогический раж, обычно увлекают народные массы обещанием радикальных мер, справедливого возмездия врагам и установления нового рая на земле.

Что такое демагогия?

В современных словарях термин «демагогия» имеет несколько значений.

Выделим основные:

- обозначение в Древней Греции позиции руководителей политических группировок, ведших за собой народ¹;
- господство власти народа, черни в управлении²;
- основанное на намеренном извращении фактов воздействие на чувства, инстинкты, сознание людей, разжигание страстей для достижения каких-либо, обычно политических, целей³;
- тип риторики, совокупность приемов в политической борьбе⁴;
- демагогия как синоним популизма, то есть использование специфических приемов для создания популярности среди широких слоев населения⁵;
- совокупность методов, позволяющих создать впечатление правоты, не будучи правым⁶;
- тактика ведения дискуссии, направленная на достижение победы (либо создания иллюзии таковой) путем использования некорректных дискуссионных приемов⁷;
- высокопарные, с ложным пафосом, цветистые рассуждения, не имеющие прямого отношения к делу⁸.

Понятие «демагогия» восходит к понятию «демагог» (от греч. *demos* – народ и *ago* – веду), то есть «вождь народа». Его начинают употреблять в Древней Греции в период расцвета афинской демократии (V в. до н. э.). Первоначально демагогами называли лидеров демократических группировок в эпоху борьбы демократической и аристократической партий. В таком смысле понятие «демагогия» (греч. *demagogia*) есть обозначение позиции, точки зрения «вождя народа», или демагога, в политической борьбе, в управлении народом, полисом.

Принципы афинской демократии, основанные на равном участии всех граждан в работе Народного собрания, в управлении полисом, реализовывались гражданами в том числе посредством публичных выступлений. Владение словом было необходимым условием участия гражданина в политической жизни. Поэтому наряду с расцветом демократии данный исторический период характеризуется бурным развитием ораторского искусства.

В Древней Греции были хорошо известны ценность и сила слова как мощного орудия воздействия и убеждения, манипулирования общественным мнением. Искусство речи рассматривается как важнейшая часть античного образования, философского, художественного, политического мышления. Благодаря софистам, предмет риторики рассматривается как искусство воздействия, убеждения, а основная цель оратора – как не раскрытие истины, а убеждение слушателей в правоте своего мнения. Обучение ораторскому искусству есть обучение убедительным речам, обучение приемам доказательства правоты, поэтому ораторское искусство – высокое искусство, доступное немногим. Изначально демагоги, например Перикл (444–429 гг. до н. э.), как правило, выходцы из аристократических семейств, образованные, в совершенстве владеющие ораторским искусством, основными приемами речевого воздействия, благодаря которым имели возможность силой красноречия убеждать публику в чем угодно.

Но со времени вырождения (в конце V в.) афинской демократии в охлократию, понятие «демагог» обретает иронический смысл, благодаря произведениям Аристофана (ок. 450 – ок. 385 г. до н. э.). Известнейший древнегреческий комедиограф обличал «новых» демагогов – незнатных «выскочек», стремящихся создать себе популярность путем ложных обещаний, лести, обмана.

Демагогами в новом смысле слова, наиболее известным среди которых был Клеон (ум. в 422 г. до н. э.), становятся разбогатевшие выходцы из простолюдинов, не искушенные в высокой риторике, часто люди недостойные, но отлично знающие афинский народ. Демагоги нового толка – крайние демократы, малокультурны и «просты», лестью и пустыми обещаниями приобретающие расположение народной толпы, играющие на самых низких и темных инстинктах толпы.

Например, по свидетельству Плутарха (ок. 45–127 г. н. э.), «Клеон перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи...»⁹

Принимая во внимание, что «новые» ораторы стали использовать такие приемы речевого воздействия, как ложные обещания,

голословность, намеренное извращение фактов, апеллирование к низменным побуждениям и предрассудкам, понятие «демагогия» приобретает ярко выраженный негативный оттенок и выступает как форма манипулирования сознанием людей.

Благодаря Аристофану понятие «демагогия» приобретает ценностную окраску и определяется как безнравственный способ воздействия на людей с помощью лживых обещаний, лести, извращения фактов для достижения своих корыстных целей.

Этот период афинской демократии характеризуется кризисом народовластия и политической апатией. Афинская демократия, в которой формальное правление свободных граждан фактически являет собой несправедливое уравнивание людей различного достоинства, приводит к власти толпы, торжеству некомпетентности и пренебрежения к законам.

Общественная активность наиболее дееспособного среднего слоя афинян падает. Значительная часть граждан, присутствующих на Народном собрании, – лишённые определенных занятий неимущие горожане, по сути толпа, готовая поддержать любые немыслимые авантюры «вождей народа».

У Аристофана в «Ахарнянах» есть упоминание о том, что стражники загоняют на собрание народ кнутами. Фукидид (ок. 460 – ок. 400 г. до н. э.) так передает его речь: «...Если кто-либо дает хороший совет, но при этом возникает подозрение, что он соблюдает тем самым свои личные интересы, то мы готовы ради этого недоверного подозрения лишить государство явной выгоды. Дело дошло до того, что даже наилучший совет, если он высказан прямо без риторических ухищрений, вызывает не меньше подозрений, чем дурной. И не только тот, кто желает вести народ по самому опасному пути, вынужден добиваться народного расположения обманом, но и честному человеку приходится прибегать ко лжи, чтобы приобрести доверие к себе»¹⁰. Именно в данный период – в период разложения Афинской демократии – термин «демагогия» получает негативный оттенок.

Наряду с демократическими завоеваниями и либеральными воззрениями понятие «демагогия» именно в негативном смысле укореняется далее во всех европейских языках.

Термин употребляется в качестве характеристики одного из негативных последствий демократии, неконтролируемой свободы слова. При этом наиболее распространено использование понятия политической демагогии, где подразумевается деятельность политических деятелей, провоцирующих чернь, толпу в собственных корыстных целях.

Современное содержание демагогии

Демагогия разного толка существовала всегда, но как элемент дезорганизации общественной жизни она наиболее эффективна именно в период кардинальных трансформаций, когда старый социальный порядок разрушается, а новый создается «новыми» демагогами, стремящимися к власти, но в то же время заинтересованными в поддержке масс.

Поэтому именно такую демагогию мы можем наблюдать на протяжении всей дальнейшей истории человечества, в период войн, революций, создания и распада государств, прихода к власти и свержения и т. д.

Деятели Великой Французской революции, Гитлер, Муссолини, иные представители нацистских режимов в Европе 20–40-х годов XX в., Ленин, Троцкий, Сталин, были, прежде всего, талантливейшими демагогами.

«Конституция СССР 1936 года – самая либеральная конституция в мире», «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»¹¹, «Переход к рыночной экономике за 500 дней»¹², «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»¹³, «Мочить в сортире»¹⁴ – вот известные примеры политической демагогии в советский и «новый» периоды истории нашей страны.

Современные лидеры политических режимов, такие как Уго Чавес в Венесуэле, Эво Моралес в Боливии, Кастро на Кубе, интенсивно используют антиамериканскую риторику, противоречия бедных латиноамериканских и западных стран, непременно включая в предвыборные обещания новый поход на янки, реприватизацию государственной собственности, социальное равенство и т. др.

Мир сегодня – многообразный, многополюсный, многоконфликтный и по существу дезорганизованный – огромное благодатное поле деятельности для демагогов разного толка. Глобальные проблемы, такие как бедность миллиардов людей, живущих в аграрных обществах и мечтающих об изобилии богатейших городов, экологические проблемы, распространение американского влияния, радикального ислама, фашизма, перенаселенные мегаполисы, неизлечимые болезни, истощение и конечность ресурсов планеты, ядерные угрозы, финансовый кризис – вот далеко не полный перечень тем для «плодотворной» демагогии.

Таким образом, анализируя этимологию и современные тенденции в употреблении термина «демагогия», можно выделить его основные характеристики.

1. Демагогия есть определенный тип риторики, совокупность методов воздействия на чувства, инстинкты, сознание людей, кото-

рый использует приемы, основанные на знании особенностей человеческой психики и психологии, риторических, лингвистических приемах (нарушение логики, софизмы и т. д.) с целью достижения личных или групповых эгоистических интересов.

2. Безнравственный способ воздействия на людей с помощью лживых обещаний, лести, извращения фактов для достижения своих корыстных целей. Демагогия безнравственна, поскольку искусно скрывает истинные цели, поскольку проповедаются идеи как бы неопровергаемые, это вроде и правда, но наполовину. Когда корыстные цели достигнуты, становится ясно, что за этой риторикой скрывается голословность, тенденциозность, односторонность и знание демагогических приемов. Поэтому неизбежно приходит разочарование и недоверие к власти со стороны населения.

3. Демагогия обычно сопровождается фальсификацией фактов, оформляется внешне правдоподобной, но по существу искусно подтасованной аргументацией. Кажущееся правдоподобие демагогической аргументации позволяет демагогу добиваться желаемых результатов, не раскрывая своих действительных намерений. Демагогия способствует внедрению в общественное сознание ложных представлений о действительном положении дел в обществе, убеждающих массы в позитивном движении без реального на то основания.

4. Демагогия есть следствие некомпетентности, она призвана как бы компенсировать недостаток информации, скрыть чей-либо непрофессионализм, пустословие, дилетантство. Кроме того, демагогия – это всегда торжество толпы над отдельной личностью, торжество некомпетентности, комформности и некритичности. Человек толпы, человек массы чрезвычайно податлив на умелую риторику – ведь демагогия направлена именно на такого, среднего, комформного, слепо доверяющего средствам массовой информации, малообразованного, часто недовольного человека.

Что касается ценностного, этического аспекта понятия «демагогия», то это всегда лживое, лукавое слово, которое используется для достижения скрытых целей демагога, это невыполнимые обещания, откровенная лесь, заискивание перед народом, обращение не к разуму, а к инстинктам и темным страстям толпы.

Место демагогии среди родственных понятий

Главное отличие, основная характеристика демагогии в том, что это гремучая смесь истины и лжи, правды и клеветы, когда неподготовленному человеку практически невозможно распознать истину.

Названные характеристики дают возможность выделить понятие демагогии среди близких по значению понятий, таких как «клевета», «ложь», «деформированное сознание», «искажение», «популизм», «охлократия» и др.

Демагогия, в отличие от лжи и клеветы, чаще всего не использует однозначных утверждений, предполагается, что к подобным выводам придут «жертвы» демагогов самостоятельно. Если клевета есть порочащая информация или распространение заведомо ложных сведений, олицетворяющих клевету на честь и достоинство другого лица, а ложь – утверждение, сознательно противоположное истине, то демагогия – это смесь истины, лжи, клеветы, использующая правдоподобную аргументацию, искусно подтасованную, и отделить «зерна от плевел» бывает невероятно сложно.

Понятие «демагогия» близко понятию «популизм», некоторые исследователи даже считают эти понятия синонимами. Однако «демагогия» понятие более широкое, нежели «популизм», кроме того, она имеет однозначно негативный оттенок, в отличие от «популизма». Безусловно, популизм использует демагогические приемы, но в то же время популизм обрел новый статус и рассматривается как необходимый атрибут деятельности любого политика.

Понятие «демагогия» также близко и к понятию «охлократия», которое определяется как господство черни в управлении. Нужно отметить, что в современной интерпретации термин «демагогия» – это прежде всего воздействие на людей обманом, лестью, лживыми обещаниями для достижения своекорыстных целей, термин «охлократия» же чаще всего используется для обозначения типа политического режима, власть при котором основана на прихоти толпы.

Типы (виды) демагогий

Классификация демагогии может быть осуществлена по разным основаниям.

Политическая демагогия есть апелляция к широким слоям населения в процессе борьбы за власть, спекуляция на чувствах и стремлениях людей, использование призывов, обещаний, лозунгов, не содержащих конструктивных предложений, лишенных реального обеспечения и скрывающих корыстные цели. Политическими демагогами в зависимости от идеологии, которую они разделяют, используется специальная терминология, устойчивые выражения типа: «подлинная демократия», «свобода», «антинародный режим», «бюрократический произвол», «правовое государство» и т. д.

Выделяют также демагогии, основанные на определенной идеологии. Например, националистические и «левые» радикальные идеи, идеи религиозного фундаментализма. В современной России очень популярна и *националистическая демагогия* – излюбленный прием нечистоплотных политиков. В национальных взаимоотношениях можно очень легко использовать образ инородного врага, что и делается для воздействия на значительную часть населения России. Повсеместное распространение национализма в стране говорит о проблемах с нравственным здоровьем нашего общества. Примерами националистической демагогии могут служить высказывания В. Жириновского и Ле Пэна, спекулирующих на реальных проблемах миграции и все возрастающего неравенства, собирающих голоса протестного электората, который, судя по результатам выборов, достаточно многочисленный.

Подобную тематику использовал и Д.О. Рогозин перед выборами в Московскую городскую думу в ноябре 2005 г. На московском канале ТВЦ показывали скандально известный телевизионный рекламный ролик с участием Рогозина «Очистим Москву от мусора», который напрямую использовал ксенофобию и националистические настроения в обществе.

Также популярна *демагогия «левых» радикалов*, предлагающих «все отнять и поделить», «пересмотреть результаты приватизации государственной собственности», «устроить новый ГУЛАГ» и т. д. Например, актуальным лозунгом Национал-большевистской партии, выступающей против либеральных идей, является «Завершим реформы так: Сталин! Берия! ГУЛАГ!».

А. Алтунян пишет: «Страх перед “демагогом” – это страх собственника, имущего, перед бедняком, неимущим. Этот страх тем больше, чем беднее бедняк и чем у этого бедняка больше политических прав. Бедняк, ничего не имеющий, а следовательно, не имеющий и причин быть сдержанным в своих стремлениях (чисто шкурного резона, ограничивающего нас в наших действиях социальными, экономическими связями, правами и обязательствами), становится опасным для тех, кто что-то имеет»¹⁵. Вполне показательны лозунги «Мы за бедных, мы за русских!», «Россия для русских, Москва для москвичей!» и т. д.

В основе политической демагогии лежит, как правило, утверждение, что правящая группа не заботится об интересах простого народа, и поэтому необходимо отнять у нее власть, чтобы построить истинно демократическое общество. Наиболее популярные заявления политических демагогов часто содержат утверждения, что социальные проблемы имеют простые решения. В качестве решений предлагается борьба с властью политических группировок или

корпораций, борьба с незаконными мигрантами, борьба с коррупционерами и бюрократами, привлечение к управлению представителей народа и др.

Примером политической демагогии можно считать замалчивание со стороны политических групп, находящихся у власти, реальной ситуации в Чеченской республике. Официальная информация касается только «построения мирной жизни в республике», тем не менее террористические акции продолжают.

Экономическая демагогия часто встречается в виде многочисленных рассуждений об экономической эффективности тех или иных проектов; здесь демагогами сознательно используется магия цифр и расчетных формул, понимание которых доступно немногим. Переход к рыночной экономике и либеральной демократии в нашей стране сопровождался мощным экономическим обоснованием успешности частного предпринимательства, невероятного роста уровня жизни, заработной платы при отказе от уравнительной оплаты труда, высокой рентабельности малого бизнеса и т. д. А затем наиболее популярными предвыборными лозунгами были обещания вернуть деньги по вкладам до 1991 г. населению, вернуть деньги, вложенные в финансовые пирамиды и т. д.

Одним из наиболее показательных примеров подобной экономической демагогии может служить попытка в 1997 г. реализовать идею пересадить российских чиновников в отечественные автомобили, в таком случае произойдет серьезная поддержка отечественного производителя и невероятная экономия бюджетных средств.

Характерным примером экономической демагогии можно также считать спекуляцию демографическими показателями, которые в нашей стране давно приобрели политическое значение. Наиболее популярна тема опасности буквального вымирания российского населения, благотворного влияния материнского капитала. При этом не обращается внимание на основную причину повышения рождаемости в 2008–2009 гг.: вхождение в детородный возраст большего количества женщин по сравнению с предшествующим периодом.

Социальная демагогия включает в себя разные возможности для типизации демагогий. Принимая во внимание ценностный, этический аспект, в рамках этой демагогии различают ее специфические проявления, отражающие те или иные способы регулирования общественных отношений и поведения индивидов в обществе. Такие социальные нормы, как право, мораль, нравственность, религия, эстетические нормы и т. д., суть использование этих составляющих для осуществления социальной демагогии.

Социальная демагогия весьма часто используется политическими группами, находящимися у власти в нашей стране на протяжении всей истории российского государства. Например, всем известный проект «Каждой советской семье – отдельную квартиру», разработанный в 1956 г., реализовывался с переменным успехом и реанимировался на протяжении всей дальнейшей истории страны. Сначала М.С. Горбачев в 1986 г. передвинул сроки, выдвинув лозунг «Каждой советской семье – отдельную квартиру к 2000 году», затем в 2006 г. стартовал национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Однако радость от первых успехов нацпроекта омрачается смутным подозрением, что большинству россиян рассчитывать на светлое жилищное будущее пока не следует.

Правовая демагогия представляет собой связанное с намеренным обманом воздействие на людей, скрывающее собственные корыстные цели и основанное на правовой безграмотности основной части населения, ошибочном гипертрофированном представлении о важности правовых средств в решении социально-экономических проблем. Примером такой правовой демагогии могут служить эмоциональная, некомпетентная критика Конституции РФ и других законов, требования принять или отменить нормативно-правовые акты, которые обременительны либо выгодны только определенной части населения, обвинение известного деятеля, должностного лица, влиятельной организации в совершении тяжкого преступления без предоставления достаточных реальных доказательств и т. д.

Моральная демагогия использует моральные нормы для оценки окружающего мира. Суть моральной демагогии, по мнению А.А. Гусейнова, состоит в том, что человек посредством морализаторства возвеличивает себя, считает фактически морально безупречным и осуждает окружающих, не соответствующих его представлениям о морали¹⁶.

Примером подобной формы демагогии могут служить высказывания лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией относительно возможности проведения парада в Москве. Они апеллируют к свободе, к правам человека, к демократическим рекомендациям поступать так, как им хочется. Поэтому вполне оправданы слова Ю. Лужкова: «Не стоит двигаться в сторону этой совершенно какой-то бешеной, удивляющей весь мир разнузданности»¹⁷.

Примером *эстетической демагогии* может быть создание «имперского» стиля Третьего рейха, прямое цитирование классических представлений о прекрасном, создание образа романтического поли-

тика-эстета, строящего новый мир, создающего новую совершенную цивилизацию в пропагандистской литературе фашизма.

В настоящее время подобную эстетику используют средства массовой информации, кино, литература, пропагандируя ложную романтику экстремистских, преступных организаций, смешивая представления о добре и зле.

Религиозная демагогия основывается на вере в бога как таковой. Верующим фактически не нужны какие-либо правдивые доказательства существования божественного провидения. В настоящее время в России материалистическое мировоззрение терпит значительное поражение. Практически повсеместно бытует мнение, что вера в бога – единственный источник подлинной духовности, что подлинная нравственность возможна лишь на религиозной основе. Повсеместно нарастает клерикализация российского общества, даже робкая критика религии расценивается как свидетельство гражданской неполноценности. Практически забыты антиклерикализм предшествующих веков, обличение религиозных догматов, ставится под сомнение научная картина мира.

Огромными темпами распространяется *псевдонаучная демагогия*, особенно это касается социальных наук, где высокий уровень неопределенности, непредсказуемости общественных процессов, противоречивости суждений о них позволяют легче выдавать любое суждение за научную истину, а точные, конкретные знания заменяются квазиразсуждениями. Да и в точных науках появляется бесконечное множество «лысенковцев», создаются различные сомнительные научно-исследовательские институты, предлагающие различные лженаучные теории и открытия, якобы имеющие невероятный экономический либо альтруистический эффект.

Анализируя лингвистический аспект понятия «демагогия», нужно отметить прежде всего теорию речевого и кинесического воздействия на индивидуальное и коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами и паралингвистическими семиотическими системами (жесты, позы, мимика и т. д.).

Понятие «*лингвистическая демагогия*» используется как инструмент манипулирования людьми с помощью различных риторических, демагогических приемов. Благодаря особым приемам подбора, ранжирования, компиляции и прямой фальсификации информации, вполне возможно добиться правдоподобия демагогической аргументации. Нужно сказать, что использование особенностей устройства и функционирования языка, жестовой коммуникации, семиотики, которые осмысливались еще софистами, делает возможным построение сообщений, обладающих повышенной спо-

способностью воздействия на сознание и поведение. Стоит отметить и то, что некоторые аспекты речевого воздействия как составной части манипулирования людьми уже получили свое отражение в научной литературе¹⁸.

В настоящее время востребованы такие разделы лингвистики, как лингвистика лжи, лингвистическая демагогия, достаточно популярны книги, содержащие рекомендации по распознаванию лжи в коммуникации¹⁹. Например, М.Ю. Федосюк анализирует приемы демагогической риторики как «определенные способы навязывания адресату одностороннего осмысления или оценки предмета обсуждения» с использованием публичных речей партийных руководителей 1950–1960-х годов и др.²⁰

Кроме того, существует так называемая *обыденная демагогия*, которая «...возникает спонтанно, вследствие неопытности, неумения разграничивать частное и общее, возможное и желаемое», как пишет Р.Г. Апресян²¹, либо как намеренное воздействие на окружение в своекорыстных целях.

Многие демагоги позиционируют себя как защитников интересов всего общества, большинства населения, либо определенных регионов, либо определенных социальных групп – женщин, детей и стариков, рабочих или крестьян, шахтеров, бюджетников и т. д.

Демагогия является мощным оружием не только в руках тех, кто стремится к власти, но и в руках тех, кто имеет власть.

Методы (приемы) демагогии

Демагогию можно представить как инструмент и поддержания, и разрушения социального порядка. По сути, демагогия как инструмент поддержания существующего социального порядка – это способ сохранить в неизменном виде существующую картину мира и ценности в условиях, когда информация о внешнем мире вынуждает их серьезно изменять или модифицировать.

Существующий при этом социальный порядок включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов, образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта. Кроме того, каждый период правления, существования какого-либо режима, власти неизменно характеризуется своими риторическими и демагогическими приемами, изобретением своего языка, своих слов, значений, символов, словосочетаний и т. д.²²

Подобная демагогия правящих групп есть некоторый необходимый каркас социального порядка, обеспечивающий легитимность существующей власти, создающий ощущение стабильности,

традиционности. Поэтому результатом демагогических приемов существующего политического режима будет всегда оправдывающая настоящий социальный порядок картина мира. И любая, даже противоречивая информация в рамках демагогии подбрасывается и ранжируется таким образом, что служит лишь подтверждением неизменности, изначальности, традиционности, а возможно, даже божественности происхождения существующего социального порядка.

Любые факты ранжируются и компилируются в той последовательности и в таком значении, которые позволяют прийти к выводам, удовлетворяющим существующую и сложившуюся власть.

Перманентные изменения, происходящие в обществе, приводят к проникновению новых знаний, ценностей, установок, которые уже не могут контролироваться старой структурой социальных институтов и поэтому стимулируют кризис прежней идеологии, политического режима и правящей элиты.

Задача существующей власти, в том числе посредством демагогии поддерживающей социальный порядок, – найти институциональное выражение для новых ценностей, гармонично вписать их в существующую социальную систему, использовать в оправдание существующего политического режима, не дать свершиться социальной революцией.

Но демагогия это и очень мощный инструмент разрушения старого социального порядка, старых ценностей, одна из наиболее результативных форм дезорганизации социально-политической жизни.

Основная задача «новых» демагогов, пытающихся захватить власть, либо пытающихся победить в споре (при разности масштабов инструменты одинаковы), – осуществить скрытую модификацию ценностей, установок, идеалов людей, что приводит к изменению их мировосприятия и социального поведения.

В первую очередь демагоги плодотворно используют свойственное людям стремление к новизне и представление о лучшем будущем. Поэтому вся деятельность демагогов направлена на внедрение в массовое сознание новых установок, ценностей, доктрин, на создание и поддержание новых социальных иллюзий. Будущий социальный порядок представляется как наиболее прогрессивный, гуманный, справедливый, свободный, тогда как старый порядок, наоборот, критикуется²³.

Почему это демагогия? Потому что внедряемая информация носит тенденциозный, односторонний, идеалистический характер. Предложенные программы преобразования общества в переходный период не поддаются рациональной верификации, массы очарованы светлым будущим, что открывает широкие возмож-

ности для социального мифотворчества, манипуляций массовым сознанием.

Так, например, на постсоциалистическом пространстве иллюзии светлого будущего в коммунизме заменили новые иллюзии капиталистического благоденствия, но, как правило, реализация иллюзий приносит совершенно иной результат – еще больше несправедливости, нищеты, неравенства.

На фоне абстрактной идеализации будущего резко девальвируются старые институциональные идеалы и ценности, что создает благоприятные условия для дезорганизации общественной жизни, его отдельных частей.

В современном мире «демагог разрушающий» становится опасным не только для имущих, но и, если угодно, для всех людей, для всякого порядка. Демагоги опасны, ибо провоцируют толпу, народные массы, находя множество разных лозунгов, под которыми можно начать свой поход против стабильности и традиций. Демагогия использует целый арсенал демагогических риторических приемов и психологических средств. Главная задача для демагогии – обольстить и убедить.

Наряду с чисто лингвистическими способами, позволяющими создать впечатление правоты, такими как бездоказательные утверждения, отождествление части и целого, ложные аналогии, увод дискуссии в сторону, дискредитация аргументации, нарушение логики высказываний, демагогами используются знания человеческой природы, его слабости и психические свойства, манипулятивные технологии и др.

Подавляющее большинство демагогических высказываний вводит человека в заблуждение, обращаясь к его гордости, честолюбию, тщеславию, амбициям. Кроме того, используются обман, лесть, лживые обещания, спекуляции на чувствах людей, извращение фактов, ссылки на авторитеты и стереотипы, апелляции к эмоциям и т. д.

Чтобы быть более действенным инструментом манипулирования массовым сознанием, демагогия использует образы врага, примитивные инстинкты, народную память, национальные символы, традиции, фольклор.

Социальные последствия демагогии

Неизбежным следствием демагогии, особенно политической, является нарастание дезорганизационных процессов, апатии, фрустрации и анемии, проявление охлократических тенденций во всех сферах общественной жизни.

Дезорганизация социально-политической жизни есть так называемое предкризисное, предкатастрофическое состояние. Дезорганизация общественной жизни происходит на фоне роста социокультурных противоречий и порождает конфликты между разными формами и сферами деятельности, личностью и обществом, между потребностью и возможностями и т. д. Состояние дезорганизации характеризуется отсутствием либо противоречивостью социальных норм, ценностей и идеалов.

Высокая дезорганизация постепенно стала традицией России. Как пишет А. Алтунян, «...образ “порядка” – это образ культурный (не фольклорный). Синонимы “порядка” в русском языке: дисциплина, точность, честность. В последние несколько веков в России сложилась традиция относить все эти качества к немцам, признавая за ними (качествами) некоторую ценность, но при этом отдавая предпочтение русскому уму, находчивому и лукавому, и русским идеалам»²⁴.

Важнейшими факторами нестабильности являются высокий уровень внутренней реальной и потенциальной дезорганизации общества и слабая способность общества к ее устранению. Анархия, отсутствие внутренней логики явлений и событий, решения, даже благие, как источники новой дезорганизации, крайняя запутанность во всех сферах жизнедеятельности – таковы особенности и причины иррациональности российской действительности. Поэтому в современном дискурсе идеал порядка в стране – жесткость по всем направлениям.

Это выражается в стремлении государства понизить опасный уровень конфликтов, дезорганизации, подавляя их. Власть живет в постоянном страхе перед тем, что конфликты породят море дестабилизации, которое поглотит всю страну.

В современном мире демагог, удерживающий власть, также или еще более опасен обществу, поскольку направляет свою деятельность на усиление традиционного порядка, не дает место сомнениям и размышлениям, поскольку представляет существующее единственно правильным, единственно возможным и лучшим. Здесь часто используются известные демагогические формулировки типа «железная рука», «диктовать свою волю», «жесткая вертикаль» и т. д.

Такая демагогия перестает «работать», скрывает латентные изменения и конфликты и в результате трансформируется в пустую, ничего не значащую риторику, игнорирующую общенациональные цели страны и социальные интересы большинства населения. Это ускоряет делегитимацию институтов и символов «старого» порядка, тем более что интересы страны подменяются групповыми интересами бюрократии.

В условиях кризиса структуры управления и вся система «поддерживающей демагогии» уже не могут осуществлять прежний контроль, и дезорганизация в обществе кризиса усиливается.

Итак, дезорганизационные процессы в общественной жизни опасны тем, что могут привести к катастрофическим последствиям, к реализации самых пессимистических сценариев развития общества, от разгула охлократии до авторитаризма. При этом демагогия, и «разрушающая», и «стабилизирующая», является наиболее действенным инструментом воздействия на народные массы для получения политической поддержки. И та и другая, по сути, – лезть толпе и обман, пустые обещания и манипуляции массовым сознанием.

Механизм защиты от демагогии очень сложен и доступен немногим – компетентность и постоянная критическая оценка происходящего. Некоторые исследователи предлагают использовать современные технологии, например, компьютерные программы, автоматически определяющие наличие демагогии в текстах. Но и они спасают не всегда в силу человеческой природы как таковой, ее слабостей и пороков.

Примечания

- 1 Современный энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1997.
- 2 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рипол классик, 2006.
- 3 *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ, 2006.
- 4 *Алтунян А.* Кто боится демагогов? или Апология демагогии [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Русского журнала». [М., 18.03.1999]. URL: <http://old.russ.ru/politics/articles/99-03-18/altun.htm> (дата обращения: 07.06.2009).
- 5 Политологический словарь: Учеб. пособие / Под ред. В.Ф. Халипова. М., 1995. С. 121.
- 6 *Каценеленбаум Б.* Демагогия: опыт классификации // Наука и жизнь. 1989. № 9.
- 7 *Нестеренко Ю.Л.* Демагогия [Электронный ресурс] // Сайт «Lib.ru». [2007–2009]. URL: http://fan.lib.ru/n/nesterenko_j_l/text_0610.shtml (дата обращения: 07.06.2009).
- 8 Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993; *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
- 9 Цит. по: *Остерман Л.А.* О, Солон! История афинской демократии. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2001.

Г.В. Тартыгашева

- 10 Там же.
- 11 Речь Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС 17.10.1961 [Электронный ресурс] // Сайт «Программа Коммунистической партии Советского Союза». [М., 2009]. URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm (дата обращения: 03.06.2009).
- 12 *Ельцин Б.Н.* Речь в Казани // Известия. 1990.
- 13 Там же.
- 14 *Путин В.В.* Комментарии к событиям 23 сентября 1999 г. // ТВ. 24.09.1999.
- 15 *Алтунян А.* Указ. соч.
- 16 *Гусейнов А.А.* Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 5–12.
- 17 ТВЦ «Лицом к городу» с Юрием Лужковым. 30.05.2006.
- 18 *Кара-Мурза С.Г.* Власть манипуляции. М.: Академический проект, 2007; *Почепцов Г.Г.* Теория и практика коммуникации. М., 1998; *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М., 1980.
- 19 *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987; *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997; *Николаева Т.М.* Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988; *Федосюк М.Ю.* Выявление приемов «демагогической риторики» как компонента полемического искусства // Риторика в развитии человека и общества. Пермь, 1992.
- 20 Там же.
- 21 Сайт «Academic.ru». [М., 2009]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 09.06.2009).
- 22 См., напр.: *Алтунян А.* Указ. соч.; *Клемперер В.* ЛГП. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998.
- 23 См., напр.: *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч.
- 24 *Алтунян А.* Указ. соч.

А.О. Смирнова

СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО: СУЩНОСТЬ, ТИПЫ, ПРИЧИНЫ, МЕТОДЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме социального одиночества в современном обществе. Выявляется его сущность, основные типы и виды. Дана классификация причин возникновения феномена одиночества в современном российском обществе. Проанализированы основные теоретические подходы к изучению социального одиночества. Выделены некоторые способы преодоления социального одиночества, учитывая их специфику и распространенность в современном российском обществе.

Ключевые слова: социальное одиночество, интегративная модель одиночества, личность, стресс, коммуникация.

«Одиночество» в современной жизни почти столь же распространенный термин, как «глобализация», «Интернет» или «политкорректность». Парадоксально само по себе уже то, что несмотря на стремительные темпы развития всех без исключения коммуникационных сетей (телефонизация, мобильная связь, СМИ, Интернет и т. п.), а также постоянное увеличение плотности городского населения, все больше людей чувствуют себя одинокими.

Социальное одиночество является одной из актуальнейших проблем в социальной, духовной и культурной жизни общества (в том числе и российского). Долгое время в России (точнее, в Советском Союзе) проблема социального одиночества не изучалась, поскольку считалось, что одиночество социалистическому обществу не свойственно (согласно официальной доктрине, одиночество было присуще только буржуазному миру и являлось одним из отрицательных последствий капитализма и стиля жизни западного общества). В 1990-е годы массовые опросы населения показали, что проблема одиночества, которая существовала в советском

обществе, никуда не делась и в российском. К тому же серьезнейший экономический, политический и духовный кризис, наступивший после распада СССР, усугубил социальное одиночество в нашей стране.

Становление современного российского общества сопровождается процессами взаимного отчуждения людей, что не может не сказываться на увеличении количества одиноких людей. Проблема одиночества, таким образом, оказывается весьма актуальной для современного российского общества.

Теоретические подходы к изучению одиночества

В процессе изучения феномена социального одиночества были выделены следующие подходы в трактовке этого сложного социального и социально-психологического явления.

Экзистенциальная психология и ее представители (И. Ялом, К. Мустакас) считали, что одиночество изначально заложено в природе человека, что это вполне естественное состояние. Каждый человек уникален и неповторим, его нельзя до конца понять другому человеку, и поэтому с самого рождения он «обречен» на одиночество.

Экзистенциальная психология тесно связана с экзистенциальной философией (предшественниками идей экзистенциальной психологии, например, можно назвать таких философов, как Ж.-П. Сартр, А. Камю, Н.А. Бердяев, М. Хайдеггер).

В экзистенциальной психологии выделяют основной конфликт, который объясняется постоянным противостоянием индивида с условиями его существования в объективном мире. Одиночество, или изоляция, относится к данностям бытия. Экзистенциалисты не считают чувство одиночества патологией, а видят его причины в условиях бытия индивида.

К. Мустакас, например, разделяет понятия «суета одиночества» и «истинное одиночество»¹. Первое – это совокупность защитных механизмов, которые позволяют человеку отрешиться от решения существенных жизненных вопросов путем осуществления «активности ради активности». Истинное же одиночество возникает от осознания «реальности одинокого существования». Другой представитель экзистенциального направления, И. Ялом, считает, что такому осознанию способствует столкновение личности с пограничными жизненными ситуациями (смерть, жизненные перемены, трагедия), которые человек переживает в одиночку².

Психоаналитический подход (в рамках неопрейдистской парадигмы). Его придерживались такие ученые, как Л. Зилбург,

Х. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман. Как и сторонники других фрейдистских концепций, они считают, что все предпосылки одиночества уходят корнями в детство. Этими учеными проводились исследования, целью которых было показать связь одиночества человека с его отношениями с матерью или отцом в детстве; влияние различных психологических детских травм и т. п. Так, Зилбург различал одиночество и уединенность, считая второе состояние нормальным и преходящим, а первое – непреодолимым, неприятным, постоянным ощущением³. Причинами одиночества он называл особые черты самой личности, такие как нарциссизм, мания величия, враждебность. Все эти черты, по мнению Зилбурга, возникают в детском возрасте, когда ребенок, одновременно ощущая радость быть любимым, испытывает потрясение от того, что он мал и слаб и вынужден ждать удовлетворения своих потребностей от других людей.

Фромм-Рейхман, выделяя причины одиночества, подчеркивает пагубное последствие преждевременного отлучения от материнской ласки⁴.

Гуманистическая социология (или человеко-центрированный подход) (К. Роджерс, Л. Хьелл, Д. Зиглер и др.) говорит о том, что одиночество вызвано текущими влияниями, которые испытывает личность. Согласно Роджерсу, одиночество – это проявление слабой приспособляемости личности, а причина его – несоответствие представлений человека о собственном «я»⁵.

Социально-психологический подход (А. Боумен, Д. Рисмен) возлагает ответственность за возникновение одиночества на общество, в котором происходят процессы, ведущие к одиночеству. Так, Боумен выделил несколько факторов, способствующих усилению одиночества в современном обществе: ослабление связей в первичной группе; увеличение семейной и социальной мобильности.

Рисмен в книге «Одинокая толпа» говорит, что одна из главных причин одиночества – ориентация на других⁶. Люди хотят нравиться другим, постоянно приспособляются к обстоятельствам, уходят от своего «я», что приводит к «синдрому обеспокоенности» и зависимости личности от внимания к ней. Он использует термин «одинокая толпа», характеризуя современное американское общество.

Когнитивный подход (В. Дерлега, С. Марголиус, Д. Перлман, Л. Пепло). Особый упор в данной концепции делается на несоответствие социального и индивидуального опыта индивида.

Л. Пепло, например, в работе «Одиночество и самооценка»⁷ пишет, что познание есть фактор, который опосредует связь между недостатком социальности и чувством одиночества.

Познание причин одиночества может влиять на интенсивность переживания и на восприятие самого одиночества. Она полагала, что одиночество возникает в случае осознания человеком разницы между желаемым и достигнутым уровнем собственных социальных контактов. Когнитивные факторы у Пепло – это процессы, происходящие внутри индивида, согласовывающего свою деятельность с реальностью.

Существуют также подходы, в которых одиночество рассматривается как часть (компонент) более общей концепции. Так, Э. Фромм говорит об обществе потребления как о причине одиночества⁸. К. Хорни разрабатывает психосоциальную доктрину одиночества, куда включает множественные факторы, в том числе и проблемы современной семьи. Э. Тоффлер описывает так называемое «общество третьей волны», неизбежным атрибутом которого является «одиночество в толпе»⁹.

Особняком стоит так называемая *интегративная модель одиночества У. Садлера и Т. Джонсона*¹⁰, в которой изучаемый феномен определяется через внутренний мир личности, или мир «я», как динамический процесс, обусловленный переживаниями индивида в контексте жизненных отношений и связей человека. Данная модель хорошо раскрыта в статье У.А. Садлера и Т.Б. Джонсона «От одиночества к аномии»¹¹. Данная модель имеет значительные отличия от многих других, и прежде всего – она является междисциплинарной. В нее включены объяснительные схемы когнитивной психологии, экзистенциальной, социальной психологии и гуманистической социологии.

Главное положение этой модели состоит в том, что человек от природы наделен определенными возможностями, и его цель в жизни – как можно лучшая их реализация. Для их реализации он должен тем или иным образом взаимодействовать с окружающим миром (здесь у Садлера и Джонсона возникает понятие «связи», которое является крайне важным для понимания их концепции одиночества). Такие связи бывают разных уровней, на каждом уровне человек испытывает определенные трудности в установлении этих связей. Для того чтобы успешно реализовать свой потенциал, человек должен найти свое место в мире на всех уровнях и установить на каждом из них необходимое ему количество связей. А всего таких уровней у Садлера и Джонсона три: межличностный, социальный и глобальный. Утрата основополагающих связей ведет к переживанию чувства одиночества.

Садлер и Джонсон определяют одиночество как субъективное переживание, которое вызывает комплексное и острое чувство, выражающее определенную форму самосознания, и показывает

раскол основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности¹².

Таким образом, получается, что одиночество имеет как бы два аспекта: с одной стороны, это особая форма самовосприятия человека, характеризующая его внутриличностное состояние; с другой стороны – это самовосприятие тесно связано с определенным отношением к окружающему миру, то есть его невозможно отделить от контекста жизненных отношений и связей (отсюда и термин «*социальное* одиночество»).

Садлер и Джонсон определяют (исходя из значимых для человека видов восприятия себя и окружающего мира) четыре уровня экзистенциальных возможностей человека¹³:

- 1) уникальность судьбы индивида, реализация врожденного «я»;
- 2) традиции и культура личности (принятые в процессе социализации), дающие основные ценности и идеи, с помощью которых осуществляется интерпретация переживаний личности;
- 3) социальное окружение индивида, формирующее способы отношений с другими людьми, а также сферы, в которых возникает участие индивида в группах и принятие им определенных социальных ролей;
- 4) восприятие других людей, с которыми человек устанавливает отношения «я–ты» и которые могут со временем развернуться в другую реальность – «мы».

Четыре уровня задают четыре типа одиночества, причем они не исключают друг друга: человек может быть одинок сразу на нескольких уровнях.

Разрыв человека с собственным «я», с самим собой порождает, по Садлеру и Джонсону, *космический* тип одиночества. В этом случае затрагиваются глубины человеческой психики, и снятие проблемы одиночества уже не может быть осуществлено через простое человеческое общение: дисбаланс оказывается значительно глубже. Простая ликвидация физической изоляции человека не приведет к разрешению проблемы одиночества. Переживания данного типа порождают страх одиночества и стремление его подавить, что приводит человека к обоснованию его веры в то, что изоляция – истинное состояние человеческого существования.

Второй тип одиночества – *культурное*. Оно характеризуется отчуждением от культуры как системы нормативных значений и ценностей. Культурное одиночество дает о себе знать, когда человек ощущает, что общепринятая культура неприемлема для его внутреннего мира. Чаще всего подобный тип одиночества бытует в обществах, где происходят бурные социальные изменения, где нарушаются сами основы устоявшихся культурных традиций.

Для таких обществ характерен феномен «разрыва поколений». В «спокойных» же обществах данный тип одиночества характерен для выдающихся людей, чьи идеи значительно опережают свое время.

Третий тип одиночества – *социальное*. К данному типу одиночества можно отнести формы частичной социальной изоляции, такие как лишение членства в группе, неприятие группой. В случае переживания социального одиночества человек чувствует себя исключенным из той или иной группы, покинутым, посторонним, лишним. Социальное одиночество процветает в раздробленных обществах, переживающих периоды перестройки, с неопределенностью социальных границ. К социальному одиночеству также ведут изменения, которые способствуют распаду традиционных групп, развалу иерархии социальных позиций, а также отсутствию четкого распределения ролей в группах.

Последний тип одиночества, по Садлеру и Джонсону, *межличностное* одиночество. Оно связано с потерей постоянного общения с другим человеком. Неумение общаться, устанавливать доверительные отношения с другими людьми ведут к данному типу одиночества.

В нашей стране отдельные публикации по теме социального одиночества появились лишь в последние десятилетия. В советские годы одиночество не изучалась ни как психологическая, ни как социальная проблема. С начала 1990-х годов ситуация изменилась, однако единой концепции до сих пор не сложилось, все исследования носят разрозненный и несогласованный характер. Основная часть из них основана на трудах зарубежных ученых. Среди авторов: К.А. Абульханова-Славская, М.М. Бахтин, О.В. Данчева, А.Б. Добрович, В.А. Кан-Калик, И.С. Кон, И.И. Овчаренко, Ж.В. Пузанова, Л.И. Старовойтова, Г.М. Тихонов, С.Г. Трубникова, А.У. Хараш, Ю.М. Швалб, О.В. Ясицкая и др. Кроме того, следует отметить, что в последние два десятилетия книжные магазины испытывают небывалый наплыв популярной литературы (также псевдопсихологической), в которой даются самые различные объяснения одиночества вкупе с советами по его преодолению.

Социальное одиночество: причины и формы

Социальное одиночество всегда воспринималось по-разному. В любом случае одиночество – это всегда противопоставление общности. Это два диаметрально противоположных способа существования человека: либо он в обществе, либо в одиночестве.

При всем многообразии концепций, описывающих одиночество, в них четко можно проследить две тенденции. Первая из них –

оценка одиночества как резко отрицательного состояния, как патологии человеческих отношений, как вредного и неприемлемого. В описании одиночества используются такие определения, как «вынужденное», «тяжкое», «безысходное», «пугающее». Вторая тенденция – это определение одиночества как естественно присущего человеческой природе, более того – необходимого ей творческого, желанного, активного начала, без которого не может родиться полноценная личность. В случае такого подхода предпочтительным является термин «уединение».

Существуют две точки зрения на причины одиночества. Одна из них говорит, что одиночество – это субъективное переживание человека, не всегда совпадающее с реальной ситуацией, положением его в обществе. Другая же, наоборот, утверждает, что человек не виноват в своем одиночестве (это не есть его субъективное ощущение), а одиноким его делает окружающая среда, общество; одиночество для них – это плод особых социальных условий, заставляющих индивида замыкаться в себе, подавлять свою искренность и быть изолированным от окружающих.

На мой взгляд, может быть предложена следующая концепция причин социального одиночества в современном обществе.

Можно назвать некоторые факторы, являющиеся *предпосылками возникновения социального одиночества*.

1. Проблемы семьи. В первую очередь к ним относится изменение роли семьи, отношение к семье в обществе и нуклеаризация семьи. В настоящее время семья утрачивает свои многовековые традиции и свою роль как главной ценности. Создание семьи уже не является обязательным условием проживания вместе двоих людей, все больше предпочитаемой становится личная независимость, отсутствие обязательств. Все это имеет следствием разрушение семьи, которое, в свою очередь, влечет за собой постоянное чувство одиночества. К тому же семья все больше становится нуклеарной – в ней проживают чаще всего только родители и дети. Что касается проживания человека в семье, то в 2007 г. 12,6% респондентов из 1600 опрошенных проживали одни, 32,9% – в семье из двух человек, 28,5% – в семье из трех человек¹⁴. Старшее поколение часто живет отдельно, что является причиной возрастания чувства одиночества именно в старшем поколении, что ясно показывают опросы населения. 42,8% респондентов считают, что за период с 2002 по 2007 г. отношения в семье значительно ухудшились¹⁵. 35,4% респондентов из 33492 опрошенных заявили в 2000 г., что они редко обедают / ужинают с семьей¹⁶. В феврале 2007 г. ВЦИОМ провел опрос о том, как изменились ощущения россиян от своей жизни и жизни страны в целом. На возросшее

чувство одиночества в этом опросе указало 7% молодых россиян и 18% людей старше 40¹⁷. В опросе по поводу весомых причин для проживания пожилых родителей вместе с семьей детей на втором месте (после необходимости ухода за стариками – 12%), оказался фактор избавления от одиночества, ощущения покинутости (11%)¹⁸.

2. Для современного общества традиционная мораль ответственности заменяется на компромиссную практическую мораль, потребительскую, что ведет к индивидуализации общества, которая усиливает чувство одиночества у его представителей.

С утверждением «Я строго соблюдаю принципы нравственности, морали» согласны 46,9% респондентов из 33492 опрошенных в 2000 г. при 35,2% отказов, а с утверждением «я придерживаюсь своих собственных представлений о нравственности и морали» согласны 72,1% респондентов при 3,3% отказов¹⁹.

Из 1600 опрошенных в 2001 г. 30,8% респондентов считали, что при принятии жизненно важных решений нужно руководствоваться собственными желаниями и привычками, а 27,9% полагали, что руководствоваться нужно обещаниями, данными другим людям, нормами общепринятого поведения, традициями, обычаями, религиозными убеждениями и требованиями закона²⁰.

3. Обезличенность отношений в больших городах. Термин Рисмена «одинокая толпа» становится все более актуальным в настоящее время. Несмотря на постоянное увеличение плотности жителей в больших городах, плотность социальных контактов не увеличивается. В итоге, несмотря на то что каждый из жителей скученных городов постоянно окружен большим количеством себе подобных, он не чувствует себя в обществе, что ведет к усилению чувства одиночества.

В 2000 г. из 2054 опрошенных 17,8% респондентов согласились, что испытывают чувство пессимизма и неуверенности в обществе; 24,1% испытывали в обществе чувство страха, тревоги; 41,6% считали, что надеяться человек должен только на себя и свои силы; 10,5% страдали от чувства разобщенности людей²¹.

4. Проблема личного пространства связана с предыдущей проблемой. Жизнь в большом городе предполагает постоянные физические контакты с огромным количеством людей. Недостаток личного пространства на протяжении всего дня порождает стремление к обособлению, получению этого пространства, что, в свою очередь, ведет к оторванности от окружения и одиночеству.

Помимо этого, можно выделить непосредственные причины возникновения социального одиночества в современном российском обществе.

5. Экономический, политический и духовный кризис, наступивший в 1990-е годы после распада СССР. В опросе ВЦИОМ (апрель 2006 г.) в целом по стране угрозу одиночества выделили как главный источник беспокойства 21% россиян. Этот показатель оказался в числе самых часто называемых, наряду с угрозой социальных конфликтов и войн (28%), болезней (48%) и преступности (53%)²².

6. Замена личной коммуникации суррогатами. Речь идет о том, что с развитием различных высокотехнологичных способов коммуникации (мобильная связь, Интернет) «живая», непосредственная коммуникация между людьми заменяется на различные ее «заменители». И если общение по телефону еще хоть как-то можно приравнять к непосредственному, то, например, общение по «аське» или на форуме является явно неполноценным, в нем если не начисто отсутствует, то очень редуцирована эмоциональная, психологическая составляющая.

Опрос ВЦИОМ, касающийся пожара на Останкинской башне в 2000 г., показал, что от невозможности просмотра каналов центрального телевидения 31,3% респондентов испытывали чувство беспокойства, 22,1% – чувство лишения, 12,7% – раздражение, а 3% указали, что испытывают страх²³. При этом 57,6% респондентов утверждали, что в случае, если телевизионное вещание не будет восстановлено три-четыре недели, они потеряют нечто жизненно важное²⁴.

Уже в 2001 г. доступ к Интернету дома имели 2,3% респондентов (из опрошенных 1500 по России), а из имеющих Интернет дома пользовались им один раз в неделю и чаще 40,1% респондентов²⁵. В 2007 г. возможность доступа в Интернет со своего мобильного телефона имели уже 26,3% респондентов из опрошенных 2110 по России²⁶. В 2000 г. Интернет как средство общения с другими людьми использовали 53,9% респондентов²⁷. Таким образом, Интернет получает все большее распространение в обществе как наиболее простая и доступная форма коммуникации.

7. Общее ускорение темпа жизни ведет к постоянной нехватке времени, что негативно сказывается на круге общения человека и ведет к его одиночеству. Таким образом, именно технический прогресс и быстрые темпы развития общества и цивилизации ведут к резкому увеличению психологических и социальных проблем, в том числе связанных с чувством и реальным переживанием одиночества значительной частью населения различных стран (в том числе, и России). 55% респондентов из 33492 опрошенных в 2000 г. согласились, что испытывают недостаток времени. 34,2% признались, что у них не хватает времени следить за своим здоровьем.

27,6% респондентов заявили, что у них нет времени готовить еду. И 69% согласились, что жизнь «меняется слишком быстро»²⁸.

8. Характерные для современного общества акцентированность на личном успехе, соревновательность, конкурентность являются причинами постоянной гонки за успехом, карьеризма (в его негативном понимании), трудоголизма и пр., что резко сокращает время и силы на завязывание необходимых социальных контактов. 46,3% россиян согласны пожертвовать пребыванием с семьей ради успеха на работе²⁹.

У 70% россиян из 2054 опрошенных в 2000 г. слово «конкуренция» вызывает положительные эмоции; слово «индивидуализм» вызывает положительные эмоции у 68,5% респондентов, карьера – у 62,7%³⁰.

47,4% респондентов из 33492 опрошенных в 2000 г. считали, что деньги – лучший показатель жизненного успеха. 27,6% заявили, что хотят, чтобы окружающие думали, что они преуспевают в делах³¹.

Что касается *видов социального одиночества*, то их обычно делят на три группы:

1) безнадежно одинокие – полностью не удовлетворенные своими отношениями;

2) периодически и временно одинокие – в достаточной мере связаны со своими друзьями, знакомыми, хотя и испытывают недостаток в близкой привязанности или не состоят в браке. Они чаще других вступают в социальные контакты в различных местах. По сравнению с другими одинокими, они наиболее социально активны;

3) пассивно и устойчиво одинокие. Несмотря на то что они испытывают недостаток в партнере по интимной связи и им не хватает других связей, они не выражают такой неудовлетворенности по этому поводу, как относящиеся к первому и второму типам. Эти лица смирились со своим положением, принимают его как неизбежность.

Как разновидность третьей группы иногда выделяют группу равнодушных. Равнодушие в этом контексте представляет собой дефицит устремлений, в особенности в области чувств, связей с другими людьми и в ценностных отношениях. Равнодушный человек, как правило, нарциссически ориентирован, эгоистически самодостаточен, скрывает свое «я» от других. Своей индифферентностью к другим удаляет себя из сообщества, внутренне эмигрируя, удовлетворяется простым существованием, при этом опасается связей, открытости и ответственности.

Существует также классификация по частоте переживания чувства одиночества:

- 1) временное одиночество – кратковременные приступы переживания собственной обособленности и неудовлетворенности общением межличностными отношениями;
- 2) ситуативное одиночество является следствием стрессовых ситуаций: смерти близкого человека, разрыва личных отношений и т. д.;
- 3) хроническое одиночество характеризуется отсутствием у человека удовлетворительного общения, в результате чего он страдает от своей обособленности.

Методы преодоления социального одиночества

Социальное одиночество без сомнения является серьезной проблемой современного общества. Соответственно способы преодоления одиночества есть актуальный вопрос. Современное общество предлагает самые различные методы преодоления проблемы социального одиночества. Одна часть из них основана на различных услугах, способствующих завязыванию социальных контактов, другая – на психологии и психотерапии.

Назовем некоторые из них.

Книги из серии «Популярная психология», бесчисленное множество которых заполнило в последнее время прилавки книжных магазинов. Многие из них становятся бестселлерами (например, книги Карнеги). В этих книгах даются советы по преодолению одиночества, способам завязывать знакомства, в том числе и романтические, умению заводить друзей, а также называются различные способы влияния на окружающих. Ценовой диапазон данных изданий колеблется от 100 руб. за брошюры с десятью «полезными советами» до 1000 руб. за серьезные научные издания по социальной психологии и социологии.

Клубы по интересам представляют собой самого разного вида и назначения конторы, оказывающие услуги по завязыванию контактов между одинокими людьми. Это могут быть интеллектуальные клубы, клубы романтических знакомств, кружки «по интересам», танцевальные студии и т. п. За определенную плату люди получают некоторый набор услуг (помимо основной цели – познакомиться), например уроки танцев, ужин, обучение различным навыкам и т. п.

«Мобильные» знакомства – самые различные серверы, предлагающие виртуальное общение с возможностью дальнейших встреч в реальности. Стоимость варьируется от 10 до 100 руб. за одно сообщение (в зависимости от дополнительных возможностей сервиса).

Сайты знакомств в Интернете – один из самых быстро развивающихся сегментов Всемирной сети. Денег с посетителей они обычно не берут (хотя распространена практика платы за «дополнительные» услуги или же плата за ступеньку рейтинга в общей массе потенциальных партнеров, а следовательно, за большие шансы познакомиться как можно скорее). Однако несмотря на бесплатность сервиса для основной массы посетителей, на таких порталах зарабатывается немало денег путем размещения рекламы.

Интернет-сообщества. Примерно то же самое, что клубы по интересам, но только в виртуальном пространстве. Часто они имеют вполне весомое продолжение в реальности (например, портал поиска попутчиков по дороге на работу dovezu.ru или сайт для поиска соседей для совместной аренды квартиры). Основная цель данных сообществ несколько иная, чем «мы избавим вас от одиночества», однако зачастую именно знакомство (романтическое или дружеское) становится главной целью посетителей сообщества.

Психотренинги и группы взаимопомощи. Это один из профессиональных видов услуг, предлагаемых для решения психологической проблемы одиночества. За определенную плату (зависящую от многих факторов, таких как известность и квалификация тренера и размер группы, место встреч и т. п.) вы получаете квалифицированную психологическую помощь, однако решение проблемы одиночества здесь не гарантируется.

Таким образом, существует значительное количество платных услуг и различных товаров, имеющих своей целью решение проблемы одиночества.

Из всего этого списка видно, что первым и основным средством решения проблемы одиночества для большинства людей в настоящее время являются различные способы знакомств. К ним относятся как реальные клубы и фирмы, организующие различные мероприятия, целью которых является знакомство людей, так и их виртуальные собратья, которые являются куда менее эффективными, но зато гораздо более доступными для широкой аудитории. Большая часть из них являются просто местом для размещения объявлений о желании познакомиться с кратким описанием желаемого партнера, хотя часть из них предоставляет также и услуги по проведению досуговой деятельности или обучению каким-либо навыкам (например, танцам).

Вторая группа способов преодоления социального одиночества – это само- и взаимопомощь с использованием самых различных психологических и социально-психологических методик. Здесь возможны самостоятельные занятия с помощью специальной литературы, которая в изобилии имеется в современных

книжных магазинах, а также занятия со специалистом-психологом или социальным психологом как в группах, так и в индивидуальном порядке. Такой способ помогает индивиду развить собственный навык общения и повысить шансы на успешную социальную жизнь, однако не гарантирует подбор партнера, поскольку основной задачей в этом случае считается решение психологических проблем индивида, что помогает преодолеть социальное одиночество.

Стоит, однако, заметить, что в основном все эти услуги (за исключением, пожалуй, клубов по интересам) направлены на молодую целевую аудиторию, даже потенциально исключая решение данной проблемы для старших поколений, которые, согласно исследованиям, являются как раз основной группой, наиболее подверженной чувству одиночества. Для решения проблемы одиночества в этих группах необходимо вмешательство социальных служб.

Выше были рассмотрены способы, которые могут помочь человеку преодолеть состояние одиночества. Однако не следует забывать о том, что немаловажным фактором является настрой личности, ее ориентация на преодоление болезненного состояния, ее заинтересованность в результате и активность позиции. Понятно, что этот настрой у каждого человека индивидуален и зависит от психологических особенностей и личностных убеждений. Однако саму важность этого фактора забывать никак нельзя. Правомерным является также утверждение, что от социального одиночества человек может избавиться и сам, без помощи специально разработанных для этого методик. Однако случаи «самоизлечения» весьма редки, и причина тому – как раз отсутствие сильной мотивации и неспособность справиться с тяжелой психологической ситуацией. Например, К. Рубинстайн и Ф. Шейвер³² считают, что чаще всего реакция на испытываемое чувство одиночества – это «печальная пассивность». Имеется в виду то, что человек, испытывающий чувство одиночества, предпочитает поплакать, поспать, просто ничего не делать, размышлять и фантазировать, смотреть телевизор или выпить и отключиться. Конечно же, все эти действия только усугубляют чувство одиночества. Притом авторы отмечают, что люди, предпочитающие «активное уединение» (занятие любимым делом, поход в кино, театр, на концерт, чтение, занятие музыкой, рукоделие или любая другая ручная работа), скорее всего, легче преодолеют чувство одиночества. Энергичные и активные личности, имеющие четкую установку преодолеть собственную социальную изоляцию, чаще всего стараются изменить свою жизнь: стремятся быть более дружелюбными с людьми, пытаются завязывать новые знакомства, стараются помогать другим людям, находят

новые способы встречаться с другими людьми (вступают в клубы, секции, находят новые увлечения), делают себя более привлекательными для других (например, занимаются спортом, физкультурой, фитнесом). Огромное значение имеет и самонастрой, попытка поразмыслить над ситуацией позитивно, в ключе «что я сам могу сделать, чтобы себе помочь».

Заключение

Таким образом, из предложенного материала можно сделать несколько выводов.

Социальное одиночество изучается в рамках самых разных парадигм и научных направлений – начиная от философских и заканчивая сугубо прикладными исследованиями. В западной социологии существует множество концепций и подходов к изучению одиночества. В нашей стране еще не сложилось какой-нибудь определенной парадигмы, взгляды на природу и генезис социального одиночества во многом заимствованы у Запада.

Социальное одиночество является актуальной темой изучения, о чем говорит огромное количество исследований, направленных на выявление причин, типов, последствий одиночества, а также большое количество различных его трактовок.

Можно выделить несколько предпосылок одиночества в российском обществе, к которым относятся такие, как проблемы в области семьи, замена традиционной морали ответственности на компромиссную практическую мораль, обезличенность отношений в больших городах, проблема личного пространства. Можно выделить непосредственные причины возникновения одиночества в России – это экономический, политический и духовный кризис, наступивший в 1990-е годы после распада СССР; замена личной коммуникации суррогатами таковой, характерная для современного общества; общее ускорение темпа жизни; акцентированность на личном успехе, соревновательности, конкурентности.

Возможные методы преодоления социального одиночества существуют в современном обществе. Однако для решения проблемы социального одиночества у старших поколений мало предлагаемых в рамках общества экономически выгодных средств. Здесь необходимо вмешательство социальных служб, государственное финансирование для создания структур, которые бы помогали людям старшего и пожилого возраста преодолеть одиночество. Успешность преодоления социального одиночества во многом зависит также от настроения личности, ее ориентации на преодоление болезненного состояния, ее заинтересованности в результате и активности позиции.

- 1 Цит. по: *Перлман Д., Пепло Л.* Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 156–157.
- 2 *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2004.
- 3 *Перлман Д., Пепло Л.* Указ. соч. С. 253.
- 4 Там же. С. 154–155.
- 5 *Роджерс К.* Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы. М.: Изд-во Института психотерапии, 2008.
- 6 *Перлман Д., Пепло Л.* Указ. соч. С. 157–158.
- 7 *Пепло Л.* Одиночество и самооценка // Лабиринты одиночества. С. 169–192.
- 8 *Фромм Э.* Иметь или быть. М.: АСТ, 2007.
- 9 *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004.
- 10 *Садлер У., Джонсон Т.* От одиночества к аномии // Лабиринты одиночества. С. 21–52.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 База данных Единого архива социологических данных [Электронный ресурс] // Сайт системы организации фактографической информации по социологической тематике. [М., 2009]. URL: <http://sofist.socpol.ru/> (дата обращения: 15.08.2009).
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [М., 2009]. URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 10.08.2009).
- 18 База данных ФОМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». [М., 2009]. URL: <http://bd.fom.ru/> (дата обращения: 12.08.2009).
- 19 База данных Единого архива социологических данных [Электронный ресурс].
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Официальный сайт «РосБизнесКонсалтинг». [М., 2009]. URL: <http://top.rbc.ru/> (дата обращения: 13.08.2009).
- 23 База данных Единого архива социологических данных [Электронный ресурс].
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 *Рубинштейн К., Шейвер Ф.* Опыт одиночества // Лабиринты одиночества. С. 275–301.

У.В. Мызникова

ЭФФЕКТ ОРЕОЛА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Данная статья посвящена стереотипизированному восприятию действительности в общественном сознании, в частности эффекту ореола. Представлен комплексный междисциплинарный обзор литературы по данной тематике. Рассматриваются причины формирования и разрушения эффекта ореола, его проявление в различных сферах жизнедеятельности, имеющее позитивные и негативные последствия для личности, социальной группы, общества в целом.

Ключевые слова: атрибуция, общественное сознание, стереотип, ореол, эффект ореола в политике.

Сущностный механизм эффекта ореола – атрибуция в процессе восприятия в целом и межличностного общения в частности. Специфика обыденной повседневной жизни порождает распространённость стереотипизированного восприятия действительности и попытку рядового человека понять смысл происходящего вокруг, дать свою интерпретацию явлениям и процессам. Одним из проявлений подобной интерпретации является эффект ореола. Цель данной статьи заключается в рассмотрении причин и механизмов его формирования, причин его разрушения, а также возможности его использования в различных сферах жизнедеятельности, что может иметь как позитивные, так и негативные последствия.

Опыт исторического экскурса

Наиболее яркими примерами воплощения эффекта ореола, который можно условно назвать «эффектом мессии» в период кризисов и потрясений страны (Великой Октябрьской социали-

стической революции, далее в относительно мирное время, а также устройства мира после Второй мировой войны), являются два «вождя» – Ленин и Сталин. В условиях объективных исторических событий эти руководители страны исполняли роль своеобразных спасителей: в одном случае от «гнета царского правительства», в другом – «от фашистского ига». Являлись ли эти лидеры таковыми – сейчас судить трудно. Однако именно в их лице эффект ореола достиг апогея своего развития – формирования культа личности (как Ленина, так и Сталина). Многие биографические факты этих личностей были скрыты и намерено искажены для создания определенного общественного стереотипа непогрешимости. Таким образом, создавался ореол, который справедливо был назван культом личности, что актуально и не теряет своей значимости в современных условиях.

В следующий кризисный для России период – распада СССР – на политической арене возникает фигура первого президента РФ Б.Н. Ельцина. Роль Ельцина невозможно переоценить. «Он был и нашим Мирабо – бунтарем изнутри системы, возглавившим “третье сословье”; и русским Дантоном, низложившим старый режим; и современным Робеспьером, осуществлявшим основные революционные преобразования; и, наконец, Баррасом, создавшим временный режим, тем самым не допустив реставрации и подготовив выход из революции»¹.

Это очень емкое определение, данное Ю. Гиренко, раскрывает те роли, которые исполнял Ельцин. Возможно, те объективные исторические условия и привели к формированию эффекта ореола, который в этом случае можно классифицировать как эффект «лже-Моисея», когда именно на Ельцина и его команду возлагались надежды по выводу страны из кризиса после Советского режима. Следует отметить, что эту роль он возложил на себя в период беспрецедентной для современных условий борьбы за власть, но с ней не справился, что и послужило основанием для его развенчания, для олицетворения его с Геростратом.

После распада СССР на карте возникают новые независимые государства, ранее входившие в состав Советского Союза. Лидеры этих государств получают официально оформленные полномочия, становятся президентами. В Туркменистане первым, а в дальнейшем и пожизненным, президентом становится Сапармурат Ниязов. Была разработана новая идеологическая платформа развития страны. Осуществление этой платформы началось с наделения личности президента вымышленными качествами, такими как сверхмудрость, сверхдальновидность и т. п. Данный процесс сопровождался обязательным освещением в источниках массовой информации

всех событий, связанных с деятельностью президента вне зависимости от их важности. Логическим завершением данной идеологической платформы стало поглощение демократических и светских преобразований государством в лице одного человека. Помимо приобретения неограниченной власти, президент был объявлен главой всех туркмен мира (Туркменбаши). Появился стереотип взаимозамещения двух несовместимых категорий – народ и лидер, появился лозунг «Халк (Народ), Ватан (Родина), Туркменбаши (глава туркмен)», фактически ставший символом тоталитаризма. Именем Туркменбаши стали называться улицы, города, стратегически значимые объекты. Таким образом, обычный реальный человек постепенно превратился в божество. Уверовав в свою «миссию», Туркменбаши написал «Новый Завет» по-туркменски под названием «Рухнама». Книга – новый взгляд на развитие мировой истории, человеческой цивилизации, истории наций и народностей, проблему дальнейшего развития современного общества. Она представляет собой попытку абстрагироваться от традиционных методов организации социального пространства. Основу концептуальных разработок составляли националистические идеи, провозглашался культ одной нации. Таким образом, эффект ореола Туркменбаши можно классифицировать условно как эффект «отца (бога) нации» (что в переводе и означает «туркменбаши»).

Подобным образом можно типологизировать деятельность и других политических лидеров, сыгравших в истории своих стран значительную роль. В нашу задачу входило рассмотрение самых ярких фигур, наглядно демонстрирующих проявление эффекта ореола.

Сущность ореола как способа реализации восприятия

Предварительно, в целях определения ракурса дальнейшего рассмотрения заявленной темы, уточним используемые термины. Как правило, восприятие человека другим человеком в социальной психологии обозначают термином «социальная перцепция». Первоначально под ней понималась социальная детерминация процессов восприятия. Позднее социальную перцепцию стали трактовать как процесс восприятия социальных объектов: людей, социальных групп, социальных общностей. Именно поэтому восприятие человека человеком можно отнести к области социальной перцепции, но в достаточно узком смысле, так как процесс восприятия шире по определению.

В процессе восприятия большую роль играет стереотипизация, когда полученные впечатления об объекте восприятия обобщаются

на основании сходства с прежними впечатлениями. На уровне восприятия физических объектов эти процессы были экспериментально зарегистрированы, а при оценке людей друг другом значимость подобных эффектов во многом возрастает.

В социальной психологии изучением процессов атрибуции (приписывания) в восприятии в случае дефицита достоверной информации занимается особая отрасль – каузальная атрибуция (Г. Келли, Э. Джонс, К. Дэвис, Д. Кенноуз, Р. Нисбет, Л. Стрикленд). Это направление сконцентрировано на рассмотрении попыток обычного человека понять смысл происходящих вокруг него явлений и событий. Процесс атрибуции заключается не только в интерпретации поведения индивида, но и трактовке личностных качеств, лежащих в основе совершаемого действия. Обычай «не обладает навыками профессионального восприятия окружающей действительности (в отличие от социолога, психолога и т. п.): чем проще явление, тем проще его объяснение. Необычное явление, выходящее за рамки восприятия, порождает множество вариантов интерпретации. Основываясь на многочисленных исследованиях в области изучения процессов атрибуции, был сделан вывод о том, что именно своеобразие интерпретаций является основой восприятия, особенно межличностного². Общеизвестно, что в процессе восприятия людьми друг друга возникают различные эффекты, на рассмотрении одного из них – эффекта ореола – мы и остановимся.

Что касается отечественных социальных ученых, то эффект ореола изучался ими, как правило, в связи с другими явлениями и процессами. Ж.Т. Тощенко в монографии «Парадоксальный человек» останавливается на социальном и историческом контекстах явления эффекта ореола. Г.М. Андреева рассматривает внутренние психологические механизмы восприятия индивидами друг друга и, как следствие, порождение подобных эффектов. В. Сороченко сконцентрировался на социальных причинах формирования эффекта ореола, а также возможности манипулирования общественным сознанием, основанной на применении этого эффекта. И.В. Охременко анализирует влияние эффекта ореола на электоральное поведение граждан.

В процессе формирования представлений о человеке первое впечатление может быть благоприятным или неблагоприятным. Отсутствие достаточной информированности об индивиде, нехватка времени оказывают решающее воздействие на последующее восприятие человека и оценку его поступков. Если первоначальная оценка была положительной, то в дальнейшем все качества индивида, его поступки начинают восприниматься положительно, отри-

цательные черты и действия расцениваются как случайность, исключение из правила. В результате формируется положительный ореол. Если же человеку не удалось произвести благоприятного впечатления сразу, то все последующие усилия, направленные на изменение сложившегося мнения, будут тщетными, ибо отрицательный ореол сформирован. Основой эффекта ореола, как и других явлений социальной перцепции, в условиях нехватки информации об объекте, являющейся важным компонентом любой деятельности, выступают механизмы категоризации, упрощения и отбора³.

Человек, вступая в общение, воспринимается в большинстве случаев партнером по коммуникативному взаимодействию как личность. Внешние данные в это время являются основой для интерпретации внутренних качеств⁴. Именно это предположение является ключевым в дальнейших рассуждениях, касающихся внешней привлекательности и эффекта ореола, основанного на ней.

Подобное одностороннее и смещенное восприятие схоже с основной идеей Ф. Хайдера, который утверждал, что в целях понимания социального поведения личности необходимо учитывать житейскую психологию. Людям свойственно рассуждать в рамках здравого смысла: плохой человек обладает «плохими» чертами, хороший человек – «хорошими», поэтому так часто поведение человека в целом обобщается в пользу одной из бинарных позиций⁵.

Причины появления эффекта ореола

В познании предмета любого социального явления определяющую роль играют причины, а лишь затем рассматривают следствие. В формировании эффекта ореола причины имеют первостепенную важность и значимость для понимания сущности этого явления⁶. Одной из самых важных причин, на наш взгляд, является современная *перегруженность информацией*, поступающей из различных источников (Интернет, телевидение, журналы, книги) в неограниченном количестве, затрагивающей все сферы жизнедеятельности, обновляющейся со скоростью света. Это не позволяет проследить все актуальные тенденции одновременно. Именно по этим причинам и создается недоинформированность по тем или иным вопросам, не касающимся напрямую интересов индивида, ведущая к формированию эффекта ореола в тех областях, интерес к которым вторичен по сравнению с другими. Например, у экономиста, если он не увлекается садоводством, достаточно пространное и стереотипизированное представление об уходе за растениями.

Следующей по значимости причиной формирования эффекта ореола является *дефицит времени*. Ограниченность во времени влияет на многие процессы восприятия. Индивид воспринимает первичную информацию и остается уверенным, что именно она является верной – ведь для того, чтобы ее проверить, нужно время и ресурсы. В реальных условиях проверкой информации занимаются лишь те лица, которые заинтересованы в достоверности источников. У «человека с улицы» нет необходимости в оценке достоверности информации, в затратах временных ресурсов на подобные мероприятия.

Различны стереотипы восприятия некоторых социальных групп, общностей. Если индивид, относится к какой-либо группе, то воспринимается неотрывно от нее, как составляющая часть чего-то большего. В этом случае можно говорить о *групповой идентичности* и *высокой групповой сплоченности*, когда члены одной группы воспринимают себя как целое и репрезентируют себя окружающим именно так. Возможно, что это влияет на восприятие группы извне, то есть со стороны субъекта восприятия. Например, профессиональные сообщества часто воспринимаются извне как единое целое. Возникает стереотип представителя той или иной профессии и соответствующие характеристики этих представителей, ставшие для широкого круга людей своеобразными «ярлыками». Так, педагогов считают назидательными, педантичными и строгими. Самыми циничными считают представителей врачей и сотрудников правоохранительных органов. Социологи нередко однозначно воспринимаются как интервьюеры и т. п.

Эффект ореола как проявление стереотипизированного политического сознания на примере социальных общностей (электората в частности) рассматривался И.В. Охременко⁷. Именно этот эффект является основанием для наделения сторонников политических партий различных направленностей (левых, правых, центристов) определенными политическими воззрениями. Так, по общепринятому мнению электората, правые ставят экономические, национальные или религиозные цели выше прав и шансов для всех слоев населения. Основными же целями левых, общепризнано, являются социальное равноправие и улучшение жизненных условий наименее привилегированных слоев общества. В действительности политический выбор не обуславливается набором подобных застывших стереотипов, а определяется совокупностью различного рода факторов.

Наибольшую выраженность явления групповой идентичности и сплоченности, а также восприятие этих групп в контексте эффекта ореола можно продемонстрировать на примере этнических сооб-

ществ и групп. Одной из первых Т.Г. Стефаненко стала рассматривать этнические стереотипы не только с позиции негативной оценки, но и позитивной. По мнению же британского психолога А. Тэшфела, стереотипы способны сохранить ценности индивида и, как следствие, его социальную идентичность. Таким образом, «в качестве основных социально-психологических функций стереотипизации следует рассматривать межгрупповую дифференциацию, или оценочное сравнение, чаще всего в пользу своей группы, и осуществляемое с ее помощью поддержание позитивной социальной идентичности»⁸. Этнические стереотипы могут быть основанием этнической внутригрупповой идентичности, поддерживать устойчивые связи внутри самой группы, позволяя сохранить ее целостность в противостоянии жестким условиям внешней среды. Однако в реальности этнические стереотипы зачастую становятся основанием для ожесточенных межгрупповых этнических конфликтов, в том числе вооруженных.

Одной из причин, влияющих на формирование эффекта ореола, является *неординарность личности*. Чрезмерная экстравагантность, индивидуальность воспринимаются, как правило, неоднозначно. Человек, стремящийся выделиться из группы, большой социальной общности своим поведением, не вписывается в рамки «обыденности». Он громко заявляет об этом, что вызывает неадекватную оценку со стороны большинства. Эффект ореола обеспечен такому индивиду, по крайней мере среди людей, не составляющих круг его близкого общения и обладающих обрывочной информацией о нем.

Важно отметить, все вышеназванные причины рассматриваются не абстрактно, а в конкретной ситуации общения в рамках достаточно широкой социальной деятельности, в которую включены как воспринимаемый субъект – носитель ореола, так и воспринимающая его сторона.

Причиной возникновения эффекта ореола помимо указанных ранее (перегруженность информацией; дефицит времени; безразличное отношение к малознакомым людям; различные стереотипы восприятия; неординарность личности), может быть *влияние авторитетного мнения*. Эта причина также является следствием информационной ограниченности или перегруженности в современных условиях. Не всегда авторитетом для нас являются действительно осведомленные лица (мы даже не ведем речи об обывателях ввиду очевидности высказываемых соображений). Но и в случае профессиональной подготовки, высокой квалификации в определенной области человеческий фактор играет немаловажную роль. Из этого логически вытекает и такая причина, как *искажение*

реальности. Оно может быть неумышленным ввиду индивидуальных особенностей интерпретации одних и тех же фактов и событий разными людьми, причем на это оказывают влияние особенности индивидуального сознания, а также речевые практики. Или умышленным, когда человек заинтересован в искажении реальных событий и фактов в свою пользу или является заинтересованным лицом, профессионально выполняющим свою работу.

Список причин можно продолжить, но автор не претендует на полноту и исчерпанность вышеуказанной классификации. Гораздо более значимым представляется рассмотреть несколько особо важных причин его *разрушения*. Выше эти причины были указаны лишь вскользь, теперь остановимся на них более подробно.

Одним из самых важных и значимых является так же, как и в случае формирования эффекта ореола, *фактор времени*. По прошествии длительного времени становится невозможным скрывать реальные факты, истинные черты личности и т. п. В связи с этим вспоминается известный афоризм: можно долго обманывать немногих, можно недолго обманывать многих, но обманывать всех и всегда – нельзя. Иллюстрируя этот пример, можно представить пружину, когда воспринимаемое оказывает давление на реальное, но длиться бесконечно этот процесс не может. В конце концов пружина всегда выстреливает. Реальное становится еще более очевидным.

Следует упомянуть влияние менее важной причины – *экстремальная ситуация* (различного рода кризисы, перевороты, непредвиденные обстоятельства и т. п.). Несмотря на очевидность экстремальной ситуации, именно эта причина может разрушить эффект ореола в достаточно короткий промежуток времени, что является важным в изучении этого феномена общественного сознания. Особенно наглядно это можно проследить на фоне экономических, политических и других кризисов. Если лидер/руководитель не обладает необходимыми для исполнения этой роли качествами, последствия кризиса негативно скажутся на его непосредственной деятельности и развеют эффект ореола при условии, что он существовал ранее.

По аналогии с причинами формирования эффекта ореола можно, следуя логике «от обратного», назвать и такую причину его разрушения как *информационная осведомленность*. В этом случае появляются либо новые источники информации, либо часть информации, не известной ранее, становится доступной. Определенную роль играет и *эмпатичное отношение* к окружающим. Это могут быть не столько близкие люди, когда сопереживание является неотъемлемым компонентом взаимоотношений, сколько сочувственное отношение ко всему окружению индивида.

Разрушение стереотипов, когда индивид получает возможность более близкого и детального рассмотрения менее известного ранее явления, происходит и тогда, когда человек попадает в условия, позволяющее сформировать *более полное мнение* относительно какой-то социальной группы.

Критическая оценка восприятия необычных явлений, неординарных личностей появляется вследствие более детального рассмотрения и появления ранее не известных, не замеченных качеств, приводящих человека к изменению предшествующей оценки.

Опыт типологизации эффекта ореола

Рассмотрев различные причины, влияющие на развитие и разрушение эффекта ореола, перейдем к обобщению ситуаций, порождающих этот эффект в реальных жизненных ситуациях.

Для начала рассмотрим основания типологизации этого феномена. Первым, наиболее значимым, основанием является *субъект (носитель) ореола* – личность (ореол создается для одного определенного человека кем-то или им самим); группа (ореолом наделяется определенная группа: малая, социальная, референтная и т. д.); общество (все общество подвержено влиянию эффекта ореола в случае внедрения и распространения определенной идеологии). Ярким примером воспроизведения эффекта ореола является субъективная оценка работодателем соискателя на вакантную должность. В условиях недостатка информированности о кандидате первоначальное мимолетное впечатление оказывается решающим в вопросе о приеме на работу. В этом случае одна положительная черта бросается в глаза, оттесняя все другие качества претендента. Как правило, именно «по одежке встречают». Проведенные исследования показали, какую большую роль играет внешняя привлекательность, подразумевающая что «красивая форма равна прекрасному содержанию»⁹. Индивидам, имеющим приятную внешность, работодатели склонны приписывать различные достоинства. На собеседовании внешность кандидата и его манеры имеют большее значение, нежели профессиональные навыки.

Похожую ситуацию можно наблюдать во взаимоотношениях начальника и подчиненного. Сотрудник, обладающий приятной внешностью, изначально зарекомендовавший себя как ответственный, компетентный, лояльный, будет восприниматься руководством именно таким на протяжении длительного периода работы (если не возникнут какие-то экстремальные ситуации и не раскроется тот или иной недостаток). Допущение промаха, проявление

некомпетентности в том или ином вопросе скорее всего будет расценено как минутная слабость. Такому сотруднику легче будет даваться продвижение по карьерной лестнице. Примечательно, что по данным исследований¹⁰ труд работников, имеющих приятную внешность, оплачивается в среднем на 12–14% выше, чем труд их менее симпатичных коллег. Однако если подчиненный сразу окажет неблагоприятное впечатление на руководителя, высокая квалификация вряд ли ему поможет. Руководство может акцентировать внимание на личностных качествах сотрудника, таких как гордость, заносчивость, неприветливость и т. п. Влиять на качество выполняемой работы эти черты личности не будут, но руководящее звено в большинстве случаев предпочтет подыскать сотруднику замену и уволить, найдя подходящую причину в качестве отговорки. Особенно актуальны эти примеры, на наш взгляд, в современных российских реалиях, когда оценка индивида происходит в условиях дефицита информации. А в дальнейшем в условиях дефицита времени не корректируется, что сказывается непосредственно на работе. Не всегда у человека есть возможность проявить себя во всем, что касается работы. Дальнейшее личностное общение, как правило, затруднено рядом факторов в условиях жесткой конкуренции на российском рынке труда и бизнеса в целом.

Вторым основанием для данной классификации являются *сферы жизнедеятельности*. Так, широкое распространение эффект ореола получил в одной из сфер экономики – маркетинге. Эл Райс – один из самых известных и востребованных специалистов в мире в области маркетинга, ведущий специалист по консалтингу – выделяет несколько механизмов в реализации программ с применением эффекта ореола¹¹. Первый и наиболее популярный – проекция одной торговой марки, широко разрекламированной и пользующейся высоким спросом, на всю линейку предлагаемой компанией продукции. Так поступила компания Apple, предложив публике свой новый продукт – iPod. Однако это вовсе не означает, что львиную долю прибыли компании обеспечивает именно продажа iPod. Эффект ореола распространился автоматически на всю остальную линейку персональных компьютеров. Таким образом, вложив финансовые средства в рекламу только одного продукта (но ставшего весьма популярным и востребованным), компания обеспечила себе имидж в представлении потребителя. Следствие – увеличение объема продаж всей предлагаемой продуктовой линейки. Следует отметить, что эффект ореола, созданный iPod, действует до настоящего времени.

Второй механизм – первенство в определенной отрасли, обеспечивающее стабильную прибыль многие годы. Здесь тоже сраба-

тывает эффект ореола: первый – значит лучший. Появление других игроков на рынке уже не является столь важным, ведь первой добилась успеха и завоевала доверие именно эта компания. У потребителя формируется стереотип восприятия, являющийся основанием эффекта ореола. Вряд ли кто-то будет оспаривать первенство таких общеизвестных мировых торговых марок, как «Kleenex» в средствах гигиены, «Heinz» в кетчупах, «Starbucks» в кофейнях и т. п.¹² В России неизменными лидерами в производстве кондитерских изделий является концерн «Бабаевский», в производстве мясных полуфабрикатов – «Микоян» и т. д.

Наименее очевидным, но не менее важным является пример формирования эффекта ореола в культуре, в частности в кинематографе. К сожалению, зачастую именно под влиянием этого эффекта карьера актеров заканчивается, так и не успев начаться, если об актере однажды сформировалось мнение как об исполнителе одной роли или же герое одного жанра. Впоследствии актер так и воспринимается режиссерами однозначно, с учетом сформированного эффекта. Так, комические персонажи редко играют роли трагических героев, и наоборот. Ореол предшествует реальному восприятию человека. Это происходит не всегда, но часто, особенно наглядно прослеживается при анализе советского кинематографа (С.Н. Филиппов, Н.Л. Крачковская, М.М. Кокшенов и др.). Кино было идеологически нагруженным, и выбор актеров ограничивался.

В. Сороченко в книге «Энциклопедия методов пропаганды» основное внимание уделяет также механизмам формирования эффекта ореола. Упоминаются два средства, лежащие в основе формирования эффекта ореола. Это наиболее распространенные стереотипы – заблуждения¹³.

Первый стереотип олицетворяет восприятие близости или причастности к эпизодическим явлениям или процессам. Например, когда человек случайно оказывается рядом со знаменитым артистом, певцом, статус его непроизвольно повышается. Именно поэтому фотографии со знаменитостями, их автографы, личные вещи и т. п. демонстрируются знакомым с такой гордостью. Этот прием эффективно используется в предвыборных кампаниях, когда за партию агитирует не просто ее представитель, а какой-нибудь народный любимец. Таким образом, положительное отношение к знаменитости проецируется и на субъект в целом, обеспечивая ему успех или по крайней мере популярность.

Второй стереотип связан с проекцией успешности на все сферы деятельности в случае уже имеющихся достижений лишь в одной из них. На наш взгляд, это все тот же упоминавшийся ранее «поло-

жительный ореол» с применением в сфере трудовых достижений. Предполагается, что успех в одной из сфер повлечет за собой непрямой успех в другой. Так, преуспевающий бизнесмен становится главой города или получает депутатский мандат. Вспоминается общеизвестный лозунг времен СССР о том, что «кухарку можно научить управлять государством». Но успех в одной сфере вовсе не предполагает возможность обязательного успеха в другой. Ведь для этого необходимы узкоспециализированные знания и навыки их применения, как минимум, и множество других немало важных факторов, определяющих достижения.

Наибольшую популярность применения эффекта ореола можно наблюдать в политике. Более того, формирование «положительного» или «отрицательного» эффекта ореола является профессиональной задачей политтехнологов или специалистов в области PR. Так, существует даже разделение пиар-технологий по методам на «белые», «серые» и «черные» соответственно специфике формируемого эффекта. Ранее термин public relations не использовался, зато существовали технологии пропаганды, что по существу служило одним и тем же процессам – возникновению и распространению эффекта ореола относительно «первых лиц» страны, тех или иных общественных и политических деятелей. Более того, в определенных условиях эффект ореола может приводить к таким последствиям, как возникновение культа личности, когда при наличии властных полномочий и возможности регулировать информационные источники ореол заменяет достоверные данные о деятельности правителя, его личностных качествах. История демонстрирует множество примеров подобного явления, когда обстоятельства способствуют приходу к власти правителей, реально не соответствующих сложившимся представлениям о них и их деятельности. Решающее значение в формировании эффекта ореола играет приобретенный статус личности, высокая должностная позиция, наличие властных полномочий. Человеку, занимающему высокую должность, приписывают несуществующие качества и заслуги, не соответствующие фактическим способностям, личностным качествам.

В заключение хотелось бы отметить, что эффект ореола возникает под влиянием множества причин: информационной перегруженности, дефицита времени, всевозможных стереотипов восприятия социальных групп, общностей, индивида и личности, подверженности влиянию авторитетов, умышленному профессиональному или неумышленному искажению реальности и т. п. Все это отражается на формировании «положительных» или «отрицательных» эффектов ореола относительно той или иной личности,

группы, объекта. Сформированные эффекты ореола, как правило, не поддаются дальнейшей корректировке даже в процессе более тесного последующего взаимодействия с объектом восприятия. В результате порожденные эффектом ореола иллюзии затрудняют объективное восприятие окружающей действительности. Распространение эффекта ореола можно наблюдать практически повсеместно, начиная от восприятия и оценки соседа, с которым человек малознаком, и заканчивая почитанием народных любимцев, которых индивид, возможно, и не видел в повседневной жизни. Однако в некоторых сферах применение эффекта ореола перешло из разряда обыденности в профессиональное занятие. Например, в маркетинге или политике. И если в маркетинге пока не обнаружено негативного проявления эффекта ореола, то в политике он налицо – формирование культа непогрешимости и мудрости под воздействием намеренного искажения реальности. Разрушение эффекта ореола возникает с прошествием времени и наступлением экстремальных ситуаций, когда контроль со стороны субъекта, его формирующего, ослаблен или не осуществляется вовсе ввиду объективно действующих причин во внешнем окружении.

Проанализировав различные определения эффекта ореола, предложенные как отечественными, так и зарубежными специалистами, мы предлагаем следующую трактовку данного явления. Эффект ореола возникает тогда, когда реальная субстанция оказывается замещенной искаженным представлением о ней под влиянием объективных и субъективных причин, которые формируют одностороннюю ограниченную позицию в искаженной оценке индивида, социальной группы, общности, а также отдельных явлений и процессов.

Примечания

- 1 *Гриценко Ю.* До и после Путина: Реакционные рефлексии. М.: АСТ, 2008. С. 113.
- 2 *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Наука, 1994. Электронная версия: URL: <http://psylib.org.ua/books/andrg01/index.htm> (дата обращения: 02.07.2009).
- 3 Социальная психология. Словарь // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2006. Электронная версия: URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex4/article//PS4/ps4-0209.htm> (дата обращения: 05.07.2009).
- 4 *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1960.
- 5 Цит. по: *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М.: Аспект-Пресс, 2002.

Эффект ореола в общественном сознании

- Электронная версия: URL: http://www.pedlib.ru/Books/2/0396/2_0396-93.shtml (дата обращения: 07.07.2009).
- 6 Скопылатов И.А., Ефремов О.Ю., Машаров И.М. Управление и диагностика персонала. СПб.: Знание, 2002. С. 81–82. Электронная версия: URL: http://msk.treko.ru/show_dict_934 (дата обращения: 01.07.2009).
 - 7 Охременко И.В. Электоральное поведение: Теория вопроса: Учеб. пособие: В 2 ч. Волгоград: ВолГУ, 2002. Ч. 1. С. 25–26.
 - 8 Стефаненко Т.Г. Этнические стереотипы – функции и свойства. Этнопсихология. Практикум. М., 2006. Электронная версия: URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype8.htm> (дата обращения: 05.07.2009).
 - 9 Cialdini R.B. Influence. Science and Practice. 4th ed. 2001. Ch. 5. Электронная версия: URL: <http://cialdini.info/publ/9-1-0-68> (дата обращения: 02.07.2009).
 - 10 Ibid.
 - 11 Эл Райс про маркетинговую психологию и эффект ореола [Электронный ресурс] // Сайт «AdMe.ru». [2006]. URL: <http://www.adme.ru/articles/2006/05/25/6471/> (дата обращения: 02.07.2009).
 - 12 Там же.
 - 13 Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды: Как нас обрабатывают СМИ, политика и реклама [Электронный ресурс]. М., 2002. С. 7–8. Электронная версия: URL: http://polbu.ru/sorochenko_propagation/ch08_i.html (дата обращения: 02.07.2009).

Т.В. Латышева

ФЕНОМЕН ГОТИЧЕСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ:
СОДЕРЖАНИЕ, ЧЕРТЫ И ВОСПРИЯТИЕ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

В статье рассматриваются основные этапы, направления и истоки формирования готической субкультуры на основе субкультурного подхода. Автор показывает, что эта субкультура характерна для общества эпохи постмодерна, и выделяет ее специфические черты. Обращается внимание на особенности трансформации современных молодежных субкультур, которые связаны с отказом от крайних проявлений идеологии, тенденцией к эскапизму и размыванию субкультурных границ, что изменило их роль в социализации и идентификации личности. Анализируется готическая субкультура в России и отношение к ней со стороны общества.

Ключевые слова: субкультура, постмодерн, готическая субкультура, общественное мнение, образ.

В конце XX в. в российском обществе наступил период глобальных социальных изменений, затронувших все его сферы. Социальные трансформации породили качественные изменения в массовом сознании людей и особенно молодежи, что привело к значительной дифференциации их ценностных установок. В результате распада прежней советской идентичности «самопроизвольно и противоречиво начался процесс формирования достаточно больших социальных групп со специфичными «социокультурными кодами»¹, основанными на определенном наборе ценностей, поведенческих стереотипах, образе и стиле жизни. Этот процесс усложнен и тем, что на российскую почву были привнесены различные субкультуры и контркультуры, многочисленные молодежные движения протеста, уже прошедшие на западе весь цикл развития. Феномен молодежной субкультуры и молодежных движений является актуальным объектом научной рефлексии на протяжении

© Латышева Т.В., 2010

многих десятилетий. Различные подходы к теоретическому осмыслению культуры, а также проблематизация молодежного вопроса породили разнообразные трактовки природы, функций и социокультурного значения молодежных субкультур. Однако постоянная динамика данного явления, специфика новых субкультурных феноменов определяют актуальность исследования одного из них – готической субкультуры, имеющей достаточно широкое распространение в современной России. Сущностные характеристики этой культуры, социальный портрет типичного ее представителя, специфика восприятия субкультуры другими молодежными группами остаются в российской социологии практически неизученными.

Сущность, основные черты и тенденции развития готической субкультуры

Готическая субкультура в современном ее понимании сформировалась на Западе к середине 1980-х годов. Возникшее в начале 1970-х в Великобритании панк-движение, изначально направленное на разрушение всевозможных стереотипов, к концу десятилетия сменилось настроениями упадничества, безнадежности, эскапизма, неприятия жизни. Так на рубеже 1970–1980 гг. субкультура панка сменяется постпанком, давшим начало готическому року и готической субкультуре. Вторая половина 1990-х становится новой стадией развития субкультуры – формирования «dark culture», общего «темного» движения, объединяющего, помимо готики, несколько других субкультур.

Сущность готической культуры можно определить как неодекадентскую постмодернистскую эклектику, основанную на положениях экзистенциализма, иррационализма, романтизма, эстетики средневекового и авангардного искусства, символизма и декадентства. Крайний индивидуализм, культ оригинальности, избирательность круга общения, романтизация меланхолии, пристрастие к сверхъестественному, мистическому, эксцентричному, интерес к определенным формам классического и современного искусства позволяют говорить о готике как о современной форме декаданса, объединяющей интеллектуально развитую и творческую молодежь. Можно сказать, что представители готической субкультуры – это новые денди постсовременности, стремящиеся к артистичности и самовыражению в своем внешнем облике, поведении, творчестве. Чрезвычайно важны для готы и представителей большинства других течений «dark-культуры» образы смерти, умирания, упадка, разрушения, распада, нашедшие отражение в произведе-

дениях искусства. Рефлексия танатологической культуры в разнообразных ее формах – философской, литературной, кинематографической, визуальной, медицинской, культ перверсии и аномалий, эстетика авангардного искусства – составляет суть альтернативного жизненного стиля «темной» личности.

Готическая субкультура, индустриальщики (или риветхеды), фрик-культура, субкультуры «темных» стилей металла, представляющие собой основные течения в рамках «dark-культуры», значительно дифференцированы в идейном и ценностном отношении, однако их объединяет стилистическая близость, общая музыкальная сцена и особенности образа жизни. Т. Щепанская, исследовавшая российские молодежные субкультуры в 1990-е годы, отмечает, что неполитические или неформально-политические группировки порой прямо отрицают наличие у них идеологии, не могут связно изложить ее или постулируют идейный плюрализм как основу своей платформы. Поэтому в современном урбанизированном мультикультурном социуме консолидирующим фактором для подобных молодежных субкультур и движений является не идеология, а особенности жизненного стиля, отличающие людей и атмосферу этого сообщества от всех остальных².

Включенное наблюдение в Берлине и Праге в 2007–2008 гг., анализ зарубежных социальных интернет-сетей и тематических сайтов показали, что в Западной Европе и Америке границы между субкультурами в рамках «dark-культуры» все более стираются, теряются черты молодежных субкультур в классическом понимании этого термина. Субкультуры готической направленности объединяются в некий конгломерат под названием «dark culture», трансформируясь в глобальное культурное движение, демонстрирующее альтернативный повседневности стиль жизни. Это происходит в результате общего «старения» субкультуры на Западе (средний возраст – 25–26 лет, многим ее носителям сегодня уже более 30 лет), превращения «dark-культуры» в рекреационную практику взрослых людей. «Dark-культура» не является также контркультурным образованием, так как ее представители стремятся не к разрушению сложившихся социальных и культурных практик, а к саморазвитию и поиску людей со сходными взглядами, убеждениями, интересами.

В России готическая субкультура появилась во второй половине 1990-х годов, в течение нескольких лет объединяя довольно узкий круг людей. Популяризация этого движения произошла в начале 2000-х, когда возникла мощная вторая волна, подкрепляемая пристальным вниманием СМИ. Стереотипный образ «гота» активно внедрялся в массовое сознание усилиями желтой прессы,

молодежных комедийных телесериалов и развлекательных программ³. В этот период в готику на волне популяризации субкультуры пришло множество подростков, привлеченных лишь эпатажной внешней атрибутикой. Эти новые члены субкультуры чаще всего не обладали достаточным уровнем интеллектуального развития и эрудиции, не интересовались историей развития субкультуры, не разделяли ее основные ценности и не желали осваивать общекультурное и непосредственно субкультурное наследие, формирующие мировосприятие, интересы, предпочтения и эстетические ориентации. Помимо этого, появляются так называемые псевдоготы – антисоциальные группы, стремящиеся прикрыть свою деятельность (такую, как вандализм на кладбищах, дьяволопоклонничество, демонстративное суицидальное поведение и т. п.) модным ярлыком готической субкультуры. Еще одна стилистически близкая, но весьма отдаленная от готики по содержанию субкультура – так называемые «лав-металлисты» или, как иронично назвали их готы, – «херки» (от англ. «her» – ей). Это поклонники группы HIM (англ. «him» – ему) и ее подражателей, играющих в стиле love metal, в музыкальном плане имеющих весьма опосредованное отношение к готике. Сегодня определение «херка» является ругательством, определяющим примкнувшего к «темной» культуре человека, не развитого интеллектуально, не обладающего чувством стиля и не разбирающегося в музыкальных направлениях, причем вне зависимости от того, слушает он love metal или нет. Подобная ситуация не может не порождать конфликтов и противоречий внутри субкультурной группы. Благодаря набравшей популярность субкультуре эмо, численность приверженцев готической субкультуры в России значительно сократилась, снизился риск потери самобытного стиля, однако стереотипный образ, сформированный ранее, продолжает распространяться в СМИ.

Одновременно с активной популяризацией субкультуры происходило становление общей «темной сцены» в России и формирование инфраструктуры субкультуры. В настоящее время инфраструктура российской «dark-культуры» практически приблизилась к западному образцу: во всех крупных городах регулярно проводятся тематические клубные вечеринки, товары зарубежных готических брендов продаются в российских рок-магазинах, продвигаются интернет-сайты, в Москве и Санкт-Петербурге издаются специальные журналы, появляются готические магазины,

Говоря о месте готики среди молодежных субкультур и движений, С.И. Левикова утверждает, что «на Западе – это уникальное субкультурное образование, объединяющее большую часть существующих молодежных субкультур, постепенно превращающееся

в синоним молодежной субкультуры вообще»⁴. Подобная точка зрения является явным преувеличением, однако отражает общую тенденцию к стиранию границ между ранее дифференцированными, но схожими субкультурами. Несмотря на значительное распространение готической эстетики, появление множества смежных субкультур и подстилей, усложнение и количественный рост объектов инфраструктуры западной «dark culture», нельзя утверждать, что она заменила собой иные формы молодежной субкультуры, такие как классический металл, панк, эмо, хип-хоп. Скорее она существует параллельно с ними. В России современная субкультурная ситуация схожа с западной за исключением того, что на протяжении второго десятилетия лет в постоянном противоборстве со всеми неформальными движениями и субкультурами находится молодежный мэйнстрим российской провинции – гопники⁵. В контексте постоянного противостояния засилию массовой поп-культуры, столичного гламура, псевдогламура провинциальных окраин, насилию со стороны гопников неформальные молодежные субкультуры и движения по-прежнему представляют собой единое коммуникационное пространство. Причем степень интеграции и сплоченности неформальных субкультур тем выше, чем меньше численность населения города.

Анализируя причины популярности готической субкультуры и связанных с нею меланхолических настроений и пристрастия к эстетике распада, мы выделили ряд основных факторов. Во-первых, так называемая «готическая меланхолия» есть не что иное, как поиск экзистенциальных смыслов, присущий в той или иной мере многим духовно развитым молодым людям. Подчеркивая внутренний конфликт и духовные искания определенной внешней атрибутикой, молодой человек производит маркировку собственной личностной и социальной идентичности, стремясь таким образом избавиться от одиночества и найти людей с подобными переживаниями, интересами и пристрастиями. Во-вторых, как показывает наше многолетнее включенное наблюдение, вхождение молодого человека в субкультуру и укрепление в ней зачастую происходит в периоды наиболее сильных личных переживаний и проблем, чаще всего не имеющих социального характера – расставание с любимым человеком, смерть близкого и т. п. Вовлечение в субкультуру способствует активизации творческой деятельности, и это позволяет сублимировать собственные переживания в произведениях художественного творчества – чаще всего, стихи, прозу, музыку и живопись. Глубинные трансформации современных молодежных субкультур, связанные с отказом от крайних проявлений идеологии, тенденцией к эскапизму и размыванию субкультурных

границ, породили изменение их роли в социализации и идентификации личности. В-третьих, вовлечение молодого человека в готическую субкультуру связано с тем, что она является еще одним агентом социализации, транслирующим ценности и установки, во многом отличные от общепринятых. В современной готической субкультуре уже не существует механизма наставничества, как, например, в советской «системе», однако ценностные установки транслируются иными, косвенными путями: посредством межличностного и виртуального общения, статей на тематических сайтах, самопрезентаций «лидеров мнений» в социальных интернет-сетях. Включение молодого человека в готическую субкультуру и интериоризация неких субкультурных ценностных установок уже не означают полной утраты значимых формальных ролей и идентичностей (студент, ученик, сын и т. п.), как происходило во времена коммун хиппи и шокирующего панка. В современной социокультурной ситуации субкультурная идентичность является доминирующей, но не единственно значимой формой личностной идентичности. Контркультурный контекст молодежных движений постепенно исчезает, происходит их интеграция в общий социальный контекст, что мы можем сегодня наблюдать и в отношении готической субкультуры, эстетика которой в адаптированных и рафинированных формах активно используется в высокой моде и глянцевого журналах. Однако подобная ассимиляция готической субкультуры, как нам представляется, произойдет не скоро, так как современные субкультуры, в отличие от субкультур прошлого, обладают собственной развитой инфраструктурой, предохраняющей их от вырождения и активного вмешательства извне.

Однако помимо положительных сторон включения индивида в готическую субкультуру как *peer group* существует и скрытая социальная опасность подобного эскапизма, связанная отнюдь не с внешне наблюдаемыми явлениями вроде эпатажной атрибутики или злоупотребления алкоголем. Уход наиболее интеллектуальной, творчески одаренной молодежи в субкультурную сферу представляет собой духовный ретретизм, причины и последствия которого сегодня наименее заботят органы молодежной политики. В социологической науке мертоновский термин «ретретизм» рассматривается в рамках теории аномии как форма социального бегства, связанная с полным отрицанием социально одобряемых целей деятельности и, соответственно, отказом от институциональных средств их достижения. Обычно в эту категорию включают людей, страдающих всеми формами социальных болезней – психопатов, психоневротиков, отщепенцев, бродяг, хронических алкоголиков и наркоманов⁶. Однако существует и духовный ретретизм,

не связанный с материальными причинами. Он не имеет формы социального бегства, так как человек сохраняет полный социально одобряемый набор статусов и ролей. В подобном случае речь идет о культурном бегстве, проявляющемся в самоисключении индивида из среды разделяемой большинством общества культуры. Социальная опасность данного явления заключается не в активно насаждаемых социальных мифах о «сатанизме», «сексе на могильных плитах», «поклонении смерти» и т. п., а в отказе молодежи от общественно значимых ценностей, утрате веры в возможность прогрессивного развития социальной сферы, в социальной индифферентности и апатии. Длительное состояние аномии российского общества привело к утверждению западных рыночных ценностей успеха, бездумного потребительства, приоритета материального над духовным, культ состоятельности, культ идеального тела как базовых в обществе и в особенности в молодежной среде. Однако подобный ценностный набор оказался достаточным далеко не для всех. Поэтому чем меньше молодежь будет находить в социальной реальности настоящих ценностей, тем сильнее будут проявляться разнообразнейшие формы духовного ретретизма. Квинтэссенция ценностного мира современной готической субкультуры – это крайняя форма отторжения вышеперечисленных «ценностей», связанная со стремлением к их уничтожению, хотя бы в эстетической форме.

Отношение студентов российских вузов к готической субкультуре

Предметом нашего исследования было избрано изучение локальной специфики отношения студентов к готической субкультуре как наиболее узнаваемому типу в рамках «dark-культуры». Очевидно, что наибольшей заинтересованностью субкультурной тематикой и познаниями в данной сфере обладают молодые люди и в первую очередь студенческая молодежь.

Центром изучения общественного мнения НИИ исследования общества Тюменского государственного нефтегазового университета (НИИ ИО ТюмГНГУ) по инструментарию автора было проведено исследование степени осведомленности студентов о существовании готической субкультуры, качества отношения к ней, а также возможной субкультурной самоидентификации респондентов. Методом неоконченных предложений изучалась степень толерантности к готической субкультуре как к социальному феномену и явлению повседневности. Уровень знаний и степень распространенности социальных мифов субкультуры в сознании студентов исследовались с помощью сформулированных автором истин-

ных, ложных и частично истинных утверждений. Анкетный опрос охватил 633 студента Тюменского государственного нефтегазового университета, 481 студента филиалов ТюмГНГУ в ХМАО и ЯНАО (Сургут, Когалым, Лангепас, Нефтеюганск, Нягань, Нижневартовск), 300 студентов Иркутского государственного университета, 213 студентов Ульяновского государственного университета, 347 студентов Северо-Западной академии государственной службы (г. Санкт-Петербург), 121 студента Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). В корпорации ТюмГНГУ, включающей базовый вуз и филиалы, репрезентативность исследования обеспечивалась моделью и расчетом выборочной совокупности, сформированными для мониторинга качества учебно-воспитательного процесса. В других вузах выборочная совокупность формировалась на основании двух базовых признаков: курс (2–4) и специальность (естественно-научные, технические или гуманитарные).

Как показывает Диаграмма 1, практически все респонденты осведомлены о существовании данного молодежного движения, и отношение к нему также сформировано.

Диаграмма 1

Распределение респондентов по их отношению к готической субкультуре (в % к числу ответивших в регионе)

Нейтральное отношение преобладает во всех городах, однако процентная доля опрошенных студентов, высказавших негативное отношение, также достаточно высока. Наиболее толерантны к готической субкультуре студенты из Москвы и Иркутска (отрицательно относятся 24,3% и 29,1% респондентов соответственно),

наименее – студенты петербургской академии. Почти 50% ориентированных на государственную службу петербургских студентов выразили негативное отношение к готической субкультуре, что отражает скрытую конфронтацию между конформной, политизированной, социально активной молодежью и группами молодых людей, предпочитающих культурное поле самовыражения.

Респондентам также было предложено высказать собственное мнение о данной молодежной субкультуре. Образ представителя готической культуры в сознании студентов исследовался с помощью методики анализа слабоструктурированных данных Г.Г. Татаровой⁷. В ответах респондентов на неоконченное предложение «Готы – это...» были выделены отдельные элементы образа гота, которые составили 14 основных компонентов. Данные элементы и компоненты, а также элементарные обоснования, то есть типичные ответы респондентов, представлены в таблице 1. Процентная доля респондентов, выбравших каждый из компонентов, отражена на диаграмме 2.

Таблица 1

Компоненты, элементы и элементарные обоснования образа гота в сознании студентов российских вузов

Компоненты	Элементы	Элементарные обоснования
(А) Внешняя атрибутика	Одежда Аксессуары	Люди в черном; одеваются в темную одежду; в черном с цепями и др.
(В) Особый стиль жизни	Специфические ценностные установки Другие интересы Особое восприятие мира	Особое направление молодежи со своими ценностями, приоритетами; люди, которые видят мир иначе; другой взгляд на жизнь и др.
(С) Склонность к депрессии	Мрачность Пессимизм Депрессивность Меланхоличность	Люди с пессимистическими загроbnыми взглядами на жизнь; не ценят свою жизнь; обиженные на жизнь; печальные и др.
(D) Необычность	Странность Экстравагантность Эпатажность	Странные люди»; люди, которые хотят выделяться; люди, странно выражающие себя и др.
(Е) Психические расстройства	Психические заболевания Крайне негативное отношение, связанное с приписыванием психического недуга	Люди с нарушениями в психике; ненормальные; больные; вид шизофренического заболевания и др.

Продолжение таблицы 1

Компоненты	Элементы	Элементарные обоснования
(F) Танатофилия	Чрезмерный интерес к смерти Поклонение смерти Желание умереть	Поклонники смерти; не ценят свою жизнь; спят на могилах; постоянно думают о смерти; люди суицидальных наклонностей и др.
(G) Нетрадиционная религиозность	Интерес к оккультизму Практическое применение оккультных знаний Сатанизм	Люди, верующие в злые силы; поклоняющиеся сатане; общаются с другими мирами; увлекаются мистикой, ритуалами, магией и др.
(H) Социальная дезадаптация	Замкнутость Одиночество Наличие комплексов Невозможность самореализации	Люди, которые не могут реализовать себя среди нормальных обычных людей; забитые; закомплексованные; неудачники; неуверенные в себе и др.
(I) Крайне негативное отношение респондентов	Прямые оскорбления в адрес представителей субкультуры	Моральные уроды; отбросы общества; дебилы; придурки; лохи и пр.
(J) Интеллектуальная и эстетическая сфера	Интеллектуальность Образованность Романтичность Творчество Увлечение искусством Эстетика субкультуры	Умные, романтичные люди; интересные, чуть отчаявшиеся ребята, видящие красоту там, где обычные люди уже ничего не видят; в некоторых случаях умные, прикольные, интересные, но с необычным мышлением; романтики, любящие вечность и др.
(K) Инфантилизм	Неопределенность жизненных ожиданий Игра Детство	Люди, которые еще не выросли; малые дети, которые решили отличиться от других и др.
(L) Музыкальная сцена	Увлечение готической музыкой Увлечение тяжелой музыкой	Слушают готический рок; слушают тяжеляк и др.
(M) Молодежная субкультура	Субкультура Неформальность	Вид молодежной субкультуры; субкультура и т. п.
(N) Кладбища	Прогулки по кладбищу Кладбище как место сбора Осквернение могил	Люди живущие на кладбищах, гуляют по кладбищам; надругаются над покоем умерших; спят на могилах и др.

Диаграмма 2

Компоненты образа гота в сознании студентов российских вузов
(в % к числу ответивших в регионе)

Как показывает диаграмма 2, доминирующие компоненты структуры образа гота в сознании студентов – это А, В и С, т. е. яркая внешняя атрибутика, мрачный настрой, депрессивность, некий особый ценностный мир, странность, чуждость пониманию. Особняком стоит компонент I, отражающий крайне негативную эмоциональную реакцию респондентов, выраженную с помощью прямых оскорблений представителей субкультуры и чаще всего ничем не обоснованную. Явное преобладание компонента А (от 17% опрошенных в Москве до 30% в Тюмени) свидетельствует о том, что зачастую осведомленность студентов о субкультуре ограничивается лишь узнаванием внешней атрибутики, причем

в ее наиболее распространенном, классическом варианте – «люди в черном». Достаточно часто упоминаются специфические ценностные установки и стиль жизни. Данная оценка отражает принятие существования подобных групп молодежи и нейтрального отношения респондентов к этому факту. Также распространено представление о склонности готов к депрессии и меланхолии, пессимистическому мировосприятию.

Около десятой части студентов заявляют о непонимании и неприятии подобного способа самовыражения, причем часть из них считает стремление к эпатажу не проявлением творчества, а свидетельством инфантильности, невозможности самореализации в обществе, наличия психологических проблем или психического нездоровья. Отличающиеся от большинства внешним видом, музыкальными вкусами и другими интересами молодые люди долгое время воспринимались не только обществом, но и российскими социологами как девианты, нигилисты, социально неадаптированные личности. Считалось, что в субкультуру молодого человека приводит неспособность к самореализации в других сферах общественной жизни. В современной социологии молодежи подобная точка зрения также имеет место: «Молодежная субкультура возникает из потребности молодых людей в самовыражении, самоутверждении в обществе и невозможности по той или иной причине их удовлетворения традиционным путем»⁸. Однако, на наш взгляд, данный подход является пережитком советской эпохи, когда стремление к единому и обязательному смысловому и культурному полю самовыражения молодежи было ориентиром молодежной политики и научных исследований. Сегодня же субкультура становится для молодого человека способом оправдания своей непохожести на других, причем осознание своей включенности в ту или иную субкультуру происходит не из-за отсутствия возможности, а из-за отсутствия желания самоутверждаться в рамках базовой культуры, ценности и установки которой противоречат внутренним убеждениям и установкам самой личности. Субкультурная идентичность, как уже подчеркивалось выше, становится лишь одной из форм социальной идентичности, не связанной с другими ее формами, в том числе семейной или профессиональной.

Высказывания, указывающие на крайне негативное восприятие субкультуры, составляют порядка 15–20% в Тюменской области, помимо этого около 5% ассоциируют носителей исследуемой субкультуры с психически нездоровыми людьми. В Москве же подобным образом ответили лишь около 3% и 4% респондентов соответственно. Данный факт демонстрирует полное отсутствие толерантности к готической субкультуре у четвертой части молодежи

Тюменского региона, а также общий уровень их культуры. Столь ярко выражаемая ненависть к неформальной молодежи является косвенным показателем принадлежности четвертой части студентов региона к субкультуре гопников.

Выражаемое в разных формах неприятие групп «чужих», ярко демонстрирующих свою социальную идентичность, можно объяснить с позиций теории социальной идентичности и, конкретнее, теории групповой дискриминации Г. Тэшфела. «Межгрупповая дискриминация возникает, даже когда собственные интересы личности совершенно не затрагиваются и не связаны с фактом благоприятствования ингруппе, не существует никакого межгруппового соревнования и нет никакой предшествующей или актуальной враждебности между группами. Единственной целью подобной дискриминации, по мнению Тэшфела, является установление различия между группами в пользу собственной»⁹. Иными словами, имиджевые молодежные субкультуры, в числе которых и готическая субкультура, вызывают немедленное их восприятие в качестве аутгрупп, нерелевантных группам «нормальной», «обычной» молодежи. Это порождает стремление несубкультурной молодежи придать собственной социальной идентичности более позитивную окраску путем сравнения с субкультурными аутгруппами и дискриминации последних, даже их если сферы деятельности, цели и интересы не пересекаются. Примечательно, что отрицательное отношение к готической субкультуре высказывают в основном респонденты мужского пола. Негативное отношение почти половины опрошенных молодых людей к готам, активно использующим андрогинную эстетику, подразумевающую стремление выглядеть на грани с противоположным полом, свидетельствует об укорененности гендерных стереотипов поведения и внешнего вида в сознании молодых людей, о значимости традиционных гендерных маскулинных установок для современных студентов.

Лишь единичные высказывания респондентов носят толерантный характер или демонстрируют положительный настрой респондентов: «такие же люди, как и мы, только со своей культурой», «неординарные люди», «прикольные ребята, совсем не агрессивные», «очень добрые и милые люди». Наибольшее количество ответов (около 6%), акцентирующих внимание на интеллектуальной и эстетической стороне субкультуры, дали студенты РГГУ (г. Москва). Притом что резких оскорбительных негативных высказываний в адрес субкультуры в данном вузе лишь 7%, это позволяет нам говорить о сложившемся толерантном отношении московских студентов к готической субкультуре как социокультурному феномену.

Таблица 2

Распределение респондентов в зависимости от их ответа
на вопрос «Смогли бы Вы общаться с готом?»
(в % к числу ответивших)

	Тюмень	Север Тюменской области	Ульяновск	Москва
Да, мог бы поддерживать дружеские отношения	14,7	15,4	19,6	21,4
Мог бы поддерживать знакомство	15,2	16,2	21,6	22,3
Не смог бы ни в каком качестве	19,2	26,5	15,5	17,9
Все зависит от человека	33,8	31,2	39,5	27,7
Затрудняюсь ответить	8,2	8,6	3,7	9,8
Итого	91,1*	97,9*	99,9*	99,1*

* Примечание. Ответ отсутствует (8,9% Тюмень, 2,1% Север Тюменской области, 0,1% Ульяновск, 0,9% Москва)

Анализ ответа на вопрос «Смогли бы вы общаться с готом?» предоставляет информацию о степени толерантности студенческой молодежи к представителям готической субкультуры как явлению повседневного окружения.

Как показывает таблица 2, большинство опрошенных декларируют толерантное отношение к представителям готической субкультуры, заявляя, что при выборе круга общения ориентируются на личностные качества людей, а не на их субкультурную принадлежность. Однако доля студенческой молодежи, крайне негативно высказавшаяся в адрес представителей готической субкультуры в предыдущем вопросе, отказывается поддерживать с ними какие бы ни было отношения. Несмотря на терпимое отношение к субкультуре как таковой в Москве, 17,9% студентов РГГУ не хотят видеть готов в своем ближайшем окружении. Это можно объяснить существенными различиями в картинах мира «нормальной» и субкультурной молодежи, мешающими установлению доброжелательных межличностных отношений. Радикально отличающиеся интересы, ценностные установки и восприятие окружающей реальности этих двух молодежных миров, а также пугающий, мрачный внешний вид готов приводит часть (от 15 до 30%) несубкультурной студенческой молодежи к нежеланию вступать с ними в межличностный

контакт. Установлению взаимопонимания с представителями субкультуры также мешает социальное мифотворчество, которым регулярно занимаются средства массовой информации.

Для исследования сформированности адекватного представления, а также степени распространенности в сознании студентов социальных мифов о готической субкультуре респондентам были предложены истинные, ложные и частично истинные суждения, характеризующие субкультуру и ее представителей. Данные утверждения были сформулированы нами на основе четырехлетнего включенного наблюдения в местах сбора представителей готической субкультуры в Москве, Тюмени и других городах России и Западной Европы, анализа популярных печатных СМИ, телепередач и интернет-источников.

Истинные утверждения: Классический вид гота – тотально черный цвет одежды, черные волосы, ногти, макияж глаз. Готы – начитанные и образованные люди. Готы – творческие личности. Готам свойственна театральность и стремление к эпатажу. Готы – это мрачные романтики и эстеты.

Частично истинные утверждения: Готы увлекаются магией и оккультизмом. Готы любят гулять по кладбищам; У готов эзотерическое мировоззрение. Готы склонны к депрессии и меланхолии.

Ложные утверждения: Готы являются сатанистами. Все готы выглядят одинаково; Готы постоянно думают о смерти. Готы – агрессивная субкультура; Готы – это секта, в которую существует посвящение.

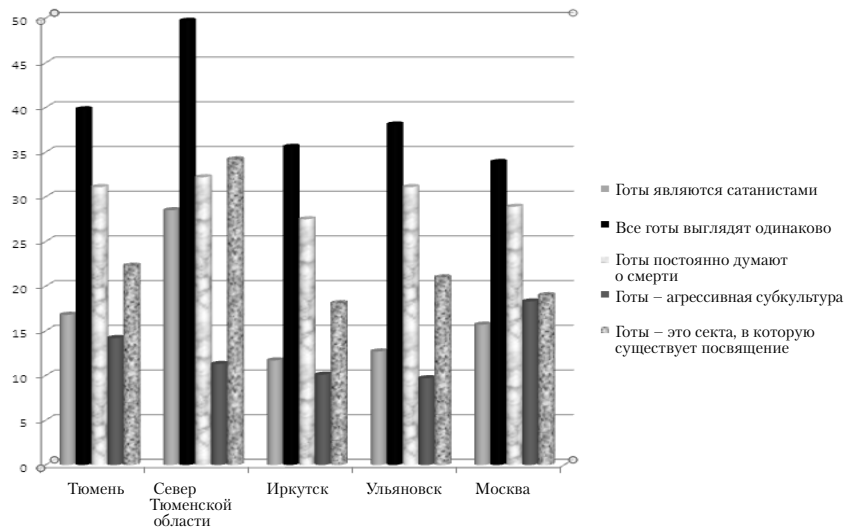
Около 80% респондентов согласны с истинным утверждением о классическом внешнем виде гота, что свидетельствует о популярности субкультуры и достаточной осведомленности молодежи о ее внешней атрибутике. По остальным утверждениям мы видим не столь четкую сформированность взглядов: более трети опрошенных по каждому пункту затруднились дать положительный или отрицательный ответ. Анализ ложных утверждений показал, что сформированные СМИ социальные мифы имеют широкое распространение в сознании студентов.

Стереотипное восприятие гота исключительно как человека в черной одежде обусловлено распространенностью классического имиджа в повседневной жизни гота. Иные стили используются в основном для вечеринок или дружеских встреч.

Около 12–16% респондентов считают всех готов сатанистами, треть – танатофилами, четверть – сектой со своими обрядами и процедурой инициации. Наибольшую распространенность социальные мифы о готической субкультуре имеют на севере Тюмен-

Диаграмма 3

Степень распространенности мифов
о готической субкультуре в сознании студентов российских вузов
(процентная доля респондентов, согласных с утверждением)

ской области, где треть респондентов считают готов сатанинской сектой. Такие ассоциации вполне объяснимы, так как помимо активной мифотворческой деятельности СМИ имидж гота как «человека в черном», использующего различную мистическую символику, вызывает у непосвященных подобную эмоциональную реакцию. Однако при этом большинство респондентов уверены, что готы не представляют прямой угрозы общественной безопасности и не являются агрессивной субкультурой. Данное убеждение связано как с использованием готами мужского пола андрогинной эстетики, не предполагающей возможность насильственных действий, так и с поведением готов, стремящихся дистанцироваться от нападок со стороны окружающих вместо того чтобы вступать с ними в конфликт.

Около половины опрошенных считают готов склонными к депрессии и меланхолии. Это утверждение является истинным для значительного числа готов, особенно недавно примкнувших к субкультуре. Однако стоит отметить, что готическая «меланхолия», как правило, не приобретает характер затяжной депрессии, не ведет к самоизоляции и не мешает представителям субкультуры оставаться активными субъектами социальной жизни. Также более по-

ловины респондентов убеждены, что любимое времяпрепровождение готов – это прогулки по кладбищам. Это утверждение является частично истинным, так как, во-первых, большинство представителей готической субкультуры интересуют лишь старинные некрополи, их скульптура, архитектура и атмосфера, во-вторых, сегодня все большее распространение приобретает так называемая «сталкер-готика», имеющая непосредственную связь с индустриальной субкультурой – посещение заброшенных, разрушенных зданий, «городов-призраков», строек, промышленных сооружений. Эти объекты интересуют представителей субкультуры чаще всего с эстетической точки зрения. Прогулки по кладбищу в городах, где отсутствуют старинные некрополи, связано чаще всего со стремлением к эпатажу, нежели с реальной танатофилией.

Около трети опрошенных считают готов творческими личностями, склонными к театральности и эпатажу, мрачными романтиками и эстетами, пятая часть – начитанными и образованными людьми. Данные утверждения характеризуют реальные качества большинства представителей субкультуры.

Таким образом, проанализировав сущностные характеристики готической субкультуры и конкретные формы ее проявления в России и за рубежом, мы установили, что данный феномен является формой духовного ретретизма части интеллектуальной и творческой молодежи современного мира. Органам социальной политики и образовательным учреждениям необходимо обратить внимание не на внешне наблюдаемые кричащие формы оппозиционности, уже давно утратившие сущность истинного протеста, а на отказ молодежи от общественно значимых ценностей, утрату веры в возможность прогрессивного разрыва социальной сферы, духовный эскапизм при сохранении внешнего присутствия. Для многих молодых людей на определенном жизненном этапе субкультурное пространство остается единственно возможной формой культурного самовыражения.

Отношение студентов к готической субкультуре в целом носит нейтральный либо крайне отрицательный характер. Причем нейтральное отношение связано с безразличием студентов к ценностям ориентирам и эстетическим пристрастиям готов, а не с приятием таковых. Толерантное отношение к молодежным субкультурам в России еще находится на стадии формирования.

- 1 Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалиева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003; *Щепанская Т.* Антропология молодежного активизма // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв. ред. В.В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999.
- 2 *Щепанская Т.* Указ. соч. С. 264–265.
- 3 См., напр.: Молоток. Самый готичный номер. 2005. № 28 (277); Как я стала готом. Часть первая [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. [26.02.2008]. URL: www.kp.ru (дата обращения: 20.06.2009).
- 4 *Левикова С.И.* О готах, готике и больном российском обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 163.
- 5 *Омельченко Е.* Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или Как гопники вытесняют неформалов // Официальный сайт Научно-исследовательского центра «Регион». [2009]. URL: <http://www.regioncentre.ru/resources/articles/article2/> (дата обращения: 20.06.2009).
- 6 *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности: (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 305.
- 7 *Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. Учеб. пособие. М.: Высшее образование и наука, 2007. С. 153–179.
- 8 *Левикова С.И.* Молодежные субкультуры: Учеб. пособие. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. С. 170.
- 9 *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990. С. 22.

Е.И. Потоцкая

ФЕНОМЕН ХАМЕЛЕОНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается особая форма политической субъектности – феномен хамелеона, который проявляется в тех случаях, когда индивид или социальная группа сохраняют одно и то же место в периоды преобразований социально-экономической и политической системы, носящих, в том числе, и идеологический характер. Это особый тип адаптации, основывающийся на специфической, редуцированной идентичности. Проявления феномена хамелеона, его эволюция и типология проявлений в российских условиях анализируются в контексте исторического материала современной России.

Ключевые слова: феномен хамелеона, идеология, социальная адаптация, идентичность, социальный статус.

Историческая практика практически не знает примеров того, чтобы сторонники поверженного тоталитарного режима долгое время активно и, тем более, с оружием в руках сопротивлялись победившей власти. Режимы, в которых статистика регистрирует небывало высокий уровень поддержки со стороны общества, как правило, разрушаются мгновенно – даже не в тот момент, когда им наносится решающий удар, а когда их верные и преданные элиты разбегаются, предчувствуя возможное поражение. Когда анализ показывает очень низкий уровень дифференциации, очень большой вес эквивалентной логики в существующих антагонизмах, важно автоматически предполагать, что даже не обязательно фальсифицированные показатели безграничного доверия и поддержки не гарантируют системе устойчивости не только при масштабных, но и при относительно умеренных потрясениях. В структуре социальной базы таких режимов есть, как правило, плохо различимая

© Потоцкая Е.И., 2010

и чаще всего мало изученная пятая колонна – хамелеоны. Они сбегут первыми, потому что у них нет лояльности по отношению к режиму. В этом случае речь идет не исключительно о советской системе, о любых иных тоталитарных режимах или современной российской действительности. Это правило распространяется на любые системы общественных отношений, которые в силу каких-либо причин начинают представляться безальтернативными. Они характеризуются ситуацией, в которой неприятие этой безальтернативности на какое-то время вынуждает индивида сделать выбор из всего двух доступных вариантов: изолировать себя от этой реальности или найти способ существования в ее рамках. Когда система становится всеобщей, в ней всегда есть доля людей, которые принимают всеобщие убеждения только потому, что иначе они утратят свой статус. То есть, феномен хамелеона проявляется не только в плохой или критической ситуации. Поскольку здесь рассматривается именно политическая сфера, которую целый ряд ученых считают конституирующей по отношению к идентичности, то речь пойдет о тех, кто явно меняет свои позиции в пользу победителя.

Тоталитарные режимы используют внешне избыточную долю идеологии и в формировании, и в демонстрации народного единства в поддержку режима. Но если режим переживает крах, от этого идеологического перенасыщения, как правило, не остается следов. Активно навязываемая идеология исчезает, уступая место не навязываемой, естественно укорененной. Позиция хамелеона в этом контексте выделяется минимальной идеологичностью и максимальной практичностью, которая базируется на его редуцированной идентичности.

Важно найти адекватный ответ на вопрос: как понять, изучая очень однородное общество с необычно высокой концентрацией общественной поддержки какого-либо начала, устойчива ли эта ситуация или она контекстуально обусловлена? Если люди действительно глубоко одобряют происходящее, то она может дестабилизироваться, если цель либо будет достигнута, либо не будет, и они почувствуют, что их ожидания обмануты. Вторая возможная ситуация состоит в том, что такая тотальная поддержка может быть основана либо на принуждении, либо на самоцензуре. Это обязательно угрожает плохо поддающейся предсказаниям, но всегда существующей угрозой провала, который может быть спровоцирован минимальными триггерами. Значимость этих потенциальных угроз определяется масштабом последствий, которые может иметь провал или дислокация, создающая поле неопределенности. Но одно из ключевых мест в понимании такого рода ситуации должно

занимать изучение феномена хамелеона, потому что это та форма политической субъектности, которая предполагает отсутствие активной реакции на разрушения, а в случае высокой вероятности падения режима, ранее обеспечивавшего получение личных преимуществ, – обращение всех ресурсов на его уничтожение при обнаружении более привлекательной с этой точки зрения альтернативы. В такой ситуации их не удержат никакие факторы идеологического характера, потому что хамелеоны свободны от влияния идеологии, не интериоризируют мифы, лежащие в ее основе, они, как и их биологические аналоги, не те, кем выглядят. Этим они и опасны для любой социальной системы, в которой их доля больше обычного. Их поведение просчитать труднее, чем чье бы то ни было еще. Поэтому так важно понимать хотя бы базовые характеристики этого типа личности, чтобы с большей долей вероятности прогнозировать влияние этого фактора на ситуацию.

Сущность феномена хамелеона

В основе предлагаемого в настоящей статье определения рассматриваемого явления как социального феномена лежит представление о том, что он обладает рядом специфических характеристик, которые не позволяют однозначно включить его в другие классификации. Феномен хамелеона отличается набором аномальных по отношению к господствующим социальным тенденциям черт. И даже если он недостаточно масштабен в сравнении с такими явлениями, как социальная мимикрия, конформизм, множественная идентичность – некоторым сходством с которыми феномен хамелеона действительно обладает – он, безусловно, требует к себе исследовательского внимания.

С точки зрения сути этого явления следует подчеркнуть, что феномен хамелеона проявляется в тех случаях, когда индивид или социальная группа сохраняют одно и то же место в структуре социально-экономической иерархии при том, что сама социально-политическая и экономическая системы претерпевают изменения, в том числе связанные с преобразованием их идеологического позиционирования.

В случае с хамелеонами, однако, уместно утверждение об исключительно внешнем принятии определенной идеологической позиции. И не под давлением группы, а ориентируясь на статус, условием обретения или сохранения которого становится приверженность этим позициям.

Феномен хамелеона нельзя отождествлять с конформизмом, поскольку ни интериоризация, ни подчинение, рассматриваемые

как основные механизмы конформизма, не могут считаться характеристиками хамелеона. В его случае речь идет об имитации подчинения, позволяющей хамелеону избегать конфликтов и угроз для его статуса, и о принципиальном отказе от интериоризации любых норм и мифов, что предоставляет ему свободу действий в обеспечении собственных интересов при любых изменениях внешней среды.

От социальной мимикрии феномен хамелеона принципиально отличает отношение к нормам и ценностям ин-группы. Если в случае мимикрии интериоризация или имитация приверженности нормам ин-группы является основным средством получения выгоды от ситуации взаимодействия, то для хамелеонов смена приверженности различным идеологическим позициям и, как следствие, членства в различных социальных группах, – основное средство использования результатов общественных преобразований для поддержания личного статуса.

Основополагающая причина, которая не позволяет охарактеризовать хамелеона как личность, обладающую множественностью идентичностей, состоит в том, что перемены ими своих позиций не отражаются на внутреннем содержании личности. Если в случае множественности идентичностей глубина внутриличностных трансформаций соответствует масштабу внешних изменений, то феномен хамелеона проявляется в строго противоположном принципе: возможность смены идеологических позиций поддерживается в этом случае устойчивостью идентичности, включающей в себя возможность идеологического репозиционирования в качестве внешнего по отношению к базовым установкам принципа деятельности.

Феномен хамелеона представляет собой специфический тип адаптации. Обоснование необходимости использования специальной терминологии для его описания предполагает демонстрацию того, что он обладает характеристиками, не включаемыми в общепринятые классификации типов адаптации.

Ядро механизма адаптации хамелеонов составляет особая форма идеологического репозиционирования. Внешне они являются сторонниками и господствующими целей, и принятых средств для их достижения. Однако в действительности речь в этом случае идет о таком характере приспособления, который требует более сложной системы описания, нежели, к примеру, предложенная Р. Мертоном.

Если у Мертона как девиантное поведение рассматривается все, кроме конформизма, то феномен хамелеона можно классифицировать как не просто еще более девиантное, а как внесистемное

поведение. В отношении хамелеона можно говорить не столько об адаптации к ситуации, которая сама по себе меняется, сколько об избирательном использовании изменяющихся обстоятельств для достижения неизменных собственных целей. Хамелеон использует изменения доминирующей идеологии для легитимации средств достижения целей, которые он выбирает безотносительно к нормам, диктуемым обществом.

Особая форма адаптации, лежащая в основе феномена хамелеона и не позволяющая идентифицировать его с проявлениями конформизма, социальной мимикрии и другими широко известными паттернами социального поведения, вытекает из особенностей идентичности хамелеона. По сути, он представляет собой социальную аномалию, реликт доиндустриальной эпохи в индустриальных и постиндустриальных обществах, в которых, что следует отметить, он проявляется уже значительно реже в силу меньшей значимости идеологической компоненты в структурировании и функционировании развитых социальных систем. Хамелеон – редуцированная идентичность, лишенная способности к эволюции. Она атрофирована в силу исключительно развитой способности к специфической адаптации хамелеонов к изменяющимся условиям их существования. Структурная узость интересов и целей хамелеона определяется его принципиальной сосредоточенностью на сохранении именно статуса в обществах, в которых основой социального взаимодействия и социальной динамики стал контракт.

На внутриличностном уровне хамелеона отличает специфическая система мотивации, которая обуславливает особый характер внешних проявлений его адаптации. Он не интериоризирует в качестве ориентиров своей деятельности доминирующие цели ни общества, ни институции, к которым он принадлежит. Его индивидуальные цели соотносятся с общественно значимыми исключительно ситуативно. Совпадение или противоречие личных целей хамелеонов и общественных целей обусловлено тем, как сочетаются изменчивость внешнего контекста и неизменность внутренних мотивов. Таким образом, для хамелеона не значимы внешние ориентиры – при условии, что он может использовать социально и/или официально одобряемые цели и средства для камуфлирования реальных. Важны только оценки внешних проявлений его действий и убеждений. Для безопасности позиций хамелеона они должны оставаться одобрительными или, как минимум, нейтральными.

Свобода хамелеона в пересечении границ идеологий объясняется его особым отношением к мифам, лежащим в их основе. Для хамелеонов интериоризация идеологии нерелевантна: они не рас-

смаатривают ее мифологическую составляющую – для них это исключительно утилитарный инструмент принадлежности к аппарату господствующей идеологии. Этим объясняется то обстоятельство, что они свободно переходят на сторону альтернативной идеологии, но только в тех условиях, когда перспектива ее победы – или такое ее положение, которое выгодно для них самих – становится очевидной, или ее положение тем или иным образом гарантирует им сохранение статуса. Их принципиальная задача состоит в сохранении или приумножении капитала, который становится производным от принадлежности к аппарату идеологии, сторону которой они принимают. Для них важны социально-политические, экономические и все иные условия, которые позволяют капитализировать свою принадлежность к этой части элитных групп. Основное значение этого признака социального типа хамелеонов: хамелеоны меняют свои идеологические позиции в процессе смены идеологий или принимая сторону альтернативной идеологии, избегая при этом участия в конфликтах с вероятностным исходом и занимая, соответственно, некоторую позицию по отношению к идеологии в тот момент, когда ее положение приобретает черты определенности.

Таким образом, на внутриличностном уровне смысловая цельность социального окружения хамелеона приобретает им не за счет соотнесения с определенной идеологией, а вследствие строго инструментального восприятия гегемоний как систем, членство в которых потенциально обеспечивает выгоду. Хамелеон имитирует процесс трансформации идентичности. Характер имитации определяется тем, каким образом демонстрация обладания той или иной идентичностью скажется на распределении властного ресурса.

Хамелеон придерживается наиболее конкурентоспособной – в отношении поддержания его статуса – гегемонии, которая, с его точки зрения, способна артикулировать наибольшее количество субъектных позиций, привлекая таким образом наибольшее количество последователей. Но, при этом, он никогда не становится провозвестником или лидером преобразований, он не участвует в определении принципов институционального развития. Он реагирует на перемены, участвует в процессе не создания символических гегемоний, а только эксплуатации всех преимуществ от декларированной приверженности им.

На уровне действий хамелеон наиболее мобилен, на уровне интенций хамелеон – самое стационарное состояние: его суть в сохранении тех условий, которые обеспечили ему непропорционально большие преимущества и привилегии. Его отличает «игра в дифференциацию», в то время как любая другая идентичность пережива-

ет изменения под влиянием контекстуально изменяемой ситуации и, как следствие, дифференциации.

Эволюция феномена хамелеона в российских условиях

В течение почти 25 последних лет в российской действительности многократно складывались условия, располагающие к массовому проявлению феномена хамелеона. Прежде всего, сам период перестройки, в котором традиционная консервативная коммунистическая идеология вошла в состояние конфликта с попытками демократизации социалистической доктрины на почве попыток совместить коммунистическую идеологию с некоторыми элементами частного предпринимательства.

В 1992 г., после радикального поражения советской политической системы, начался второй масштабный период трансформаций – либеральные реформы, устранившие значительную часть барьеров для частной инициативы в сочетании с активным развитием многопартийной политической системы.

Третий период, время которого наступило в середине 90-х годов, был связан с некоторым торможением, или даже частичным поражением, либеральной идеологии и восстановлением позиций социал-демократической идеологии. Не случайно основным содержанием президентской избирательной кампании 1996 г. стало противостояние «коммунистическому реваншу».

И наконец, в конце 1990 – начале 2000-х годов, после периода утверждения «олигархии», начался последний, нынешний этап, в основе которого лежит этатизм, восстановление позиций государства в экономике и усиление государственного влияния во всех сферах социально-экономической и политической жизни при почти декларативном отказе государства от провозглашения какой бы то ни было государственной идеологии.

С точки зрения проявления феномена хамелеона это обстоятельство имеет принципиальное значение. Масштабные антагонизмы, которые российское общество переживало первые 15–17 лет из названного периода, сопровождались заметными всплесками активности хамелеонов именно в силу того, что государство ограничивало свое влияние во многих сферах. Ключевой политической проблемой почти всех 90-х годов, до экономического кризиса 1998 г., оставалось то, что масштаб идеологических разногласий и политического противостояния в парламентской среде, которая является наиболее наглядной сферой для рассмотрения феномена хамелеона, радикально выходил за границы, в рамках которых возможен парламентский консенсус. Политические позиции парламентских

партий в условиях дихотомического противостояния коммунистов и антикоммунистов принципиально не допускали возможности решений, которые могли бы быть описаны законодательно. Провал попыток согласовать принципы экономической политики, которые позволили бы получить внешнюю финансовую помощь и избежать дефолта, – максимально показательный пример неспособности политической системы находить компромиссы, которые могли бы получить законодательное закрепление.

Нынешняя ситуация, наблюдаемая в последние, как минимум, 6–7 лет, принципиально отличается тем, что в институтах законодательной власти абсолютное большинство принадлежит партиям, идеологические и политические противоречия между которыми столь малы, что вряд ли вообще дают основания говорить о существовании идеологического антагонизма между ними. Границы возможного парламентского компромисса намного шире, чем масштаб разногласий между представленными в федеральном, в частности, парламенте политическими силами. Это с неизбежностью ведет к тому, что пространство политического диалога заполнено, по сути, единственной, практически общей, за небольшими исключениями, позицией. А несогласие с ней вытеснено за рамки парламентского процесса. К примеру, либералы, которые еще в начале 2000-х годов существовали как значимая политическая сила – по крайней мере, как носители экономических идей, – сейчас рассматриваются как «маргиналы», что было прямо обозначено в структуре идеологии партии «Единая Россия»¹. Потенциально такая ситуация означает возможность формирования идеологического антагонизма исключительно извне, из-за рамок парламентского политического процесса, что автоматически предполагает возможность более жестких, конфликтных и даже радикальных форм проявления этого антагонизма.

Естественно, всякого рода конфликтность в этой сфере может проявиться исключительно в условиях ухудшения социально-экономического положения, но само по себе это обстоятельство представляет собой один из наиболее вызывающих опасение факторов современной российской политической действительности.

В итоге, если первые 10–15 лет после начала перестройки были временем событий, которые стимулировали активность хамелеонов, последние годы располагают к ней в гораздо меньшей степени. Но упомянутая выше опасность перехода транзитности в конфликтную форму создает множество предпосылок для возвращения активности хамелеонов.

Типология проявлений феномена хамелеона в современной России

Анализ материалов, полученных в результате исследования политических биографий видных представителей российской элиты, позволяет говорить о том, что, прежде всего, феномен хамелеона в современном российском обществе действительно проявляется в точках значимых политических или идеологических трансформаций. И в этом смысле он очень зависим от контекста. Яркий пример этому, в частности, – деятельность И. Рыбкина, который, оставаясь убежденным социал-демократом в рамках СПТ, КПРФ, Аграрной партии, проявил признаки хамелеона именно накануне президентских выборов 1996 г. Ключевым образующим контекст этого периода антагонизмом в политической сфере было формирование дихотомической позиции: левая оппозиция против президента Б. Ельцина. Рыбкин же в этой ситуации, оставаясь на идейных позициях социал-демократии, согласился на взаимодействие с исполнительной властью и Б. Ельциным. То есть, в данном случае признаки хамелеона он проявил не в отношении вторичной в этой ситуации проблемы идейных убеждений, а принципиального конфликта политических сил. Социал-демократ из лагеря непримиримых противников президента Б. Ельцина стал социал-демократом, готовым создавать если не лояльную, то, по крайней мере, готовую конструктивно взаимодействовать с президентом социал-демократическую левую оппозицию.

С точки зрения влияния контекста на проявление феномена хамелеона в современных условиях абсолютно принципиальное значение имеет сам тип трансформаций, которые переживало российское общество в этот период. Они стали длительным, до сих пор не получившим логического завершения процессом, в рамках которого радикальное значение приобретают внешне не очень важные обстоятельства. Такие, например, как фактор готовности или неготовности оппозиции вести рациональный парламентский диалог с властью. Латентный характер, который приобрели российские реформы, сформировал не только специфический контекст, определяющий формы проявления феномена хамелеона, но и типологию способов его проявления, позволяющую говорить о некоторых самостоятельных категориях в рамках описания этого феномена. Среди них следует выделить как минимум три типологических группы.

Первая – хамелеоны-достиженцы, люди, стремящиеся подняться выше в структуре, в данном случае политической или административной иерархии. Примером этому типу может служить

А. Исаев, идейная эволюция которого привела его из теоретиков марксизма и анархизма в студенческой среде к статусу одного из идеологов консерватизма ведущей политической партии страны. Особенность этой группы состоит в том, что люди, добивающиеся более высокого положения в доминирующих элитах современной России, достигают успеха во многом за счет редуцирования или «стирания» собственной идентичности. Они, по сравнению с другими группами хамелеонов, в минимальной степени стремятся к проявлению индивидуальной харизмы, оригинальных мнений, самостоятельной точки зрения – каких бы то ни было действий, способных выделить их лично в среде соратников как яркую харизматичную личность. Их карьерный успех прямо пропорционален тому, насколько хорошо они в состоянии выполнить принципиально важную функцию: формулировать и аргументировать в публичном пространстве коллективную обезличенную позицию группы, высокое положение в которой становится их целью. Так, А. Исаев стал одним из наиболее активных членов группы, сформулировавшей структуру идеологии партии «Единая Россия» – «социально-консерватизма».

Важно отметить, что выражено индивидуалистический характер действий хамелеонов делает их жесткую классификацию достаточно сложной. Поэтому в рамках общих типологических групп можно выделить некоторые подгруппы. В частности, в рамках категории хамелеоны-достиженцы можно особо выделить таких ее представителей, как, например, А. Ватагин. Его от, например, А. Исаева отличает то, что задачу аргументирования в публичном пространстве позиций группы, интересы которой он представляет, он выполнял за пределами институций самой этой группы. А. Ватагин – лояльный, санкционированный, или институциональный оппозиционер, который на протяжении большей части своей политической карьеры старался нейтрализовать действия оппозиции по отношению к власти за счет создания лояльной псевдо-оппозиции. Показателен такой комментарий относительно его вхождения в Высший Совет избирательного блока «Родина»: «Выбор компании на выборах снова оказался характерным: формально Ватагин вступил в ряды оппозиции, но при этом блок пользовался полным расположением Кремля и не скрывал своего доброго отношения к президенту Владимиру Путину»². С известными оговорками к этой же подгруппе можно отнести и И. Рыбкина, и Д. Рогозина. Политическая карьера последнего может рассматриваться как один из наиболее ярких примеров перехода от национал-патриотизма к социал-демократическому этатизму и лояльности власти: «За четыре года он прошел путь от лидера поддерживаемого

Кремлем блока “Родина” до опального оппозиционера, которого не рискнула включить в свой избирательный список ни одна политическая партия. Теперь господину Рогозину будет поручено налаживать отношения с Североатлантическим альянсом, который он всегда считал главным врагом России»³. Так же, как и в случае с Ватагиным, итогом его публичной политической деятельности стало назначение на значимый в государственном масштабе пост постоянного представителя России в НАТО.

Вторая группа – хамелеоны-оппозиционеры. Они не антипод достижениям. Они тоже достижения, ставящие перед собой несколько иную цель и выбирающие для ее достижения диаметрально противоположные методы. В отличие от представителей первой группы, камуфлирующих особенности своей личной идентичности, хамелеоны-оппозиционеры делают ставку на демонстрацию харизмы и яркости собственной индивидуальности. Они выбирают для себя среду оппозиции, в которой такого рода индивидуальная активность, основанная на критике власти, наиболее уместна, естественна и востребована. Среда оппозиции нуждается в харизматичных личностях, способных «клеить режим» как можно более ярким и запоминающимся образом. В этом сегменте публичного пространства, где ценность иерархических позиций в силу отсутствия реальной власти менее значима, индивидуальная харизма есть инструмент общего успеха. Образцовым представителем этой группы можно считать Э. Лимонова – принципиального оппозиционера любой власти, готового на союз с оппозицией любой идеологической направленности. Даже его поддержка Б. Ельцина связана с тем периодом, когда его рейтинг опустился до 2%. И сам по себе этот факт попытки сделать Ельцина единственным кандидатом от оппозиции нужно в большей мере рассматривать как эпатаж, привлекающий внимание не к Б. Ельцину, а к самому Э. Лимонову, а не как политическую программу, достойную содержательного обсуждения.

В этой группе тоже можно выделить отдельную подгруппу – хамелеонов-оппозиционеров, характерной особенностью которых стало их перемещение из первой группы – достижений в категорию оппозиционеров. Вероятно, наиболее ярким, если не плакатным, примером этой версии хамелеонов можно считать А. Руцкого, единственного вице-президента России, в итоге объявившего себя президентом и оппозиционером. Следует, однако, отметить, что в случае конфликта между А. Руцким и правящей элитой во главе с Б. Ельциным, А. Руцкого нельзя рассматривать как создателя новой идеологической парадигмы, что не позволило бы причислить его к категории хамелеонов вообще. Оппозиционный демарш

А. Руцкого был определен несостоятельной, но верой в возможность быстрого низложения оппонента. А. Руцкого к особой подгруппе хамелеонов-оппозиционеров позволяет отнести то, что статус влиятельного, но утратившего самостоятельную политическую роль функционера он поменял на роль яркого лидера оппозиции. То есть, вместо камуфлирования особенностей собственной идентичности он сделал ставку именно на демонстрацию харизмы и яркой индивидуальности.

В целом же, тем не менее, в отношении группы хамелеонов-оппозиционеров можно говорить о том, что ее представители следуют стратегии сохранения статуса, в отличие от представителей первой группы, ориентированных на достижение более высокого положения. Однако при всех радикальных различиях между ними, обе эти группы объединяет одно обстоятельство: ключевым идентификатором их представителей следует считать эксплуатацию фактора идентичности. Тот факт, что одни стараются растворить свою идентичность в коллективной позиции, а вторые используют статус группы, к которой принадлежат, для того, чтобы подчеркнуть особенности личной идентичности, не меняет сути дела. Идентичность для них – ключевой стратегический инструмент. В терминах теории Э. Лакло и Ш. Муфф⁴, однако, следует отметить, что идентичность представителей этих двух категорий в условиях существующих антагонизмов формируется отличными друг от друга способами. Для первой категории характерна логика эквивалентности, под которой Лакло и Муфф понимают выстраивание «цепи сходств» для обозначения различных групп через одну идентичность. В этой логике, например, в структуре идеологии партии «Единая Россия» обозначены ее оппоненты: к радикальным «маргиналам» отнесены фашисты, социалисты (коммунисты) и либералы⁵. И это принципиальным образом определяет характер действий представителей первой категории хамелеонов. Отсюда и растворение собственной идентичности в коллективной позиции, и декларация универсалистской идеологии, за рамками которой остаются только «маргиналы».

Для второй группы хамелеонов-оппозиционеров функцию идентификатора выполняет описанная Лакло и Муфф логика дифференциации: создание «цепи различий» с группой, которая представляет собой другую сторону антагонизма. В этом отношении максимально показательны заявления, например, Э. Лимонова о том, что он готов к взаимодействию с любыми оппозиционными действующей властью силами, независимо от их идеологической платформы: «Если Путин призывает к патриотизму, надо говорить: “Нет патриотизму”. Не вообще, а в данный момент. У наших

партий нет идеологий, они ничего не делают, поэтому объединяться все равно с кем. (...) Я приветствую все оппозиционные силы. Лично я готов хоть с чертом, хоть с дьяволом объединиться и считаю, что это разумно. Надо, кстати, спросить у партии»⁶.

Использование первыми двумя категориями хамелеонов фактора идентичности как ключевого инструмента достижения собственных целей в значительной мере отделяет обе названные группы от третьей категории хамелеонов.

Третья группа – хамелеоны-прагматики. В отличие от первых двух, ее представители обладают двумя характерными чертами. Первая – личная идентичность в их случае не представляет собой стратегически важного инструмента. Второе, что, естественным образом, тесно связано с этим обстоятельством, – они не карьерные политики и сфера политической деятельности для них дополнительное пространство, в котором они решают свои частные задачи, уже добившись значимого статуса в иных сферах. Речь может идти об искусстве, науке, но наиболее яркими представителями этой группы следует считать членов делового сообщества. К этой группе относятся, в частности, А. Лебедев и Г. Семигин, весьма успешные и вполне состоявшиеся предприниматели, использующие политическую сферу для создания политического эквивалента, способного гарантировать стабильность их бизнеса и капитала. Сам факт того, что их успех и репутация в бизнесе обеспечивают им весьма существенный статус, позволяет им не зависеть от фактора идентичности, абсолютно критичного для карьерных политиков.

В их мотивации вполне различимы два ключевых фактора, определяющих стратегию их политического поведения. Первый – стремление проникнуть и утвердить свои позиции в тех группах политической элиты, которые формируют условия предпринимательской активности в стране. Масштабы деловых интересов людей этого круга таковы, что обеспечение стабильности и роста их предприятия требует решения социально-экономических вопросов, значимых для общества в целом. Они нуждаются в легальных инструментах лоббирования регулирующих и нормативных актов, обеспечивающих режим благоприятствования для их собственного бизнеса. Банковское законодательство, регулирование финансовых рынков в целом, налоговая политика, экспортно-импортные режимы – это те сферы законодательной деятельности, в частности, в Государственной Думе или Совете Федерации, где с большей частотой отмечается присутствие представителей третьей группы. Они принципиально не лояльны по отношению к тем группам политических элит, в которые они входят, поскольку защита их интересов по определению требует взаимодействия

только с теми сегментами элиты, которые в состоянии реально влиять на характер принимаемых решений. И это заставляет их, во-первых, менять среду предпринимательской активности на политическую деятельность, во-вторых, менять партийную принадлежность в зависимости от очень прагматичного расчета шансов на электоральную победу, переходить из одной парламентской фракции в другую в зависимости от того, какая из них может оказать наибольшее влияние на характер законодательных решений в интересующей их практической сфере.

Второй фактор, не менее значимый с точки зрения объяснения их действий, – стремление приобрести собственные политические позиции, рассматриваемые как, по крайней мере, возможно, инструмент обеспечения гарантий для сохранения собственных активов в случае возникновения конфликта с властью. Если в случае с М. Ходорковским и его взаимодействием с КПРФ можно говорить скорее о проявлении первого фактора, то в отношении А. Лебедева более вероятен второй. Достаточно очевидная оппозиционность в его личном позиционировании в политическом пространстве не дает оснований предполагать в его действиях доминанту лоббизма. Но воспринимаемый статус умеренного и вполне конструктивного оппозиционера (в сочетании с приобретением весьма влиятельной британской газеты) можно рассматривать как вполне эффективную стратегию обеспечения политических гарантий лично для него и принадлежащих ему в России активов.

При всех различиях между первой и второй группами и, особенно, отличиях третьей группы от первых двух, их всех, тем не менее, объединяет одна общая черта: их действия всегда ситуативны и всегда основаны на строгом следовании поставленной перед собой очень четкой и очень индивидуальной цели. Политическая карьера во власти, сохранение и капитализация статуса в политическом пространстве, политические гарантии неприкосновенности бизнеса – какими бы ни были цели, механизмы действий для всех трех групп весьма сходны. Они меняют партийную принадлежность, точно и рационально взвесив электоральные перспективы и степень влияния групп, к которым они примыкают или которые покидают. Первые из них всегда остаются апологетами власти, как бы не менялся персональный состав органов власти и ее идеологическая платформа. Вторые столь же легко меняют характер собственных деклараций и партнеров по оппозиции для того, чтобы всегда оставаться влиятельными оппозиционерами. Третьи, используя обе эти стратегии, всегда делают ставку только на тех, кто именно в этот момент способен дать им максимальные дивиденды на их краткосрочные политические инвестиции. Возможно,

следует отметить, что третья категория отличается наиболее краткосрочными периодами лояльности по отношению к очередному политическому союзнику.

Заключение

За последние 2–4 года на политических траекториях представителей всех названных категорий хамелеонов очень сильно сказывается характер изменений, которые переживает все политическое пространство. В этом тоже проявляется доминирование контекста в действиях хамелеонов, но с того момента, как партия «Единая Россия» приобрела позиции абсолютного влияния в парламентской среде, обладая практически монопольным влиянием на принятие как идеологических, так и прагматических решений, в характере действий или траектории перемещений всех категорий хамелеонов обнаруживается все больше и больше сходства. Такие политические деятели, как А. Исаев, А. Лебедев, Г. Гудков с абсолютной неизбежностью сближаются с партией большинства. Точно так же, как принципиальные оппозиционеры делают центром своей критики позиции все той же партии большинства. Исключительно показательным в этом отношении то обстоятельство, что переход из партии в партию или даже совмещение членства в одной партии с членством во фракции другой, как показывает пример, в частности, Г. Гудкова, не вызывает ни конфликтов, ни серьезной критики. Это возможно, очевидным образом, только при очень близких идейных и политических позициях таких партий. В данном случае речь идет о «Единой России» и «Справедливой России». В середине 1990-х годов перемещение, например, И. Рыбкина между КПРФ, Аграрной партией, Социалистической единой партией России создавало для него значительные проблемы и сопровождалось весьма серьезной критикой. Даже при том, что идейные позиции этих политических объединений различались не более, чем позиции «Единой России» и «Справедливой России». Сейчас ситуация выглядит принципиально иначе. Это дает основания обратиться к заявленному ранее тезису о том, что такая гомогенизация политического пространства, которая делит его на поле «здорового смысла» и «пространство маргиналов», технологически может вести только к росту вероятности иного типа политических антагонизмов. Их можно охарактеризовать как конфликт между объединенными логикой эквивалентности центристами и вытесненными логикой дифференциации за пределы парламентского политического пространства сторонниками левых и правых идеологий. Иными словами, если по каким-либо причинам, связанным, например, с влиянием

экономического кризиса или любыми иными экзогенными факторами, возникнет диссонанс между реальностью и ключевыми установками центристской идеологии, характер политических и идеологических антагонизмов может вернуться к формам, характерным для середины и второй половины 1990-х годов, когда абсолютная неспособность к функциональным политическим компромиссам оказала решающее влияние на неготовность принять эффективные меры по защите социально-экономической системы страны от воздействия кризиса 1998 г.

В этом смысле воздействие феномена хамелеона, дополнительно усиливающего доминирующие тенденции, повышает риск возникновения такой ситуации. Это само по себе является причиной необходимости его детального исследования и глубокого анализа.

Примечания

- 1 Структура идеологии партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии Единая Россия». [М., 2009]. URL: <http://edinros.er.ru/alltexts/t/58801/photo1.jpg>.
- 2 *Ватагин А.* Околовластный оппозиционер [Электронный ресурс] // «Закс.ру. Политическая жизнь Северо-Запада». [13.07.2004]. URL: <http://www.zaks.ru/new/archive/view/12290>.
- 3 *Зыгарь М., Таратута Ю., Хамраев В., Чернега Ю.* В НАТО зашлют оппозиционера [Электронный ресурс] // Коммерсант. № 196 (3772). [М., 2007]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=818606&ThemesID=233>.
- 4 *Howarth D.* Hegemony, political subjectivity, and radical democracy // Laclau: a critical reader / Ed. by S. Critchley, O. Marchart. Routledge, 2004. P. 256–276; *Goldstein P.* Ernesto Laclau and Chantal Mouffe // Postmodernism. The key figures / Ed. by J. Bertens, H. Bertens, J. Natoli. Wiley-Blackwell, 2002. P. 218–223.
- 5 Структура идеологии партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии Единая Россия». [М., 2009]. URL: <http://edinros.er.ru/alltexts/t/58801/photo1.jpg>.
- 6 *Бараулина А.* Я бы объединился с Березовским [Электронный ресурс] // «Газета.ру». [01.07.2003]. URL: <http://www.gazeta.ru/2003/07/01/limonovho4et.shtml>.

Социокультурные проблемы в современной России

С.Н. Майорова-Щеглова

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ И НОВЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье с помощью данных авторских исследований и всероссийских опросов развенчиваются мифы об исключительно негативном влиянии средств массовой информации на социальное поведение молодежи, проведен анализ реальной ситуации и описываются потенциальные возможности, предоставляемые современной информационной средой для социализации, развития и самореализации личности подростка. Автор рассматривает структуру досуга молодежи и место в ней различных СМК, типологизируя поведение подростков в процессе взаимодействия с информационной средой.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, информатизация, молодежь, досуговые практики.

Один из фиксируемых нами парадоксов развития современного общества связан с процессом информатизации¹. Кратко его можно описать через доминирующий в современном российском обществе подход: «Информатизация для всего общества – благо, а для молодого поколения – угроза, вред».

В общественном сознании циркулируют утверждения: «Новые средства массовой коммуникации (СМК), прежде всего компьютер, Интернет, занимают все свободное время подростков. Дети из-за этого совсем не читают. Дети Интернета совсем не общаются друг с другом. Дети с помощью компьютера просвещаются в вопросах секса. Дети привыкают только развлекаться. Дети становятся жестокими после Интернета. ИКТ конструируют новые картины мира у детей». Данные положения могут классифицироваться как своеобразные мифы, или моральные паники, общества в отношении детства.

© Майорова-Щеглова С.Н., 2010

Эти опасения активно распространялись в период начального массового распространения ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) в нашей стране, но до сих пор, по прошествии 15 лет, продолжают муссироваться, в том числе и в научных кругах. Наши исследования и вторичный анализ данных опросов ведущих социологических центров позволяет опровергнуть многие недостоверные оценки.

Начнем с самого определения «новые средства коммуникации, или новые технологии». Для кого они являются новыми? Однозначно для старшего поколения. Молодежь воспринимает их как обычную повседневность, наряду с автомобилями, авторучками, автоматической бытовой техникой. И не случайно это поколение получило название «медиапоколение», как когда-то устоялось название «поколение перси».

Что нового наблюдается в социальном поведении медиапоколения? «Число пользователей Интернета в России за 5 лет возросло в 2,5 раза», – сообщает Фонд «Общественное мнение». За семь лет в России примерно вдвое увеличился парк домашних компьютеров². Такой бурный рост во многом происходил за счет молодого поколения. Эти тенденции нашли свое отражение в ответах подростков в нашем исследовании (сравнение за 1998 и 2005 гг.): количество подростков, увлекающихся компьютерными играми, возросло с 27,6 до 44,9% (разность 17,3%), так же как и количество подростков, путешествующих по компьютерной сети, с 4,6 до 12,8% (разность 8,2%), а также тех, кто обменивается информацией по компьютерной сети, – с 5,3 до 12,2% (разность 6,9%)³.

Что происходило с другими СМК? В 2005 г. заметно чаще, чем в 1998, подростки отмечают позицию «общаюсь по телефону»: наблюдается рост с 33,1 до 43,7%. Объяснить данный факт можно, принимая во внимание ускорение телефонизации страны с конца 1990-х годов, оснащение населения как домашними, так и мобильными телефонами.

Наиболее заметное изменение – уменьшение значимости чтения книг как формы проведения досуга с 49,1 до 18,1% (разность 31%). Но наше исследование доказывает, что одновременно существенно выросла значимость чтения газет и журналов – с 36,2 до 52,8% (разность 16,6%). Дети привыкают к более короткому «кванту» печатной информации. Аналогичное явление наблюдается и в отношении прослушивания информации: резкий рост значимости прослушивания радио с 18,3 до 37,8% (разность 19,5%) и параллельно с ним спад в прослушивании магнитофонов, проигрывателей, плееров с 69,6 до 55,4% (разность 14,2%).

Со слов родителей (по данным ФОМ), в структуре занятий детей в Интернете примерно в равной мере присутствуют и те, что связаны с самообразованием, и те, что связаны с развлечением⁴. Так, в предложенной для ответа карточке со списком возможных целей «хождения в Интернет» 12% опрошенных отметили позицию «для подготовки к урокам, выполнения самостоятельных работ (сочинений, рефератов и т. д.)»; 9% – «в целях развлечения (игры, фильмы, музыка)»; 7% – «для самообразования, общего развития»; 3% – «для общения»; 2% – «для подготовки к поступлению в вуз»; еще столько же – «для чтения художественной литературы». То есть Интернет не является только лишь территорией развлечения. За период с 1998 по 2005 г. в структуре форм проведения и досуга, и обучения российских подростков 10–17 лет произошли сдвиги, связанные, прежде всего, с постепенным приобретением электронными медиаресурсами (компьютер, Интернет) своей ниши в образовательной и рекреационной сферах.

На этом фоне вопреки циркулирующим моральным паникам все остальные формы проведения досуга межличностного уровня остаются стабильными, они представлены в нашей анкете в виде ответов: «провожаю время с друзьями», «провожаю время с родителями, другими взрослыми», «встречаюсь со своей девочкой (девучкой), своим мальчиком (юношей)». Неизменной можно считать значимость для подростков 1998 и 2005 гг. еще двух форм проведения досуга – просмотра телевизионных программ и посещения театров, музеев, концертных залов.

Также, по нашему мнению, неправомерно создание образа интернет-зависимых детей, отгородившихся от обычной подростковой жизни. Особый страх взрослые испытывают перед видеоиграми детей, боясь, что дети совсем уйдут из реального мира в виртуальный. Но современные игры так устроены, что обратным образом провоцируют контакты реальные – нужно обмениваться информацией, примкнуть к среде таких же, как ты, игроков, получить от них помощь, подсказку или новую задачу, доказать свое превосходство перед ними и пр.

Интернет-дети оказались активнее: они чаще ходят в кино-театры, театры, музеи, на концерты, больше общаются с взрослыми. Среди них больше тех, кто в свободное время общается с противоположным полом (35,1 против 20,9%). Но мы не стали бы однозначно эти отличия связывать исключительно с влиянием Интернета. Позволим себе высказать предположение, что это скорее связано с более высоким уровнем достатка в семье и, как следствие, расширением их общих коммуникативных компетенций.

Рассмотрим еще один устойчивый тезис: «Дети с помощью Интернета просвещаются в вопросах секса и наркомании». Вопреки появляющейся информации о широкой практике получения сведений о сексе со специальных компьютерных серверов, исследование 1998 г. не зафиксировало этот канал как активно существующий для возрастной группы до 17 лет. В 2005 г. Интернет как канал информации о сексе отметили 3,6% (среди имеющих доступ к Интернету – 5,8%). По результатам исследований как 1998, так и 2005 г., основную информацию о сексе подростки получают из телевизионных передач. И если таких ответов в 1998 г. насчитывалось 31,2%, то в 2005 их уже 41,5%. За семь лет телевидение в России стало более «сексуальным».

Из полученных нами данных видно, что с 1998 по 2005 г. заметно усилилась роль школы в информировании подростков о проблемах, связанных с наркотиками (с 4,2 до 13,1%) и столь же резко уменьшилось информационное значение сверстников в этих вопросах (с 18,8 до 9,6%).

Если мы получаем такие данные при анализе, чем объяснить неоднозначность оценок новых СМК и отношения к ним детей? По нашему мнению, нестабильная социально-политическая, социально-экономическая и психосоциальная обстановка нашего общества воспроизводит стереотипы опасений восприятия всего нового. Взрослый мир и семья не успевают за социализацией детей. Родителей пугает не уход в мир игры, а уход от них в мир, им неведомый. Вокруг компьютера сложнее объединиться всей семье, как раньше вокруг радиоприемника, телевизора, видео, нельзя устроить танцы, как под записи магнитофона. Индивидуальность и индивидуализм в рамках семьи – вот в чем основная боязнь СМК. И вместо того чтобы переструктурировать свои картины мира, картины мира молодого поколения объявляются иными = чуждыми = плохими.

Появившиеся 15 лет назад дети Интернета изменили саму подростковую жизнь. Образ жизни этих «вожатых по новой реальности» (термин П. Бергера и Т. Лукмана), а не традиционные представления ученых и педагогов, стали образцами для конструирования реальности для их ровесников и трансформируют повседневность семьи и учебный процесс в образовательных учреждениях. Юные в настоящее время ощущают себя экспертами по многим вопросам жизни семей. Они высказывают свои советы о том, какую бытовую технику и где купить (29,7% респондентов), что носить из одежды (26,3%), как родителям общаться друг с другом (25,9%), как работать на компьютере (6,8%).

Процесс информатизационной ресоциализации взрослых (родителей, учителей), которая происходит под давлением компьюте-

ризации и интернетизации, затруднен; как мы писали ранее, у старшего поколения наблюдается информационная аномия⁵. По данным Аналитического центра Юрия Левады за 2008 г., лишь 27% взрослых россиян пользовались персональным компьютером ежедневно или несколько раз в неделю дома, на работе и в других местах, Интернетом 16%⁶.

СМК признаются фактором негативной социализации детей и подростков, при этом взрослое сообщество, которое производит, контролирует, финансирует эти средства, абстрагируется от собственной ответственности за их содержание, перекладывая вину на самих детей. Дети и подростки болезненно реагируют на запреты взрослых и ограничения в потреблении СМК, которые направлены на них – молодых, вместо того, чтобы ограничить, например, порнографию, насилие на экранах.

А тем временем расширяются потенциальные возможности, предоставляемые современной информационной средой для развития и самореализации личности ребенка. Перечислим основные из них:

- широкий спектр предоставляемых социумом информационных и коммуникационных услуг для детей и подростков (в настоящий момент существует более 3,5 тыс. русскоязычных электронных ресурсов для детей и подростков, прошедших общественный контент-контроль);
- высокая скорость информационно-обменных процессов с использованием Интернета в целях образования и самообразования;
- эффективные и высокоскоростные технологии структурирования, систематизации и анализа информации (например, поисковая система <http://www.kinder.ru/>);
- распространенность технологий, позволяющих активизировать интеллектуальный ресурс детей-инвалидов, лиц с ограниченными возможностями.

Появились обнадеживающие данные об опосредованном позитивном влиянии СМК на подростков. Так, британские ученые обнаружили, что существует обратная зависимость между наличием мобильных телефонов и курением подростков. Мобильный телефон оказывается более эффективным средством доказать свою взрослость чем сигарета. А также у подростков не всегда достаточно средств, чтобы одновременно оплачивать связь и покупать сигареты, и они при такой дилемме выбирают связь⁷.

Приведем еще один крайне позитивный факт. Если у взрослых освоение компьютера происходит преимущественно в мужской среде (по данным Фонда общественного мнения 2008 г. 33% мужчин и 26% женщин являются пользователями Интернета)⁸, то наше

исследование показывает, что девочки-подростки «догоняют» мальчиков, а по освоению навыков получения полезной, практической информации, инструментального использования Интернета для учебы и работы даже «перегоняют» юношей. Обратим внимание, что для этого не потребовалось специальных программ по приобщению девочек к информационным технологиям, а значит, нет основания предполагать, что информационное неравенство по полу будет присутствовать в повседневной жизни выросших подростков.

Направления социального поведения подростков в сфере информационного взаимодействия ничем не отличаются от обычных, их можно типологизировать по степени социальной полезности поведенческих интеракций: социально-полезная, самоконструктивная деятельность (участие в интерактивных научных конференциях и форумах, поиск научной и обучающей информации и другие) и самодеструктивное, асоциальное поведение (участие в националистических и террористических виртуальных сообществах, просмотр и размещение порнографических материалов, хакерство и др.). 64% подростков утверждают, что совершают в Интернет-пространстве поступки, о которых не хотят информировать своих родителей⁹. Наши наблюдения свидетельствуют, что для ограниченной группы мальчиков асоциальная деятельность в Сети становится своеобразным ритуалом инициации к взрослому сообществу, но точно такое же значение может иметь и достигательная линия поведения при участии в сетевых играх.

Именно в отношении строго асоциального вида деятельности с помощью СМК, так же как и для реальной повседневности, должны работать эффективные механизмы социального контроля, основанные на передовых достижениях в области информационно-коммуникационных технологий. Причем контроль должен быть двойным: за поведением подростков в сети Интернет со стороны общества, а за СМК – со стороны органов государственной власти. Но такой контроль могут вести только подготовленные взрослые. Одновременно пора организовать конструктивное просвещение и консультирование родителей, как извлечь из компьютера, мобильной связи, Интернета пользу для семьи и ребенка.

- 1 *Майорова-Щеглова С.Н.* Кентавр-проблемы в социализации современных российских детей и молодежи [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института социологии РАН. Тексты докладов с III Всероссийского социологического конгресса [21–24 октября 2008]. [М., 2008]. URL: http://www.isras.ru/publications_bank/1227085241.pdf (дата обращения: 20.05.2009).
- 2 Опросы «Интернет в России / Россия в Интернете». Вып. 24. Лето 2008. Обзор ФОМ. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». [М., 20.10.2008]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/int0803 (дата обращения: 20.05.2009).
- 3 *Цымбаленко С.Б., Шариков А.В., Щеглова С.Н.* Информационное пространство российского подростка в постсоветский период. М., 2006.
- 4 Обзор ФОМ [21.12.2006. Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 16–17 декабря 2006 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». [М., 2006]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/teen_cheeld/dd065027 (дата обращения: 20.05.2009).
- 5 Щеглова С.Н. Особенности адаптации школьных учителей к ценностям информатизации // Социс. 2006. № 8. С. 115–121.
- 6 Интернет в России: Обзор. Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр). Репрезентативный опрос 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны. 09.02.2009. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады «Левада-Центр». [М., 2009]. URL: <http://www.levada.ru/press/2009020904.html> (дата обращения: 21.05.2009).
- 7 *Керделлан К., Грезийон Г.* Дети процессора: Как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 211.
- 8 *Цымбаленко С.Б., Шариков А.В., Щеглова С.Н.* Указ. соч.
- 9 *Ивакин Р.М.* Поведение российских подростков в Интернет-пространстве: социологический анализ: Дис. ... канд. социол. наук М.: РГСУ, 2006.

И.В. Петрушин

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ОСОБЕННОСТИ ИММИГРАЦИИ В РОССИЮ

Цель статьи – попытка проанализировать влияние мирового экономического кризиса на изменение динамики иммиграции в Россию, дать прогноз ежегодного иммиграционного прироста населения РФ в период до 2015 г. В ближайшие годы мировые миграционные процессы будут определяться развитием мирового экономического кризиса. Для экономически активного населения стран, испытывающих наибольшие экономические проблемы, одним из решений вопроса собственного материального благополучия станет трудовая миграция в страны с более привлекательной экономической конъюнктурой. В ближайшей перспективе такой страной будет Россия. Рост числа и профессиональной квалификации иммигрантов создаст возможность решения демографических проблем, а также активного экономического роста.

Ключевые слова: мировой экономический кризис, демографический кризис, безработица, миграция, иммиграция в Россию, миграционный прирост, миграционные потоки, репатриация.

По предварительной оценке, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2009 г. составила 141,9 млн. человек и за прошедший год уменьшилась на 121,4 тыс. человек, или на 0,085% (за 2007 г. – на 212,1 тыс. человек, или на 0,15%)¹.

Сокращение численности населения происходило из-за естественной убыли населения, которая в 2008 г. уменьшилась по сравнению с 2007 г. на 106,8 тыс. человек. Увеличившийся миграционный прирост на 66,6% компенсировал численные потери населения².

В данном контексте утверждение, что проводимая государством демографическая политика по состоянию на начало 2009 г. не дала ощутимых результатов, выглядит вполне основательным.

© Петрушин И.В., 2010

Увеличение показателей рождаемости в стране связано исключительно – что уже неоднократно отмечалось множеством авторов – со вступлением в основной детородный период достаточно многочисленного поколения 80-х годов и ростом числа отложенных рождений. Прирост рождаемости обеспечивается не ростом числа детей в семье, а временным увеличением числа рожаящих, не изменением репродуктивных установок, а более полной реализацией существующих. Сам вопрос об эффективности выбранных мер, призванных повысить рождаемость в стране, остается открытым. В том, что материальное стимулирование рождаемости и, если говорить более общими категориями, материальное благополучие населения не может являться основным и даже обязательным условием увеличения числа рождаемых детей, российское руководство убеждается сейчас на собственном опыте. Приходится констатировать, что депопуляция в России продолжается.

Отдел ООН по вопросам народонаселения также не склонен к оптимизму в прогнозах демографической ситуации в России. В докладе «Перспективы мирового населения» на основе данных за 2008 г. Россия отнесена к странам с вымирающим населением³.

В ближайшей перспективе при сохранении существующего вектора демографического развития Россия может столкнуться с катастрофическим уменьшением численности населения в совокупности со значительным изменением возрастного состава населения в сторону роста числа людей пенсионного возраста. Подобные демографические изменения вызовут нехватку трудовых ресурсов, усугубят ситуацию в социальном обеспечении, породят целый ряд других практически неразрешимых социально-экономических проблем.

Существующие оценки изменения в ближайшем будущем численности населения России неутешительны. Рождаемость будет оставаться на прежнем крайне низком уровне, иммиграция не сможет обеспечить замещения отрицательного прироста населения. По различным сценариям до 2015 г. ежегодный миграционный прирост РФ будет составлять от 200 до 900 тыс. человек⁴, что, однако, будет недостаточно для увеличения численности населения России.

В действительности в настоящее время мировая обстановка складывается наиболее благоприятным образом для демографической ситуации в России. В ближайшие годы следует ожидать начала значительного прироста работоспособного и квалифицированного населения и общего роста населения России. Главными его источниками будут массовая миграция из стран бывшего СССР, массовая репатриация эмигрантов из России и бывшего СССР в страны дальнего зарубежья, а также значительный приток трудовых мигрантов из стран Восточной Европы. Причиной тому

станут мировые экономические потрясения, которые непосредственно скажутся на подавляющей части трудоспособного населения этих стран.

Сегодня многие страны Европы официально вступили в стадию рецессии национальной экономики. В США, несмотря на официальные отчеты, состояние экономики близко к критическому⁵.

Несмотря на разные точки зрения на природу всемирного кризиса, прогнозы его развития и выбор путей выхода из него, практически все сходятся во мнении, что источником и причиной кризиса стали США и их волюнтаризм в экономической деятельности.

В самых общих чертах истоки кризиса можно представить следующим образом. После преодоления последствий Великой депрессии для исключения в дальнейшем циклических кризисов перепроизводства в США решили, во-первых, стимулировать спрос и потребление посредством кредитных инструментов. Увеличивающаяся денежная кредитная масса внутри США обеспечивалась монетизацией большинства материальных активов, получая обеспечение в виде залоговой стоимости. Бесконечно этот залоговый процесс продолжаться не мог. На сегодняшний день это привело к тому, что ВВП США более чем на 60% сформирован из потребительских расходов населения.

Другим источником стабильности и роста благосостояния США стал механизм интеллектуальной ренты, сводящийся к привлечению лучших интеллектуальных человеческих ресурсов из других стран, производству внутри США высокотехнологичной дорогой продукции, продажи ее обратно в эти страны и приобретение у них гораздо более дешевых ресурсов для производства данной продукции.

Третьей составляющей новой экономической системы США стало внедрение доллара в качестве мировой торговой и резервной валюты. Все внешние торговые операции США проводит на основе доллара. Таким образом, доллар в качестве обеспечения получал весь мировой товарооборот. Государства, осуществляющие торговые операции с США, получая за собственные товары оплату в долларах, направляли их на покупку «трежерис» (казначейские обязательства США). В итоге в США оказывались и товар, и деньги. Иными словами, основным источником благосостояния США в XX в. стала так называемая система неокOLONиального налогообложения⁶. Такая система могла существовать до тех пор, пока на мировом рынке имелся дефицит долларов для обеспечения торговых операций, а внутри страны спрос поддерживался потребительским и деловым кредитованием.

Ипотечный кризис и кризис потребительского кредитования запустили процесс развития национального экономического кризиса. На сегодняшний день финансовые обязательства большинства граждан США на 40% превышают их годовой доход. Выплаты по процентам превысили 10% дохода населения⁷. В 2008 г. впервые в новейшей истории США произошло снижение номинальных потребительских расходов более чем на 3%⁸. В сферах экономики, на которых уменьшение расходов населения сказалось в наибольшей степени, произошло ужесточение конкуренции и, как следствие, снижение розничных цен. В ближайшее время в США начнется кризис перепроизводства и дефляционное угнетение экономики⁹.

Развитие кризиса в США запустило схожие процессы в других странах, экономически напрямую связанных с ними. Страны Восточной Европы первыми столкнулись с серьезными экономическими проблемами, и последствия для них будут наиболее плачевными по ряду причин. Во-первых, экономики этих стран крайне слабы и практически не имеют запаса прочности, в отличие от тех же США и западноевропейских стран. Реального сектора экономики практически не существует, финансовая система по сути контролируется извне западными банками. Во-вторых, предоставление в течение значительного времени этим государствам «дешевых» кредитов вызвало резкий рост потребительского и делового кредитования, с долговыми обязательствами по которым дела обстоят не лучше, чем в США. В совокупности этими причинами объясняется значительный дефицит платежного баланса восточноевропейских стран, в некоторых из них достигающий четверти ВВП¹⁰. Зачастую выделенные иностранные кредиты шли не на развитие национальных экономик, а расходовались на неизвестные нужды. В некоторых случаях темпы роста внешнего долга страны опережали темпы роста ее экономики.

Развивающийся кризис вынуждает западные государства выводить финансы из всех возможных зарубежных активов, в том числе из восточноевропейских экономик, для поддержки национальных финансовых и экономических систем. Сегодня мы можем наблюдать активное развитие этого процесса, последствия которого для стран Восточной Европы будут самыми негативными.

Грядущие экономические катаклизмы в восточноевропейских странах и отсутствие перспектив улучшения ситуации в ближайшем будущем заставят работоспособное население самостоятельно искать пути выхода из тяжелейшей ситуации, одним из которых станет трудовая эмиграция.

Эмиграция в США и Западную Европу будет практически невозможна. На Западе также будет значителен рост безработицы, государства будут брать курс на трудовой протекционизм своего

населения путем вытеснения трудовых мигрантов из других стран (что уже наблюдается в некоторых европейских странах)¹¹.

Таким образом, единственным возможным направлением миграции для этих людей является Россия, которую экономические проблемы затронут в гораздо меньшей степени¹².

Главным детерминантом миграции является разрыв между разными группами стран в уровнях экономического развития и соответственно в уровнях и качестве жизни населения¹³. К этому можно отнести такие ожидаемые выгоды от переселения, как увеличение доходов, расширение своих жизненных возможностей и перспектив, получение доступа к современным системам социальных услуг, к полноценному образованию.

Согласно теории сегментированного рынка труда, миграция обусловлена спросом развитых государств на иностранных работников, которые согласны на худшие условия труда, неприемлемые для местного населения, а также инициированной этими странами политикой их рекрутирования¹⁴.

В начале восточноевропейской иммиграции в Россию основным мотивом переселения для иммигрантов будет стремление к увеличению личных доходов или приобретению стабильности в их получении. Дальнейшее развитие ситуации во многом зависит от реакции российских властей на усиление иммиграционного потока и расстановки приоритетов миграционной политики РФ.

Репатриация из США и стран Западной Европы будет проходить по тем же причинам и с помощью тех же механизмов. Этот процесс начнется позже массовой миграции из стран Восточной Европы, так как кризис в этих странах будет протекать с большей инерцией, запас экономической прочности этих стран намного выше. Переезжать в Россию будут не только бывшие россияне, но и те, кто эмигрировал из других республик бывшего СССР.

Иммиграция в Россию, с одной стороны, открывает значительные перспективы, с другой – сопряжена с рядом трудностей и проблем. Сегодня миграционная политика в России носит заградительный характер. Приоритетом провозглашается безопасность государства, которая, однако, понимается достаточно узко.

Адекватно властными структурами воспринимаются угрозы, которые несет в себе рост иммиграционного населения. Нарушение этнокультурного баланса и значительный конфликтный потенциал являются основными негативными составляющими иммиграции. В условиях кризиса в России, как и в европейских странах, защита национальных интересов будет приобретать более открытые формы, что может привести к росту националистических и ксенофобских настроений в обществе¹⁵.

При этом забывается, что иммиграция пока является единственным средством поддержания стабильности в численности населения РФ. В теории это понимание существует. В концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. среди прочих задач предполагается «регулирование миграционных потоков в целях создания действенных механизмов замещения естественной убыли населения Российской Федерации». Остается дождаться практической реализации данных намерений.

Число иммигрировавших в Россию в 2008 г. составило 242 тыс. человек. В подавляющем большинстве они являются выходцами из СНГ. Источниками иммиграции в Россию в 2008 г. были Украина, Узбекистан, Казахстан, Армения, Киргизия¹⁶. Эмиграция, в последние годы находившаяся на весьма низком уровне, еще сократилась. Поток уезжающих россиян в страны «традиционной» эмиграции (США, Германия, Израиль) практически сравнялся с численностью человек, приехавших из этих стран в Россию. В течение 2009 г. произойдет разворот этого тренда, и число прибывающих из этих стран в Россию впервые превысит число выбывших в них.

Несмотря на иммиграционную привлекательность России (в настоящее время РФ находится на втором месте по уровню иммиграции в мире после США)¹⁷, иммиграционный прирост не обеспечивает замещения естественной убыли населения. Какие численные показатели иммиграции должны ежегодно регистрироваться для достижения данного эффекта? По расчетам Н.В. Мкртчяна, полная компенсация и даже небольшой рост населения России благодаря иммиграции наблюдались в 1992 и 1994 гг., когда ежегодное число прибывших в Россию было на уровне 1200 тыс. человек в год¹⁸. В работе М.Б. Денисенко¹⁹ приведены расчеты отдела народонаселения ООН, согласно которым для обычного воспроизведения численности населения России к 2050 г. необходим ежегодный миграционный прирост в размере 498 тыс. человек (если миграционный прирост будет равен нулю, население сократится до 121,3 млн. человек). Е.М. Андреев и А.Г. Вишневецкий в своих расчетах говорят о необходимости 689–1376 тыс. миграционного прироста в зависимости от сценариев динамики показателей рождаемости и смертности²⁰. Расчеты Д.М. Эдиева, основанные на прогнозах Бюро цензов США, выполненных в 2000 г. (согласно которым население России сократится к 2050 г. до 118,2 млн человек), показывают, что для сохранения неизменным демографического потенциала России на уровне 2000 г., уже с 2004 г. потребуются ежегодное дополнительное привлечение 1751 тыс. иммигрантов²¹.

Каким же будет размер иммиграционного потока в Россию в ближайшем будущем? На начало 1989 г. за пределами России проживало 25,3 млн русских и еще 4 млн других коренных народов России²². По некоторым оценкам, ввиду миграции этого населения в Россию, а также естественной убыли населения и сокращения русских диаспор в странах бывшего СССР, к 2000 г. их численность сократилась до 20,6 млн человек²³. В настоящее время, учитывая существующую динамику сокращения населения и репатриации, общая численность русских диаспор в странах бывшего СССР составляет порядка 15,8 млн человек. По нашим оценкам, в 2010–2015 гг. следует ожидать роста миграционного потока русского населения из бывших союзных республик в Россию на уровне, сравнимым с его миграцией в 1992–1994 гг. За пять лет от трети до половины этого населения переедет на постоянное место жительства в Россию, что составит от 4,5 до 7 млн человек.

За последние 20 лет число мигрантов из России составило порядка 2 млн человек²⁴. Еще большее количество – из бывших советских республик. Долей выбывших из России в страны СНГ и Балтии в данном случае можно пренебречь ввиду их незначительного количества. То есть здесь уместно говорить о высококвалифицированных людях в трудоспособном возрасте, эмигрировавших в страны дальнего зарубежья. До трети этого населения может приехать в Россию до 2015 г. включительно. Таким образом, общая численность русского населения в России к 2015 г., вероятно всего, увеличится на 5–8 млн человек.

Одной из основных особенностей современных миграционных процессов в Европе является то, что большинством европейцев возможность миграции воспринимается как одно из достижений и положительных последствий глобализации²⁵. Склонность европейцев к свободной миграции неизбежно скажется на размерах миграционного потока в Россию. Для восточных европейцев переезд станет естественным решением проблем поиска работы и возможного заработка, для русских уже достаточно продолжительное время живущих в Европе и перенявших подобную установку европейцев, миграция также станет выходом из сложившейся ситуации. При этом иммиграция коренных жителей Восточной Европы начнется раньше и будет проходить быстрее.

В 2000–2006 гг. трудовая миграция из восточноевропейских стран в страны Западной Европы составила порядка 210 тыс. человек в год²⁶. На сегодняшний день в «старой» Европе живет и работает около 1,5 млн выходцев из Восточной Европы. Большую часть этих людей в ближайшей перспективе ожидает потеря работы и возвращение на родину, где поиск источников заработка, как

правило, также не принесет успеха. Так, в Польше в марте 2009 г. уровень безработицы составил 11,2%, или 1,75 млн человек. По итогам года он может вплотную приблизиться к 17%. Сопоставляя эти данные, получаем оценку ежегодного миграционного прироста в России за счет стран Восточной Европы в 220–270 тыс. человек, или около 1,5 млн человек к 2015 г.

В 2010 г. поток иммигрантов в Россию увеличится до 1–1,5 млн в 2011–2012 будет доходить до 2–3 млн в год и еще порядка 4–5 млн приедет в Россию до 2015 г. включительно. В целом совокупный иммиграционный потенциал России на сегодняшний день можно оценить в 9 млн. человек, которые иммигрируют в Россию к 2015 г.²⁷ Огромная цифра, особенно учитывая, что она составляет 6 % населения России по состоянию на начало 2009 г.

Подобные изменения кардинальным образом повлияют на социально-демографическую картину российского общества. Увеличится численность населения, изменится возрастная и экономическая картина населения – приезжающие будут преимущественно молодыми людьми с семьями, имеющими высокий уровень образования.

Изменение в ближайшем будущем структуры, размеров и направления иммиграционных потоков открывает значительные возможности для корректировки миграционной политики государства. Иммигранты, в настоящее время имеющие трудовую занятость в России, дают до 8% ВВП страны²⁸. От вновь прибывающих людей стоит ожидать большей производительности труда по причине их более высокой квалификации. В такой ситуации государство, во-первых, должно организовать федеральный реестр занятости населения и государственных вакансий. Понятно, что мировые кризисные явления неизбежно скажутся и на России и что в такой ситуации государство будет единственным надежным работодателем. Необходимо координировать работу ФМС и реорганизованной Федеральной службы занятости, которая должна начать реально обеспечивать население работой. В этом случае появится возможность отказывать в трудовой визе людям, в которых государство в настоящее время не заинтересовано как работодателем, а также принимать мигрантов на конкурсной основе в зависимости от существующих вакансий. Это позволит также координировать иммиграционные потоки по регионам, направляя их туда, где существует наибольшая нехватка рабочей силы.

Для того чтобы подобные вакансии появились, государству сейчас необходимо начать серьезно решать задачу занятости будущих иммигрантов. Одно из начинаний, служащих положительным примером создания рабочих мест, является федеральная программа

развития Дальнего Востока и привлечение, согласно ей, мигрантов в качестве основных трудовых ресурсов. Другим положительным эффектом данной программы является деконцентрация иммигрантов на территории России. В настоящее время большинство зарубежных граждан, работающих на территории России, постоянно проживают в крупнейших городах, где экономическая плотность населения во многих случаях и так избыточна.

При адекватной государственной политике прибывшие иммигранты не только сами будут обеспечены работой, но и своим приездом обеспечат работой не занятых трудом россиян. Прибывшим в Россию потребуется хотя бы временное жилье. Наведение порядка в строительной сфере позволит сформировать в ней прозрачный и законный рынок труда, что привлечет на него как российских граждан, так и иммигрантов из Восточной Европы, многие из которых обладают строительными специальностями, имея опыт работы в западноевропейских странах. Правда уровень ожиданий в области оплаты труда и социальных гарантий у них на порядок выше. Необходимость развития социальной и транспортной инфраструктуры в местах оседания иммигрантов также потребует людских ресурсов не только из числа приезжающих. А необходимость массового изучения языка и профессиональной переподготовки позволит массово занять работой российских специалистов различных направлений.

Однако вопросы занятости мигрантов не должны стать более значимыми, нежели вопросы их этнокультурной адаптации в российском обществе. На раннем этапе необходимо формирование и поддержание в российском обществе идей неизбежности иммиграции и крайней выгоды ее для России. Следует наладить контроль над расселением иммигрантов, не допуская концентрации приезжающих из одной страны в одном регионе. Отношение к иммигрантам из стран Европы будет значительно лучше, нежели к выходцам из стран Средней Азии, но не следует допускать возникновения почвы для межнациональных конфликтов. Также, несмотря на ожидания того, что кризис будет продолжительным, необходимо, чтобы ко времени его завершения если не трудовые иммигранты, то их дети, приехавшие с ними или уже родившиеся на территории страны, имели личностную идентификацию с Россией, чувствовали себя ее гражданами.

В целом основная задача государства в данной ситуации – правильно распорядиться увеличившимися людскими ресурсами для решения внутренних экономических, социальных и демографических проблем.

- 1 Демографическая ситуация в России (январь 2009) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [М., 2009]. URL: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1140087276688 (дата обращения: 17.04.2009).
- 2 Там же.
- 3 UN World Population Prospects. New York, 2009 [Электронный ресурс] // Сайт ООН. [2009]. URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/wpp2008/pressrelease.pdf> (дата обращения: 18.04.2009).
- 4 *Мкртчян Н.В.* Иммиграция в России в новом веке: прогнозы и вызовы для политики [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 177–178. [8–21.11.2004]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0177/analit05.php> (дата обращения: 17.04.2009).
- 5 Global Europe Anticipation Bulletin. Phase of collapse of US real economy. Public announcement GEAB No. 22 (February 16, 2008). [2008]. URL: http://www.leap2020.eu/GEAB-N-22-is-available!-Global-systemic-crisis-September-2008-Phase-of-collapse-of-US-real-economy_a1298.html (дата обращения: 21.04.2009).
- 6 *Willie J.* Reflation Challenge & Gold [Электронный ресурс] // Hat Trick Letter. [19.11.2008]. URL: <http://www.financialsense.com/fsu/editorials/willie/2008/1119.html> (дата обращения: 20.04.2009); *Engdahl W.* Federal Reserve sets stage for Weimar-style Hyperinflation [Электронный ресурс] // Global Research. [15.12.2008]. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=11401> (дата обращения: 16.04.2009).
- 7 Federal Reserve System. [17.10.2009]. URL: <http://www.federalreserve.gov/releases/z1/current/z1r-2.pdf> (дата обращения: 17.04.2009); Gross Domestic Product U.S. Bureau of Economic Analysis. [2009]. URL: <http://www.bea.gov/national/xls/gdprchg.xls> (дата обращения: 17.04.2009).
- 8 *Farrell P.B.* 30 reasons for Great Depression 2 by 2011 // Market Watch. [19.11.2008]. URL: <http://www.marketwatch.com/news/story/Well-Great-Depression-2-2011/story.aspx?guid={B28B49B5-EFD1-4941-B57E-A2BA1545BA09}> (дата обращения: 21.04.2009).
- 9 Существуют иные точки зрения на развитие ситуации в США, когда власти страны будут пытаться провести «гиперинфляционный» сценарий течения кризиса. Однако для нас в контексте данной статьи важен сам факт экономической нестабильности в США.
- 10 Monthly Bulletin Latvia's Balance of Payment [Электронный ресурс] // Сайт «Latvijas Banka». [2009]. URL: http://www.bank.lv/eng/main/all/pubrun/monbil_keyitems/ (дата обращения: 19.04.2009).
- 11 *Münz R.* Migration, Diaspora and Reform Processes in South Eastern Europe [Электронный ресурс] // Conference of the Institute for the Danube Region and

- Central Europe. [17.03.2009]. URL: www.idm.at/index.php?download=920.pdf (дата обращения: 21.04.2009).
- 12 В рамках данной статьи мы не будем подробно рассматривать экономическую ситуацию, к которой Россия подошла к периоду экономических потрясений, однако нетрудно заметить, что перечисленные медиаторы кризисных явлений в Европе и США в российской экономике либо полностью отсутствуют, либо их влияние сведено к минимуму.
- 13 *Цапенко И.* Движущие силы международной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 3. С. 3–14.
- 14 Там же.
- 15 *Archer T.* Immigration in Europe at a time of economic hardship [Электронный ресурс] // The Finnish Institute Of International Affairs Briefing Paper 27. [13.02.2009]. URL: http://www.upi-fii.fi/assets/publications/UPI_Briefing_Paper_27_2009.pdf (дата обращения: 20.04.2009).
- 16 *Щербакова Е.* Миграционный прирост населения России за 2008 год // Демоскоп Weekly. Демографические итоги 2008 г. (Ч. II). № 369–370. [16–29.03.2009]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0369/barom05.php> (дата обращения: 19.04.2009).
- 17 *Мкртчян Н.В.* Иммиграция в России в новом веке.
- 18 Там же.
- 19 *Денисенко М.Б.* Замещающая миграция // Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс, 2000. С. 92–110.
- 20 *Вишневский А., Андреев Е.* Население России в первой половине нового века // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 27–44.
- 21 *Эдиев Д.* Международная миграция как фактор преодоления депопуляции России // Миграция и национальная безопасность. М., 2003. С. 62–72.
- 22 *Мкртчян Н.В.* Иммиграция в России в новом веке.
- 23 *Мукомель В.* Кто придет в Россию из «нового зарубежья»? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 37–38. [2009]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/037/tema04.php> (дата обращения: 17.04.2009).
- 24 International Migration 2006: A Global Assessment. [2009]. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/2006Migration_Chart/2006IttMig_chart.htm (дата обращения: 17.04.2009); *Ахиезер А.* Прошлое и настоящее эмиграции из России // Миграционная ситуация в России: социально-политические аспекты. М., 1994; Программа по исследованию миграций. Вып. IV. С. 44–45; *Зайончковская Ж.А.* Эмиграция в дальнее зарубежье [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 27–28. [30.07–12.08.2001]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/027/tema02.php> (дата обращения: 17.04.2009); *Пильнова Д., Шкрывлев Д.* 440 тыс. человек уехали из России за последние пять лет // Новая газета. 28.11.2008. № 46; *Долгих Е.И.* Эмиграция из России [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Полемика». Вып. 9. [М., 1995]. URL: <http://www.igex.ru/press/pub/polemika/09/> (дата обращения: 17.04.2009).

И.В. Петрушин

- 25 *Archer T.* Immigration in Europe at a time of economic hardship.
- 26 *Münz R.* Migration, Diaspora and Reform Processes in South Eastern Europe.
- 27 В данной оценке не учитывается число иммигрантов из стран СНГ, не являющихся русскими по национальности, а также иммиграция из Китая и стран Юго-Восточной Азии. Поэтому данную оценку следует воспринимать как несколько заниженную.
- 28 Трудовые мигранты из СНГ дают 6–8 % ВВП России // Интерфакс. [06.11.2008]. URL: <http://gazeta-slovo.ru/content/view/587/47> (дата обращения: 17.04.2009).

А.Я. Макаров

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ И РОССИЯ

Миграция остается одним из важнейших социальных процессов, происходящих в европейских странах уже на протяжении многих десятилетий. На основе результатов социологических исследований, научных статей, образовательных программ и концепций ряда европейских стран – Великобритании, Германии, Голландии, Италии, Австрии, Франции, Португалии, Венгрии и др., – автором был проведен анализ положения, которое занимают дети мигрантов в системе образования, их социально-демографических характеристик и оценка успешности их обучения. В статье рассмотрены модели интеграции мигрантов, которые применяются в европейской системе среднего образования, и изучается возможность их применения на российской почве.

Ключевые слова: миграция, социокультурная адаптация, система образования.

Миграция уже на протяжении многих десятилетий остается одним из важнейших социальных процессов, происходящих в европейских странах. Интенсивность притока иноэтнических мигрантов там резко возросла еще в 60–70-е годы прошлого столетия, тогда как у нас эти процессы усилились лишь в последние два десятилетия. Страны Европы накопили гораздо больше опыта позитивного и негативного – по интеграции мигрантов и их детей в принимающее сообщество. Во многом наши сегодняшние проблемы и трудности схожи с теми, которые испытывали европейские страны еще 10–15 лет назад. В связи с этим представляется важным проанализировать, насколько те или иные модели интеграции мигрантов и их детей применимы в российской системе образования.

© Макаров А.Я., 2010

Для достижения этой цели нами были исследованы зарубежные источники. А именно: результаты социологических исследований, научные статьи, образовательные программы и концепции ряда европейских стран – Великобритании, Германии, Голландии, Италии, Австрии, Франции, Португалии, Венгрии и др.

Отправной точкой нашего исследования был анализ положения, которое занимают дети мигрантов в системе образования европейских государств, их социально-демографических характеристик и оценка успешности их обучения.

Во многом проблемы в разных европейских государствах схожи. Это недостаточная успешность обучения детей мигрантов, большое количество неполучивших аттестат, слабое знание языка, как следствие их большая представленность в школах для детей с отставанием в развитии. Во-вторых, это случаи ущемления прав детей мигрантов или дискриминация, в-третьих, недостаточная подготовка педагогов для работы с такими детьми.

Рассмотрим эти проблемы подробнее на примере немецкой системы образования, которая во многом отражает общеевропейскую ситуацию в этой сфере. В 2003 г. в Германии насчитывалось 7,3 млн людей, не имеющих гражданства, что при общей численности населения в 82,5 млн составляет около 9%¹. В докладе Министерства внутренних дел (именно оно занимается вопросами миграционной политики в Германии) по итогам 2005 г. отмечается, что почти у каждого четвертого новорожденного в Германии один из родителей иностранец. Учитывая второе и третье поколение мигрантов, получается, что почти треть всех детей и молодых людей в Германии происходит из семей мигрантов. В городах Западной Германии их доля в возрастной группе до 15 лет доходит до 40%².

Территориально размещены мигранты крайне неравномерно: 70% учащихся-мигрантов сконцентрировано только в четырех землях: Северный Рейн-Вестфалия, Баден-Вюртемберг, Гессен и Бавария.

Число детей мигрантов в Германии стремительно увеличилось: за период с 1965 по 1994 г. их количество возросло в 20 раз. В начале 90-х годов XX в. в школах страны училось более миллиона таких учеников, т. е. примерно каждый десятый учащийся происходил из семьи мигрантов. Наибольший приток мигрантов в Германию идет из Турции. В 2000 г. турецкое гражданство имели 502 000 школьников (43% от общего числа иностранных учащихся). Если рассматривать возрастную категорию 10–15-летних, то здесь наиболее многочисленной оказывается группа детей – выходцев из бывшего СССР и Польши (около 35%)³.

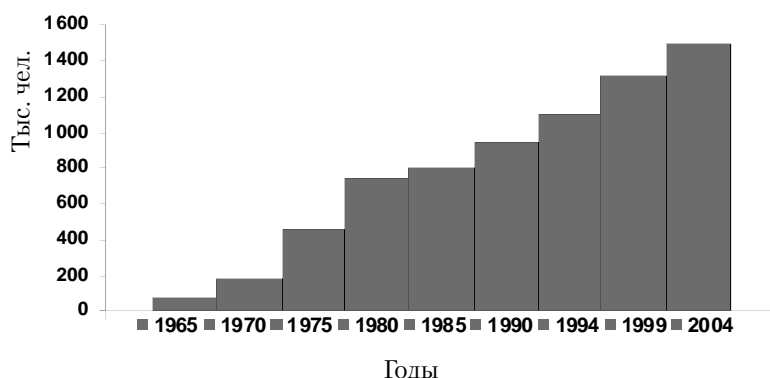

Рис. 1. Иностранцы школьники в «старых» землях с 1965 по 2004 г. (Lederer 2007)

Обращает на себя внимание различие в образовательных стратегиях этнодоминирующего населения и детей мигрантов. В исследовании Г. Дифенбаха (2002 г.) посвященном получению образования детьми и подростками из семей мигрантов, рассматривается вопрос об их выборе учебного заведения после окончания начальной школы (имеется в виду SOEP – социоэкономическая панель – репрезентативное исследование частных домохозяйств Германии). Выяснилось, что с 1985 г. резко возросло число детей мигрантов, продолжающих обучение после начальной школы в профессиональных училищах, а не в гимназиях⁴ (см. табл. 1).

Таблица 1

Выбор образовательных учреждений немецкими школьниками и иностранными школьниками, 2002–2003 уч. г.

Тип учебного заведения	Иностранцы учащиеся	Немецкие учащиеся
Основная средняя школа	43,8%	18,6%
Специальная школа	10,6%	16,2%
Общеобразовательная школа	12,8%	8,4%
Гимназия	12,8%	32,3%
Реальное училище	18,9%	24,5%

В последние годы в Германии и ряде других стран ЕС наметилась еще одна серьезная тенденция, которая обращает на себя внимание многих исследователей в области миграционной педагогики и социологии миграции. Она заключается в том, что все чаще родители-мигранты отдают своих детей в специальные школы для

детей с отставанием в развитии. Р. Корман и Б. Клинге в целой серии статей указывают на высокий процент мигрантов, обучающихся в специальных школах для детей с отставанием в развитии, где практически не уделяется внимания их социокультурной адаптации, не ведется преподавание государственного языка как иностранного, где в гораздо большей степени, нежели в других учебных заведениях, распространена практика общения друг с другом на родном языке⁵. По данным исследования Р. Кормана, за период с 1991 по 1999 г. доля детей немецкого происхождения в этой форме обучения возросла с 13% до 15%, хотя эти дети составляют только 9,4% от общего числа учащихся в стране – и это несмотря на то, что занятия в общей группе с инвалидами все же сдерживает рост числа учеников⁶.

Также среди детей мигрантов наблюдается заметное отставание по показателю успешности окончания школы. На табл. 2 видно, что среди детей без немецкого гражданства на протяжении всего рассматриваемого периода (1991–2003 гг.) преобладает окончание только общей средней школы. В 2003 г. почти 70% немцев и лишь 40% иностранцев окончили среднюю или высшую ступень образования, тогда как в 2003 г. экзамен на аттестат зрелости смог сдать каждый четвертый немец, среди иностранцев с ним справился лишь каждый десятый ученик.

Таблица 2

Сравнение числа окончивших школу немецких детей и детей мигрантов в 1991–2003 гг. (%)

Год		Окончили проф. училища	Окончили реальную гимназию	Окончили среднюю школу	Не окончили ничего
1991	Иностранцы учащиеся	6	31	43	20
	Немецкие учащиеся	25	50	20	5
1994	Иностранцы учащиеся	7	32	42	19
	Немецкие учащиеся	26	47	21	6
1997	Иностранцы учащиеся	11	30	40	19
	Немецкие учащиеся	28	45	21	6
1999	Иностранцы учащиеся	7	36	36	29
	Немецкие учащиеся	28	45	21	6
2001	Иностранцы учащиеся	7	36	38	19
	Немецкие учащиеся	26	47	21	6
2003	Иностранцы учащиеся	14	29	38	19
	Немецкие учащиеся	25	48	21	6

Другой аспект, который иллюстрирует табл. 2, – это количество учеников, которым так и не удалось окончить школу и получить аттестат. В 2003 г. без получения аттестата школу покинули 20% иностранцев, но всего 8% немцев⁷.

В современном обществе без полного среднего образования невозможно ни окончание высшего учебного заведения, ни получение хорошей работы. Таким образом, получается, что дети мигрантов уже с раннего школьного возраста обречены на неудачу. По причине столь огромной значимости школьного образования в процессе социокультурной и профессиональной адаптации представляется очень важным выработать эффективные меры, которые бы позволили детям мигрантов в системе образования преодолеть трудности, связанные с различными аспектами их адаптации.

Организация комплексной работы по адаптации этих детей помимо всего прочего может дать стимул развитию всей системы школьного образования, которая в ряде европейских стран сегодня недогружена, а также в более далекой перспективе обогатит рынок труда, систему социального страхования – в конечном счете все сферы жизни общества. Тем более что законодательная база для этого уже во многом подготовлена: еще в 1964 г. в Соединенных Штатах был принят акт о гражданских правах, запрещающий любые виды дискриминации по расовому, этническому или половому признаку в сфере трудовых отношений и образования. Позднее, в 1976 г., и Совет Европы установил принципы равных возможностей для всех, что сразу же открыло для представителей этнических меньшинств двери в средние и высшие образовательные учреждения, в которые ранее доступ для них был существенно затруднен.

Сегодня работа по социокультурной адаптации детей из семей мигрантов в системе образования продолжает вестись на всех уровнях. В связи с притоком иноэтнического населения подвергается изменениям система образования в целом, принимаются адаптационные программы и методики на уровне отдельных школ, все больше в процесс адаптации детей мигрантов вовлекаются дошкольные учреждения, разрабатываются различные формы внешкольной работы, такие как летние языковые курсы, поддержка талантливых детей, организация групп продленного дня и т. п.

Рассмотрим каждый из этих уровней более подробно.

Поскольку миграционные процессы в Европе не только не ослабевают, но и продолжают набирать обороты, все основные общественные институты, и в первую очередь образование, должны адаптироваться к этой ситуации, предложив и разработав совершенно новые виды услуг. Характерной чертой тех мер по адаптации детей мигрантов, которые принимаются в европейских странах

на институциональном уровне, является то, что они учитывают не только этническую, но и социально-экономическую инаковость этих детей. Составители адаптационных программ из разных стран говорят о недостатке так называемого культурного капитала в семьях мигрантов – это, как правило, выходцы из сельской местности, с невысоким уровнем образования, низким доходом и недостаточным владением языком⁸. В связи с этим образовательные институты должны теперь взять на себя совершенно новую функцию – компенсаторную, то есть дать детям те знания, навыки и умения, которые те недополучили в ходе внутрисемейной социализации.

К решению этой задачи в последнее время все чаще привлекаются дошкольные учреждения и начальная школа, которые раньше фактически не участвовали в процессе адаптации детей мигрантов. Для них организация обучения государственному языку как иностранному и подготовка педагогов для занятий с такими детьми являются совершенно новыми задачами. Увеличение количества детей представителей этнического меньшинства на начальной ступени образования сделало необходимым организацию для них группы полного дня, где дети проводят гораздо больше времени, чем в традиционных «утренних» школах, и которые оказывают гораздо большее социализирующее и воспитательное влияние, улучшают показатели успеваемости.

В связи с тем что часто детям мигрантов уже на начальной ступени образования не хватает необходимых навыков и знаний и их обучение в общей группе бывает затруднено, все большее распространение получают ранние образовательные программы, цель которых подготовить детей из семей мигрантов к школе и улучшить их адаптацию в образовательной среде. Эти программы охватывают весь период дошкольного обучения. Так, для детей от года до трех лет предназначены так называемые «home based programs», предполагающие регулярное посещение представителями социальных служб домов и квартир, где живут мигранты. Родителям оказывается информационная, а иногда и материальная поддержка, их детям, помимо специальных учебных и воспитательных занятий, обеспечивается регулярное медицинское наблюдение и уход⁹. Более старшим детям адресованы уже «centre-based programs», которые предполагают посещение детьми и их родителями специальных центров раннего развития. Такие центры, впервые появившиеся в США, сегодня успешно действуют в Испании, Германии и Голландии. Обучение в них обычно ведется сразу на двух языках – родном и государственном, и основной задачей является не трансляция как можно большего объема фактических знаний, а создание

у детей и родителей необходимых стимулов и мотивации для продолжения учебы и освоения государственного языка. В Голландии, например, такие центры организуются обычно на базе традиционных детских садов, где формируются гомогенные по этническому составу группы численностью не более 16 человек. С группой работают сразу два преподавателя, один из которых является представителем той же этнической группы, что и члены группы. Обучение ведется преимущественно в игровой форме, а родители имеют возможность получить на дом пособия и дидактические материалы для самостоятельного занятия с детьми.

Об эффективности программ раннего обучения мигрантов в один голос говорят специалисты из разных стран. Так, результаты исследований, проведенных рядом немецких ученых в течение последних нескольких лет¹⁰, показывают, что дошкольные программы позитивно влияют на когнитивное и социальное развитие детей мигрантов, благодаря им уменьшается или исчезает вовсе необходимость применения для их обучения специальных образовательных программ (большинство из них могут сразу идти в общеобразовательную школу). Кроме того, обнаружилось, что среди детей, принимавших участие в таких программах в течение первых пяти лет жизни, заметно выше процент тех, кто продолжает свое обучение в высших учебных заведениях.

Подготовка педагогов к работе с детьми мигрантов в начальной школе также стала одной из ключевых задач для высших педагогических учреждений Европейского союза. Сегодня широко обсуждается необходимость введения на начальных ступенях образования должности ассистентов учителя, которые бы сосредоточили свои усилия на внеучебной деятельности, помогали бы детям в выполнении домашних заданий, тесно взаимодействовали с их родителями. Опыт работы таких ассистентов уже имеется в Нюрнберге, где эта форма работы является частью муниципальной интеграционной программы¹¹.

Решению задачи культурной адаптации детей мигрантов в европейских странах также уделяется огромное внимание. Школа в связи с этим рассматривается как главный агент культурной социализации, причем не только для первого поколения мигрантов – практически все адаптационные программы здесь рассчитаны также и на второе, и даже третье поколение мигрантов. Для уменьшения культурной дистанции в учебные планы вводятся элементы культуры стран эмиграции, для работы в школах все чаще принимаются на работу учителя, имеющие некоренное происхождение.

Безусловно, для обеспечения всех этих структурных изменений системы образования требуется весьма солидная финансовая под-

держка. Например, во Франции уже более 10 лет (с 1998 г.) существует система «приоритетных образовательных зон» (*zone d'éducation prioritaire*), которые размещаются обычно на периферии крупных населенных пунктов, где традиционно высока доля мигрантов¹². Этим зонам оказывается от государства дополнительная финансовая, организационная и кадровая поддержка. «Национальный интеграционный план» Германии («*Nationaler Integrationsplan*») также оказывает дополнительную поддержку школам с высокой долей мигрантов, привлекая к этой деятельности социальных работников и оказывая дополнительную материальную поддержку учителям, работающим в этих школах¹³.

Помимо государства, немалую поддержку школам, реализующим программы по адаптации мигрантов, оказывают неправительственные организации, благотворительные фонды, мигрантские общины, организации волонтеров. К примеру, в Великобритании при многих муниципалитетах существуют службы поддержки этнических меньшинств (*Ethnic Minority Achievement Services*) – организации, состоящие из команды опытных педагогов, которые работают в тесной связи со школами, родителями и этническими сообществами. Подобные организации существуют и в некоторых регионах Германии (*Regionale Arbeitsstellen zur Förderung von Kinder und Jugendlichen aus Zuwanderfamilien*), но здесь они больше ориентированы на внешкольную деятельность – организацию спортивных и культурных мероприятий.

Кроме финансовой поддержки, правительства европейских стран оказывают содействие в проведении исследований, посвященных социокультурной адаптации детей мигрантов в системе образования. Эти исследования рассматриваются здесь как реальная сила, способная помочь в реализации намеченных мер и предложить новые. Регулярно проводятся исследования, посвященные языковой адаптации мигрантов, изучается эффективность различных методик обучения, проходят лонгитюдные исследования, призванные оценить принимаемые меры в долгосрочной перспективе.

Другая важная проблема, которую можно решить только на общегосударственном уровне, заключается в компактном расселении мигрантов в странах въезда. В Соединенных Штатах меры по так называемой десегрегации начали приниматься еще в 1960-е годы и заключались в ежедневной перевозке детей мигрантов из бедных окраин и трущоб, где те обычно сосредоточивались и вели довольно замкнутый образ жизни, в школы, расположенные в районах с другим этническим и социальным составом (такая практика получила название «*bussing*» от англ. «*bus*» – автобус). Но такая

практика имела наряду с позитивными моментами ряд существенных недостатков. Она встретила противодействие со стороны мигрантских общин, вызвала ряд протестов и даже судебных разбирательств на локальном уровне¹⁴. Следующим этапом десегрегации стало введение квот на обучение в школах – был установлен лимит в 20% для каждой этнической группы, что, несомненно, было более мягкой мерой, позволившей изменить и разнообразить как этнический, так и социальный облик учебных заведений на городских окраинах.

Бедные и социально неблагополучные окраинные кварталы с высокой долей иноэтнического населения в последние годы стали характерной чертой многих крупных европейских городов. Таким образом, сегрегация в школах является прямым следствием сегрегации в городе. Для решения этой проблемы в ряде европейских городов получила распространение концепция так называемых «школ-магнитов» (magnet schools)¹⁵. Такие школы открываются во вполне благополучных районах для того, чтобы привлечь детей с окраин, населенных преимущественно мигрантами. Помимо противодействия этническому обособлению такие школы помогают существенно улучшить обучение детей мигрантов, так как преподавание здесь осуществляется на гораздо более высоком уровне, чем в пригородных школах.

До сих пор мы говорили лишь об общегосударственных мерах, призванных подготовить и адаптировать национальные образовательные системы к этнической плюрализации и увеличению доли мигрантов в структуре населения. Основная же работа ведется на так называемом мезоуровне – непосредственно в школах и других образовательных учреждениях. И первая проблема, с которой здесь приходится сталкиваться, заключается в том, что педагогические кадры не готовы к работе с такой специфической группой, как дети мигрантов. Учителя зачастую изначально неоправданно низко оценивают способности этих детей, испытывают трудности во взаимодействии с ними. Проведенные в Германии исследования¹⁶ показывают, что проблемы взаимодействия учитель–ученик во многом можно преодолеть, увеличив долю преподавателей – представителей той же национальности, что и учащиеся. Кроме того, было доказано, что традиционные дидактические методы, направленные на адаптацию детей мигрантов, имеют свойство «изнашиваться», в связи с чем предлагается использовать целый набор различных методик. И такие методы появляются в европейских школах с завидной регулярностью. Так, в итальянском Турине уже несколько лет действует проект «e-learning»¹⁷, помогающий детям мигрантов освоить новый для них язык с помощью обучающихся

программ, фильмов и тестов. В Берлине в ряде школ широко применяются методы театрализации¹⁸, помогающие не только в удобной форме освоить школьные предметы, но также усвоить социальные роли, принятые в данном обществе, изучить язык, в игровой форме способствовать культурной и социальной интеграции детей мигрантов.

Для вновь прибывших мигрантов хорошо зарекомендовали себя так называемые транзитные, или подготовительные, классы, которые существуют уже во многих школах по всей Европе и только недавно появились в качестве эксперимента в ряде московских школ. Главная их цель – ускорить языковую адаптацию, хотя в некоторых школах в «транзитных» классах внимание уделяется и основным школьным предметам. Обучение в таких классах обычно длится около двух лет, и основной задачей является подготовка детей мигрантов к продолжению обучения в обычных классах. Однако практика показала, что часто помощь таким детям требуется и после перехода в общие классы. Одним из способов продолжить поддержку детей из семей мигрантов является организация при школах специальных обучающих центров – для Европы это пока является нововведением, однако подобные центры уже более 10 лет действуют во многих школах Новой Зеландии. В подобных центрах представители этнических меньшинств получают индивидуальную помощь, делают домашние задания, проходят разного рода тренинги. В работе этих центров обычно принимают участие не только учителя, но и родители из числа волонтеров. Для родителей мигрантов, которые сами часто не могут помочь своим детям в учебе или проконтролировать выполнение домашних заданий, это, безусловно, огромная поддержка.

Многие европейские эксперты¹⁹ считают вовлечение родителей мигрантов в учебную деятельность особенно важным, поскольку, во-первых, это дает им возможность ближе познакомиться с системой образования, а во-вторых, помогает поддерживать взаимопонимание между родителями и детьми. Успешным примером родительского участия в работе по социокультурной адаптации детей мигрантов является создание в Швейцарии такой формы работы, как культурное посредничество (Kulturvermittlung). Она заключается в том, что родители мигрантов, давно освоившиеся на новом месте, помогают вновь прибывшим в налаживании диалога со школой, содействуют их включению в эмигрантское сообщество, дают разного рода дополнительную информацию²⁰. Все большее вовлечение родителей в процесс социокультурной адаптации является весьма позитивной тенденцией, поскольку в любой образовательной системе успешность обучения в значительной степени зависит

от культурных, материальных и социальных ресурсов семьи и процесса социализации «дома».

Анализ мер, принимаемых в системе образования европейских стран по адаптации детей из семей мигрантов, был бы неполным, если бы мы не коснулись рассмотрения внешкольной деятельности. Между тем, внешкольная и внеучебная деятельность способна в значительной степени помочь в реализации комплекса мер по социокультурной адаптации мигрантов, сделать процесс погружения в иноэтническую и инокультурную среду более плавным и безболезненным. Кроме того, сфера внешкольной деятельности содержит гораздо больше возможностей для применения нестандартных и творческих решений, методик и организационных форм.

Одной из таких инновационных форм стало создание в Голландии института этнического воспитания (*ethnic mentoring*)²¹. В роли воспитателей (менторов) здесь выступают представители этнических меньшинств, закончившие образовательные учреждения страны и успешно адаптировавшиеся к системе образования. Они доступным языком могут рассказать об особенностях системы образования мигрантским семьям и гораздо лучше, чем школьные учителя или социальные работники, понять те трудности, с которыми сталкиваются дети и подростки из этих семей. Интересной вариацией концепции этнического воспитания стал проект «Образовательная поддержка детей и молодежи с мигрантскими корнями» («*Förderunterricht für Kinder und Jugendliche mit Migrationshintergrund*»), разработанный Фондом Меркатора в Германии²². Здесь в качестве воспитателей (менторов) выступают студенты педагогических вузов, проходящие практику, – преимущественно те, кто сами происходят из семей мигрантов. Эти люди занимаются семейным консультированием, помогают детям в выполнении домашних заданий, подготовке к экзаменам, организации досуга.

Другая распространенная форма внешкольной поддержки детей и подростков из семей мигрантов – это летние языковые лагеря. Эти лагеря, помимо многочасовой языковой практики, помогают общей социализации детей, их социальной интеграции в новом социуме. Исследования, проведенные центром Макса Планка (Германия)²³, показывают, что подавляющее большинство детей, проходивших обучение в подобных лагерях на территории Германии, смогли заметно улучшить свое знание языка, а наилучшие показатели продемонстрировали те из них, кто помимо интенсивных курсов немецкого языка принимал участие в театральных постановках, ролевых играх и других мероприятиях, предполагающих имплицитное усвоение языка.

Сегодня в ряде стран Западной Европы разрабатываются и постепенно начинают функционировать специализированные формы внешкольной поддержки для талантливых детей из среды мигрантов. В решении этой задачи европейцы в первую очередь опираются на опыт Соединенных Штатов, где программы формирования «миграционной элиты» существуют уже довольно давно. Так, например, программа «Старт», реализуемая в Германии с 2006 г.²⁴, дает возможность талантливым детям мигрантов из бедных семей освоить компьютер и Интернет, принять участие в специализированных семинарах и культурных мероприятиях. Более старшие школьники имеют возможность познакомиться с деятельностью крупных компаний, банков и других организаций, что помогает им в выборе и построении своей будущей карьеры.

Подводя итоги нашего исследования, нужно в первую очередь отметить широкое разнообразие принимаемых в европейских странах мер по адаптации мигрантов, их комплексный и многогранный характер. К сожалению, приходится констатировать, что в решении этих задач страны Запада ушли далеко вперед, однако есть и обратная сторона: у нас есть уникальная возможность с учетом российских реалий и особенностей перенять тот позитивный опыт и оригинальные решения, которые были разработаны в этих странах и, напротив, отказаться от тех из них, которые не принесли желаемых результатов. Так, например, уже в нескольких европейских странах (в Венгрии, Италии, Польше) власти решили свести к минимуму или же вовсе отказаться от практики адаптации детей в поликультурных школах (аналог наших национальных школ), так как они, по мнению ряда специалистов²⁵, не обеспечивают необходимого уровня интеграции в обществе, а их ученики и выпускники часто чувствуют себя изолированными и беспомощными вне школьных стен.

Если же говорить о позитивном опыте, который можно было бы с успехом применить у нас в стране, то это в первую очередь снижение возрастной планки и начало адаптации детей мигрантов уже в первые годы жизни на базе детских садов, социальных служб и специальных адаптационных центров. На наш взгляд, было бы также полезно вести работу не только с самими детьми, но и с их родителями, для того чтобы мотивировать их дать детям образование, повысить их компетентность в сфере образования. Хорошие результаты может дать интеграция элементов культуры этнических меньшинств в образовательную программу и внешкольную деятельность, а также привлечение к работе по адаптации детей мигрантов самих представителей этнических меньшинств, уже сумевших успешно интегрироваться в принимающем сообществе. Наряду с этим можно перенять опыт привлечения волонтеров из

внешкольной среды – из благотворительных ассоциаций, мигрантских общин, спортивных и культурных учреждений для организации работы с талантливыми детьми из мигрантской среды.

Также необходимо ускорить подготовку квалифицированных педагогов для работы с детьми мигрантов, чему может содействовать создание специализированных курсов в педагогических вузах и центрах повышения квалификации, а также организация практик по работе с такими детьми в ходе обучения студентов.

Примечания

- 1 European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia (EUMC). Migrants, Minorities and Education. Documenting Discrimination and Integration in 15 Member States of the European Union. Luxembourg, 2004.
- 2 Ibid.
- 3 *Powell J., Wagner S.* Daten und Fakten zu Migrantenjugendlichen an Sonderschulen in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin: Max Planck Institut, 2001.
- 4 *Diefenbach H.* Schulerfolg von ausländischen Kindern und Kindern mit Migrationshintergrund als Ergebnis individueller und institutioneller Faktoren // Migrationshintergrund von Kindern und Jugendlichen: Wege zur Weiterentwicklung der amtlichen Statistik. Bonn; Berlin, 2005. S. 43–54.
- 5 *Kornmann R., Klingele Ch.* Zur Überrepräsentation ausländischer Kinder und Jugendlicher in Schulen für Lernbehinderte: der alarmierende Trend hält an // Zeitschrift für Heilpädagogik. 1997. № 48. S. 203–207.
- 6 Ibid.
- 7 *Entorf H., Lauk M.* Peer Effects, Social Multipliers and Migrants at School: An International Comparison // IZA Discussion Paper № 2182. Bonn, 2006.
- 8 *Leseman P.* Early Childhood Education and Care for Children from Low-income or Minority Backgrounds. OECD. 2002.
- 9 См.: *Boocock S.* Early Childhood Programs in Other Nations: Goals and Outcomes // The Future of Children. 1995. No. 5. P. 94–114.
- 10 *Wößmann L., Schütz G.* Efficiency and Equity in European Education and Training Systems. Analytical Report prepared for the European Commission by the European Expert Network on Economics of Education (EENEE). Brussels, 2006.
- 11 Официальный сайт «Forum interkultur. Portal f_r Austausch und Information». [2009]. URL: <http://www.forum-interkultur.net/123.0html> (дата обращения 28.06.2009).
- 12 Organisation for Economic Cooperation and Development. Where immigrant students succeed. A comparative review of performance and engagement in PISA 2003. Paris: OECD Publishing, 2006.
- 13 Bundesministerium für Arbeit und Soziales. Nationaler Integrationsplan. Arbeitsgruppe 3, Dokumentation des Beratungsprozesses. Berlin, 2007.

А.Я. Макаров

- 14 См.: *Stambach A., Becker C.* Finding the Old in the New: On Race and Class in the US Charter School Debate // *Race, Ethnicity and Education*. 2006. No. 9. P. 159–182.
- 15 *Bosswick W., Fassmann H., Kohlbacher J., Lüken-Klassen D.* Housing and Residential Segregation of Migrants. A State-of-the-Art report // Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 2007.
- 16 *Schofield J.* Migration Background, Minority – Group Membership and Academic Achievement. Research Evidence from Social, Educational and Developmental Psychology. Berlin: Wissenschaftszentrum für Sozialforschung, 2006.
- 17 European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia (EUMC).
- 18 Bundesministerium für Arbeit und Soziales. Nationaler Integrationsplan. Arbeitsgruppe 3, Dokumentation des Beratungsprozesses. Berlin, 2007.
- 19 *Nauck B.* Familienbeziehungen und Sozialintegration von Migranten // IMIS Beiträge. 2004. No. 23. S. 83–104.
- 20 *Wößmann L., Schütz G.* Efficiency and Equity in European Education and Training Systems. Analytical Report prepared for the European Commission by the European Expert Network on Economics of Education (EENEE). Brussels, 2006.
- 21 *Kühn S.* Niederlande: Samenspiel – Eltern und Kinder entdecken Welt und Sprache // *Startchance Sprache*. Sprache als Schlüssel zur Bildung und Chancengleichheit. Baltmannweiler: Schneider Verlag, 2003. S. 143–151.
- 22 *Heckmann F.* Education and migration: strategies for integrating migrant children in European schools and societies. Bamberg: Friedrich University, 2008.
- 23 Max Planck Research. [Электронный ресурс] // *Research in Brief: Summer Learning in Germany*. [2009]. URL: http://www.maxplanck.de/english/illustrationsDocumentation/multimedia/mpResearch/2005/heft04/4_05MPR_05_06.pdf (дата обращения: 25.06.2009).
- 24 *Lehmeier A.* The Projects of the Hertie Foundation for the Integration of Immigrant Children and Youth. Bamberg, 2006. P. 43–48.
- 25 *Heckmann F., Schnapper D.* The Integration of Immigrants in European Societies. National Differences and Trends of Convergence. Stuttgart: Lucius und Lucius, 2003.

А.А. Смирнов

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРЕСТИЖ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья подготовлена на основе исследования «Работающие бедные с высшим образованием: проблемы социальной адаптации». В ходе исследования были рассмотрены различные аспекты социального самочувствия бюджетной интеллигенции в современной России, в том числе один из ключевых – социальный престиж. В статье приведены выдержки из серии глубинных интервью с представителями указанной социальной группы и показано, что социальный престиж некоторых категорий бюджетников имеет тенденцию к росту.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная адаптация, социальный престиж, интеллигенция.

Социальные и экономические реформы в российском обществе способствовали изменению социальной стратификации и возникновению большого числа низкодоходных социальных групп. Часть из них можно условно назвать «новые бедные». В государственных документах для их обозначения в настоящее время используется термин «работающие бедные». В их составе довольно велика доля работающих людей с высшим образованием. Это, прежде всего, так называемая бюджетная интеллигенция, представители профессий, которые в дореформенный период имели довольно высокий социальный и экономический статус и относились к разряду престижных и уважаемых в обществе – учителя, врачи, работники науки и культуры. В настоящее время среди этой профессиональной группы интеллигенции произошло четкое разделение на работников бюджетной сферы и занятых в негосударственном секторе экономики.

Большая группа представителей интеллигенции вследствие проводимых в стране реформ опустились на низшие ступени мате-

риального благосостояния, их образование и квалификация не способствуют высоким заработкам. Практически все работники бюджетной сферы, имевшие при социализме стабильный доход, адекватный экономической ситуации в стране того времени, и которые не могли быть причислены к малообеспеченным слоям населения, сегодня попали в группу бедных. Социологические исследования демонстрируют, что по уровню материального обеспечения указанные социальные группы почти сравнялись с традиционно малообеспеченными социальными группами – одинокими матерями, многодетными семьями, инвалидами и престарелыми, но в отличие от них чаще всего не имеют государственной поддержки в виде субсидий, пособий и пр.

Ситуация резко изменилась в 1992 г., когда экономический кризис поставил значительную часть населения России в ситуацию фактической нищеты. Вместе со снижением уровня регулярного дохода население потеряло практически все свои сбережения. Таким образом, становится очевидным, что «новые бедные» столкнулись с необходимостью поиска альтернативных способов получения дохода, снижения или перераспределения расходов.

Особенно актуальной становится проблема воспроизводства социально-профессиональных групп врачей, учителей и работников науки, культуры и т. п. Ранее считавшиеся престижными, сегодня эти профессии по причине недостаточного уровня дохода потеряли должное уважение в обществе. В результате в бюджетном секторе экономики наблюдается тенденция нехватки профессиональных кадров, а молодые специалисты предпочитают работать в негосударственном секторе экономики, чтобы не пополнять социальный слой «новых бедных».

В соответствии с принятым в настоящее время термином «работающие бедные» в статье будет использоваться обозначение этой группы как «работающие бедные с высшим образованием» наряду с терминами «новые бедные» и «бюджетная интеллигенция».

Одна из важнейших составляющих статусной самоидентификации индивида – субъективная оценка общественного престижа своей профессии. В 2007 г. в рамках исследования «Работающие бедные с высшим образованием: проблемы социальной адаптации» была проведена серия глубинных интервью с представителями социальной группы бюджетной интеллигенции. В их число вошли сотрудники государственных образовательных и медицинских учреждений, а также учреждений науки и культуры, обладающие высшим образованием. Тематика исследования включала в себя различные аспекты социального самочувствия, и одним из ключевых выступил общественный престиж указанных профессий.

Анализ интервью показал, что представители группы бюджетной интеллигенции противоречиво оценивают общественное уважение, обуславливая это различными факторами. Различия могут зависеть от профессиональной, гендерной или возрастной принадлежности респондентов.

Так, медики зачастую смотрят на престиж своей профессии через призму отношения пациентов к персоналу медицинских учреждений: *«...часто идешь по коридору и слышишь: “Ой. Мы забыли взять направление... Ну завтра врача вызовем, она нам даст”... получается не врач, а почтальон. Или даже разносчик какой-то»* (главная медсестра городской детской поликлиники, 50 лет); *«...у нас по большому счету мало кто уважает врачей. Вот они сюда в кабинет заходят, они говорят одно, какая вы хорошая, прекрасная, спасибо вам за все. А выходят и начинают сплетничать»* (участковый врач-терапевт, женщина, 26 лет).

Врачи различных возрастных групп в целом считают профессию врача непрестижной в обществе, однако не всегда готовы признать этот факт напрямую, подтверждая его лишь косвенно: *«...в каждой профессии надо рассматривать самого человека... Если ты с чувством собственного достоинства воспитан уже, то ты, в общем-то, будешь себя вести вне зависимости от того, что думает общество»* (врач-педиатр в детской поликлинике, женщина, 56 лет); *«...со стороны врача, конечно, кажется, что наша профессия престижная и нужная. А в обществе. Ну вот все мои друзья... считают ее престижной»* (анестезиолог-реаниматолог городской клинической больницы, мужчина, 28 лет); *«Ну, я не задумываюсь как-то. Банкиром престижно быть»* (анестезиолог-реаниматолог городской клинической больницы, мужчина, 50 лет); *«Престижной профессия становится тогда, когда много денег платят... Человек, который ездит на метро, не может быть престижным»* (анестезиолог-реаниматолог городской клинической больницы, мужчина, 30 лет).

Представители других профессиональных групп склонны к аналогичным оценкам своего социального статуса по критерию общественного престижа: *«Нет. Это когда-то она была престижной, профессия математика»* (профессор института РАН, мужчина, 61 год); *«Учитель как человек, по-моему, вообще не ценится. Даже наоборот, в обществе бытует мнение, что все могут диктовать ему, каким образом ему работать»* (преподаватель детского образовательного центра, женщина, 28 лет).

Среди оценок школьными учителями престижа своей профессии чаще встречаются конкретные суждения: *«В обществе наша профессия не престижна. ...сейчас к нам относятся – мы должны,*

мы обязаны научить, обеспечить»; «Уважения нет. Ни со стороны родителей, ни со стороны учеников» (преподаватель в младших классах общеобразовательной школы, женщина, 40 лет). То же касается и работников культуры: «Нет, абсолютно никакого [престижа] нет» (музейный работник, женщина, 29 лет); «Сейчас она [профессия] абсолютно не престижна» (заведующая отделом научно-технической библиотеки, 49 лет). С другой стороны, респонденты склонны к противоречивым оценкам: «На словах престиж есть, потому что... я с уважением отношусь к людям, работающим в этой сфере – в библиотечной, музейной, сфере культуры. Я думаю, многие относятся с уважением, но не более. Престижа нет...» (заведующая библиотекой государственного музея, 49 лет); «Ну, вообще, я все равно эту работу люблю... ..когда мне поступают предложения перейти в другое место... мне говорят: “Что тебе нравится в твоей богадельне?”» (музейный работник, женщина, 33 года); «По-моему, к ученым [относятся] сейчас не очень хорошо. Но в то же время нельзя сказать, чтобы общество плохо относилось к ученым» (ведущий научный сотрудник института РАН, женщина, 74 года).

Респонденты часто склонны сопровождать суждения относительно своего общественного статуса и престижа собственным объяснением необходимости наличия уважения к их профессии: «Мне не стыдно сказать, что я учитель где-нибудь там, в обществе. Ну а что же? Это же мы будущее поколение воспитываем. Поэтому нет, я не стесняюсь своей профессии» (преподаватель русского языка и литературы в средней школе, женщина, 42 года); «Нас вообще, учителей, очень любят сравнивать с шахтерами... Ну извините... Мы куем. Как кузнец. Но мы куем, извините, того же шахтера... и того же кузнеца... Да мы... кузнецы души, можно так сказать. ...не будь учителя, кем бы потом становились люди?» (преподаватель в младших классах общеобразовательной школы, женщина, 40 лет); «Может быть, некоторые считают, что дураки этим занимаются, надо идти и зарабатывать деньги. Может быть, и так. А так, то, что мы делали, – это полезно людям, нужно людям» (ведущий научный сотрудник института РАН, женщина, 74 года).

Кроме того, представители бюджетной интеллигенции часто негативно высказываются о всеобщем общественном престиже своей профессии, однако выделяют группы «понимающих» людей, относящихся к их труду с уважением: «...я не могу вам сказать обо всем обществе, я могу сказать конкретно... мы отдыхаем в деревне, то там учитель – престижная профессия... там относятся к учителям – благоговейно. В Москве такого нет, конечно же...» (препо-

даватель младших классов общеобразовательной школы, женщина, 37 лет); *«Кто-то уважает, кто-то нет... Вот когда придешь и скажешь “Я учитель математики”, и какой престиж? Конечно непрестижная у меня профессия. А, извините меня, если я хороший математик, для многих людей это будет считаться, что это престижно»* (преподаватель математики в общеобразовательной школе, женщина, 46 лет); *«...с одной стороны, престижа профессии, безусловно, нет, с другой стороны, сказать, что это совсем не престижная профессия, нельзя. Просто если говорить с людьми понимающими, ...то они понимают, что это очень тяжелый труд и, соответственно, мало оплачиваемый, но при этом нужный»* (преподаватель русского языка и литературы в общеобразовательной школе, женщина, 35 лет); *«...общество очень стратифицировано, неоднородно. Где-то есть, где-то нет. Это меня волнует не очень сильно»* (ученый секретарь института РАН, мужчина, 34 года).

Говоря о субъективных оценках респондентами престижа своей профессии, стоит отметить, что некоторые из них имеют опыт подработки в сферах, не связанных с их профессиональной занятостью: *«Ну пока у меня сын рос, мне было нужно... Но я разные пробовала. Я работала год уборщицей на американской фирме. ...Это было... 95–96-й год. ...вот, моя подруга и коллега, она вот только в этом году бросила. Она вынуждена была вот так работать десять лет...»* (ведущий математик института РАН, женщина, 56 лет); *«Одно время, много лет назад, дочка маленькая была, я в Макдоналдсе работала»* (научный сотрудник института РАН, женщина, 57 лет); *«...вот здесь утром идешь, полы здесь уборщица моет – все люди из других отделов – с утра они еще работают по совместительству – моют в здании библиотеки»* (заведующая отделом научно-технической библиотеки, 49 лет). Такие случаи достаточно распространены в среде бюджетной интеллигенции. Они свидетельствуют о деформации профессиональной самооценки и снижении престижа труда высококвалифицированных специалистов.

Таким образом, можно сделать вывод о неоднозначности оценок представителями группы бюджетной интеллигенции своего социально-профессионального статуса и престижа. Так, многие врачи склонны оценивать его негативно в связи с некорректным, по их мнению, поведением пациентов, тогда как учителя говорят об отсутствии уважения со стороны учеников и их родителей. Многие респонденты склонны переходить от общих рассуждений на тему престижа их профессии на частные социальные группы, способные адекватно оценивать общественную важность их труда, или доказывать ее самостоятельно. Несоответствие труда и его оплаты также

А.А. Смирнов

негативно влияет на статусную самоидентификацию респондентов по критерию престижа, поскольку материальное положение и общественное уважение часто неразрывно связываются респондентами. В результате позитивные оценки, позволяющие делать вывод о высоких показателях статусной самоидентификации, в ответах респондентов практически не встречаются.

Учитывая специфику статусной самоидентификации представителей группы бюджетной интеллигенции по критериям «материальное положение», «моральное удовлетворение» и «престиж», когда большинство респондентов позитивно оценивают лишь второй из названных факторов, следует также рассмотреть причины, по которым бюджетные работники с высшим образованием не меняют профессию, место работы. В качестве одного из ключевых мотивов отказа от смены места работы и профессии респондентами называется моральное удовлетворение, получаемое от работы, а также такие факторы, как возраст, не располагающий к успешному трудоустройству, привычка, сложившиеся отношения в коллективе.

Конформная стратегия адаптации, выбранная представителями бюджетной интеллигенции и направленная на решение повседневных проблем, но не на существенные изменения в своей жизни, обусловлена чрезвычайно низким уровнем социального престижа данной социальной группы. Сложность достижения позитивной самоидентификации в таких условиях очевидна, а ее отсутствие разрушает ценностно-смысловое поле личности. Это весьма травматичная ситуация, социальные последствия которой уже проявляются вполне явно.

В этом контексте необходимость направленных действий по поднятию общественного престижа людей, занятых в высокопрофессиональных бюджетных сферах, становится особенно заметной. Социальная реклама, направленная на поднятие авторитета и привлекательности таких профессий, как учитель, врач, ученый и т. п., была бы крайне актуальной и полезной, поскольку воспроизводство этого ряда профессий все еще остается крайне затруднительным.

С.Л. Верховский

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В МАЛОМ И КРУПНОМ БИЗНЕСЕ

В статье предпринята попытка сравнительного анализа проблем формирования и развития позитивной организационной культуры на предприятиях малого и крупного бизнеса в современной России. На основе конкретных социологических исследований автор рассматривает разные факторы, влияющие на развитие организационной культуры, а также основные проблемы в области развития бизнеса в современной России, связанные с мотивацией труда.

Ключевые слова: организационная культура, малый бизнес, крупный бизнес, мотивация труда, трудовое поведение, факторы мотивации труда.

В настоящее время организационной культуре как фактору формирования экономически стабильных и эффективных предприятий придается большое значение. Проблемам формирования и развития организационной культуры в последние годы посвящено немало публикаций. В результате научных дискуссий определены источники, принципы формирования, структура, содержание организационной культуры, выявлены ее позитивные и негативные состояния и сформулированы многие другие теоретические и практические положения¹. Отечественный менеджмент в той или иной мере стремится использовать мировой опыт формирования и развития организационной культуры, а также рекомендации отечественных специалистов.

Вместе с тем, как показывает практика, попытки внедрения научных рекомендаций не всегда приносят желаемый результат. Речь идет о недостаточном учете в теоретических исследованиях существующих различий тех или иных видов организаций. Необходимо также учитывать разные исходные условия формирования и развития организационной культуры.

© Верховский С.Л., 2010

Организации, занимающиеся производством, наукой, торговлей, сферой услуг, могут отличаться друг от друга не только спецификой своей деятельности, но и формой организации труда, структурой и методами управления, а также размерами организационных структур. Все эти различия естественным образом отражаются в способах формирования, развития и функционирования организационной культуры, а также в ее содержании. При этом различия в организационной культуре крупного и малого бизнеса, на наш взгляд, являются весьма существенными.

Отличие конкретных форм организационной культуры в малом и крупном бизнесе в первую очередь определяется различием формальных и социально-психологических структур организаций. Во всех видах организаций имеются малые группы, но в малом бизнесе их функциональное значение является доминирующим. В крупном бизнесе, как правило, приоритет отдается большим группам. Большие и малые социальные группы различаются не только по количеству входящих в них членов, но и по качеству их взаимодействия. Одним из существенных признаков малой группы является непосредственность общения и взаимодействия (контактность) всех, входящих в нее членов². Высокая степень контактности индивидов в малом бизнесе создает условия для высокого уровня информационного обмена и взаимной координации деятельности. В этом, на наш взгляд, состоит позитивная специфика малого бизнеса в процессе формирования организационной культуры. Но с другой стороны, в относительно небольших трудовых коллективах роль индивидуальных характеристик сотрудников существенно выше, чем в больших. Поэтому роль индивидуальных различий работников в малом бизнесе существенно выше, чем в крупных организациях. Так, по мнению Н. Лумана, простейшие социальные системы образуются, прежде всего, благодаря взаимосогласованию, а не благодаря общим культурным нормам³.

Одним из следствий непосредственного общения работников малого бизнеса с социальной средой является их повышенная социальная мобильность. Она позволяет более независимо конструировать свою социальную среду, проявлять высокую избирательность своего социального положения. Непосредственность общения работников малого бизнеса с социальной средой, в частности, способствует более высокой организационной и экономической мобильности малого бизнеса, быстрому приспособлению предприятия к вызовам внешней среды. Однако повышенная мобильность отдельных работников в малом бизнесе способствует также и более высокой текучести кадров, которая негативно влияет на процесс формирования позитивной организационной культуры.

С целью исследования состояния организационной культуры и выявления причин повышенной текучести кадров на предприятиях малого бизнеса в июне-июле 2008 г. автором было проведено социологическое исследование. Опрос проводился в 10 кофейнях, входящих в сеть специализированных предприятий Москвы. Всего было опрошено 116 работников. Для проведения опроса были разработаны три социологические анкеты для трех специально выделенных категорий работников кофейен. В одну группу были включены менеджеры, в другую группу – официанты, бармены и повара, в третью – неквалифицированные работники: подсобные рабочие, мойщицы посуды, уборщицы и др. Все три анкеты включали в себя как общие для трех выделенных групп работников вопросы, так и специфические, учитывающие особенности содержания труда каждой из выделенных категорий работников. На всех этапах опроса использовалась случайная выборка.

В ходе исследования были выявлены следующие показатели текучести кадров: почти 42% персонала работает в фирме менее полугода, 18% менее года, 22% от года до двух лет и только 18% имеют стаж более двух лет. Стаж работы у менеджеров составляет в среднем 1,5 года. У поваров и официантов стаж работы около 8 месяцев. Еще меньше стаж работы у вспомогательных рабочих: грузчиков, мойщиц, уборщиц.

При такой высокой текучести кадров значительная часть работников исследуемых организаций выпадает из процесса социокультурной адаптации и социализации. Кроме того, частая смена работников в организации нередко способствует возникновению ситуаций «конфликта культур», в которых новички пытаются подвергнуть сомнению легитимность существующих в организации норм и ценностей.

Высокая контактность, присущая малым группам, способствует поддержанию высокого уровня информационного обмена, который постоянно поддерживается как по линии «подчиненный–подчиненный», так и по линии «руководитель–подчиненный». Формированием позитивной организационной культуры в малом бизнесе занимаются не специально выделенные для этого люди, а руководители низшего звена, находящиеся в непосредственном контакте с работниками. Делают они это прежде всего в силу своей личной заинтересованности в создании стабильных и эффективных рабочих групп. Такое непосредственное взаимодействие по линии «руководитель–подчиненный» может способствовать созданию благоприятного социально-психологического климата в коллективе.

В условиях повышенной текучести кадров в малом бизнесе его менеджменту приходится быть не только проводником общих

организационных интересов, но и воспитателем общей и организационной культуры работников, многим из которых приходится непосредственно контактировать с потребителями производимой продукции. Кроме того, любой руководитель низшего звена в малом бизнесе обладает значительно более высокой степенью свободы выбора, чем аналогичные руководители в структурах крупного бизнеса. Это объективное положение руководителя в малом бизнесе является весьма привлекательным для молодых специалистов, стремящихся к карьерному росту.

Повышенная социальная мобильность в малом бизнесе создает условия для быстрого должностного роста руководителей. В ходе исследования было выявлено, что для большинства менеджеров основным мотивирующим фактором работы в кофейне является перспектива должностного роста. И для этого в кофейнях имеются хорошие возможности. 90% опрошенных менеджеров за время работы имели должностной рост. При этом также 90% опрошенных положительно оценивают перспективу дальнейшего должностного роста. Но возможности карьерного роста в самих кофейнях весьма ограничены. Количество рабочих мест менеджеров в каждом исследуемом предприятии находится в пределах от 4 до 6 вакансий. Поэтому большинство работников этой категории также не связывают свою долгосрочную трудовую перспективу с работой в кофейне. Средний стаж работы менеджера, как уже говорилось, составляет 1,5 года.

Существенное значение также имеют различия в социально-психологических (коммуникативных) условиях деятельности работников в организациях малого и крупного бизнеса. Речь идет, в частности, о способах взаимодействия отдельных работников с внешней социальной средой. В больших организациях между работником и внешней средой есть еще один посредник – сравнительно большой по численности персонал предприятия, с которым отдельный работник находится в опосредованном социальном взаимодействии. В малом бизнесе, с одной стороны, доминирует микросреда как сфера взаимодействия личности и группы, а с другой стороны, работник, как правило, непосредственно взаимодействует с внешней социальной средой. Поэтому социокультурное влияние со стороны внешней среды на отдельного работника в малом бизнесе значительно выше, чем в крупном.

Анализ причин повышенной текучести кадров показал, что они не связаны с какими-либо конкретными негативными производственными или социально-психологическими условиями деятельности. Скорее наоборот, именно существующие условия работы в кофейнях привлекают соответствующий контингент работников.

Суть проблемы в том, что в исследуемых трудовых коллективах около 70% персонала составляют женщины. Это в основном молодые женщины в возрасте от 18 до 30 лет, а 75% из них – в возрасте от 18 до 24 лет. При этом работники с высшим полным и неполным образованием составляют 45% от всех работающих, 32% сотрудников кофеен являются студентами. Вероятно, режим работы, уровень оплаты труда и некоторые другие обстоятельства являются привлекательными для студентов и других категорий работников кофеен. Это с одной стороны.

С другой стороны, демографическая и образовательная специфика персонала кофеен свидетельствует о том, что на рынке труда города Москвы имеется значительный контингент трудоспособных граждан, для которых экономические факторы при устройстве на работу имеют второстепенное значение. Как показал опрос, большинство «временных» работников прежде всего решают такие жизненные задачи, как обучение в высшем учебном заведении или уход за ребенком. Поэтому в качестве основных факторов мотивации труда 75% опрошенных работников кофеен называли такие, как гибкий график труда и близость места жительства и места работы.

В целом исследуемые организации общественного питания характеризуются благоприятным социально-психологическим климатом, стремлением менеджмента сохранить каждого работника, независимо от его личных целей и задач, которые во многом не совпадают с интересами организации. Так, по данным проведенного исследования, большинство респондентов отмечает благоприятную атмосферу взаимоотношений в коллективах кофеен, 80–90% опрошенных отмечают, что рабочее время проходит в спокойной, деловой обстановке. Возникающее иногда нервное напряжение вызывается в основном самим процессом труда, а не взаимоотношениями персонала кофеен. Благоприятный психологический климат свойственен как взаимоотношениям по горизонтали, так и по вертикали.

Многие исследователи считают, что наиболее действенным фактором, способствующим созданию стабильного и эффективного трудового коллектива, является экономический, то есть в первую очередь заработная плата⁴. Однако результаты проведенных исследований показали, что экономический подход не в полной мере раскрывает многообразие факторов, влияющих на трудовое поведение и развитие организационной культуры в малом бизнесе. Так, только 25% работников из группы поваров, барменов и официантов в качестве основного фактора трудовой мотивации назвали размер оплаты труда. Большинство же из этих категорий

работников отдает приоритет таким факторам, как привлекательность режима работы и близость места работы от дома. Около половины опрошенных менеджеров выделили в качестве ведущего фактора мотивации своей трудовой деятельности перспективу должностного роста. Режим работы для них является вторым по значимости фактором, а оплата труда – третьим. Возможно, такая приоритетность трудовой мотивации менеджеров обусловлена тем, что около половины из них являются студентами вузов. При этом большинство работников кофейен высказывают свою неудовлетворенность размерами оплаты труда.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в условиях, когда возможности экономического стимулирования работников ограничены, на предприятиях малого бизнеса в большей мере возможно применение нематериального мотивирования сотрудников. Например, использование таких видов мотивирования, как обеспечение карьерного роста сотрудников, гибкий график рабочего времени, индивидуальный подход к планированию отпуска, предоставление работникам дополнительных дней отдыха и др.⁵

Следующее существенное различие между малым и крупным бизнесом заключается в самих принципах и механизмах формирования и развития организационной культуры. Так, по мнению Ж.Т. Тощенко, существует два основных подхода к анализу состояния и методов формирования организационной (корпоративной) культуры: рационально-прагматический и феноменологический⁶. Первый подход воспринимает организационную культуру как рационально выстроенную подсистему, ориентирующую работников на достижение корпоративных целей организации. В соответствии с рационально-прагматическим подходом основу организационной культуры составляют общие организационные нормы и ценности, которые формируются исходя из целей и задач организации. Второй, феноменологический, подход рассматривает организационную культуру как систему ценностей и представлений, позволяющих членам организации интерпретировать и конструировать ситуацию и задавать рамки своего индивидуального поведения⁷.

Для крупных предприятий в наибольшей степени применим рационально-прагматический подход к формированию и развитию организационной культуры. А для предприятий малого бизнеса более приемлемым является феноменологический подход, который в большей степени способствует развитию самоуправления организации и самореализации отдельных работников.

- ¹ *Асаул А.Н., Асаул М.А., Ерофеев П.Ю., Ерофеев М.П.* Культура организации. Проблемы формирования и управления. М.: Гуманистика, 2006; *Гэлэгер Р.* Душа организации. М.: Хорошая книга, 2006; *Грошев И.В., Емельянов П.В., Юрьев В.П.* Организационная культура. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
- ² *Роберт М.А., Титман Ф.* Психология индивида и группы. М., 1988.
- ³ Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. С. 165.
- ⁴ См.: *Гурьев С.М.* Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность.* 2008. № 3; *Петросян Д.С., Фаткина Н.Л.* «Экономический империализм» и метатеория управления поведением человека // *Общественные науки и современность.* 2009. № 1.
- ⁵ *Васильева Н.* Нематериальная мотивация сотрудников // *Корпоративная культура.* 2008. № 3. С. 18.
- ⁶ *Тощенко Ж.Т.* Социология труда: Учеб. для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 331.
- ⁷ Там же. С. 332–334.

Л.В. Семенова

КОММУНАЛЬНАЯ СФЕРА В РОССИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается взаимодействие власти и бизнеса в коммунальной сфере на основе институтов государственно-частного / муниципально-частного партнерства. Приводятся некоторые модели таких партнерств в коммунальной сфере РФ, даны примеры из мирового опыта. Делается вывод, что одна из причин медленного развития партнерства власти и бизнеса в коммунальной сфере в России заключается в низкой вовлеченности институтов гражданского общества в такие процессы. Автор считает, что эффективность государственно-частного / муниципально-частного партнерства напрямую зависит от становления институтов гражданского общества в России.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, партнерство, коммунальная сфера.

Предприятия коммунального комплекса являются крупнейшими производителями ресурсов (воды, газа, тепла, электричества) в городах и населенных пунктах, они обладают устойчивым рынком сбыта продукции и значительными потоками коммунальных платежей, их товары и услуги всегда востребованы населением.

Объекты коммунальной инфраструктуры являются социально важными. В соответствии с Федеральным законом РФ от 6.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» ответственность за организацию коммунальных ресурсов несут местные органы власти.

Долгое время объекты коммунальных комплексов городов и населенных пунктов не модернизировались, сегодня их состояние характеризуется высокой степенью изношенности. Наиболее остро стоит задача замены оборудования, сетей и систем тепло-,

© Семенова Л.В., 2010

водоснабжения и канализации, которые находятся в собственности органов местного самоуправления (ОМС).

Потребность в развитии и модернизации коммунальной инфраструктуры в настоящее время чрезвычайно высока. Органам местного самоуправления необходимо обеспечить эффективное управление организациями коммунальных комплексов, в том числе – проведение своевременной диагностики состояния сетей и инженерного оборудования, применения новых технологий. Однако ОМС не могут сегодня самостоятельно справиться с решением этих задач.

Одним из наиболее эффективных путей решения проблем в коммунальной сфере является привлечение частного сектора для выполнения обязательств ОМС. В мировой практике широко распространено участие бизнеса в тех сферах, где ответственность несут государство и / или местное самоуправление, которые, однако, не могут самостоятельно выполнить свои обязательства перед обществом в силу различных обстоятельств, таких как, например, дефицит бюджетов, бюрократические процедуры согласования принимаемых решений, недостаточная квалификация и пр. Такое взаимодействие с частным бизнесом в мировой практике получило название Public Private Partnership (PPP), которое в РФ переводится в основном как государственно-частное партнерство (ГЧП).

Известно, что в РФ коммунальная сфера относится к компетенции органов местного самоуправления (ОМС), которые, согласно Конституции РФ, не входят в систему органов государственной власти. Поэтому на практике может реализовываться партнерство органов местного самоуправления или унитарных предприятий с компаниями частного бизнеса. В этих случаях следует говорить не о государственно-частном партнерстве, а о муниципально-частном партнерстве.

При реализации проектов в коммунальной сфере должен заключаться договор, между ОМС / унитарным предприятием и частным бизнесом, определяющий права и обязанности сторон партнерства. Такой договор является, по сути, договором поставки / продажи потребителям (например, управляющим многоквартирными домами) товаров (коммунальных ресурсов) или предоставления услуг (например, энергосбытовых), на условиях, согласованных в договоре.

Очевидно, что партнерство власти и частного сектора в коммунальной сфере является эффективным способом модернизации важных объектов коммунальной инфраструктуры, способным обеспечить привлечение частных инвестиций в эту сферу, снижение издержек, ресурсосбережение и повышение энергоэффективности. Органам местного самоуправления предоставляется возможность развития инфраструктуры ускоренными темпами, при-

влечения не только финансовых средств, но и профессионального опыта частных операторов.

Инициатором проектов в коммунальной сфере могут выступать как органы местного самоуправления / унитарные предприятия, так и частный бизнес, так как всем сторонам проекты выгодны, они заинтересованы в их успешном осуществлении. Но следует помнить, что для привлечения частного сектора в коммунальную сферу требуется, прежде всего, создание благоприятных условий, то есть определенный набор преференций – снижение налогов, гарантии получения прибыли и возврата инвестиций и др.

В то же время необходимо понимать, что такое партнерство для бизнеса – это не социальная ответственность и не благотворительность. Бизнес идет в эти проекты ради получения прибыли. Поэтому задача местных органов власти – обеспечивать строгий контроль деятельности частных операторов, следить за сохранностью муниципального имущества, передаваемого в управление, обеспечивать лишь обоснованное повышение тарифов, защищать интересы потребителей путем контроля качества товаров и услуг.

Вместе с тем есть веские основания предположить возможное лоббирование некоторых крупных проектов со стороны бизнес-групп, злоупотребления и нетранспарентность процессов в этой сфере, что очевидно противоречит интересам населения. В связи с этим представляется необходимым общественный контроль, который может реализовываться посредством институтов гражданского общества.

В последние годы федеральными и региональными правительствами были сделаны определенные попытки для привлечения частного сектора в различные сферы экономики, в том числе в коммунальную сферу. В частности, был принят Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», создан Инвестиционный фонд РФ, разработан ряд региональных законов – «Об основах государственно-частного партнерства в Томской области», «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» и др. Однако широкого распространения участие частного сектора в управлении организациями коммунальных комплексов еще не получило.

Одна из причин медленного развития партнерства власти и бизнеса в коммунальной сфере заключается в том, что со стороны государства / местных органов власти не проводится широкое обсуждение возможных проектов партнерства с институтами гражданского общества, а следовательно, не учитываются мнения различных групп населения. В некоторых странах, например в Швейцарии, важные решения, которые затрагивают общественные интересы, постоянно выносятся на референдум.

Другая причина недостаточного развития институтов государственно-частного / муниципально-частного партнерства в РФ состоит в том, что на многих уровнях власти сегодня делается ставка на реализацию известной, но наиболее сложной в организации модели партнерства с бизнесом – модели концессионных соглашений. Например, в Федеральном законе от 21.07.2007 № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию ЖКХ» (далее – Фонд) говорится: «Фонд предоставляет финансовую поддержку за счет своих средств при условии деятельности на территории муниципального образования (территориях субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга), претендующего на предоставление финансовой поддержки за счет средств Фонда, коммерческих организаций коммунального комплекса с долей участия в уставном капитале субъектов Российской Федерации и (или) муниципальных образований не более чем двадцать пять процентов, осуществляющих производство товаров, оказание услуг по электро-, газо-, тепло-, водоснабжению, водоотведению, очистке сточных вод и эксплуатацию объектов, используемых для утилизации (захоронения) твердых бытовых отходов, если использование такими организациями объектов коммунальной инфраструктуры осуществляется на праве частной собственности, по договору аренды или концессионному соглашению».

Федеральный закон «О концессионных соглашениях» вступил в силу четыре года назад, но данная форма пока не находит широкого применения в коммунальной сфере, в регионах заключены только единичные концессионные соглашения. К сожалению, автору не представляется возможным проанализировать условия этих договоров, но, возможно, что такие договоры концессии являются лишь демонстрацией псевдоусилий чиновников по исполнению закона №185-ФЗ, и, возможно, они несут в себе значительную коррупционную составляющую. Защитой институтов государственно-частного / муниципально-частного партнерства от таких псевдоусилий может стать активная деятельность институтов гражданского общества, способных защитить интересы населения.

В мировой практике имеется большой опыт по реализации проектов в коммунальной сфере на основе концессий. Однако анализ этой практики не дает оснований делать однозначный вывод о целесообразности повсеместного заключения концессионных соглашений – здесь известно множество как успешных, так и неудачных (прекращенных) проектов.

Наиболее крупные успешные проекты в коммунальной сфере:

1. Австралия, 1993 г., концессия на водоснабжение в г. Сидней с численностью населения 3,5 млн чел., концессионер – «Австралиан Уотер Сервисиз», срок концессии – 25 лет.

2. КНР, 1999 г., концессия на водоснабжение в г. Шенгду с численностью населения 3,5 млн чел., концессионер – консорциум «Вивенди-Марубени», срок концессии – 18 лет.

3. Колумбия, 1999 г., концессия на водоснабжение и канализацию в г. Монтериа с населением примерно 300 тыс. чел., концессионер – консорциум FCC (частично принадлежащий крупнейшему в мире оператору в сфере ЖКХ французскому конгломерату «Вивенди»), срок концессии – 20 лет.

4. Венгрия, 1997 г., делегированное управление канализацией г. Будапешт, обслуживаемое население – около 2 млн чел., контрактор – «Вивенди», срок контракта – 25 лет.

5. Болгария, 2000 г., София, водоснабжение и канализация, обслуживаемое население – 1,2 млн чел., концессионер – «Софийская вода АД» (75% акций принадлежит International Water, США), срок концессии – 25 лет.

Представляют интерес также статистические данные проектов ГЧП в секторе водоснабжения и канализации в мировой практике.

Таблица 1

Мировой опыт ГЧП в секторе водоснабжения и канализации (1990–2007 гг.)

Число стран, применяющих ГЧП	60
Число заключенных контрактов	584
Общий объем инвестиций, млрд долл.	56,5
Доминирующая модель ГЧП:	
по объему инвестиций	Концессия (68%)
по числу проектов	Концессия (40%)
Прекращенные или значительно видоизмененные в процессе осуществления проекты:	
число	53 (9% от общего числа)
объем инвестиций, млрд долл.	16,4 (29% от общего объема инвестиций)
<i>Источник:</i> Всемирный банк, расчеты автора	

При подготовке концессионных соглашений следует помнить о том, что мировой опыт показывает: примерно каждый десятый проект в секторе водоснабжения и канализации был прекращен или значительно видоизменен по разным причинам. Прекращенными оказались самые крупные и дорогостоящие проекты. Наиболее показательным примером в этом плане является концессия в области водоснабжения г. Атланта (США). Этот один из самых успешно начавшихся в 1990-е гг. проектов был прерван со скандалом

в 2003 г. Главными причинами стали разногласия между концессионером и муниципалитетом по вопросу размера бюджетных субсидий, а также ошибки на стадии ТЭО при оценке состояния инженерных коммуникаций. Аналогичные ситуации вполне могут возникать и в российских условиях. Органы местного самоуправления должны иметь самую достоверную информацию о возможностях населения по оплате коммунальных услуг и величине бюджетных дотаций, необходимых каждому домохозяйству в соответствии с федеральными нормами.

В коммунальной сфере в России пока наиболее распространенной формой партнерства ОМС / унитарных предприятий и частного сектора в коммунальной сфере в настоящее время является договор аренды. Механизм арендных отношений давно используется, он закреплен в российском законодательстве и опирается на большое количество подзаконных нормативных актов. Есть опыт реализованных проектов, а также судебных рассмотрений дел, что позволяет учитывать определенные нюансы договорных отношений и адаптировать нормативно-правовую базу под новые проекты.

Кроме того, сегодня уже видны некоторые негативные моменты данной модели партнерства в РФ – настораживает нарушение конкурсных процедур при выборе частных операторов. С 2008 г. обязательным условием передачи объектов коммунальной инфраструктуры в аренду является проведение конкурса или аукциона. Такое решение было принято Федеральной антимонопольной службой РФ в целях развития конкуренции за право доступа на рынок управления коммунальным хозяйством. В апреле 2008 г. Федеральные антимонопольные службы главам регионов и муниципалитетов были разосланы письмо и методические рекомендации по проведению конкурса. В Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» также были внесены соответствующие изменения (ст. 171, п. 1).

Есть примеры, когда договор аренды был расторгнут по решению суда, причина – нарушение законодательства при проведении конкурсов. Одним из наиболее громких дел стало расторжение договора аренды в г. Волгограде. Нарушение выразилось в передаче Администрацией Волгограда в аренду одним лотом двух имущественных комплексов, предназначенных для осуществления разных видов деятельности и на разных рынках. Также в конкурсной документации ошибочно был установлен период подачи заявок на участие в конкурсе, что не позволило широкому кругу претендентов принять в нем участие. Кроме того, администрация Волгограда нарушила порядок определения победителя конкурса, а также ограничила доступ к участию в торгах¹.

Общественный контроль конкурсных процедур при выборе операторов коммунальной инфраструктуры – поле для работы институтов гражданского общества и возможность предотвращения многих коллизий при организации партнерства власти и бизнеса.

Недостатки рассмотренных выше моделей не являются основанием для отказа от использования идей институтов государственно-частного / муниципально-частного партнерства. Заслуживает внимания успешный опыт реализации в российском коммунальном секторе отдельных проектов партнерства власти и частного сектора по модели ВООТ, где нет передачи муниципальной собственности в управление частному партнеру, но предполагается строительство частным партнером тех или иных объектов с «нуля».

ВООТ (Build–Own–Operate–Transfer) «Строительство–владение–эксплуатация / управление–передача» – это модель партнерства, в которой частный сектор осуществляет инвестиции в строительство того или иного объекта в какой-либо коммунальной системе. Далее частная фирма владеет и управляет этим объектом в течение периода (срока, достаточного для окупаемости вложенных средств и получения прибыли), оговоренного в договоре, по истечении которого объект может передаваться в собственность ОМС.

Значительный опыт проектов по модели ВООТ накоплен в Москве:

- строительство станции очистки сточных вод в Южном Бутово;
- расширение очистных сооружений в г. Зеленограде;
- сооружение Юго-Западной водопроводной станции;
- реконструкция и эксплуатация мусоросжигательного завода

№ 3.

Аналогичные проекты, по мнению автора, могут успешно реализовываться во всех регионах страны. Они должны активно обсуждаться не только в профессиональной среде, но и в обществе, в среде жилищных ассоциаций, ассоциаций ТСЖ и других объединений, для которых важны задачи развития коммунальной инфраструктуры, задачи ограничения темпов роста тарифов на коммунальные ресурсы. Институты гражданского общества могут и должны играть значительную роль в распространении положительного опыта и возможностей практической организации партнерств власти и бизнеса как альтернативы постоянным жалобам администраторов различного уровня на дефицит бюджетов.

Модель ВООТ эффективна, достаточно просто применима на практике и может быть рекомендована для повсеместного использования в коммунальной сфере России.

Основные выводы

Очевидно, что партнерство власти и бизнеса может выступать эффективным методом решения социально важных проблем, в том числе в коммунальной сфере. Успешная реализация партнерских проектов и их широкое практическое применение зависят не только от законодательных решений, политической воли руководителей на местах и гарантий для бизнеса, но и от степени вовлеченности в этот процесс институтов гражданского общества.

В РФ уже есть успешная практика реализации проектов. Сегодня необходимо ее продолжать и развивать. Возможно, наиболее успешными могут быть небольшие проекты, которые под силу не только крупным городам, но и райцентрам даже при их партнерстве с частными структурами, еще не имеющими значительного опыта реализации проектов в коммунальной сфере. Сегодня, к сожалению, еще весьма ограничено участие населения в принятии решений о развитии городских территорий, но в перспективе оно может осуществляться через институты гражданского общества, задача которых будет не только контролировать реализацию проектов, но и выступать их инициатором.

Институты гражданского общества могли бы также осуществлять контроль качества коммунальных ресурсов и услуг, оказывая тем самым существенную поддержку ТСЖ, кооперативам и другим объединениям собственников жилой недвижимости.

Тема партнерства власти и бизнеса вполне может стать важным и понятным пунктом предвыборных программ политических партий, кандидатов, баллотирующихся в законодательные собрания регионов и на должности глав муниципальных образований. В таких программах могут предлагаться конкретные механизмы для решения социально значимых и понятных электорату на каждой территории проблем на основе институтов государственно-частного / муниципально-частного партнерства. Знание данной проблематики и понимание важности таких проектов обществом гарантирует поддержку кандидатам.

Таким образом, развитие партнерства между государством / ОМС и бизнесом в России напрямую зависит от становления институтов гражданского общества и их способностей влиять на принятие важнейших общественно-политических решений.

Примечание

¹ Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы (ФАС). URL: http://www.fas.gov.ru/news/n_21778.shtml (дата обращения: 15.08.2009).

ИНСТИТУТ ОТЦОВСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПОЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье предпринята попытка наметить спектр перспективных направлений социологических исследований отцовства. Рассматриваются юридические аспекты отцовства в РФ и с позиции социолога описываются основные проблемы, с которыми сталкиваются отцы при воспитании детей, будучи отлученными от них после развода родителей. Автор обращает внимание на роль отца в современной семье, особенно выделяя важность участия отца в процессе воспитания и социализации как мальчиков, так и девочек. Суждения автора основаны на сведениях о практике правоприменения и результатах собственного социологического исследования.

Ключевые слова: отцовство, социальная роль отца, социальные практики отцовства.

Юридические аспекты отцовства

В основном законе страны (Конституции Российской Федерации) в статье 38 говорится: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях – равное право и обязанность родителей»¹. Здесь об отцовстве как отдельно существующем явлении нет ни слова, зато институт отцовства отражается в Семейном кодексе Российской Федерации (ст. 1), который также утверждает равенство прав отца и матери: «Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права)» (ст. 61)². Но несмотря на это сложившаяся практика правоприменения в отношении родителей не просто асимметрична, она утверждает преимущество женщин-матерей во всех его аспектах. Самым ярким примером этого является то, что при разводе 98% детей *автоматически* передаются матери.

В других странах отцов ценят выше – им передают детей для постоянного проживания и воспитания в 15–30% случаев. Послеразводное законодательство в развитых западных странах предусматривает также такое практически не известное в России явление, как совместная опека. Данные исследований подтверждают, что такой режим оказывает положительное влияние на выплату алиментов³, проблемой невыплаты которых недавно наконец озаботились российские власти. Между тем проблему эту невозможно решить только силовыми и репрессивными методами, что практикуется в Российской Федерации.

Роль отца в семье

В повседневной жизни семьи роли отцов и матерей неравнозначны. Вряд ли целесообразно ориентироваться на полную симметричность или взаимозаменяемость социальных ролей мужчин и женщин в современном обществе, но и не замечать однобокого отношения к отцам уже невозможно. «Функции воспитания детей по-прежнему переданы матерям, а мужчин либо вообще нет в семье, либо они рассматриваются лишь как кормильцы. При разводе судьи в подавляющем большинстве случаев отдают детей под опеку матери, не задумываясь о конкретных ситуациях, пренебрегая родительскими чувствами и способностями отца как воспитателя ребенка, руководствуясь распространенной в массовом сознании идеей безусловного инстинкта материнской заботы. Редко кто говорит об инстинкте отцовства», – отмечает С. Айвазова, главный научный сотрудник Института социологии РАН⁴. Социальный стереотип соответствует индустриальной и доиндустриальной эпохам, в то время как жизнь значительной части населения, в первую очередь работников умственного труда, давно уже претерпела существенные изменения.

У мужчин появилась возможность распределять свою физическую (и нервную) нагрузку так, чтобы не просто проводить больше времени дома, но и качественно по-другому участвовать в жизни собственной семьи. Женщины же давно получили право полноценно и разнообразно участвовать в жизни общества – работать, строить карьеру и т. д. Однако если наше общество было готово к индустриализации и научилось позитивно оценивать социальную активность женщин вне семьи, то до принятия ценностей следующего этапа развития общество еще не дозрело.

Феминизация общества начинается в семье с размывания у детей представлений о роли отца и мужа и отсутствия соответствующих позитивных образцов поведения и навыков, которые

традиционно считаются мужскими. С одной стороны, женщины вынуждены воспроизводить в своей жизни мужские функции и неизбежно приобретать мужские черты характера, с другой стороны, обыденные традиции не отводят мужчине достойного места в семейном быту. Семья же, в которой функции жизнеобеспечения занимают лишь часть времени, но не все совместное времяпрепровождение, может и должна вырабатывать свои ценности, свои нормы и правила оценки семейного поведения. Именно в этом и состоит суть сложностей семейного процесса определения ролей. Новые (внутрисемейные) навыки отца оцениваются не через призму совместно выработанных оценок, а по традиционному женским критериям, по его достижениям в той деятельности, которой он раньше не занимался и к которой его не готовили, что само по себе атавизм. Не случайно отец, много зарабатывающий вне дома и не участвующий в повседневной жизни семьи, по-прежнему может с большей вероятностью претендовать на роль успешного и авторитетного.

Традиционная семья – патриархальная, авторитарная, где авторитет родителей не обсуждается, а весь жизненный уклад социума только его укрепляет; роли девочек и мальчиков воспроизводятся в ней неизменным образом. Разводы – событие исключительно редкое. Ни традиционного уклада, ни традиционной семьи в чистом виде в России уже нет. Современная семья требует авторитетности родителей, и обсуждения в ней допускаются и приветствуются. Проблема авторитета отца затрагивает непосредственно воспитание и жизнь как мальчиков (будущих мужчин), так и девочек (будущих женщин). Матери проще в современной семье сохранить авторитет у детей, поскольку все-таки проблема материального обеспечения семьи и сейчас решается в основном отцом (при его наличии, конечно), а мать чаще находится дома и принимает постоянное участие в жизни детей. Даже работающая мать не теряет традиционной роли женщины в семье. С отцовским авторитетом дело обстоит сложнее. Речь идет не о том, что мужчина «должен уметь сам забить гвоздь» – продемонстрировать свою маскулинность, а о том, что авторитет отца строится матерью ребенка. Конечно, необходимы желания и усилия самого отца, но без ее активных усилий не будут дети ценить папу – ни «большого начальника», ни простого инженера, ни капитана дальнего плавания.

Исследования, проведенные в европейских странах, показали, что удовольствие, получаемое отцом от работы, коррелирует с тем, считает ли он положительным или отрицательным отношение коллег к его родительским обязанностям⁵. При этом мужчины из более высоких социальных слоев считают отношение коллег

к своим отцовским обязанностям более положительным, они также считают допустимым в глазах коллег опоздать или уйти пораньше из-за проблем, связанных с ребенком, а также привести ребенка с собой на работу. «Новый отец» постиндустриальной эпохи не только зарабатывает деньги на содержание семьи, но и сам ухаживает за детьми и активно интересуется их проблемами. Такие отцы появились и у нас в стране. Другое дело, что пока этот тип «ответственного отца» не получил поддержки в российском обществе в связи с распространенностью стереотипа, что «не мужское это дело – с детьми нянчиться». Да и работодатели не в восторге. О том, чтобы предоставить работнику свободный или сокращенный график в связи с семейными обязанностями, и речи не идет. Любопытно, что при этом факт рождения ребенка у мужчины оценивается руководством положительно. «Отец – это мужчина с другим отношением к работе. Наличие более высокого уровня обязательств перед семьей трансформируется в повышенную ответственность перед компанией, – считает специалист департамента политического консультирования ЦКТ «ПРОПАГАНДА» Николай Сапронов. – Он в большей степени дорожит своей работой, более активно ориентируется на положительную оценку результатов собственной деятельности»⁶.

С обыденной и распространенной в российском обществе точкой зрения, что отец нужен, скорее, мальчику, а девочка ближе к матери (соответственно, вполне может без общения с отцом обойтись), коренным образом не согласны психологи. Согласно современным представлениям специалистов-психологов, отец играет важнейшую роль в жизни ребенка независимо от его пола. Женский тип поведения формируется во взаимодействии с мужским типом, то есть для девочки – с отцом. Вероятно, в этом корень проблем многих женщин, не умеющих наладить отношения с мужчинами во вполне зрелом возрасте: разводятся и не создают новых семей примерно 2/3 женщин, выросших в неполной семье.

Эрих Фромм так объяснял значение отцовской любви в жизни ребенка: «Любовь матери – основная: ребенок почти никогда не рискует получить отказ в очередной порции тепла и ласки. Любовь же отца условна. До встречи с требованиями человеческого сообщества ребенок сталкивается с требованиями отца, и в случае их неисполнения может лишиться ощутимой части заботы и внимания. Отец в значительной мере является фигурой, в раннем детстве ребенка замещающей общество. Ребенок усваивает моральные установки отца, выраженные в ультимативной форме (заслушанием неотвратимо следует наказание). Постепенно требования отца становятся требованиями ребенка к самому себе. А потом, когда

отца рядом нет, отношения с обществом выстраиваются по образцу отношений с отцом»⁷.

Отсутствие отца сопряжено с неизбежным нарушением процесса воспитания и социализации ребенка. И.С. Кон утверждал, что у детей, растущих без отца, часто понижен уровень притязаний; у них, особенно у мальчиков, выше уровень тревожности, чаще встречаются невротические симптомы; мальчики в неполных семьях с трудом общаются как со сверстниками, так и со старшими, отсутствие мужчины в семье отрицательно сказывается и на успеваемости, и на самоуважении детей, они хуже усваивают мужские и женские роли и соответствующий стиль поведения. Соответственно, «вопреки мнению о незначительности отцовской роли, психологические исследования показывают, что наличие отцовской заботы положительно сказывается на психических качествах детей. Отец играет в семье не одну, а множество разных ролей, и его успех зависит от меры его успешности в каждой из них»⁸.

Снижение отцовского авторитета в семье вполне соотносится с государственной семейной политикой, где большинство пособий на детей получают женщины. Государство, помогая семье, в первую очередь, имеет в виду структуру «мать–ребенок» («мать–дети»), а не на «семья–дети». Система налоговых льгот по зарплате отца учитывает наличие у него детей лишь относительно, таким образом, его традиционная роль основного кормильца принижена, и адекватной замены этому еще не создано. Зато в современном обществе присутствует и распространяется тип женщины, умышленно выбирающей жизнь без мужа, но имеющей детей.

Знают ли социологи, сколько семей типа «мать–ребенок» создано сознательно руками женщин, которые сочли данную структуру единственно приемлемой, и сколько социальных и психологических проблем из-за этого возникло?

Институт отцовства и реализующие его практики – необходимые элементы гендерного порядка, соотношения мужских и женских ролей и деятельностей. Отцовство – одна из главных мужских идентичностей. Что значит отцовство для мужчины и как оно влияет на его субъективное благополучие, причем не вообще, а на разных стадиях жизненного пути? Это тоже одна из малоисследованных проблем.

Участие отца в жизни ребенка

На основе данных поискового исследования автор попытался выделить *типы отцов* (в соотношении с их вкладом в содержание детей и степенью участия в жизни ребенка).

В полной семье с детьми, где есть мама и папа, можно обозначить следующие типы отцов.

«Активный отец» – участвует в воспитании ребенка наравне с матерью, всем интересуется. Принимает участие в повседневной жизни детей, по себе знает, что такое устроить ребенка в детсад, записаться и попасть на прием к врачу и т. п. Глядя на такого отца, удивляешься, как ему хватает времени на зарабатывание денег, чтобы обеспечивать семью.

«Осведомленный отец» – в курсе того, как себя чувствуют и как учатся дети, принимает решения относительно жизни детей вместе или вместо матери, но не обременяет себя повседневными обязанностями. В эту группу часто попадают слишком занятые работой отцы – как трудящиеся в офисах, так и работающие дома в своем кабинете.

«Присутствующий отец» – живет в семье, но не имеет авторитета у детей и, как правило, у жены тоже. С его мнением часто никто не считается, если он даже пожелает его высказать. Подобный тип складывается чаще всего из-за самоустранения отца от процесса выращивания и воспитания детей.

«Уникальный отец» – тип, встречающийся крайне редко: растящий детей вместо жены или без жены, обладающий такими знаниями и навыками, которые позволяют ему и с детьми справляться, и работать.

Отец и ребенок после развода

В российском обществе сложилась устойчивая практика передачи детей (даже если их несколько) матери после развода и последующего вытеснения отца из их жизни. Как сложатся дальнейшие отношения родных людей, зависит прежде всего от матери и – в значительно меньшей степени – от желания отца видеть ребенка и участвовать в его воспитании. Все отцы в послеразводной ситуации неравномерно распределяются по следующим группам.

«Отвергнутый отец». Результат того, что обиженная бывшая жена пытается полностью устранить отца из жизни их общего ребенка. В эту категорию попадают и авторитетные отцы, ранее принимающие активное участие в воспитании детей. Даже если активные и любящие детей отцы получают через суд «разрешение видиться с ребенком по соглашению с матерью» и мать обяжут «не препятствовать встречам отца с ребенком»⁹, выполнение этих решений никто не контролирует. Мать имеет полную возможность манипулировать ребенком. Органы опеки всегда принимают сторону матери, поскольку работают в них в основном женщины.

«Ограниченный в правах». Отцу разрешено видеться с ребенком в строго оговоренное время, чаще всего выбранное матерью, и он использует эту возможность, зачастую пренебрегая своими интересами (или интересами новой семьи), лишь бы не потерять контакта с ребенком.

«Счастливый». Отец, который сохраняет хорошие конструктивные отношения с матерью ребенка и имеет возможность с ней договариваться о том, когда он будет видеться с ребенком, на сколько дней он его возьмет, не ущемляя при этом своих интересов в угоду интересам матери ребенка.

«Пропавший» – пропадает сам, прекращая всякие контакты с детьми. Если не рассматривать асоциальных личностей, то это чаще всего это те отцы, чьи отношения с матерями детей не сложились в процессе брака или брак был вынужденным, в том числе связан с рождением того самого ребенка.

Пагубные последствия, к которым приводит изоляция ребенка от отца, в большинстве случаев необратимы хотя бы в силу тотальной феминизации воспитательных практик. За пределами семьи детей воспитывают почти исключительно женщины – в детском саду, в школе, в других детских учреждениях, поэтому лишение ребенка всего того, что может дать ему его родной отец, нечем компенсировать. И хорошо еще, если у ребенка есть «заменяющий взрослый» – дедушка, учитель, тренер. Но зачастую ребенок растет в полном женском окружении.

Суть этой проблемы отцовства при разводе заключается не в том, что отцы оставляют семью и детей (и надо обязательно вернуть отцов в семье), а прежде всего в том, что очень многим из них, любящим своих детей, не дают возможности быть отцами, что особенно несправедливо по отношению к отцам, если развод инициирует мать ребенка.

Любой судья скажет, что нет юридического основания для того, чтобы ограничить материнские права. Однако юридических оснований для ограничений прав отца также не существует, но этот факт не учитывается сложившейся практикой: презумпция недоверия к отцу, наряду с презумпцией доверия к матери, действует по умолчанию во всех случаях. Поэтому можно предположить, что популяция отцов, не желающих отвечать за ребенка, выращена руками женщин, сначала не усвоивших образцов женского семейного поведения, а впоследствии перенесших свои негативные эмоции в практическое русло социально приемлемым образом.

Мнение отцов о послеразводной ситуации
(по материалам глубинных интервью автора)

В данной статье автор опирается на мнение разведенных отцов, готовых активно участвовать в судьбе ребенка, но лишенных этой возможности.

В той или иной степени все отцы отмечали:

– тенденциозность в поведении судьи в бракоразводном процессе и вытекающее из него неравенство возможностей матери и отца в воспитании ребенка;

– невозможность (или минимум возможности) встреч с ребенком в удобное время в комфортной для ребенка и отца обстановке;

– неожиданное поведение близких родственников, в том числе со своей стороны, в послеразводных отношениях с ребенком.

Отцы, не сохранившие хороших отношений с матерью ребенка, наблюдали у него:

– сохраняющуюся потребность в общении с отцом (на специфические «отцовские» темы, особым образом), дефицит которого никто не может восполнить;

– нарастающий со временем негативизм в восприятии отца (выражающийся как в стремлении высказывать мнение об отцовском поведении, так и выражающийся в дистанцировании от отца при общении);

– появление несвойственных ему ранее реакций, повлиять на которые отец уже не в силах.

Даже при наличии контакта с ребенком отцы отмечали у себя:

– снижение остроты восприятия неприятностей бракоразводного процесса со временем;

– одновременно возрастающее ощущение того, что в воспитании ребенка что-то упускается, безвозвратно теряется.

Именно на качественные аспекты депривации обращали в первую очередь внимание отцы. Количественные аспекты – сколько часов общения с ребенком в неделю им отводилось, сколько денег с них требовали и т. д. – оставались на периферии сознательного отношения к разводу и его последствиям. Таким образом, «активные» отцы оставались отцами и после искусственного разделения семьи и невозможность выполнять свою отцовскую роль воспринимали достаточно остро.

Автор статьи не разделяет мнения о кризисе отцовства, если иметь в виду социально-психологическое явление. Речь может идти о кризисе отцовства в России как социальном институте, потому что средства массовой коммуникации формируют негативное общественное мнение, а правовые практики закрепляют

И.О. Шевченко

неравенство отца. Между тем уже и в России появилось немало общественных организаций, поддерживающих и продвигающих идею «ответственного отцовства». Таким образом, кризис отцовства можно рассматривать и как аспект кризиса института семьи в целом.

Примечания

- 1 Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2008. С. 15.
- 2 Семейный кодекс Российской Федерации от 08.12.1995 (№ 223-ФЗ). М.: Юридическое образование, 1996. С. 3, 31.
- 3 *Гурко Т.А.* Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 238–239.
- 4 *Айвазова С.* Отцы и дети // Сайт газеты «Известия». [М., 10.01.2007]. URL: <http://www.izvestia.ru/comment/article3100015/> (дата обращения: 11.03.2009).
- 5 *Арчакова Т.О.* Современное отцовство: баланс между работой и семьей [Электронный ресурс] // Портал психологических изданий «PsyJournals.ru». URL: <http://psyjournals.ru/articles/d6317.shtml> (дата обращения: 05.08.2009).
- 6 Отцовство – двигатель карьеры [Электронный ресурс] // Сайт Института проблем предпринимательства. [М., 31.08.2008]. URL: <http://www.iprnoi.ru/article.php?idarticle=001662> (дата обращения: 17.02.2009).
- 7 *Фромм Э.* Искусство любви. Минск, 2000. С. 46–48.
- 8 *Кон И.С.* Отцовство // Сайт онлайн-энциклопедии «Кругосвет». [М., 2009]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/psihologiya_i_pedagogika/ottsovstvo.html (дата обращения: 06.08.2009).
- 9 Цитаты из реального документа: Решения суда по делу «Об участии отца в воспитании ребенка» // Архив автора.

В.И. Горбачева

РЕАКЦИЯ МАТЕРЕЙ НА МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ ДОЧЕРЕЙ

В статье рассматриваются установки и ценности в области семейных отношений в контексте отношений между родителями и детьми. На основе авторского исследования, проведенного методом неформализованного интервью, автор рассматривает основные тенденции в матримониальных отношениях последних десятилетий, выявляет межпоколенческие противоречия и их причины.

Ключевые слова: семья, брак, семейные ценности, матримониальные ориентации.

В современных исследовательских проектах активно изучаются детско-родительские отношения. Опрашиваются молодые люди, осваивающие родительские обязанности, подростки и их родители, поскольку высокий уровень конфликтности межличностного взаимодействия заставляет искать пути корректировки ситуации. Изучается отцовство, приемное родительство. Но нам представляется важным проанализировать позиции матерей выросших дочерей в условиях выбора последними брачного партнера.

Любые изменения в количественном составе семьи неизбежно приводят к стрессу всех ее членов. Учитывая, что связь «мать–ребенок» гораздо устойчивее и эмоционально насыщеннее, чем между остальными членами семьи, ее существенная модификация сопровождается взаимными переживаниями. Материнская любовь создает чувство безопасности и поднимает самооценку. На всех жизненных этапах доверительные отношения матери и дочери представляют безусловную жизненную ценность для обеих сторон. Принципиально важным оказывается момент, когда дочь сообщает о своем намерении выйти замуж. Реакция матери является некото-

рой производной от тех отношений, которые сложились у нее с дочерью, и во многом определяет дальнейшее конструирование социального взаимодействия родительской семьи с семьей молодой. Социальная реальность постоянно воспроизводится индивидами и интерпретируется ими. Мы поставили перед собой цель выяснить, какова реакция матери на известие о том, что ее дочь собирается выйти замуж. С этой целью нами были опрошены женщины, состоящие в браке. Возраст респонденток, участвовавших в опросе, был от 18 до 32 лет. Мы опросили 46 человек. Методом сбора социологической информации было неформализованное интервью. Бланк интервью содержал только один вопрос: «Какова была реакция Вашей матери на известие о том, что Вы выходите замуж?» Мы преднамеренно не формализовывали инструментарий, чтобы респонденты не были ограничены в свободе изложения собственной жизненной истории. Полученные ответы можно объединить в три смысловые группы.

Однозначно выделяется негативное отношение к предстоящему браку дочери, информация воспринимается как стрессовая. Во вторую группу входят мнения с неопределенностью позиции как следствие растерянности, пережитого шока. В третью группу объединены позитивные реакции на известие о предстоящем замужестве дочери.

Матери занимают крайне негативную позицию, если дочь намерена вступать в брак с представителем другой национальности и вероисповедания. Они отказываются принимать участие в подготовке к свадьбе и даже присутствовать на ней.

Татьяна Д., 25 лет: *«Моя мать испугалась, когда я ей сказала, что собираюсь замуж за чеченца. Она меня отговаривала, объясняла, что он другой веры, что я буду жить в рабстве. Она не захотела знакомиться с ним, отказалась приехать на свадьбу. Только через год они встретились. Вплоть до моего развода она избегала контактов с ним. Сейчас, каждый раз вспоминая мой неудачный первый брак, она радуется, что у меня нет от него детей».*

Настороженность вызывает и тот факт, что жених оказывается выходцем из другого региона, «не местный». Они подозревают мужчину в неискренности чувств, в том, что он ищет выгодный для себя вариант брака, поскольку женитьба одновременно решает массу проблем – проживания, регистрации, трудоустройства, бытовой устроенности.

Марина Д., 22-х лет: *«Когда моя мама узнала, что мой жених из Крыма, она сильно возмущалась. Кричала, что “все в Москву лезут, а ты, как дура, уши развесила. Любит, любит! Он в Москве хочет жить, в моей квартире!” Самое интересное, что она сама из Крыма.*

С отцом познакомилась, когда он на юге отдыхал, замуж за него вышла, в Москву переехала. Теперь считает себя коренной москвичкой. Я на студенческих каникулах у бабушки отдыхала, там и мужа своего встретила. У нас уже и сынишке 2 года, а мать все не унимается. Разводись с ним, пусть уезжает, откуда приехал. Сами воспитаем, без него!»

Матери, как правило, не одобряют выбор дочерей, если родительская семья претендента на руку и сердце их дочери имеет более низкий социальный статус или ее члены склонны к употреблению алкоголя. Наличие жизненного опыта позволяет рассматривать подобное сочетание как угрозу стабильности семейным отношениям в молодой семье.

Цитата из интервью Екатерины Ф., 27 лет: *«Я выходила замуж в 18 лет. Моей маме на тот момент было 45 лет, и она жила в абсолютно счастливом гармоничном браке. К моему жениху она отнеслась достаточно прохладно. Считала, что он не подходит мне. Его родители злоупотребляли алкоголем, и моя мама говорила, что человек, выросший в такой семье, скорее всего, тоже будет пить. Забегая вперед, скажу, что мама была абсолютно права, но на тот момент юношеский максимализм, безумная любовь не дали мне согласиться с ней. Я не хотела признавать очевидных вещей. Он выпивал, когда мы встречались, но я была уверена, что заставлю его прекратить пить. Мама сказала, что не будет меня отговаривать, пройдет время, и я все пойму сама. Она стала помогать нам готовиться к свадьбе и больше ни одним словом не обмолвилась о том, как ей не нравился наш союз. Далее она взяла на себя опеку над нашей семьей, приносила продукты, помогала делать ремонт, покупала подарки мне, моему мужу. Мы жили с родителями моего мужа, и они, кстати, никакой помощи и поддержки нам не оказывали. Вскоре с ними возник конфликт, и мои родители сняли для нас квартиру. Мама продолжала заботиться о нас. Уже после моего развода мама сказала: “Бесполезно было отговаривать тебя от этого брака на тот момент. Мы могли бы поругаться с тобой. Зато сейчас ты все поняла сама”».*

Отсутствие информации о самом женихе, о его семье делает мать подозрительной, заставляет ее волноваться и переживать. Она стремится заполнить образовавшийся информационный вакуум, расспрашивая дочь, ее близких подруг, жениха. Мать хочет быть уверена, что будущий зять готов зарабатывать, заботиться, защищать от жизненных невзгод ее дочь. Дочь должна быть счастлива с ним.

Ольга Ю., 26 лет: *«Когда я решила выйти замуж, мне было 23 года. Во время первого знакомства с моим женихом мама волновалась, но пыталась свое волнение скрыть. Она демонстрировала*

гостеприимство и даже улыбалась. Но после этой встречи начались разговоры о том, что он не подходит мне даже внешне, толстоват, грубоват. Неизвестно, какое у него образование, он воспитывался одной матерью, и она его избаловала. Но после нескольких встреч ее реакция на него улучшилась. Сказались и мои беседы с ней о том, какой он хороший, добрый, заботливый, что именно такой человек мне нужен. Мама приняла его в семью, мы счастливо живем все вместе».

Но если мать уверена, что для брака выбран подходящий партнер, она успокаивается, принимает зятя и соглашается на брак. Хотя еще одним серьезным препятствием является убежденность матери в том, что она вправе распоряжаться судьбой дочери по своему усмотрению, поскольку потратила много жизненных сил, чтобы ее вырастить.

Надежда К., 23 года: *«Мне очень хотелось вырваться из-под опеки матери, я тайно встречалась со своим будущим мужем, потому что точно знала, что она будет против любого мужчины, который возникнет в моей жизни. За две недели до регистрации брака я сказала об этом событии матери. У нас не было свадьбы. Мы приехали вдвоем в ЗАГС, расписались и уехали на отдых. Почему я так поступила? Она считала меня своей собственностью. Говорила, что воспитала меня и сестру одна, что ночей не спала, во всем себе отказывала, лишь бы нам было хорошо. Не устроила свою личную жизнь, хотя могла бы. Ее даже замуж звали, но она не согласилась, боялась, что мужчина не одобрит ее фанатической любви и заботы о детях. Она была уверена, что я без нее не проживу, буду бегать к ней по любому поводу, что в доме будет грязь непролазная и беспорядок. Она потом специально, не предупредив, приезжала ко мне, но видела совершенно другую картину. Чистота и порядок в доме, приготовленный обед. Я днем работала, а вечером училась. Еще и помогала младшей сестре, денег давала».*

Отрицательная реакция на замужество дочери может быть обусловлена страхом одиночества и потерей смысла жизни, если не нужно больше ежедневно исполнять роль заботливой матери. Рассматривает замужество дочери как невосполнимую потерю.

Елена Д., 28 лет рассказывает: *«Мы с мамой всегда были очень близки. Она воспитывала меня одна и всегда сильно опекала. Мы даже работали в одной строительной организации. Получалось так, что и дома вместе, и на работе вместе, и по дороге на работу и с работы вместе. Она постоянно была в курсе всех событий в моей жизни. Я познакомилась с парнем, он военный, офицер и служил в Оренбурге. Сделал мне предложение, и я согласилась переехать жить к нему. За два дня до моего отъезда мама напилась каких-то таблеток, хорошо, что я поняла, что что-то не так и ско-*

рую вызвала. С трудом откачали. Потом она в больнице лежала. Говорила, что жизнь без меня не имеет для нее смысла. Я ужас как боялась, что она опять попытается покончить с собой. Мой жених понял все, как-то свой перевод в Москву устроил, то ли за деньги, то ли родители его поучаствовали, но теперь мы вместе с мамой в Москве живем. Отношения у нее с зятем нормальные».

Т.И. Пухова указывает на эгоизм матерей, который проявляется в нежелании принимать новые жизненные реалии. Мать стремится любыми способами не допустить замужества дочери, требует полной принадлежности себе, а психологически буквально поглощает собственного ребенка, вынуждает испытывать чувство вины и просить прощения¹.

Многие респондентки указывали на то, что первой реакцией на предстоящее замужество была фраза: «Как же я буду жить без тебя?» Некоторые пытаются убедить дочь, что «нам так хорошо вместе, зачем он тебе? Ты меня предаешь! Ты меня не любишь! Ты не ценишь моей заботы о тебе! Не смей уходить! Ты должна заботиться обо мне. Я больная».

Наталья К., 24 года, рассказала, что ей очень трудно было переносить постоянные упреки в свой адрес и слезы матери. «Однажды вечером, когда мама пришла с работы, я позвала ее ужинать, а потом мы пили чай. Я ей сказала, что никогда ее не брошу, что очень ее люблю, что все будет хорошо, что буду часто к ней приходить, помогать в чем-нибудь, если надо, что всегда ценила и ценю ее заботу обо мне. Мои слова ее успокоили, а на свадьбе она всем гостям сказала, что теперь о ней будет заботиться не только дочь, но и зять, которого она считает своим сыном».

Мать прогнозирует неблагоприятное развитие событий, если ее жизненный сценарий содержал отрицательный опыт. Она абсолютно не сомневается в собственной правоте: «Твой отец был пьяница и идиот, он нас бросил. Все мужики такие»; «Всех жен мужья бьют по пьянке или с похмелья. Это и твоя участь. Наплачешься еще замужем»; «Бросит он тебя с ребеночком. Одна останешься», «Я выходила замуж за нищего и всю жизнь мучилась!». Опасения, что дочь повторит ошибки матери, заставляют мать предпринимать неоднократные попытки убедить дочь не делать того или этого. Естественно, что она очень хочет предостеречь дочь от тех ошибок, которые совершила сама. Но только очень немногие матери признают право дочери самостоятельно распоряжаться судьбой и принимать окончательное решение.

Вера С., 31 год, объяснила позицию невмешательства, которую заняла ее мать, когда узнала о намерениях дочери выйти замуж. Ее мать сказала буквально следующее: «Когда я выходила замуж, меня

никто не отговаривал, не запрещал, не мешал. Зачем же я буду брать грех на душу и мешать счастью ребенка своего. А вдруг это судьба? Ты потом меня всю жизнь попрекать будешь».

Вместе с тем в другой жизненной ситуации мать с пониманием отнеслась к решению дочери выйти замуж за курсанта военного училища, поскольку когда-то точно также поступила сама. Уехала из Москвы вместе с молодым мужем к месту его службы, была бесконечно счастлива и ни разу не пожалела о совершенном поступке. Ее сложившаяся личная жизнь была примером для дочери. Участницы опроса, которые выходили замуж в 18–20 лет, вспоминали, что одним из аргументов матери было опасение, что дочь не получит образования, не сможет зарабатывать себе на жизнь и будет в полной зависимости от мужчины. Они считали, что такое раннее замужество лишает их возможности добиться чего-то в жизни. Оправданное волнение вызывает и непродолжительное знакомство до брака. Легкомысленное отношение к браку проявляется именно в поспешности принятия решения. У большинства за всем происходящим отцы наблюдали со стороны, старались не вмешиваться, не давать оценок, не принимать решения. Матери уговаривали дочерей отложить замужество, если их избранник не мог обеспечивать семью, если не имел высшего образования, и навязывали дочери некий виртуальный идеальный вариант замужества: мужчина с образованием, собственным жильем, солидным доходом.

Светлана К., 22 года: *«Мама всегда говорила мне, что я могу встречаться с любым понравившимся мне молодым человеком, но выходить замуж я должна только за человека образованного, состоятельного, с профессией, квартирой, что я достойна только такого мужчины и буду за ним, как за каменной стеной».*

Уровень притязаний матери может быть достаточно высок, и ее социальное самочувствие напрямую зависит именно от того, насколько реально складывающаяся ситуация на брачном рынке оказывается благоприятной именно для ее дочери. Наше исследование показало, что максимально положительной оказывается реакция на предстоящее замужество, если брак спровоцирован беременностью дочери, если ее возраст приближается к 30 годам. В такой ситуации замужество дочери рассматривается как желательное, даже обязательное. Мать испытывает облегчение, радость. Если семья малоимущая или многодетная, то выход дочери замуж способен облегчить давление на семейный бюджет. Родительская семья снимает с себя ответственность за дочь, перекладывая ответственность на плечи мужчины. Мать может инициировать замужество дочери, если стремится ускорить ее отделение от родительской семьи.

Ксения, 25 лет: *«Моя мама повторно вышла замуж, но ее новый муж жил в Электростали, а мы – в Малаховке. Она была вынуждена жить на два дома, два дня со мной, два дня – с ним. Почти все мои кавалеры маме нравились. Однажды она сама пыталась устроить мою судьбу через службу знакомств. Молодой человек, с которым я встретилась у театра, был ужасен. Рядом с ним я чувствовала себя неловко. Мне было стыдно. Я до сих пор не могу забыть этот эпизод из своей жизни. В 20 лет я познакомилась с молодым мужчиной 25 лет, высокий, красивый, с образованием, престижной работой, высокой зарплатой. Мама одобрила мой выбор. Правда, сначала в течение двух лет мы не регистрировали наших отношений, только потом».*

Если мужчина одной национальности, одной веры с дочерью, внешне привлекательный, проявляет заботу, демонстрирует любовь и доброту, имеет образование, красиво ухаживает, то матери намного легче решиться дать согласие на бракосочетание. Одна из опрошенных нами женщин, сказала, что, когда мать узнала о намерении зятя венчаться в церкви, она была бесконечно счастлива, поскольку сама человек верующий и восприняла подобную инициативу как свидетельство серьезности намерений. Хотя справедливости ради следует признать, что дочь может категорически настаивать на своем решении выйти замуж именно за этого человека, отказываясь изменить свое решение под давлением матери. Если освобождение от психологического давления матери не происходит путем переговоров и взаимных уступок, то достигается через проявление агрессивного, протестного поведения. Факт осознания деструктивности материнских поступков может впоследствии привести к разрыву отношений с родительской семьей. От разрыва родственных связей страдают представители всех поколений, но чем дольше сохраняется напряженность в отношениях, тем сложнее их восстанавливать.

Мария О., 32 года: *«Моя мать была категорически против моего замужества. Я зарабатывала очень неплохие деньги и отдавала зарплату матери. Она распоряжалась ею по своему усмотрению. Когда я собралась замуж, мне было 22 года, она даже не захотела познакомиться с моим женихом. Сказала, как отрезала: “Он твоим мужем никогда не будет. Я не позволю тебе выходить замуж за студента. Ему еще три года учиться!” Как будто он в тюрьме сидел, два года отсидел, а три осталось. Договориться было совершенно невозможно. Главный аргумент, что нам негде жить, что он из другого города. Я должна была настаивать на своем решении: “Я выбираю не тебе зятя, а себе мужа. А тебе, что достанется. Если он тебе не нравится, так это твои проблемы, а не мои. Это твое пра-*

во на эмоции. Ты можешь запрещать мне встречаться с ним, а я все равно буду. Ты не хочешь видеть его в нашей семье, а я хочу создать свою собственную семью именно с ним». Мы сняли частную квартиру, поженились. О свадьбе никому не сказали. Я бесконечно счастливая женщина, потому что мы вместе».

О существовании жилищной проблемы у молодой семьи говорили многие из опрошенных нами. Только единицы указывали на то, что им было, где жить, отдельно от других родственников. Другие как-то пытались выходить из создавшейся ситуации.

Дарья, 19 лет: *«Вопрос о совместном проживании не стоял вообще. Муж был старше меня на 5 лет и привык жить один. Мама моя женщина молодая, яркая, энергичная, не представляла себе проживания вместе ни при каких обстоятельствах. “Лучше я буду снимать вам квартиру, но жить под одной крышей мы не будем никогда, лучше в гости приходите!”».*

Многие из матерей опрошенных нами женщин настаивали на том, чтобы обязательно сыграть пышную свадьбу. Они объясняли свое желание тем, что так положено, принято, заведено. Активно включались в процесс подготовки застолья, расходовали значительные денежные суммы и были абсолютно уверены, что поступать по-другому – неприлично. Свадьба, хотя она и связана с массой переживаний, символизировала окончание выполнения материнской миссии и являлась подтверждением того, что дочь выросла. Она обозначала начало новых отношений, когда дочь приобретает новый статус жены и учится по-новому, как взрослая женщина, взаимодействовать с матерью. Мать отпускает ее от себя, принимает, как факт, что дочь выросла. Происходит облегчение груза социальной ответственности за ребенка, за его поведение, за социальную успешность. Протестное поведение, которое демонстрировали некоторые матери как реакцию на известие о предстоящем замужестве дочери, можно объяснить растерянностью, моральной неподготовленностью к подобной информации. Помимо всего прочего, мать вынуждена осознать свой возраст и признать возможность появления внуков. Но признать себя бабушкой – значит добавить себе лет. Для кого-то это может быть настоящим шоком, поэтому не случайно некоторые бабушки, хотя и заботятся о внуках, тем не менее настаивают, чтобы малыши называли их исключительно по имени, но не использовали общепринятое, подчеркивающее возраст обращение.

Исследуя процессы, протекающие в семье, социологи и психологи пришли к выводу, что если внешние обстоятельства жизни меняются – к лучшему или к худшему – мы должны к ним адаптироваться. Это требует времени и сил. Еще в середине 60-х годов XX в.

была опубликована таблица, в которой оценили остроту стресса в баллах в зависимости от события, которое имело место в семье².

Максимальным количеством в 100 баллов оценивалась смерть одного из супругов, в 73 балла – развод. Женитьба, замужество оценивались в 50 баллов, беременность – в 40, пополнение семьи в 39, если сын или дочь покидают семью – в 29, изменения условий жизни – в 25.

Чем больше баллов члены семьи набирают за какой-то ограниченный промежуток времени, тем больше вероятность лишиться социального равновесия под влиянием стресса. Чтобы справиться с переменами, необходимо принять их как факт, с кем-то из близких людей обсудить ситуацию, услышать одобрение своих действий и подсказку, каким образом можно выйти из создавшегося положения, обрести эмоциональную поддержку.

На сегодняшний день преобладают семьи малолетние – с одним или двумя детьми. Это означает, что роль матери уже не охватывает большую часть жизни женщины. Мать отдаляет от дочери замужество последней. Взрослая замужняя дочь и мать обучаются взаимодействию в новой для каждой ситуации.

Примечания

- ¹ *Пухова Т.И.* Повторение пути, пройденного матерью // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. Декабрь.
- ² *Скиннер Р., Клинз Дж.* Семья и как в ней уцелеть. М., 1995. С. 58–59.

Е.А. Колосова

ПРАКТИКИ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ КАК ФАКТОРЫ РАННЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ

Роль семьи в формировании отношения к книге, чтению чрезвычайно велика. Если чтение входит в образ жизни взрослых членов семьи, ребенок это улавливает и впитывает. Впечатления, полученные в собственной семье, остаются неким масштабом для сравнения, для оценки на всю жизнь и реализуются уже в собственной семье. Состав домашней библиотеки, отражающей вкус, род профессиональных занятий и любительских интересов иногда нескольких поколений, во многом определяет не только отношение к книге, но и круг чтения ребенка и подростка, таким образом влияя на социализацию и качественное формирование личности ребенка.

Ключевые слова: детское чтение, семейное чтение, социализация.

Сегодня детское чтение остается все еще чрезвычайно важным феноменом, который определяет уровень культуры будущего общества. Исследователями признается наличие так называемого «слабого читателя»¹, который обладает рядом вполне конкретных характеристик. У этого человека, как правило, нет времени для чтения. Он читает от случая к случаю и не тратит на это много времени, считая это занятие нецелесообразным. В чтении такие читатели обычно ищут «полезную» информацию, т. е. информацию, носящую практический характер. Кроме того, в окружении этого человека чаще всего мало читают и редко говорят о книгах. Школьное литературное образование, полученное в детстве и брошенное на малоподготовленную почву, вызывает скорее отторжение от литературы – во многом благодаря принудительному характеру обучения – и также не способствует развитию интереса к чтению и навыка самообразования.

© Колосова Е.А., 2010

Исследователи «слабого чтения» полагают, что причины развития такого явления лежат в раннем детстве и проистекают не только из школьного, но из дошкольного периода развития личности ребенка. И огромную, решающую роль здесь играет семья, ее социокультурная среда и читательская культура родителей.

Современные дети, да и все общество в целом, живет в период революционного изменения образа жизни, который обусловлен меняющимся информационным пространством. Особенно ярко эта ситуация проявляется в крупных городах, где дети часто имеют много возможностей для выбора того или иного вида медиа. Все больше детей живет в крайне насыщенной информационной и материальной среде, очень рано попадая в ситуацию выбора².

Развивающаяся социокультурная медиасреда существенно влияет на досуговые предпочтения ребенка, его ориентацию в выборе вида медиа. Изменились отношение подростков к информации в целом, в том числе и к книге, их коммуникативные привычки и поведение. Резко возросла потребность школьников в получении ими разнообразной информации и литературы для учебы (как результат продолжающейся реформы образования).

Меняется отношение детей и подростков не только к информации в целом, но и к книге: изменились характер чтения и многие его характеристики. Влияние «экранной культуры» на чтение осуществляется разнопланово. Чтение становится более функциональным (инструментальным): книга может читаться для выполнения школьного задания или для отдыха.

Поскольку процесс социализации реализуется через систему определенных социальных институтов, призванных корректировать формирование социальных качеств личности в соответствии с общественно значимыми ценностями, в том числе семьи, школы, библиотеки, то читательская социализация будет развиваться по аналогичной схеме.

Современные родители единодушны, признавая благотворное влияние раннего чтения на развитие детей и отмечая, что как следствие у них проявляется интерес к самостоятельному чтению, развивается память, ассоциативное мышление, усидчивость, аккуратность, внимание и т. д. По мнению родителей, ранее чтение детям способствует развитию любознательности, расширению кругозора, развитию умения правильно излагать свои мысли, в конечном итоге такие дети, чтение для которых осуществлялось в самом раннем возрасте (от 2-х месяцев до года), вырастут грамотными и эрудированными³.

Мотивы привлечения детей к чтению в значительной степени определяются тем, как родители понимают смысл и значение чтения вообще и детского чтения в частности.

Детское чтение, с точки зрения родителей, это главным образом интеллектуально развивающее занятие. На втором месте стоит прагматический подход к чтению как способу формирования интеллектуальных способностей, умений и навыков. Чтение как занятие, обогащающее духовный мир, помогающее научиться переживать и сопереживать, понимать другого человека и себя самого осознается родителями в значительно меньшей степени⁴.

Таким образом, становится очевидным, что детское чтение рассматривается родителями в первую очередь как деятельность интеллектуально развивающая, как процесс передачи знаний, информации, во вторую – как способ формирования интеллектуальных способностей, учебных умений и навыков. При этом значительно меньше осознается родителями чтение как занятие, обогащающее духовный мир, помогающее научиться понимать мир человеческих отношений, других людей и самого себя, различать добро и зло. И совсем не представлено в ответах отношение к чтению как эстетической деятельности, литературному произведению как произведению искусства.

В первую очередь следует отметить, что в качестве основных источников информации по воспитанию детей у современных мам выступают специальная литература (книги – 72%) и Интернет (84%). То есть сами родители в первую очередь обращаются к печатному слову (в обычной книге или в ее электронном варианте) в процессе воспитания собственных детей. При этом использование Интернета можно трактовать по-разному – это и чтение статей, и общение на форумах, тогда как собственно советами сверстниц, родителей и других специалистов, по ответам самих респондентов, пользуется в среднем половина опрошенных мам. В связи с распространением Всемирной паутины межличностное общение уходит на второй план, и родители черпают информацию в виртуальных сообществах. И на последнем месте специальные теле-, радиопрограммы, а также специальные газеты и журналы⁵. Вероятно, сегодня и эти типы информации доступны в Сети, поэтому обращение к ним не выделяется в отдельный ответ респондентами.

Родители, заинтересованные в привлечении детей к чтению, – а это преимущественно женщины 26–45 лет, имеющие высшее и среднее специальное образование, любящие читать⁶, – приводят детей в библиотеку (75%), хотят, чтобы ребенок любил читать (98%). Из них 45% сами постоянно читают. Читают главным образом классику, газеты и журналы, детективы, поэзию, современную прозу, женские романы⁷.

Интересны были взгляды родителей на семейное чтение. Семейное чтение представляется большинству родителей так: «когда

все члены семьи заняты чтением»; но «книги для каждого члена семьи отдельно»; «обсуждение прочитанного всей семьей или ее частью». На практике в современных семьях совместному обсуждению книг уделяется мало внимания. Это происходит лишь в 25% семей и в 13,5% семей их друзей и знакомых⁸. Этим еще раз подтверждается, что книга не является сейчас даже темой разговора в семье, между родителями и детьми, как это было раньше.

Серьезной проблемой является возможность проследить преемственность от родителей к детям читательских предпочтений. Как соотносятся (и соотносятся ли вообще) книги, которые любили родители в своем детстве, и любимые книги их детей; пожелания родителей, какие книги необходимо прочитать ребенку, их собственные любимые детские книги и литературные предпочтения самих детей, то есть влияют ли литературные предпочтения, представления и пожелания родителей на реальные читательские предпочтения детей.

Наиболее показателен в связи с этим будет портрет современного читающего родителя и его отношение к чтению в целом. Prestиж чтения среди родителей современных детей, посещающих библиотеки, по-прежнему достаточно высок, и они считают неприличным демонстрировать равнодушие к чтению, особенно находясь в стенах библиотеки.

Семейное чтение как один из видов реализации досуговой функции не только способствует повышению культурного уровня, но и улучшению взаимоотношений в семье. Среди тех, кому читали в семье постоянно, нравится читать более 80% детей, а среди тех, кому никогда не читали, нравится читать 60% детей. Среди тех, кому «никогда не читали», читают потому, что заставляют 21%, ненавидят читать – 15%. При этом среди тех, кому родители читали, нет ни одного, кто отметил бы позицию – «ненавижу читать, скучное занятие»⁹. Таким образом, существует преемственность чтения в семье от поколения к поколению. Но в семьях, где не читают, вполне может сформироваться читающая личность, а значит, формирование и социализация будут протекать в том же русле, что и в семье, где чтение признается культурной практикой.

Ценность детского чтения осознается большинством взрослых, поскольку они являются представителями культуры, воспитанной на печатной литературе. Родители как могут пытаются следить за чтением своих детей, но при этом мир современной детской книги им знаком слабо, поскольку в своих рекомендациях они остаются весьма консервативными. Таким образом, представления родителей о значении и роли детского чтения находят свое отражение в их взглядах на то, какого рода литературу должны читать дети,

и в меньшей степени влияют на конкретные списки «обязательных» книг и практически не влияют на собственные литературные предпочтения детей.

Но мало изучить чтение самих родителей и младших школьников, чтобы понять, как чтение влияет на развитие ребенка, его социализацию и формирование полноценного члена общества. Стоит обратить внимание на такое явление, как чтение для самых маленьких. В этой ситуации тоже существует немало проблемных моментов. Современные мамы, занимающиеся воспитанием детей дошкольного возраста, в первую очередь обращаются к жанру детских стихов (80%), во вторую – к детским сказкам (68%)¹⁰. Эти два жанра литературы наиболее подходят для самых маленьких в силу того, что зарифмованные тексты легче усваиваются и запоминаются малышами, и способствуют тренировке памяти в столь юном возрасте. Они также помогают изучению окружающего мира по картинкам, которыми изобилуют сказки для малышей, и с этим согласны 82% мам.

Особое внимание стоит уделить оформлению книг для самых маленьких и отношению родителей к этим видам литературы. Прочные книги из толстого картона, на пластике есть в домашней библиотеке большинства современных российских детей (94%)¹¹. Родители говорят не только о преимуществах, но и о недостатках такого типа литературы. Положительными качествами этих книжек родители называют долговечность, наличие ярких рисунков, возможность использования книг из пластика в ванной, безопасность для ребенка. Недостатками такого вида книг признается, наряду с тем, что в прочную книгу входит меньше содержательного текста, ее дороговизна, тяжесть и нетранспортабельность, а также невозможность приучить ребенка к аккуратному обращению с книгой.

Следовательно, можно сказать, что данный тип книг далеко не полностью соответствует требованиям родителей, которые выбирают их для своих детей, хотя наряду с видимыми преимуществами данного типа книг перед обычными существует немало недостатков и недоработок. Например, удобство / неудобство листать в равной степени считается и недостатком, и преимуществом. Такие книги, так же как и содержательная литература, должны проходить глубокую, всестороннюю экспертизу, так как ими будет пользоваться категория самых маленьких читателей.

При выборе книг современные родители руководствуются в первую очередь книгами из «бабушкиной» библиотеки, которые они сами читали в своем детстве. То есть несмотря на засилье в книжных магазинах модной и дорогой современной литературы,

родители не перестали доверять книгам, на которых сами выросли, а как раз из-за слишком широкого выбора предпочитают обращаться к уже известным авторам и произведениям, проверенным, так сказать, на себе.

Возможности для создания семейных библиотек кардинально изменились: издается много названий, типов и видов книжной продукции, функционируют книжные интернет-магазины, действует развитая система заказов по каталогам, прайс-листам и т. п. Но, с другой стороны, книги очень дороги, тиражи резко сократились, исчезла сеть книжных магазинов, особенно в сельской местности. А главное, информация о книгах, готовящихся к печати, выпущенных, имеющихся в продаже малодоступна для большинства населения¹².

Современные родители в целом хорошо знакомы с читательскими предпочтениями своих детей: больше половины могут назвать конкретные журналы, меньше – книги. При этом родители не знают современную литературу для детей и юношества, лишены информации о ней, ориентируются на проверенную временем классику. К сожалению, семья и библиотека оказывают незначительное влияние на формирование читательских интересов. Источниками информации о книгах, по ответам детей, выступают лишь 26% взрослых¹³.

Домашние книжные собрания продолжают оставаться одним из основных источников получения книг для чтения подрастающего поколения. Ядро этих собраний составляют, как правило, приобретения бабушек и дедушек. Это классика отечественной и зарубежной художественной литературы (доступная в советское время), советские книги для детей, немногочисленные тогда энциклопедические, справочные и прикладного характера издания. В свое время они отвечали последним достижениям науки и техники, готовились очень основательно, но сейчас требуют критического подхода и обязательно дополнительного использования современной информации по тому или иному вопросу.

Мы обратились к школьным учебникам и детским развивающим энциклопедиям с целью выявить особенности детского чтения как фактора ранней социализации современных младших школьников. Автором исследования была предпринята попытка выявления процессов и механизмов социализации детей посредством чтения, к которым в итоге были отнесены образование, самообразование и воспитание.

Сочетание количественного пересчета и качественного, смыслового и содержательного анализов позволяет сделать вывод о наличии в текстах энциклопедий для мальчиков или девочек клише,

соответствующих гендерным стереотипам распределения ролей в семье и ожиданий от детей разного пола. При этом, обращаясь к развивающей литературе, ребенок не только выясняет то, что его действительно интересовало, но и получает установки сегрегации социальных сфер и доминирования, как правило, мужского пространства. Эту функцию развивающей литературы стоит обозначить как латентную, поскольку очевидно, что авторы данных пособий не ставили данную цель перед собой намеренно¹⁴.

Таким образом, развивающая литература в большинстве случаев выступает внешним консервативным социальным фактором, усиливающим и поощряющим стереотипные модели поведения в обществе. Некоторые такие языковые схемы снабжают ребенка программами их повседневной жизни «здесь и сейчас», так же как в случае с детскими учебниками, другие предназначены для более поздних биографических ступеней, в частности для выбора будущей профессии.

В свою очередь стереотипы, обнаруженные в учебниках, доказали, что распространено явление профессиональной сегрегации как воплощение в реальной жизни действия гендерных стереотипов. Профессиональная сегрегация – это асимметричное размещение мужчин и женщин в профессиональной структуре, где мужчинам отдается предпочтение. В настоящее время – хотя эти стереотипы все еще устойчивы – под влиянием некоторых факторов наметилась тенденция к их ослаблению¹⁵.

Итак, несмотря на то что в современном мире гендерные стереотипы начинают постепенно ослабевать и отходить на второй план, некоторые из них в литературе, которой пользуются младшие школьники, прослеживаются настолько четко и ясно, что не могут не влиять на детское сознание своих читателей, а соответственно на их предпочтения и жизненные позиции.

Но несмотря ни на что роль семьи в формировании отношения к книге, чтению чрезвычайно велика. Если чтение входит в образ жизни взрослых членов семьи, ребенок это улавливает и впитывает. Таким образом, при явной неоспоримости роли детских библиотек, учителей, воспитателей детского сада в начальном приобщении детей к чтению, первым и основным руководителем детского чтения является семья. Именно родители читают ребенку его первые книжки, выбирают и покупают их, формируя домашнюю библиотеку, позже советуют ребенку, какую книгу прочитать, взять в детской библиотеке. Именно родители продолжают оказывать наибольшее влияние на формирование круга чтения, читательских вкусов и предпочтений детей на ранних этапах читательского развития.

- 1 *Чудинова В.П.* Чтение детей как национальная ценность [Электронный ресурс] // Недетские проблемы детского чтения. Детское чтение в зеркале «библиотечной» социологии. [М., 2004]. URL: <http://www.rusreadorg.ru/issues/chudinova/1.htm> (дата обращения: 30.04.2009).
- 2 *Она же.* Чтение «компьютерных мальчиков»; результаты исследования [Электронный ресурс] // Там же.
- 3 Исследование «Воспитательные практики в современных российских семьях», проведено в рамках исследовательского проекта ГНИИ семьи и воспитания РАО «Среднесрочный прогноз развития воспитательной ситуации в России» (рук. проекта – д-р социол. наук, профессор РГГУ С.Н. Майорова-Щеглова), март–июнь 2008 г., метод – интернет-опрос, № 100.
- 4 *Малахова Н.Г.* Родители как руководители детского чтения [Электронный ресурс] // Психолог в детской библиотеке: Сборник. Вып. 4. Ребенок и чтение. [М., 2004]. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=146 (дата обращения: 27.04.2009).
- 5 Исследование «Воспитательные практики в современных российских семьях».
- 6 *Малахова Н.Г.* Родители как руководители детского чтения.
- 7 Там же.
- 8 Исследование «Дети и их чтение как духовный ресурс региональной культуры», Волгоградская детская библиотека, 2001–2003 гг., метод – опрос, № 59 // Дети и чтение на рубеже XXI века. Литературные пристрастия современных подростков. Волгоград: ВОДБ, 2001. С. 5–6.
- 9 *Икингрин Е.Н., Никулина Н.А., Пронина Е.И., Чудинова В.П.* Детское чтение в малых северных городах: реализация Национальной программы поддержки и развития чтения. Нижневартовск, 2008. С. 21–29.
- 10 Исследование «Воспитательные практики в современных российских семьях».
- 11 Там же.
- 12 *Голубева Е.И.* Поддержка семейного чтения – наша общая задача специалистов [Электронный ресурс] // Недетские проблемы детского чтения.
- 13 Исследование «Дети и их чтение как духовный ресурс региональной культуры».
- 14 *Колосова Е.А.* Чтение как фактор ранней социализации детей младшего школьного возраста. М., 2007.
- 15 Там же.

Abstracts

V.A. Belov

IDEOLOGY AND SOCIAL CHALLENGES OF THE MODERN NATIONAL POLICY

The article examines the critical view of post-modernist concept and neo-liberal approach to the formation of modern national policy in Russia. The author prefers Marxist analysis in the study of social processes in Russia and shows that the ethnic policy of great influence doctrine, which are generated by ideologues, theorists and leaders of national movement. Considering the role of the federal center and regions in shaping national policy, its effectiveness, social implications, the author concludes that the need for a model of state national policy.

Key words: ethnos, ethnicity, national politics, ideology, power.

A.A. Goloseyeva

CRITICISM OF POSITIVISM IN THE WORKS OF N.K. MIKHAYLOVSKY

The article is devoted to of estimation of scientific heritage of one of representatives of first Russian sociologists and founder of ethical-subjective school in Russian sociology – N.K. Mikhaylovsky.

The question of conceptual connection of Russian subjectivists with positivism is considered. The analysis of Mikhaylovsky's critic of the doctrine of G. Spencer and O. Kont is given. The conclusion is made that a number of program thesis's of subjective school, such as impossibility of objectivity in scientific research, necessity of ethical constituent in social sciences, were derived from critic of positivism. Russian ethical-subjective school incorporated anthropologism and humanitarian trend which always were indicative for Russian researchers and differed then from Western ones.

Key words: history of sociology, Russian ethical-subjective school, N.K. Mikhaylovsky.

V.I. Gorbacheva

MOTHER'S REACTION
ON MATRIMONIAL ASPIRATIONS
OF ADULT DAUGHTERS

Settings and values of family relationships connecting relations between parents and children are investigated in this article. On the basis of author's research, held by method of non-formalized interview, the author studies main trends in matrimonial relation of recent decades and identifies intergenerational contradictions and their causes.

Key words: family, marriage, family values, marital orientation.

E.A. Kitaitzeva

LEFT IDEOLOGY IN POLITICAL SYSTEM
OF MODERN RUSSIA

In modern political space political parties in struggle for authority trying to create various ideologies and in this way they can influence dramatically on the public consciousness. Regarding domination of the left ideology during the long period, left values such as "justice", "order" etc. are widely represented in the consciousness of citizens. Today, the social demand on social-oriented politics and the actualization of the social fair ideas is not completely formed in the ideological course. The social oriented ideas are mainly represented by "The Communist Party" and "A Just Russia". Generally, from the middle of 1990 we can see the better attitude of a society to the Soviet past. This process is mainly caused by the heavy consequences of reforms. Taking into consideration all the above the need for the updated left ideology which modern left parties trying to generate is growing. They don't offer the full return to the Soviet values, but more likely to Russian, before-soviet's values which will define the future of the Russian political consciousness together with forming modern once.

Key words: ideology, political parties, values, socialism.

E.A. Kolosova

PRACTICES OF FAMILY READING AS FACTORS
OF PRIMARY SOCIALIZATION MODERN
RUSSIAN CHILDREN

The role of the family in developing relationship with the book and reading is very significant. If reading concerns regular life of adult family members, child catches it and imbibes. Impressions got in parents'

family becomes a certain pattern to compare, to estimate for whole life and realize in own family. The composition of family library reproducing taste, professional and amateur interests sometimes of several generations, substantially determines not only relationship with the book but also preferences in reading of child or youngster, by these influences on the process of socialization and versatile development of child's personality.

Key words: children's reading, family reading, socialization.

O.N. Kozlova

MANIPULATION WITH CONSCIOUSNESS AND SUBJECT IN THE XXI CENTURY

This article is devoted to the phenomenon of manipulation of consciousness, which is increasingly being distributed and also significantly changed in the modern world. The author has attempted to investigate the influence of phenomena of manipulation of consciousness and manipulated (the manipulation of an) awareness for the organization (and probably disruption), social and cultural process as a whole, making a conclusion about the loss of subjectivity in the modern era.

Key words: manipulation, social consciousness, modernity, subjectivity, personality.

T.V. Latusheva

PHENOMENON OF THE GOTHIC SUBCULTURE: THE CONTENT, FEATURES AND PERCEPTIONS OF STUDENTS

The article examines the main stages, the direction and the origins of the gothic subculture based on subcultural approach. The author shows that this subculture is peculiar to the postmodern society, and highlights its specific features. Attention is drawn to features of the transformation of contemporary youth subcultures, which are connected with the rejection of extreme ideology, a tendency to escapism and the dilute subcultural boundaries that has changed their role in the socialization and identity. Author analyses the gothic subculture in Russia and the attitude of the society.

Key words: subculture, postmodern, gothic subculture, public opinion, image.

S.N. Maiorova-Sheglova

YOUNG GENERATION AND NEW TYPES
OF MASMEDIA COMMUNICATIONS:
MYTHS AND REALITY

In the article the author using her studies shows us that myths about the negative influence on youth are not true, she studied the real situation and potential opportunities for the development and the realization of teenagers, which may offer the modern masmedia. Author analyses structure of leisure of young people and role of masmedia there, typologies behavior of teenagers in the process of interaction with information sphere.

Key words: masmedia, informatization, leisure practices, youth, teenagers.

A.Y. Makarov

EUROPEAN EXPERIENCE OF SOCIAL
AND CULTURAL ADAPTATION
OF MIGRANTS' CHILDREN IN THE SPHERE
OF EDUCATION

Migration continues to be one of the most important social processes which take place on the European continent during several last decades. The author of the article, basing on the results of sociological investigations, educational programs and concepts, has made a deep analysis of social and cultural status, demographic characteristics and social positions of migrant's children within the educational system of several European countries – Great Britain, Germany, Holland, Italy, Austria, France, Portugal, Hungary, etc. The article presents the research of various models of migrants' integration which are applied in the system of education in these countries. The opportunities of application of their experience in Russian educational space are investigated.

Key words: migration, socio-cultural adaptation, the education system.

U.V. Muznikova

HALO EFFECT IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

This article is devoted to research in the stereotypes perceptions of the present-day reality in public consciousness. An interdisciplinary approach is undertaken to analysis articles on similar research area. We consider the causes of forming and destruction by halo effects, it's

occurrence in various aspects of human life and important role of positive and negative halo effect consequences for individuals, communities, social groups and society in general.

Key words: attribution, social consciousness, stereotype, Halo, Halo effect in politics.

I.V. Petryshin

THE WORLD ECONOMIC CRISIS AND CHARACTERISTICS OF IMMIGRATION IN RUSSIA

Objective of the article is to analyze the influence of world economic crisis on changing of immigration dynamic to Russia and to estimate annual migration gain of Russian Federation population up to 2015. In the near future world migration processes will be determined by economic crisis evolution. One of solutions of a question of “own material wealth” for economically active population of countries that meet with the biggest economic problems, would be working migration to the countries with more attractive economic conditions. In the immediate future Russia will stay the most convenient country for migration. Increase in the number of immigration and their high proficiency will afford to solve the demographic problem in Russia and will provide active economic growth.

Key words: World Economic Crisis, demographic crisis, unemployment, migration, migration gain, migration flows, repatriation.

E.I. Pototskaya

PHENOMENON OF CHAMELEON IN MODERN RUSSIA

A specific kind of political subjectivity designated – phenomenon of chameleon is under examination in this article. This phenomenon becomes apparent when an individual or a social group preserves the same position, while socio-economic and political system itself undergoes changes also of ideological character. The chameleon phenomenon presents a specific kind of adaptation that is based on chameleons’ particular reduced identity. Forms of the chameleon phenomenon are analyzed on the basis of topical material on modern history of Russia: its evolution and typology are deduced.

Key words: phenomenon chameleon, ideology, social adaptation, identity, social status.

N.V. Romanovski

**SOCIOLOGY AND HISTORY:
PROSPECTS OF INTERACTION**

The paper deals with the story of interactions between sociology and historical science. Development of historical sociology, historical turn and historization process are shown followed by definitions of respective terms and notions. Overall shifts in sociological science are demonstrated. In concluding part an aggregation of internal and outer factors is presented working for the sociology growth in past and present, as well as prospects for the future of sociology.

Key words: historical sociology, historicization of sociology, interdisciplinary interaction, new terminology, historical turn, methodological strategy, growth factors of sociology.

L.V. Semenova

**UTILITIES IN RUSSIA:
THE INTERACTION OF GOVERNMENT,
BUSINESS AND CIVIL SOCIETY**

The article deals with the problem of interaction of power and business in municipal sphere on the base of institutes of public-private / municipal-private partnership. Some models of such partnership in municipal sphere of the Russian Federation and examples from world experience are given. It is concluded that one of the reasons of slow development of partnership of the power and business in municipal sphere in Russia is low involvement of institutes of civil society into such processes. The author considers that effectiveness of public-private / municipal-private partnership directly depends on formation of institutes of civil society in Russia.

Key words: state, civil society, partnerships, utilities.

I.O. Shevchenko

**FATHERHOOD: ACTUAL PROBLEMS
OF SOCIOLOGICAL RESEARCHES**

The role of father and social practices of fatherhood in modern family are the central issues of this article. The author makes an attempt at outlining social aspects of present day fatherhood features in Russia. The main difficulties of after-divorce father and child relationships are viewed in a sociologist perspective. The author focuses on father's role in social upbringing of either a boy or a girl. The juridical aspects are

considered as well. The considerations are based on law enforcement practice and the results of the author's own research.

Key words: paternity, the social role of the father, the social practices of fatherhood.

A.A. Smirnov

SOCIAL PRESTIGE OF INTELLECTUALS
OF A GOVERNMENT-FINANCED ORGANIZATION
IN MODERN RUSSIA

This publication is based on the sociological research "Working poor with higher education: problems of social adaptation". The research examined various aspects of "budgetary intelligentsia" social well-being in contemporary Russia, including one of the key aspects, namely social prestige. This article contains excerpts from a series of depth interviews with representatives of this social group.

Key words: social well-being, social adaptation, social prestige, the intelligentsia.

A.O. Smirnova

SOCIAL LONELINESS:
NATURE, TYPES, CAUSES, WAYS
OF OVERCOMING

This article is devoted to the issue of social loneliness in the modern society. The author displays the essence of social loneliness and highlights its basic types. There is a detailed classification of the causes of the phenomenon of social loneliness in the modern society. This article includes a summary of the theoretical footing for social loneliness studies. Author emphasizes some ways to overcome social loneliness, with taking into account its specific character and the prevalence in modern Russian society.

Key words: social loneliness, integrative model of social loneliness, personality, stress, communication.

A.V. Strelnikova

SECONDARY DATA AS INFORMATION RESOURCE:
THE SPECIFICITY AND WORKING STAGE

The article deals with the advantages and disadvantages of the main sources of secondary data: official statistics, the results of previous researchers and documents (texts). It is concluded that the texts are the most promising source of data in terms of secondary analysis as well as the text provides a unique opportunity to repeated appeals to her. Also in the article describes the stages of preparation for the secondary analysis, are examples of strategies for working with secondary data.

Key words: sociological data, secondary data, researching, methodology of secondary analysis.

G.V. Tartugasheva

DEMAGOGY AS A FORM
OF DISORGANISATION
OF A SOCIOPOLITICAL LIFE

In the article modern approaches to definition “demagogy” are analyzed, the basic characteristics of the demagogy distinguishing it from related concepts are allocated, classification of demagogy of different sense is resulted, the demagogy’s role in disorganization processes in society, methods of protection against demagogy on an example of events in a modern history of Russia are considered.

In disorganization processes the demagogy is used as the tool of maintenance and destruction of a social order. If the demagogy of ruling groups is some necessary skeleton of a social order providing legitimacy of the existing power the demagogy of destruction of an old social order is directed on introduction to mass consciousness of new installations, on creation and maintenance of new social illusions.

Key words: demagogy, disorganization, types of demagogy, manipulation, social order.

Zh.T. Toshchenko

CENTAUR-PROBLEM AS THE EMBODIMENT
OF PARADOXICAL DEVELOPMENT
OF RUSSIAN SOCIETY

Centaur-problem was brought to light while researching paradox as a special phenomenon of social consciousness, behavior and social practice. Its researching permits us to study less known, debatable issues of

the nature of cognition and reformatory activities; reveal a number of specifics in the relation of knowledge to reality, conditions of its truthfulness and authenticity.

A centaur as a real creature did not exist – it was a product of people's thoughts and imagination. In other words it was the very human consciousness *combining the un-combinable*. More detailed analysis demonstrates that human exploration of the universe at all stages of development, gradually led to discovering the processes of a centaur-phenomena, centaur-processes, centaur-metaphors, centaur-ideas, centaur-image.

Key words: social consciousness, paradox, centaur-problem, cognition, behavior, contradiction.

N.M. Velikaya, B.P. Guseletov

SOCIAL-DEMOCRACY IN THE MODERN IDEOLOGICAL DISCOURSE

The article is devoted to the problem of socialist ideology transforming during last decades and factors evoking actualization of socialist ideology in the modern politics. Authors analyse processes of evaluating socialists norms and values in the context of globalization, activity of the most important actors of socialist movement, their programs and electoral results of last period. Conclusion about appearing opportunity for the socialists to become the leading actor fighting with the policy of globalism was made.

Key words: social-democracy, socialism, political parties and movements, ideology, globalization.

M.V. Velmakin

CROWD AS A TOOL OF OCHLOCRATIC ASPIRATIONS

The article reviews the crowd as a tool ochlokratia, as an instrument of political struggle and social reorganisations. The author analyzes the phenomenon, based on G. Lebona's theories about collective unconsciousness, which motivates and manages the crowd. The article presents the historical examples from different eras, different countries, including countries of the post-Soviet countries. The author sees the crowd as an important tool for the manipulation of mass consciousness, including remotely, using modern communication channels.

Key words: crowd, ochlokratia, manipulation of social consciousness, collective unconsciousness.

S.L. Verhovsky

THE FORMATION OF ORGANIZATIONAL CULTURE
IN SMALL AND LARGE BUSINESSES

The article attempts a comparative analysis of the problems of formation and development of a positive organizational culture in small and large business in contemporary Russia. On the basis of specific sociological research, the author examines the impact of various factors affecting the development of organizational culture, as well as major problems in the development of business in modern Russia, related to work motivation.

Key words: organizational culture, small business, big business, motivation, labor behavior, the factors motivating labor.

Сведения об авторах

Белов Вадим Анатольевич – науч. сотр. исторического факультета МГУ, тел.: 8-916-263-9917, e-mail: belov.vadim@gmail.com.

Великая Наталия Михайловна – д-р полит. наук, завкафедрой политической социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 250-66-21, e-mail: natalivelikaya@gmail.com.

Вельмакин Михаил Вадимович – преподаватель кафедры политической социологии РГГУ, тел.: 8-903-965-6985, e-mail: mvelmakin@yandex.ru.

Верховский Сергей Леонидович – соискатель кафедры социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева, тел.: 8-499-246-6219.

Голосеева Анна Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры политической социологии РГГУ, тел.: 8-925-824-9837, e-mail: goloseyeva@gmail.com.

Горбачева Валентина Ивановна – канд. социол. наук, доцент кафедры прикладной социологии РГГУ, тел.: 250-66-21, e-mail: v.gorbacheva@mail.ru.

Гуселетов Борис Павлович – канд. технич. наук, профессор кафедры Социально-торгового университета, тел.: 8-903-762-1853, e-mail: bguseletov@mail.ru.

Китайцева Елена Александровна – аспирант кафедры политической социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 8-903-285-0922, e-mail: lynxy@list.ru.

Козлова Оксана Николаевна – д-р социол. наук, профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 250-66-21.

Колосова Елена Андреевна – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, преподаватель кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, e-mail: the_shmiga@mail.ru.

- Майорова-Щеглова Светлана Николаевна* – д-р социол. наук, профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, e-mail: sheglova-s@yandex.ru.
- Латышева Татьяна Владимировна* – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, kps.rggu@gmail.com.
- Макаров Александр Яковлевич* – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 8-926-585-8667, e-mail: kleinboy@mail.ru.
- Мызникова Ульяна Владимировна* – выпускник РГГУ, слушатель бизнес-школы ИУЭП, тел. 8-915-211-04-45, e-mail: julianakampinsky@gmail.com.
- Петрушин Игорь Витальевич* – соискатель ученой степени кандидата наук, ЗАО «Астон консалтинг», менеджер проектов, тел.: 8-926-320-1107, e-mail: haos_helicopter@mail.ru.
- Потоцкая Екатерина Игоревна* – аспирант кафедры теории и истории социологии РГГУ, ассистент отдела качественных исследований ООО «Синовейт (РУ)», тел: 364-14-68 (моб.), 699-54-57 (дом.), e-mail: giglio_87@mail.ru.
- Романовский Николай Валентинович* – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 120-10-50.
- Семенова Любовь Юрьевна* – соискатель кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 8-903-247-8555, e-mail: lubovsemenova@mail.ru.
- Смирнов Арсений Александрович* – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 8-926-266-3450, e-mail: arseniy.smirnov@gmail.com.
- Смирнова Анастасия Олеговна* – аспирант кафедры теории и истории социологии РГГУ, тел.: 8-495-388-1214.
- Стрельникова Анна Владимировна* – канд. социол. наук, доцент кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 8-926-279-2869, e-mail: professional@post.ru.

Тартыгашева Галина Владимировна – старший преподаватель кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 8-914-987-4305, e-mail: tarty@yandex.ru.

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан, завкафедрой теории истории социологии, гл. редактор журнала «Социологические исследования», тел.: 250-66-21, e-mail: zhantosch@mtu-net.ru.

Шевченко Ирина Олеговна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, тел.: 8-916-237-3426, e-mail: sheviren@yandex.ru.

General data about the authors

Belov Vadim – researcher of historical faculty of Moscow State University, tel.: 8-916-263-99-17, e-mail: belov.vadim@gmail.com.

Goloseeva Anna – PhD (historical science), assistant-professor of department of political sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 8-925-824-98-37, e-mail: goloseyeva@gmail.com.

Gorbacheva Valentina – PhD (sociological science), assistant-professor of department of applied sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 250-66-21, e-mail: v.gorbacheva@mail.ru.

Guseletov Boris – PhD (technical science), professor of department of Social-trade University, tel.: 8-903-762-1853, e-mail: bguseletov@mail.ru.

Kitaitzeva Elena – postgraduate student of department of political sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 8-903-285-09-22, e-mail: lynxy@list.ru.

Kolosova Elena – postgraduate student of department of applied sociology, lecturer of department of theory and history of sociology, sociological faculty of Russian State University for the Humanities, e-mail: the_shmiga@mail.ru.

Kozlova Oksana – doctor of sociological sciences, professor of department of applied sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 250-66-21.

Latysheva Tatyana – postgraduate student of department of applied sociology, sociological faculty of Russian State University for the Humanities, kps.rggu@gmail.com.

Maiorova-Sheglova Svetlana – doctor of sociological sciences, professor of department of applied sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, e-mail: sheglova-s@yandex.ru.

- Makarov Aleksandr* – postgraduate student of department of applied sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 8-926-585-86-67, e-mail: kleinboy@mail.ru.
- Myznikova Uliana* – graduate of Russian State University for the Humanities, listener of business school of Institute of Management, Economy and Law, tel. 8-915-211-04-45, e-mail: julianakampinsky@gmail.com.
- Petrushin Igor* – applicant the degree of candidate of sciences, “Aston consulting”, manager of projects, tel.: 8-926-320-11-07, e-mail: haos_helicopter@mail.ru.
- Pototskaya Ekaterina* – postgraduate student of department of theory and history of sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, assistant of department of analytical researches “Sinoveit (RU)”, tel.: 364-14-68 (mob.), 699-54-57 (home), e-mail: giglio_87@mail.ru.
- Romanovskiy Nikolay* – doctor of historical sciences, professor of department of theory and history of sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 120-10-50.
- Semenova Lyubov* – competitor of department of applied sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 8-903-247-8555, e-mail: lubovsemenova@mail.ru.
- Shevchenko Irina* – PhD (historical science), assistant-professor of department of theory and history of sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 8-916-237-34-26, e-mail: sheviren@yandex.ru.
- Smirnov Arseniy* – postgraduate student of department of applied sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 8-926-266-34-50, e-mail: arseniy.smirnov@gmail.com.
- Smirnova Anastasiya* – postgraduate student of department of theory and history of sociology, sociological faculty of Russian State University for the Humanities, tel.: 8-495-388-12-14.
- Strelnikova Anna* – PhD (sociological science), docent of department of applied sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 8-926-279-28-69, e-mail: professional@post.ru.

Tartygasheva Galina – chief lecturer department of applied sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel. 8-914-987-43-05, e-mail: tarty@yandex.ru.

Toshchenko Zhan – corresponding member of RAS, dean, head of department of theory and history of sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, editor-in-chief of journal “Sociological Research”, tel.: 250-66-21, e-mail: zhantosch@mtu-net.ru.

Velikaya Nataliya – doctor of political sciences, head of department of political sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 250-66-21, e-mail: natalive-likaya@gmail.com.

Velmakin Michail – lecturer of department of political sociology, sociological faculty, Russian State University for the Humanities, tel.: 8-903-965-69-85, e-mail: mvelmakin@yandex.ru.

Verhovskiy Sergei – applicant of department of sociology, D. Mendeleyev University of Chemical Technology of Russia, tel.: 8-499-246-62-19.

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*
Корректор *Н.П. Гаврикова*
Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Подписано в печать 19.02.2010.
Формат 60×90 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 21,3. Усл. печ. л. 20,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 14

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru